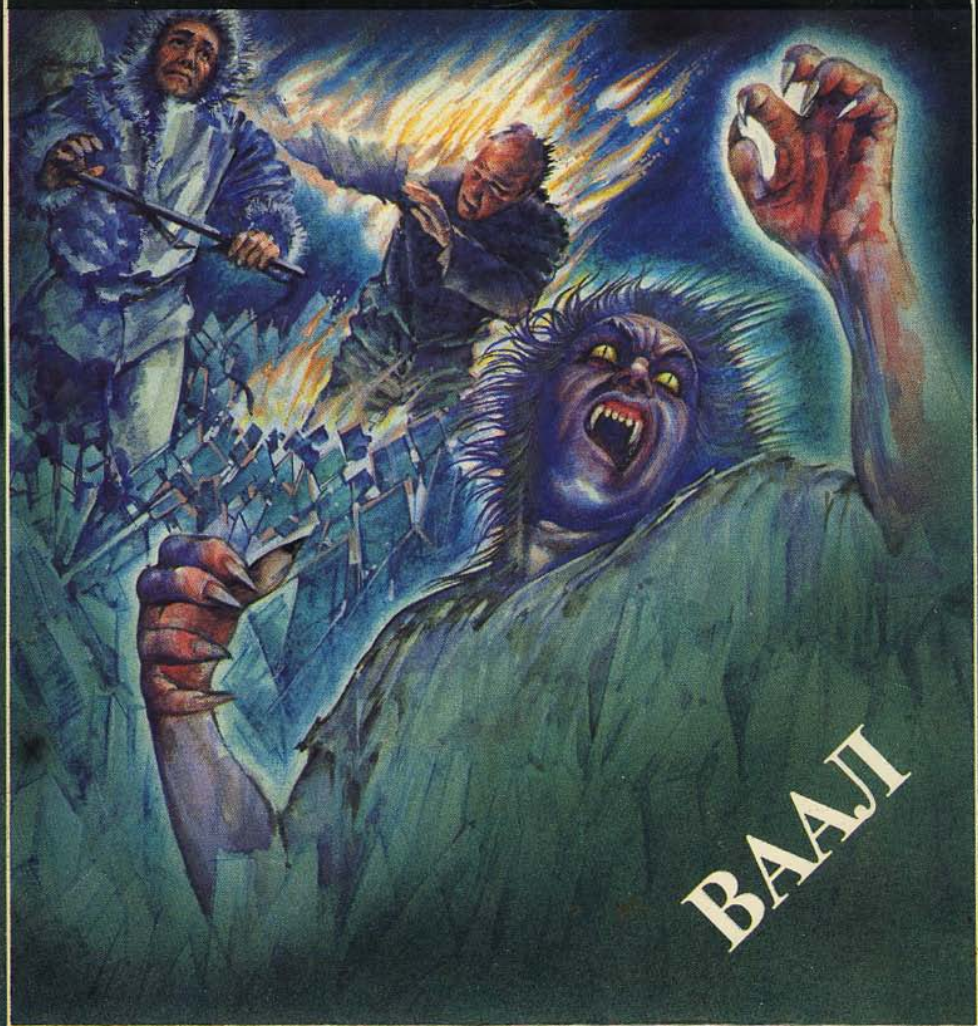


РОБЕРТ МАККАММОН

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ



ВББД

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Роберт Маккаммон

БААЛ



Львов
СИГМА
1996

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 47

Robert McCammon

BAAL

Роберт Маккаммон
БААЛ : роман, рассказы

Copyright © by Robert McCammon

ISBN 0-246-13423-6

БААЛ

*Посвящается моему брату Майклу
и моему другу Биллу.*

ПРОЛОГ

Ярость опаляла небо.

Кул-Хазиз почуял ее. Ему почудился лязг оружия, запах мужского пота, свежей крови и старых грехов.

Принюхиваясь, он посмотрел поверх спин мирно пасущихся овец на север. Высоко в белом небе висело тысячелетнее палящее солнце. Его око замечало все, что творилось за скалами, на равнинах, в цветущих лугах и далеких холмах. Оно видело то, чего Кул-Хазиз не видел — только чувствовал.

Кул-Хазиз задержал взгляд на хмуром горизонте. Потом взял сучковатый посох и медленно пошел через вяло бредущее стадо, мягко, почти отечески подталкивая в бока отстающих овец. Он с женой и сынишкой всегда держал путь туда, где недавно прошел дождь: дождь означал свежую траву, а трава для стада означала жизнь. Сейчас он видел, что на севере, у города Асора, собираются темные тени, похожие на грозовые тучи. Однако это были не тучи. В воздухе не пахло дождем — Кул-Хазиз угадал бы его за несколько дней. Нет, дождь был ни при чем. В воздухе пахло только яростью.

Жена Кул-Хазиза, сидевшая в шатре из козьих шкур, перестала штопать и поглядела на небо. На другом краю бугристой, неприметно взбирающейся в гору равнины маленький сын Кул-Хазиза стучал посохом по земле, загоняя в стадо отбившихся овец, и вдруг посмотрел на отца.

Кул-Хазиз стоял на склоне холма, неподвижный, как камень, прикрывая рукой глаза от яркого солнца. Он ничего не знал о том, что происходит, но кое-что слышал от других кочевых семей. Гнев Яхве обрушился на нас, мы обречены, лепетали они заплетающимися языками. Яхве истребит нас за наши прегрешения, вещали пророки из пастухов, кочевники, цари пастбищ и холмов. Сердце у Кул-Хазиза отчаянно колотилось, словно рвалось *узнать*.

Сын Кул-Хазиза пробрался через стадо. Схватил отца за руку.

Что-то полыхнуло, будто молния, но это не была молния. Вдали, на севере, у города Асора. Ярко-синяя слепящая вспышка, сильная,

страшная. Кул-Хазиз закрыл рукой глаза. Сын вцепился в него, пряча лицо. Позади вскрикнула жена, овцы кинулись врассыпную. Кул-Хазизу опалило руку. Когда жар спал, он снова посмотрел на север и ничего не увидел. Сын смотрел на него снизу вверх, его глаза задавали вопрос, на который Кул-Хазиз не мог ответить.

А потом он увидел. За дальними скалами, за равниной деревья клонились под ударами страшного ветра, ломались, летели по воздуху, и на их ветвях расцветало пламя, а сама равнина чернела на глазах, словно по ней от Асора шла армия. Огненная армия ползла по равнине, выжигая траву, вспахивая песок, превращая в костры кусты терновника.

Ветер взлетел на поросший травой холм к Кул-Хазизу, заюлил вокруг, дергая пастуха за локмотья, нашептывая ему на ухо тайные слова. Овцы заблеяли.

Скоро придет огонь. Он поглотил Асор и теперь пожирал всех живых тварей в окрестностях этого города. Кул-Хазиз понял: еще несколько глотков приятно теплого воздуха — и тот превратится в бушующее белое пламя.

Сынишка рядом с ним окликнул:

— Отец?

Пророки были правы. Их черепа и посохи, письмена, начертанные в небе, предсказывали неизбежную развязку. Не называли только срок.

Кул-Хазиз сказал:

— Великого бога Ваала больше нет...

И застыл на холме словно камень.

Пылающий камень.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Кто подобен зверю сему?..»

Откровение святого
Иоанна Богослова, 13:4.

1

Диктор на телеэкране рассказывал о снижении темпов развития мировой экономики и о недавних землетрясениях в Южной Америке.

Мэри Кейт подвинула чашку кофе по пестреющей сигаретными ожогами стойке к последнему на сегодня клиенту. Тот глянул на нее мутными глазами и буркнул: «Спасибо».

Эрнест, облокотившись на стойку, смотрел ночной выпуск новостей — как всегда. Мэри Кейт наизусть знала, чего от него ждать.

— Господи ты Боже мой! — сказал Эрнест. — Эти чертовы налоги доконают город! Здесь и так уже невозможно заниматься бизнесом!

— И не занимайтесь, — отозвался клиент. — Берите пример с молодежи: пошлите все подальше и спокойно отдыхайте в парке. Мир катится ко всем чертям.

Загрели тарелки: Мэри Кейт убирала со столов.

— Нет, вы посмотрите! — воскликнул Эрнест. С засиженного мухами черно-белого экрана кто-то с важным видом вещал: *...Страх перед очередной попыткой заказного убийства...*

Мэри глянула на часы. «Поздно-то как! — подумала она. — Завозилась я сегодня! Джо уже вернулся, усталый до чертиков. И голодный — а уж я-то знаю, что значит не покормить мужчину вовремя! Черт!»

— А знаете, в чем все дело? — допытывался клиент у Эрнеста. — Время такое — мир завершил круг. Понимаете, о чем я? Круг пройден, и теперь, черт побери, пришло время платить по счетам...

— ...был похищен вчера японской террористической организацией «Черные маски». Требование о выкупе еще не поступало... — говорил диктор.

— Завершил круг? — переспросил Эрнест. Он повернулся, чтобы посмотреть на своего собеседника, и голубоватое сияние телеэкрана высветило его лицо с тяжелым подбородком. — Как это?

— Видите ли, человеку отпущено ровно столько времени, сколько отпущено, — ответил посетитель, поглядывая то на Эрнеста, то на диктора. — Едва оно истечет, вы уходите. То же самое можно сказать о городах, даже о странах. Вот, к примеру, вы знаете, что произошло с Римом? Он достиг вершин — и рухнул в пропасть.

— По-вашему, между Нью-Йорком и Римом есть нечто общее, а?

— Конечно. Я где-то читал про это. Или видел по ящику...

Мэри Кейт держала стопку тарелок со следами застывшего жира и окурками. Запах внушал ей отвращение. Люди — настоящие свиньи, размышляла она. Хрю, хрю, хрю — свиньи да и только. Она прошла через широкую двустворчатую дверь на кухню и поставила грязную посуду на полку у раковины. Молодой негр по имени Вудро, повар и судомойка в одном лице, поднял голову и пристально посмотрел на нее. В углу рта была зажата сигарета.

— Подбросить малышку Мэри домой? — спросил он. Вудро всегда задавал этот вопрос в конце рабочего дня.

— Я просила тебя не называть меня так...

— Но я уже привык. Мне по пути, а кроме того, на прошлой неделе я купил классные новые покрывки.

— Доберусь на автобусе.

— Я могу тебе помочь чуток сэкономить.

Мэри Кейт повернулась к Вудро и заметила в его глазах огонек; этот взгляд пугал ее.

— Лучше я сэкономлю твоё время. Не надо меня подвозить. Я поеду автобусом, как всегда. Уяснил наконец?

Вудро усмехнулся, не разжимая губ. С сигареты, как мраморные глыбы с вавилонской башни, посыпались хлопья пепла.

— Уяснил, сестричка. Черное мясо тебя не заводит, да?

Мэри Кейт в сердцах хлопнула дверью, и Эрнест резко вскинул голову. Он ненадолго задержал на Мэри пристальный взгляд и вновь отвернулся к телеэкрану. Там длинноногая девушка-синоптик объясняла, что жара, вероятно, продержится до четверга.

Скотина! Мэри Кейт принялась методично протирать грязные пепельницы, расставленные на стойке. Надо менять работу, в сотый раз сказала она себе. Надо найти новую работу и свалить отсюда. Любую работу — лишь бы не здесь. Посмотри на себя, сказала она. Двадцать лет, подавальщица в тошнеловке, замужем за недоучившимся словесником, подавшимся в таксисты. Господи! Во что бы то ни стало надо сматываться отсюда, даже если придется сделать то, чего не хочется делать. Интересно, как отреагирует Джо, если

однажды ночью в их душной, тесной квартирке она нежно прижмется к нему и шепнет: «Джо, миленький, по-моему, мне куда приятнее было бы работать на панели».

Раздался щелчок — Эрнест выключил телевизор. Клиент уже ушел. Возле кофейной чашки лежал десятицентовик.

— Пора по домам, — проговорил Эрнест. — Еще день, еще доллар. Еще один паршивый доллар. Эй! Вудро! Эй! Ты там запираешь?

В ответ Вудро изобразил раба с плантации:

— Запираю, масса, запираю, а как же!

Мэри аккуратно сложила передник, убрала его под стойку и сказала:

— Я пошла, ладно? Мне надо домой, кормить Джо.

Эрнест все еще подпирал спиной стойку, созерцая погасшее око телевизора. Он не оглядываясь ответил:

— Мне-то что? Иди...

Мэри толкнула матовую стеклянную дверь и вышла. Над входом загоралась и гасла красная неоновая вывеска: «Гриль Эрни». Свет, тьма, свет, тьма, и так тысячу раз за день — Мэри однажды сосчитала.

Воздух был спертый и душный, как в парной. Мэри пошла к остановке своего автобуса в трех кварталах от гриль-бара, стараясь покрепче прижимать сумочку к боку, чтобы ее не смогли выхватить ночные воришки.

Одно время она собиралась пойти на курсы секретарей; они с Джо вполне могли прокормиться и, может, даже немного поднакопить. Но потом Джо забросил учебу, и начавшаяся у него вслед за этим депрессия захватила и Мэри. Они теперь походили на уцелевших в кораблекрушении, чей спасательный плот дал течь: слишком слабые, чтобы жить, слишком испуганные, чтобы умереть, бесконечно плавающие по течению. Это следовало изменить. Так дальше нельзя.

Вдобавок Мэри поймала себя на том, что не уверена, любит ли мужа по-прежнему. Ей никогда не объясняли, что должна чувствовать женщина в подобной ситуации. Отец ее — он работал механиком в гараже в Нью-Джерси, руки у него вечно были в смазке — был человеком строгих правил и консерватором по натуре, а мать, болтушка, страстно обожающая лото, даже после захода солнца ходила в темных очках, словно надеялась, что ее вдруг найдут и введут в мир Кино помощники режиссера, роющиеся в поисках талантов среди уцененных товаров во второсортных супермаркетах.

Конечно, Джо по-прежнему привлекал ее как мужчина. Но любовь? Любовь? Страстное, волнующее погружение в душу другого человека? Мэри затруднялась выразить свои чувства словами, а если бы попросила Джо помочь ей в этом, он поднял бы ее на смех. Дело было не в том, что здоровье Мэри Кейт пошатнулось или ее красота поблекла — ничего подобного, хотя порой, стоя перед зеркалом, она нехотя признавалась себе, что безобразно худа и взгляд у нее стал

пустой и равнодушный, старушечий. Нет, определенно требовались решительные меры.

Сейчас мысли Мэри витали далеко от гриль-бара. Улицу вдоль края тротуара заливал желтый свет фонарей. Мэри шла мимо фасадов жилых домов, и эти пустые, обезображенные рубцами и шрамами каменные лица угрюмо следили за ней, точно склонившие головы монахи. Переполненные помойные баки, мусор в водостоках, истерические газетные заголовки — убийства, поджоги, угроза войны...

Ох уж эта жара, сказала себе Мэри. Ох уж эта жара. Переносица у нее взмокла. Пот собирался под мышками и тоненькими струйками стекал вниз. Сколько можно? Уже две недели нечем дышать. А ведь лето только начинается, самые жаркие месяцы еще впереди.

Вот и останова. Нет, до нее еще один квартал. Ее шаги гулко раздавались на пустой улице, эхо отражалось от каменных стен. «На сколько еще меня хватит?» — спросила себя Мэри.

Фонарь впереди был разбит. Кто-то запустил в него камнем или бутылкой и разбил круглый стеклянный колпак, но не сумел полностью уничтожить лампочку, и теперь она судорожно мигала, жужжа, точно огромное насекомое, бьющееся в окне: желтый — тьма, желтый — тьма, желтый — тьма. На жутковатые лица монахов, следивших за Мэри, ложились черные тени.

— Поди сюда, — сказал чей-то голос. Тихий, далекий, похожий на детский.

Мэри обернулась, вытирая потный лоб. Рука стала влажной.

Никого. Улица была пустынной и тихой, только жужжала лампочка над головой. Мэри поправила на плече ремешок сумочки, зажала ее под мышкой и, глядя себе под ноги, пошла к остановке. Скоро придет автобус.

— Поди сюда, — повторил голос, холодный и бросающий в дрожь, словно кусок льда, неожиданно прижатый ко лбу. Мэри Кейт застыла на месте.

Она оглянулась. Дурацкие шутки, подумала она. Какой-то сопляк развлекается.

— Не смешно, — сказала она в пустоту.

Но не успела она сделать и шага, как голос негромко сказал:

— Сюда. Я здесь.

Что-то коснулось ее, бесплотное, словно изменчивые клубящиеся пальцы дыма. Она почувствовала, как они пробрались под ее влажное белье, и покрылась гусиной кожей. Голос взобрался по костяной лестнице ее позвоночника и теперь неторопливо спускался.

— Я здесь, — повторил голос, и Мэри обернулась, чтобы заглянуть в черный грязный переулок, пропахший мочой и потом.

Там кто-то стоял — кто-то высокий. Не ребенок. Мужчина? Да, одежда была мужская. Мужчина. Кто? Грабитель? Мэри пронизало желание бежать. Над ее головой зудел разбитый фонарь — желтый, черный, желтый, черный.

— Я вас знаю? Мы знакомы? — неожиданно для себя спросила Мэри и тут же рассердилась: умнее ничего не придумала? Это же бандит! Она покрепче стиснула сумочку. Сейчас она побежит и не остановится, пока он не отстанет.

— Нет, — негромко возразил неизвестный. — Бежать не надо.

Он по-прежнему оставался в тени. Мэри видела только обшарпанные носы ботинок, выглядывающие из-под темных брюк. Мужчина не пытался приблизиться к ней. Он спокойно стоял, опустив руки вдоль тела, — темный силуэт у входа в переулочек — и Мэри Кейт почувствовала, как острое желание убежать уходит. Бежать не надо, сказала она себе. Это знакомый.

— Мы знакомы, — подтвердил он ребяческим шепотом. — Просто мы давно не виделись. Бояться нечего.

— Чего вы от меня хотите?

— Всего минутку. Уделите мне одну-единственную минуту из тех, что отпущены вам для жизни. Или я слишком много прошу у друга?

— Нет. Не слишком, — Мэри испытывала странное тягостное чувство. Ее голову омывали черные и желтые волны, язык налился свинцовой тяжестью.

— Если я подам вам руку, — спросил человек в переулочке, — вы пожмете ее?

Мэри задрожала. Нет. Да. Да.

— Мой автобус, — беспомощно пролепетала она чужим голосом.

Из мрака показалась рука: длинные худые пальцы, грязь под ногтями.

Зной тяжело давил на плечи Мэри; пряди потных волос липли к шее. «Задыхаюсь! — беззвучно крикнула она. — Тону! Тону». Свет фонаря проник в ее мозг, и тот вспыхнул слепящим желтым неоном. «Не хочу», — подумала она.

И услышала в ответ:

— Придется.

Его рука коснулась ее руки. Пальцы сомкнулись вокруг кисти, скользнули по ладони, с все возрастающей силой впились в запястье.

И тогда из мрака переулочка на Мэри стремительно надвинулось залитое желтым светом лицо, разинутый в беззвучном крике рот хотел пожрать ее. Она не успела ничего разглядеть; откуда-то густо, одуряюще пахло гарью. Чужое тело было потным, неприятно мягким — как губка — и горячим. Мужчина повалил кричащую и царапающуюся Мэри на асфальт.

Он ударил ее головой о тротуар. Еще раз. Еще. Откуда-то потекла кровь. Из уха. Горячая кровь струилась по шее.

— СУКА! — выкрикнул он, и его голос ожег Мэри словно пылающий кнут. — *Чертова сука, минетчица, подстилка, все твои любовники — кобели!* — Дыхание мужчины было зловонным, обжигающим. Он ударил ее в грудь, раз, другой, и Мэри съежилась. Он разорвал на ней блузку и ногтями расцарапал гладкую кожу на животе.

Крик боли, вырвавшийся у Мэри, слился с гудением фонаря. Где-то захлопнули окно. Потом другое.

Насильник сорвал с Мэри юбку, грубо раздвинул ей ноги и вошел в нее с такой яростной, нечеловеческой силой, что она проехала задом по асфальту. Ей на глаза надавили чужие пальцы, и у Мэри в голове мелькнуло: «Я умираю о Господи я умираю».

— О-О-О-О БО-О-ОЖЕ! — крикнула она на всю улицу. Ее рот вдруг заполнил жадный, юркий чужой язык.

— СДОХНИ, СУКА, СДОХНИ, СУКА, Б**ДЬ, СДОХНИ! — визжал он, врываясь в нее, сминая, врываясь, вонзаясь, пока не пришел оргазм, сотрясший все его тело и вырвавший у Мэри крик боли.

— Эй! Эй! Ты! А ну пошел отсюда! — рядом взвизгнули покрышки; тяжесть чужого тела исчезла. Мэри вновь ощутила его запах, и ее вырвало на мостовую. Она услышала, как кто-то побежал; нет, побежали, двое — один от нее, другой к ней. О Боже Боже помоги мне.

Мэри Кейт открыла глаза и увидела молодого человека. Вудро. К ней бежал Вудро, а за ним виднелся ярко-красный «бьюик», сверкающий хромом колпаков, в которых, как в кривых зеркалах, отражались фонари. Вудро подбежал к ней, нагнулся — сигарета выпала из его губ — и...

2

Он откупорил банку пива, подошел к окну и уставился вниз, на темную тихую улицу. Жена и раньше, бывало, задерживалась, но чтобы так... Автобус никогда так сильно не запаздывал.

Он пробовал позвониться в гриль, но тот уже закрылся, и к телефону никто не подходил. Может быть, автобус сломался. Нет, она бы позвонила. Может быть, она опоздала на последний автобус и пошла пешком. Нет, уж очень далеко идти. Может быть, с ней что-то случилось. Или нашло затмение, как в тот раз, когда она не появлялась дома двое суток и в конце концов нашлась в парке: она сидела там — просто сидела.

Черт. Ну почему она так со мной обращается? Он выпил пиво и поставил банку на шершавый подоконник. Она должна была вернуться два часа назад. Больше двух часов... где ее носит в такое время? Ночь на дворе! Он снял телефонную трубку и начал набирать номер ее родителей в Джерси-Сити, но вдруг вспомнил тещин писклявый голос и положил трубку на рычаг. Успеется.

Где-то далеко, за плотными рядами грязных прямоугольников-домов, завывала полицейская сирена. Или это «скорая помощь»? В отличие от некоторых, он так и не научился различать их. Что-то случилось. Стоя в маленькой квартирке на пятом этаже, куда втягивало все запахи, ползущие из-под соседских дверей, он вдруг уверился: что-то произошло.

Он оцепенело ждал. Наконец в дверь постучали. Но он знал — это не она. Нет. Полицейский с бесстрастным угреватым лицом сказал: «У меня внизу машина».

В машине, по дороге в больницу, он спросил:

— С ней все в порядке? В смысле...

— Извините, мистер Рейнс, — ответил констебль, — но меня попросили только привезти вас.

Судорожно стискивая руки, он ждал в стерильно-белой комнате на восьмом этаже. Ее сбила машина. Вот оно что. О Господи Иисусе, она шла к автобусной остановке, и ее сбил какой-то пьянчуга.

Даже в столь ранний час «Бельвю» захлестывал лихорадочный ритм жизни и смерти. Он смотрел, как доктора и медицинские сестры вполголоса с серьезными лицами обсуждают записи в больничных картах и назначения. Потом его до костей пробрал озноб: по больничному коридору, стуча башмаками по линолеуму, пробежал какой-то мужчина в деловом костюме. Он сидел, наблюдая чужие драмы, пока наконец не понял, что рядом с ним кто-то стоит.

— Мистер Джозеф Рейнс? — спросил этот кто-то. Высокий, очень худой, с тугими кольцами седых волос. Он представился: — Лейтенант Хепельман. — Перед глазами Джо мелькнул жетон нью-йоркского полицейского управления, и он поднялся с места.

— Нет, нет. Сидите, — Хепельман положил руку ему на плечо, усадил обратно, сел на соседний стул и придвинулся с ним к Джо, словно был его другом и хотел дать совет по очень личному делу.

— Я заметил, что она опаздывает, и понял, что наверняка что-то случилось, — проговорил Джо, разглядывая свои ладони. — Позволил ей на работу, но никто не подошел к телефону. — Он поднял голову. — Ее сбила машина? Водитель, конечно, удрал?

Глубоко посаженные синие глаза Хепельмана оставались спокойными и непроницаемыми. Он привык к подобным сценам.

— Нет, мистер Рейнс. Не знаю, кто вам сказал, что вашу жену сбила машина. Нет, мистер Рейнс. На вашу жену... напали. Сейчас она вне опасности, но шок еще не прошел. Она погибла бы, если бы не какой-то черномазый. Он спугнул того типа и гнался за ним целый квартал, но подонок удрал.

— Напали? Что значит — напали?

Хепельман молчал с каменным лицом. Вот он, миг, способный сломить любого, возникающая перед мысленным взором картина: какой-то субъект дергается на ней, между бедер сопротивляющейся жертвы.

— Имел место насильственный половой акт, мистер Рейнс, — пояснил он негромко, словно делился секретом.

Ее изнасиловали. Господи Иисусе. Господи Иисусе. Ее изнасиловали. Джо свирепо взглянул прямо в глаза Хепельману:

— Вы поймали мерзавца?

— Нет. Нам даже не удалось получить его описание. Возможно, это очередной маньяк, на котором висит не одно дело об... изнасиловании. Когда миссис Рейнс придет в себя, мы попросим ее посмотреть нашу картотеку. Мы непременно найдем этого парня.

— О Боже. О Боже Боже Боже.

— Послушайте, может, кофе? А, вот. Курите.

Джо взял предложенную ему лейтенантом сигарету.

— Боже, — слабым голосом проговорил он. — Но с ней все в порядке, да? Я хочу сказать, никаких переломов или чего-нибудь в этом роде?

— Нет, переломов нет. — Хепельман наклонился вперед и зашептал прямо в ухо молодому человеку: — Мистер Рейнс, у меня было много подобных дел. Такое случается сотни раз на дню. Да, это тяжело. Но вы, я думаю, переживете это. А женщины, как правило, приходят в себя быстрее мужчин. Теперь уже все в порядке. Все позади.

Однако Джо реагировал не так, как привык Хепельман. Он сидел и курил, неподвижно глядя куда-то в глубь похожего на тоннель больничного коридора. Кто-то вызывал по внутренней связи доктора Холланда.

— Некоторые люди просто сущие звери, — заметил Хепельман. — Взбредет что-нибудь в голову — значит, вынь да положь. Им, черт возьми, наплевать, кто это будет. Я расследовал дела, где жертвами насилия становились восьмидесятилетние бабули! А этим гадам плевать. У них крыша давно съехала.

Джо сидел тихо и неподвижно.

— Знаете, как с ними следует поступать? У меня есть на этот счет твердое мнение. Подонкам надо отрезать яйца. Серьезно.

Кто-то шел к ним по коридору. Джо смотрел, как он подходит. В руках у него был блокнот, и Джо рассудил, что это либо другой полицейский, либо врач.

Хепельман поднялся и поздоровался с пришедшим за руку.

— Доктор Винтер, это мистер Рейнс. Я сказал ему, что все обойдется.

— Верно, мистер Рейнс, — сказал врач. Усталость проложила вокруг его глаз глубокие морщины. — Ваша жена отделалась незначительными повреждениями. Сейчас она в состоянии легкого шока; это естественное следствие того, что ей пришлось пережить, так что не тревожьтесь. Далее: от вас потребуется большое присутствие духа. Когда ваша жена начнет приходить в себя, она будет воспринимать окружающий мир несколько неадекватно. И, возможно, решит, что вы стали прохладнее относиться к ней — проблема, с которой сталкиваются многие жертвы сексуального насилия.

Джо кивал.

— Можно ее увидеть?

Взгляд доктора метнулся к Хепельману, потом вернулся к Джо.

— Я бы предпочел, чтобы это произошло не сейчас. Мы пытаемся удерживать ее в состоянии искусственного сна, используя седативные средства. Завтра вы сможете увидеться с ней на несколько минут.

— Я бы хотел увидеть ее сейчас...

Доктор Винтер моргнул.

— Доктор абсолютно прав, — заметил Хепельман, крепко взяв Джо за локоть. — Послушайте. Была трудная ночь. Отправляйтесь домой и поспите. Хорошо? Я готов вас подвезти.

— Завтра, — сказал доктор Винтер. — Свяжитесь со мной завтра.

Джо провел рукой по лицу. Они правы. Ей нужен сон, а кроме того, он все равно ничем не может помочь. Он сказал:

— Ладно.

— Вот и хорошо, — Хепельман подошел к лифтам на другой стороне коридора. — Я отвезу вас домой.

Прежде чем за Рейнсом и полицейским закрылись двери лифта, доктор Винтер успел сказать:

— С ней все будет в полном порядке.

Лифт поехал вниз. Винтер еще некоторое время стоял без движения. Внутри у него все дрожало после встречи с Рейнсом. Кто он? Таксист, сказал Хепельман? А с виду интеллигент: высокий лоб, глаза, которые потеплеют и станут добрыми, когда из них уйдет холодный страх, завитки в меру длинных волос над воротником. Умный парень. Слава Богу, не стал настаивать на том, чтобы увидеть жену.

Доктор Винтер вернулся к сестринскому посту и спросил:

— Миссис Рейнс сейчас отдыхает?

— Да, сэр. Теперь она некоторое время проспит.

— Очень хорошо. А теперь послушайте внимательно. И внушите остальным. — Он понизил голос: — На других этажах о ее состоянии ни гу-гу. Это наша проблема. Договорились?

— Да, сэр.

Винтер кивнул и пошел по коридору к палате, где лежала Мэри Кейт. Уже протянув руку к ручке двери, он вдруг передумал: незачем еще раз заглядывать к ней, незачем разглядывать ее тело и спрашивать себя и дерматолога доктора Бертрама, что это, черт побери, такое. Он знал ответ. Но что, объясните Христа ради, сказать Рейнсу? Чем, с точки зрения логики, объяснить ожоги на теле его жены? Не трением об асфальт, на который ее повалили, это уж точно.

Ожоги повторяли очертания человеческой руки.

Ожоги первой степени, ничего серьезного, но...

Следы ладоней там, где насильник хватал ее. На животе, предплечьях, бедрах горели отпечатки рук, такие четкие, словно насильник сперва окунул их в красную краску, а потом с размаха прижал к гладкой белой коже девушки.

И два отпечатка пальцев.

По одному на каждом веке.

В предрассветный час жара высоко поднялась над крышами — и вновь камнем упала вниз, как канатами опутав гранитные глыбы зданий. И стала ждать восхода, чтобы выжечь и иссушить город.

Джо так и не сомкнул глаз. Опухший от пива, он сидел на треснутом пластиковом стуле у открытого окна и смотрел на далекие, никогда не тускнеющие огни центра.

Боже мой, твердил он про себя, пока ему не начало казаться, что это говорит кто-то другой, стоящий рядом, Боже мой. Как можно допускать такое? Воспаленным внутренним оком он видел — вот пьяный грязный бродяга подстерегает в темноте приближающуюся Мэри Кейт. Потом выскакивает из своего укрытия и точно тяжелый мешок с дерьмом сбивает ее с ног. И дергается на ней, дергается, дергается... пока Джо не становится невыносима эта мысль.

С некоторых пор жизнь на планете была не столь уж прекрасна и удивительна; Джо знал это даже слишком хорошо. И вот *это*; оно ворочалось у Джо внутри, пытаясь вырваться из-за решетки его зубов, заставить Джо схватить револьвер и бешеным псом ринуться на улицы.

Вернувшись, он позвонил ее родителям. Мать Мэри с трудом сдерживала крик. «А ты где был? Только не там, где надо было! Там тебя не было! Нет, ты дома штаны протирал! Ее же могли убить!»

— Виноват ты, Джо, так и знай! — рявкнул отец Мэри, отнимая у жены трубку. — Так хоть сейчас будь мужчиной! В какую больницу ее отвезли?

— К ней не пускают, — тихо сказал он. — Даже меня не пустили.

— Наплевать! Адрес больницы?

Джо осторожно положил трубку на рычаг, оборвав возмущенную тираду тестя. Он ждал сердитого стука в дверь, но они так и не приехали. Возможно, они обзвонили все больницы и нашли ее или, быть может, решили заявиться к нему с утра. Сейчас это его не заботило: он был рад, что не нужно ни с кем объясняться.

Он приехал сюда два года назад со Среднего Запада, стремясь получить образование и набраться «полезного жизненного опыта». Джо вырос в семье, «привязанной к земле», по выражению его отца. Им хотелось, чтобы и он, Джо, пустил корни в родных местах и рос, наливался соками, как пшеничный колос на черноземе. Но такая жизнь была не по нему; Джо давным-давно понял это. Ему хотелось стать учителем, преподавать Шекспира или литературу эпохи Возрождения, но прежде всего ему хотелось жить, вырваться из плена степи, где он появился на свет, и может быть обрести второе рождение в каком-нибудь крупном городе — так ему нашептывал юношеский идеализм.

Джо нашел работу — неполную ставку водителя такси; это вместе с ежемесячной помощью из дома давало ему возможность не только

существовать, но и учиться по вечерам. Было время, он даже позволял себе насладиться то «Отелло», то концертом в Центральном Парке, то сладкой властью марихуаны.

Потом он повстречал Мэри Кейт. Зашел в первую попавшуюся забегаловку и там вдруг понял, что всерьез заинтересовался тоненькой большеглазой девушкой, которая с грохотом поставила перед ним тарелки и торопливо выписала счет неуклюжим крупным почерком малообразованного человека. Их объединяло только одно — раннее, незрелое сексуальное томление; после ласк Мэри нравилось читать любовные романы. Родители Джо, узнав о его грядущей женитьбе, энергично воспротивились ей. "Сын, - написали они ему, - если ты это сделаешь, не рассчитывай, что мы по-прежнему будем каждый месяц высылать тебе деньги. Помни, тебе нужно образование". Джо ответил: «Идите к черту».

Но вскоре все его планы рухнули. Очень нужны были деньги; теперь Джо крутил баранку полный день, а курсы английской словесности пошли псу под хвост. Стало мучительно ясно: они с Мэри Кейт не пара, ее безграмотность и невежество заставляли его безразлично морщиться. Так они и жили, словно соседи по комнате в общежитии, которые вдруг поняли, что мешают друг другу, жили, едва сводя концы с концами и не помышляя о таком дорогом удовольствии, как развод.

Но выпадали и хорошие минуты, минуты близости и нежности. Однажды во время медового месяца они пошли в кино на программу из двух фильмов ужасов; они сидели на балконе и бросали воздушной кукурузой в хищные, перемазанные кровью лица на экране, а потом соскользнули вниз, в проход между рядами, и целовались — громко, как старшеклассники. И у них были общие друзья — беззаботные хиппи, снабжавшие их за бесценок первоклассным зельем, и несколько супружеских пар, с которыми Джо познакомился на курсах. Иногда забегали и парни с работы Джо выпить пива и поиграть в покер; тогда Мэри Кейт подавала им сэндвичи и выписывала счета на бумажных салфетках: шутка, которая пользовалась неизменным успехом.

Сидя на стуле в окружении пустых банок из-под пива, он неожиданно понял, что квартира без Мэри стала совсем другой. В этот утренний час Мэри Кейт обычно будила его тем, что металась во сне, сражаясь с призраками из своей забегаловки. Порой он садился в постели и смотрел, как бегает под закрытыми веками глаза Мэри Кейт. Что ей снилось? Час пик? Обеденная суматоха? Гамбургер пятьдесят футов в поперечнике?

Он нес ответственность за нее, «в горе и в радости», как гласили венчальные обеты. Кому же, как не ему, помогать ей пройти через *это*? Он собрал банки и высыпал в мусорное ведро. За окном сквозь серую вуаль утренних сумерек пробивался рассвет. Странно, подумал он, до чего небо в это время суток бледное и блеклое — не угадаешь,

чего ждать, дождя или солнца. Пустое, словно чье-то бесстрастное лицо, неподвижно взирающее на тебя.

Дождавшись часов посещения, он сел на автобус, который через весь город доставил его в больницу «Бельвю».

На восьмом этаже он остановил медсестру и спросил о жене.

— Извините, сэр, — последовал ответ, — но я не могу пустить вас к миссис Рейнс без официального разрешения доктора Винтера или доктора Бертрама.

— Что? Послушайте, я ее муж. Я имею право увидеться с ней. В какой она палате?

— Извините, сэр, — повторила сестра и пошла к посту в конце коридора.

Что-то тут не то. Он уже почувствовал это раньше и теперь убедился: что-то случилось. Он поймал медсестру за запястье.

— Я намерен немедленно увидеться с женой, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Немедленно, и вы сейчас же отведете меня к ней.

— Хотите, чтобы я вызвала охранника? Сейчас вызову.

— Хорошо, черт подери, ваяйте, зовите своего паршивого охранника, но все равно: вы отведете меня к ней в палату. — Это прозвучало неожиданно жестко. Краешком глаза он заметил, как пялились на него медсестры у поста. Одна из них взяла телефонную трубку и нажала какую-то кнопку.

Угроза сработала.

— Палата 712, — сказала медсестра и вырвалась.

Джо прошагал по коридору к палате 712 и не колеблясь вошел.

Мэри Кейт спала. Ее поместили в отдельную палату с серовато-белыми стенами. Окна были наполовину закрыты белыми занавесками; солнце, пробиваясь сквозь жалюзи, ложилось на кровать тремя полосками.

Он закрыл дверь и приблизился. Мэри Кейт лежала, укрытая одеялом по шею. Бледная, изможденная, хрупкая, она казалась потянувшейся в этом мире. Ее веки были странно красными и припухшими (вероятно, подумал Джо, от слез). Здесь, среди облачно-белых стен, Мэри казалась очень далекой и от аляповатых, кричащих неоновых красок гриль-бара, и от их опустевшей квартиры.

Он приподнял одеяло, чтобы взять ее за руку.

И отшатнулся.

Рука Мэри была покрыта красными пятипалыми следами. Впиваясь в ее тело, царапая его, они ползли вверх по предплечью и исчезали под больничной рубашкой. Красные руки грубо раздвигали ей бедра, на горле был оттиснут багровый след ладони, чужие пальцы украшали щеку, словно диковинный макияж. Джо выпустил одеяло, зная, что алые отпечатки рук в непристойном танце шарят по телу Мэри под рубашкой, тиская и царапая ее. Ее заклеямили, подумал он. Как кусок говядины. Кто-то связал ее и заклеймил.

Кто-то тронул его сзади за плечо. Задержав дыхание, Джо резко обернулся. Прикосновение обожгло его.

Это был доктор Винтер. Черные полукружия у него под глазами ясно свидетельствовали о том, что и он провел бессонную ночь. За ним, в дверях, стояла суровая медсестра.

— Вот этот человек, доктор, — говорила она. — Мы объяснили ему, что пока еще нельзя...

— Все в порядке, — негромко перебил доктор Винтер, внимательно вглядываясь в глаза Джо. — Возвращайтесь на пост и передайте охране, что все в порядке. Ну, идите же.

Сестра посмотрела на доктора Винтера, на поникшего мужчину с пепельно-серым лицом, стоявшего у кровати, и бесшумно закрыла дверь.

— Я не хотел пускать вас к ней, — сказал доктор. — Сейчас.

— Не сейчас? Не сейчас? — брызгая слюной, Джо вскинул голову. Его смятенный взгляд горел жадной мщенья. — А когда? Господи Иисусе! Что произошло с моей женой? Вы мне сказали, что на нее напали... но, черт вас побери, ни словом не упомянули об *этом*!

Доктор Винтер аккуратно прикрыл одеялом шею спящей.

— Она не испытывает боли. Действие снотворного еще продолжается. — Он повернулся к молодому человеку. — Мистер Рейнс, хочу быть с вами откровенным. Лейтенант Хепельман попросил меня скрыть от вас некоторые обстоятельства, чтобы вы... не слишком разволновались.

— Боже мой!

Доктор Винтер поднял руку:

— И я дал согласие. Мне казалось, не следует рассказывать вам все подробности. Эти следы представляют собой ожоги первой степени. За ночь миссис Рейнс осмотрели два специалиста по кожным заболеваниям — я поднял их с постели — и оба пришли к одинаковому заключению. Ожоги. Что-то вроде солнечных ожогов средней тяжести. Мистер Рейнс, я очень давно занимаюсь медициной. Пожалуй, я начал ею заниматься, когда вас еще не было на свете. Но я никогда — никогда! — не видел ничего подобного. Эти ожоги — следы рук человека, напавшего на вашу жену.

Ошеломленный и внезапно очень уставший Джо покачал головой.

— Это что, должно все объяснять?

— Уж извините, — ответил доктор Винтер.

Джо подошел к краю кровати. Протянув руку, осторожно коснулся отпечатка на щеке жены. Еще горячий. Он нажал посильнее. Отпечаток побелел, пропал, но стоило крови прихлынуть обратно, как он вновь проступил багровым пятном.

— Откуда это?.. Господи, неужели...

— Я в своей практике не встречал ничего подобного. Полиция тоже. Серьезных повреждений тканей нет, скоро все заживет — несколько дней кожа будет шелушиться, потом все исчезнет, как при

всяком солнечном ожоге. Поразительно другое: у того, кто напал на вашу жену, был такой жар, что на ее теле остались отметины. И я никак не могу сказать, что мне это понятно.

— И вы не хотели, чтобы я видел это, пока у вас нет объяснения тому, что произошло.

— Или, по крайней мере, вразумительного объяснения тому, почему объяснения нет. Один мой приятель, психолог, предложил свою теорию, хотя сам я отношусь к ней более чем сдержанно, поскольку он сказал мне, что я разбудил его посреди кошмара. Он полагает, что это психосоматическая реакция на нападение, этаким крик души. Но я убежден, что эти ожоги — следствие воздействия теплового излучения... э-э... не природного происхождения. Поэтому вам должно быть понятно, — продолжал доктор Винтер, — почему следует помалкивать об этом. Мы будем наблюдать за вашей женой еще минимум неделю, и нам вовсе ни к чему, чтобы тут шныряли журналисты из какой-нибудь «Нэшнел энквайер», верно? Вы согласны со мной?

— Да, — ответил Джо, — конечно. Так вы говорите, сейчас она не чувствует боли?

— Нет.

— Господи, — выдохнул он, ошеломленный мозаикой багровых следов, насильовавших тело Мэри, хотя тот, кто оставил их, сейчас был бог весту где. — А тот человек, — выдавил Джо через минуту, — который напал на нее. Он... вы не знаете... он...

— Неотложная помощь провела обычную в таких случаях процедуру. Миссис Рейнс вымыли и обследовали. Был введен диэтилстильбэстрол. Мы еще проведем более тщательное гинекологическое обследование, но, судя по всему, семяизвержение не имело места. По-видимому, насильника спугнули до наступления оргазма.

— Ох ты черт, — проговорил Джо. — Еще неделя? У меня есть страховка, но не знаю... Видите ли, я не богат.

Мэри Кейт на кровати пошевелилась. Она тоненько застонала и принялась слабо отмахиваться от кого-то невидимого.

Джо сел рядом с ней и взял обе ее руки в свои. Руки были холодные.

— Не волнуйся. Я здесь, — проговорил он. — Я здесь.

Она снова пошевелилась и, наконец, взглянула на него. Распухшее лицо, грязные растрепанные волосы. Она сказала: «Джо? Джо?» — а потом вцепилась в него и горько заплакала, и рубашка у него на груди промокла от слез.

4

Лето пролетело птицей, роняя дни, словно капли горячей крови, и к концу августа выбилось из сил.

Отпечатки ладоней исчезли без следа, как и предполагали врачи, и Мэри Кейт вернулась домой. Жизнь сразу пошла своим чередом, о

нападении не вспоминали; сказать по правде, Джо казалось, что Мэри довольна своей работой и жизнью больше прежнего. Впрочем, однажды, когда они смотрели телепередачу о насильнике, терроризировавшем Манхэттен, Мэри Кейт вдруг начала смеяться — сперва тихо, потом все громче, громче и, наконец, вся дрожа, разразилась слезами.

Позвонил лейтенант Хепельман, спросил, не зайдет ли она в участок просмотреть картотеку. Мэри Кейт отказалась, объяснив Джо, что, если снова увидит того человека, с ней наверняка случится истерика. Он передал это Хепельману и, не дожидаясь возражений, повесил трубку.

Были и другие звонки и визиты: звонил доктор Винтер — он хотел, чтобы Мэри каждую неделю приезжала к нему в больницу, потому что, как он выразился, «синдром отпечатков рук» не так легко забыть; приезжали родители Мэри, с цветами и бутылкой вина для нее и злыми упреками для Джо.

Как-то поздно вечером, когда они сидели перед черно-белым экраном телевизора, Мэри Кейт посмотрела на него, и он увидел в ее глазах мерцание отраженного изображения.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Джо замер. Ему самому эти слова давались с трудом и слышал он их не часто.

— Я люблю тебя. Правда люблю. Только в эти последние недели я поняла, как сильно я люблю тебя, — она обняла его за шею и легонько чмокнула в губы. Мягкие волосы упали ему на лицо.

Он ответил на поцелуй. Язык Мэри Кейт скользнул к нему в рот и обследовал там все уголки, точно влажный Колумб, хотя едва ли этот континент был для него новым. Джо почувствовал, как его тело откликается на зов.

— Так-так, — проговорил он со слабой улыбкой. — Тебе чего-то хочется. Меня не проведешь.

Она крепче прижалась к нему и снова поцеловала. От нее, подумал Джо, всегда пахнет свежей травой, скошенной на росном широком лугу. Возможно, это давал о себе знать его инстинкт потомственного крестьянина. Мэри Кейт потянулась и легонько укусила его за ухо.

— Хочу, — прошептала она, — ребеночка.

И увидела, что муж перевел взгляд на телеэкран.

— Мэри Кейт, — негромко, с трудом сдерживаясь, сказал он. — Мы уже говорили на эту тему. Когда-нибудь у нас обязательно будет ребенок. Ты это знаешь. Но сейчас мы едва можем прокормить себя, какой уж тут лишний рот! К тому же я не желаю растить ребенка здесь, в таком районе.

— Увитого плющом домика в пригороде, о котором ты мечтаешь, — сказала она, — у нас не будет никогда, как ты не поймешь! У нас сейчас ничего нет. Не смотри на меня так, ты знаешь, что я права. У нас есть только то, что мы принесли с собой в эту

квартиру, — твои вещи и мои вещи. И ничего, что можно было бы назвать «нашим».

— Да ладно, — оборвал он, — ребенок не игрушка. Нельзя завести ребенка и играть с ним, как с куклой. Тебе придется бросить работу, а мне — вкалывать в две смены. Нет, черт возьми.

Мэри Кейт отстранилась и встала у открытого окна спиной к Джо, скрестив руки на груди. Наконец она вновь повернулась к мужу.

— Мне нужна перемена, — тихо проговорила она. — Нет, правда нужна. Чтобы что-то изменилось... не знаю что.

— Ты приходишь в себя после страшного переживания. — Джо поморщился. Черт! Молчи про это! — Тебе нужно отдохнуть, малышка. Не расстраивайся. Мы поговорим об этом позже.

Мэри Кейт вдруг побледнела, посуровела и уперлась в него неуступчивыми темно-кариими глазами.

— Мы могли бы взять ссуду на то время, что я не буду ходить на работу.

— Мэри Кейт. Прошу тебя.

Она подошла к нему и приложила его руку к своей щеке. Джо с изумлением почувствовал, что она плачет. «Что за черт?» — удивился он. Раньше она никогда не плакала из-за ребенка. Обычно, стоило объяснить экономическую сторону проблемы, и Мэри Кейт безропотно прекращала разговор. Но сегодня она проявляла невиданное упрямство.

— Это был бы чудесный малыш, — тихонько проговорила она.

Джо легко перенес ее через подлокотник кресла, усадил к себе на колени и, шепча: «Конечно!» — принялся целовать слезы, градом катившиеся по ее гладким щекам.

— Ну, — сказал он и потерся носом о подбородок Мэри Кейт, чтобы вывести ее из мрачного настроения. — Так кто это будет? Ты же понимаешь, что двоих сразу мы сделать не сможем. Либо, либо.

Она улыбнулась и шмыгнула носом:

— Издеваешься? Я этого не люблю.

— Боже упаси. Когда-нибудь у нас действительно будет ребенок. Почему бы не решить заранее, кого мы родим — мальчика или девочку?

— Конечно, мальчика. Я хочу мальчика.

— Все хотят мальчиков. Каково же девочкам рождаться и узнавать, что родители хотели мальчика? Вот где берет начало ощущение собственной неполноценности, преследующее женщин. Девочка была бы ничуть не хуже. Пол усыпан розовыми пеленками, в кресле забыта кукла, так что, когда я сажусь, то подо мной что-то взвизгивает и пугает меня до смерти...

— Снова дразнишься...

— Так ты хочешь мальчика, да? Ничего, тогда будут пластиковые солдатики, которые впиваются в босые ноги, когда в полночь идешь на кухню перекусить. Нормально.

Мэри котенком свернулась у него на груди и крепче прижалась к нему, нежно перебирая волосы на затылке.

— Крупным бизнесменом — вот кем он, наверное, станет, — продолжал фантазировать Джо, целуя Мэри в лоб и в опущенные веки. — А может, и президентом. — Несколько секунд он обдумывал эту идею. — Нет, нет. Это вычеркиваем. Но важной шишкой он станет непременно.

На мерцающем телеэкране призраки чужих фантазий сменяли друг друга. Джо поднял Мэри и понес на диван, который, если пнуть его в нужное место, превращался в кровать с пружинным матрасом. Он уложил жену на прохладные голубые простыни и, торопливо раздеваясь, присоединился к ней. Мэри Кейт обвила его руками и ногами, заключая в сладкий плен страсти.

Он занимался с ней любовью нежно, спокойно. Ее тело, всегда очень чувствительное к ласке, чутко реагировало на малейшее прикосновение его пальцев. Она вскрикнула, и он горлом глубоко вобрал ее крик. Но его не оставляло сознание того, что кто-то другой наслаждался ее теплом. Кто-то другой лежал между ее бедер, мощно двигаясь внутри ее. Это видение неотвязно стояло у него перед глазами, и он постарался обуздать свое не в меру разгулявшееся воображение, сосредоточившись исключительно на теле жены — на твердых налитых грудях с набухшими сосками, руках и бедрах, облитых мягким светом, на едва заживших царапинах вдоль живота.

Когда он заснул в ее объятиях, ему приснились отметины, которые он впервые увидел под накрахмаленной больничной простыней. Они алым хоромодом двигались по телу Мэри Кейт, круг за кругом, пока вся ее кожа не воспалилась и не вспухла. А потом на лицо Джо легла огненная рука, она хотела выковырять ему глаза и, дымящиеся, поднять на кончиках бесплотных пальцев.

От этого тревожного сна Джо очнулся в холодном поту. Он осторожно выбрался из волглой постели и стоял, глядя из темноты на жену, свернувшуюся калачиком на матрасе. Настрочная таблица на экране телевизора у него за спиной отбрасывала на противоположную стену сеть черно-серых квадратиков. Джо выключил телевизор.

Эти кошмары, подумал он, становятся чересчур реалистичными. Они начались после возвращения Мэри Кейт из больницы. Во сне, когда сознание Джо было беззащитно, они выползали из укрытий и сеяли семена истерии. Сейчас они затаились по углам, хрипло дыша, и слушали, слушали. Ждали, когда он устанет и вернется в постель, чтобы, едва он закроет глаза, выползти, выползти из щелей и трещин и касаться горячими пальцами его лба. Джо был беззащитен перед ними. Что это за теория, спросил он себя, будто телом управляет подсознание? Будто подсознание снами-иероглифами дает знать о страданиях души? Да пошли они, взбунтовался он. Просто я устал как черт.

Он пошел в ванную, выпил стакан холодной воды, вернулся и скользнул в постель к теплой Мэри Кейт. Потом, словно вспомнив

что-то, опять откинул одеяло и еще раз проверил, надежно ли заперта входная дверь.

Поутру его разбудило яркое солнце, золотыми полосками расчертившее ему лицо. Мэри жарила ему яичницу с ветчиной — теперь она редко делала это. В последнее время на завтрак у них бывали только сладкие хлопья и подогретый кофе. Мэри Кейт суежилась в тесной кухоньке, и Джо изо всех сил старался быть с ней поласковее. О детях не заговаривали. Прихлебывая свежий крепкий кофе, Джо рассказывал жене о новом диспетчере, которого недавно взяли в таксопарк.

В последующие недели Мэри Кейт ни словом не обмолвилась о ребенке. Джо чувствовал искреннее облегчение от того, что не надо отвечать на ее вопросы о том, почему они не могут позволить себе завести малыша. Кошмары снились ему все реже, и наконец он перестал бояться засыпать. Мэри Кейт вновь вернулась к своему обычному рабочему расписанию, но теперь она всегда уходила из закусочной засветло, и Джо порой думал, что урок пошел впрок. Понимая, что это ему лишь кажется, он тем не менее чувствовал непонятное воодушевление. Он словно родился заново и постепенно стал подумывать, не вернуться ли на курсы.

Наконец, не советуясь с Мэри Кейт, он решил и позвонил приятелю, с которым три семестра назад слушал курс литературной критики. «Алло, Кеннет? Привет. Это Джо Рейнс. Да, из группы Марша».

— А-а, ну как же, как же! Слушай, тыщу лет тебя не видел. Ты что, ушел в подполье, что ли? Кстати, как ты закончил?

— Хор, и то еле-еле. Послушай, я подумываю вернуться в следующем семестре и хотел узнать, как там дела. Кто какой курс читает. В пятницу я беру выходной и вот хотел... мы хотели... вы с Терри не заглянули бы к нам?

— А ты все еще крутишь баранку?

— Ага. Радости мало, но лучше, чем стоять у станка.

— Я знаю, каково это. Да, нам с тобой есть о чем поговорить. Ведь мы не виделись почти год.

— Ну, — сказал Джо, — дела, понимаешь, то-се...

— Значит, в пятницу? Отлично, договорились. Я тебе привезу расписание. Во сколько? Прихватить бутылочку вина?

— Это мы берем на себя. В семь, годится?

— Прекрасно. Вы живете все в той же каморке?

— Верно, — он хохотнул. — В каморке.

— Тогда лады, увидимся в пятницу. Спасибо, что позвонил.

— Не за что. До скорого.

Мысль о возвращении на курсы взбудоражила Джо. На занятиях он отдыхал от жаркого, сверкающего хромом, запруженного автомобилями Манхэттена, и вместо металлического голоса счетчика в ушах у него звучали певучие голоса куртуазных поэтов.

В тот день после работы он рассказал Мэри Кейт о своем решении и удивился тому, какое искреннее воодушевление это у нее вызвало. Под вечер в пятницу они купили в соседней кулинарии мясо для сэндвичей и отправились в ближайший винный магазин поискать хорошее недорогое вино. Нагруженные свертками и пакетами, они поцеловались на ступеньках своего дома, и какой-то проходивший мимо мальчонка с леденцом за щекой рассмеялся.

Кеннет Паркс и его жена Терри принадлежали к той породе молодых людей, что ходят в студенческие походы, любят посидеть у костра и охотно выезжают за город на богартовские фестивали. Он был высокий, худой, идеального сложения для баскетболиста, хотя сам как-то признался Джо, что никогда не чувствовал желания заниматься спортом. Вместе с Терри — невысокой, с сияющими зелеными глазами и длинными каштановыми волосами — они составляли великолепную пару. Одетые ни чересчур старомодно, ни излишне современно, а, как того требовало новое повальное увлечение, «удобно», Парксы так и просились на журнальную страницу, и стоило им переступить порог тесно заставленной, оклеенной плакатами и афишами квартирки Джо, как тот немедленно почувствовал себя немного неудобно.

— Привет, старик, — проговорил Паркс, стискивая руку Джо. — Давно же я не видал твою физиономию! Уже стал забывать, как ты выглядишь...

Джо закрыл за гостями дверь и представил им жену. Мэри Кейт спокойно улыбалась.

— Джо рассказывал мне о вас, — сказала она Парксу. — Ведь это вы лазаете по пещерам? Вы спе...

— Спелеолог. Да, полагаю, можно сказать и так, — он взял предложенный ему Джо стакан вина и передал его жене. — Мальчишкой я пропадал в пещерах все выходные.

— А чем вы зарабатываете на жизнь?

— Ну... — Кеннет покосился на жену; Терри смотрела на него поверх края стакана яркими пустыми глазами. — Отец Терри вроде как... субсидирует нас, пока мы учимся. — Он весело хлопнул Джо по плечу. — Старина, еще семестр, а потом я собью себе все ноги в поисках работы!

— С работой сейчас чертовски трудно. Честное слово, мне крупно повезло, что я хоть что-то нашел.

Терри сидела со стаканом в руках и оцепенело смотрела в стену, на плакат, где Кинг-Конг на крыше «Эмпайр Стейт» сжатой в огромный кулак волосатой лапой сбивал вертолеты, расстреливавшие его из пулеметов.

— Вам нравится наша квартира? — спросила Мэри Кейт.

Паркс разложил на поцарапанном кофейном столике расписание занятий и показывал Джо отмеченные фломастером курсы.

— А доктор Эзелл читает нам европейскую литературу. Она в этом семестре считается самым тяжелым предметом.

— Серьезно? С Эзеллом, надо думать, легче не становится?

— Черт, конечно, нет. Ему следовало давным-давно уйти на покой. Он как путался в собственных лекциях, так и путается. В прошлый раз, например, он вдруг принялся задавать вопросы совершенно к другому циклу.

Джо хмыкнул.

— Хочешь сэндвич?

— Нет, спасибо, — Кеннет бросил быстрый взгляд на Терри и Мэри, заговоривших, наконец, о чем-то своем. Терри все шире раскрывала глаза. — Итак, — решительно объявил он, снова глядя на Джо, — ты надумал вернуться.

— Да, надумал. Надо! Хочется добиться чего-то большего. То есть, работа у меня, конечно, не хуже любой другой, честное слово. Бывает, такое услышишь — обхохочешься, да и чаевые очень приличные. Но я не хочу всю жизнь просидеть за баранкой, как будто я к ней прикован. Надо расти. А для этого надо сделать первый шаг.

— И ты решил получить диплом. Тебе ведь осталось всего два семестра?

— Три.

— Хуже нет, — проговорил Паркс, — чем начать и бросить. Что у тебя тогда стряслось? Рухнул в финансовую пропасть?

— Да. Нет. Не знаю. Я подумал, что смогу зарабатывать, не бросая занятий, и сел в галошу. Не был готов к тому, как придется жить. Стал хуже учиться, потом просто утратил интерес к учебе. — Мэри Кейт что-то сказала ему, но он не услышал и кивнул ей, словно говоря: «Подожди минутку, и я тебя выслушаю». Терри зачарованно наблюдала за ними. — Я не был готов учиться и работать. И сломался.

— Похоже, мне в этом отношении повезло. Спасибо отцу Терри, у нас никаких проблем...

Терри подтолкнула мужа в бок. Кеннет посмотрел на нее, потом на Мэри Кейт.

Мэри Кейт смотрела прямо в лицо Джо.

— Так как мы решили назвать нашего малыша? — вновь спросила она.

Терри пояснила:

— Мэри мне все рассказала. Я думаю, это прекрасно. Просто замечательно, — она говорила тихо, с придыханием, словно ей было трудно дышать. Что-то здесь не то, подумал Джо и спросил:

— Что?

Мэри Кейт молча смотрела на него. Терри усмехнулась ему в лицо, показав крупные лошадиные зубы.

— Я беременна, — наконец сказала Мэри Кейт и повернулась к Терри. — Он ничего не знал. Это сюрприз.

— Ей-богу, сногсшибательный сюрприз! — воскликнул Паркс, хлопая Джо по спине. — Ну и ну. Это надо отметить! Все наполните

стаканы. Ну, Джо, поехали — за вас. Тебе надо набираться сил, чтобы вскрывать упаковки с пленками. За будущую маму! Джо, ладно тебе, перестань!

— И сколько уже? — спросила Терри. — Вот здорово! Правда, Кенни?

— Чуть меньше месяца, — ответила Мэри Кейт, не спуская глаз с Джо. Тот, глядя в свой стакан, медленно закипал.

— Ребенок, — повторила Терри, словно замороженная этим словом. — Ребенок. Мы тоже когда-нибудь решимся завести ребенка, верно, Кенни? Когда-нибудь, когда закончим учебу.

Кеннет поднес стакан к губам.

— А как же, — ответил он. — Черт! Ребенок! Это вам не жук нахал.

Терри разливалась соловьем о милых малютках, лежащих в колыбельках среди резиновых утят и розовых погремушек. Мэри Кейт не мигая смотрела на мужа.

— Это, — очень тихо вымолвил Джо, — конец всему.

Паркс не расслышал и наклонился поближе:

— Что ты сказал, приятель?

Джо не мог дольше сдерживать ярость; злость вскипела в нем, желчь гейзером ударила из желудка в горло. Волна бешенства захлестнула его, и он вдруг вскочил, сверкая глазами. Стакан с вином вылетел из его руки и с треском, напоминающим пистолетный выстрел, вдребезги разбился о стену. Густое, как кровь, вино выплеснулось и ручейками потекло вниз, собираясь в овальную лужицу на полу.

Захмелевшая Терри взвизгнула, как от пощечины, и замерла, едва заметно покачиваясь.

Джо стоял, вперив взгляд в кровавое пятно. Его руки висели как плети, словно он разом лишился всех мышц. Швырнув стакан о стену, он исчерпал свои силы. Даже голос у него стал слабым, обморочным:

— Я... я напачкал... Надо убрать.

Мгновение назад в нем, согревая, давая силы идти вперед, теплилась свеча. Теперь же кто-то вдруг задул ее; Джо казалось, что он слышит едкий запах дыма, поднимающегося от фитиля. Он тупо глядел на осколки стекла и лужицу вина у стены до тех пор, пока Мэри Кейт не исчезла на кухне и не вернулась с ведром и бумажными полотенцами.

Паркс старался улыбаться. Улыбка получалась кривая и неловкая. Недоумение в глазах придавало ему испуганный и смущенный вид, словно он вышел на сцену, не зная, какую пьесу играют. Он взял жену за руку и поднялся.

— Нам пора, — проговорил он извиняющимся тоном. — Джо, обязательно позвони мне, хорошо? Насчет занятий. Договорились?

Джо кивнул.

Терри сказала Мэри Кейт:

— По-моему, это чудесно. Надеюсь, Джо не слишком огорчился.
— Доброй ночи, — сказал Паркс, подталкивая жену к выходу, и Мэри Кейт закрыла за гостями дверь.

Она прислонилась спиной к стене и смотрела, как Джо кивает в ответ на последний вопрос Кеннета.

— Месяц? — спросил он наконец, не глядя ей в лицо и внимательно изучая красные капли, медленно сползавшие по стене. — Целый месяц, а ты молчала?

— Я не знала, как...

Джо впился в Мэри горящими глазами. Из-за его плеча на нее так же сердито смотрел Кинг-Конг.

— Этого не может быть. Разве что ты врала мне, будто принимаешь таблетки. Ты мне врала, сознайся. Черт подери!

— Нет, — тихо проговорила она. — Я не врала.

— Теперь это не имеет значения! — Джо снова разозлился. Он сделал шаг вперед, и Мэри Кейт, холодея от ужаса, поняла, что попала в ловушку между ним и стеной. Джо срывался не в первый раз. Однажды после жаркого телефонного спора с ее отцом из-за денег он вырвал телефонный провод из стены и грохнул аппарат об пол, а потом смел лампу со стола и начал громить квартиру, и тогда Мэри Кейт ушла из дома и два или три дня бродила по городу, покуда полицейский не нашел ее в парке. Она всегда боялась бурных проявлений мужнина гнева, хотя он ни разу не поднимал на нее руку. Сейчас его воспаленные глаза злобно блестели.

— Я хочу знать, — громко сказал он прерывающимся голосом, — когда именно ты решила, что у нас будет ребенок?! Я хочу знать, когда ты решила забыть обо всем, что я вколачивал в твою дурацкую башку!

— Я все время принимала таблетки, — ответила Мэри Кейт. — Все время. Честное слово.

— Врешь! — заорал он, и это было как пощечина. Мэри Кейт вздрогнула и затаила дыхание. Джо потянулся к пепельнице, керамической чаше, которую подарил им на свадьбу один из ее дядей, и хотел было запустить ею через всю кухню, но, ощутив в руке ее тяжесть, передумал. Он понял, что, превратив пепельницу в черепки, никак не избавится от горького разочарования, а главное, от убеждения, что Мэри Кейт окончательно и бесповоротно преступила границы дозволенного. Он выпустил пепельницу из руки и стоял, тяжело дыша, слишком смущенный и злой, чтобы что-нибудь предпринять.

Мэри Кейт почувствовала, что напряжение спало, и торопливо, пока муж вновь не вспикел, проговорила:

— Клянусь тебе, я ни разу не забыла принять таблетки. Я сама ничего не понимаю. Недели две назад я почувствовала, что надо провериться, и врач объяснил мне, в чем дело. Я вынула из ящика счет раньше, чем ты его обнаружил, и заплатила сама.

— Твой врач ошибся! — сказал Джо. — Ошибся!

— Нет, — ответила Мэри Кейт. — Никакой ошибки нет.

Он медленно опустился на диван и закрыл лицо руками.

— Ты не могла забеременеть, если только не... Черт. О Боже. Мэри Кейт, у меня нет таких денег. Я не потяну. Слышишь, не потяну!

Мэри ждала. Убедившись, что гнев Джо утих, она подошла и, бесшумно опустившись на колени у ног мужа, прижалась щекой к его руке.

— Мы можем занять денег. Может быть, у отца.

— Ну да, как же. Он мне и десяти центов не даст!

— Я поговорю с ним. Нет, серьезно.

Джо пожал плечами. Чуть погодя он сказал:

— Ты поговоришь с ним?

— Мы займем у него денег, и все уладится, — ответила Мэри Кейт. — Конечно, будет тяжело. Мы знаем, что будет. Но ведь другие заводят детей, и ничего. Экономят каждый грош, но живут, Джо.

Он отнял руки от лица, посмотрел на ее невинное лицо с огромными глазами, и пояснил, не разжимая губ:

— Я не имел в виду расходы на ребенка, Мэри Кейт. Я говорю о деньгах на аборт.

— Черт тебя побери! — крикнула она, отшатываясь и заливаясь слезами. — Никакого аборта! Никто на свете не заставит меня пройти через это!

— Решила dokonать меня? — с горечью выкрикнул он. — Вот чего тебе надо! Хочешь меня уничтожить!

— Нет, — процедила Мэри Кейт сквозь стиснутые зубы. — Никаких абортот. Я не шучу. Мне все равно, что от меня потребуется. Буду работать в две смены, днем и ночью. Продам свою кровь, свое тело. Плевать. Никаких абортот.

Джо посмотрел жене в лицо и беззвучно пошевелил губами. Слова не шли с языка. Мелькнула мысль: не это ли заставляет мужчин навсегда уходить из дома, не эта ли нежданная и страшная сила, которая пришла к Мэри Кейт вместе с осознанием того, что она носит в утробе дитя? Король умер — да здравствует королева. «Но, черт подери, когда это я умер? — спросил он себя. — Два года назад? Минуту назад? Когда?»

Что-то высвобождалось из самой сердцевины костей и тканей Мэри Кейт и, подхваченное током крови, проступало у нее на лице. Оно исказило ее черты и зажгло в глазах злобный звериный огонек. Мэри сказала:

— Ребенок мой.

Джо отпрянул к спинке дивана, безотчетно стремясь увеличить расстояние, отделявшее его от этой женщины, блестевшей в темноте белыми зубами, увенчавшей его черным терновым венцом поражения. Ее лицо, безжизненное и одновременно непреклонное, как

древняя маска смерти, проникло в мозг Джо, зависло там, точно марионетка, и заплясало мрачной тенью той, кем эта женщина была всего несколько мгновений назад. К своему удивлению, Джо вздрогнул. Мертвым, невыразительным голосом он произнес:

— Ты меня доконаешь, Мэри Кейт. Не знаю, зачем тебе это надо, но доконаешь. И еще этот ребенок. Последний гвоздь в крышку гроба.

— Ну и черт с тобой, — ответила она.

Мэри встала и повернулась к нему спиной. Ее глаза, отраженные в оконном стекле, смотрели яростно и непримиримо. У меня *будет* ребенок, сказала она ветру, шелестевшему газетами на улице внизу. Теперь никто на свете не отнимет его у меня. Она стояла так и вдруг почувствовала, что рядом с ней кто-то есть. Его тонкая бледная рука притронулась к ее плечу и обожгла, точно раскаленное клеймо.

У меня *будет* ребенок.

5

Ребенок родился в конце ненастного марта, когда ветер швырял снежные хлопья в окно палаты Мэри Кейт. И до, и после родов, уже уезжая на каталке по линолеуму больничного коридора в палату, она слышала вой бури.

Ребенок, мальчик с мелкими, плоскими чертами лица и пронзительными, пытливыми голубыми глазами, которые, знала Мэри Кейт, со временем непременно потемнеют, не был красив. И все же она с благодарностью приняла ребенка из рук сиделки и поднесла к груди, чтобы покормить. Ребенок вел себя очень спокойно, почти не шевелился и только пытался поймать крохотными кулачками ее набухшую грудь.

Имя, которое Джо выбрал для ребенка, — Эдвард, в честь малоизвестного английского поэта — ей не понравилось, и она решила дать сыну имя, переходившее в их семье из поколения в поколение. И вот в свидетельстве о рождении, невзирая на слабые протесты Джо — Джеффри-де зовут его двоюродного брата, которого он терпеть не может — записали: «Джеффри Харпер Рейнс».

Они привезли его домой и уложили в кроватку, которую ему предстояло делить с красногубыми резиновыми зверюшками. Над кроваткой висела прикрепленная к потолку карусель с улыбающимися пластиковыми рыбками. Мэри Кейт водила рыбок по узкому кругу, а Джеффри сидел и смотрел, всегда молча. Кроватку они поставили так, чтобы малышу был виден телевизор. В первые недели после выписки Мэри Кейт тревожило то, что Джеффри очень редко плачет. Она пожаловалась Джо, ведь плач — здоровая реакция новорожденного, но Джо ответил:

— Ну так что же? Возможно, он всем доволен.

Но Джеффри не только мало плакал. Он никогда не смеялся. Даже по субботам утром, когда показывали «Том и Джерри» и «Хауди-

Дуди», Джеффри, у которого резались зубы, молча мусолил зубное кольцо, блуждая взглядом по тесным закоулкам квартиры. Равнодушные Джеффри тревожило Мэри Кейт; его глаза были как у рыбы, плавающей в холодном море, или у змеи, затаившейся в темной норе.

Когда Мэри Кейт брала сына на руки, ей порой казалось, что он не испытывает никакого желания быть рядом с ней. Мальчик отчаянно вырывался, а если мать крепче прижимала его к себе, норовил ушибнуть ее. Время шло. Глядя на Джеффри, в особенности разглядывая его личико, Мэри Кейт тревожилась все сильнее. Ребенок не походил ни на нее, ни на Джо. Джо время от времени сухо замечал, что в конце концов мальчик будет похож на него, но Мэри Кейт понимала, что муж далек от истины. А какова была истина? Не была ли она, случайно, похоронена у нее в подсознании, в том его уголке, где хранились смутные воспоминания о воющей сирене «скорой помощи», о белом внутри кузове и людях в белых халатах, которые бесконечно ощупывали ее истерзанное тело?

Несмотря на разочарование, Мэри Кейт не позволяла себе плакать. Она всегда прекращала думать о ребенке раньше, чем хлынут слезы, завертится водоворот сомнений, примерещатся во мраке призрачные фигуры.

Джо теперь три дня в неделю работал в две смены и являлся домой рано утром, мечтая об одном — выпить пару банок пива и рухнуть в постель, иногда даже не раздеваясь. Случалось, он уходил на работу в том же, в чем спал накануне, а бывало, по нескольку дней ходил небритый. У него не было сил даже думать о возвращении в колледж, а его острый обвиняющий взгляд оскорблял Мэри до глубины души. Джо почти перестал разговаривать с женой и обращался к ней только в случае необходимости, а Мэри Кейт научилась поворачиваться к нему спиной в постели.

За те три месяца, в которые квартира постепенно заполнилась резиновыми игрушками и пеленками и пропахла молоком и чем-то кислым, у Джо вошло в привычку уходить из дома и подолгу бродить по городу. Нередко он возвращался, когда Мэри Кейт уже спала. Разбуженная стуком входной двери, она слышала, как он заходит, часто — пьяный, бормоча себе под нос что-то, чего она не могла разобрать. Подонок, думала она. Пьяный подонок. И, не глядя на него, резко бросала: «Сперва разденься, потом ложись».

Спал Джо все хуже, метался, вскрикивал во сне. Тогда Мэри Кейт слышала, как он встает, пьет в ванной воду и, как ни странно, гремит дверной цепочкой, проверяя, надежно ли закрыта входная дверь. Но она лежала тихо как мышка, притворяясь спящей, а когда Джо возвращался в постель, засыпала, точно зная, что муж еще долго будет лежать в темноте с открытыми глазами, неподвижно глядя ей в спину.

Не раз Мэри Кейт просыпалась и видела его силуэт на фоне освещенного квадрата окна: он стоял над кроваткой, вглядываясь в спящего малыша, стоял очень прямо, сжимая кулаки так, что белели

суставы пальцев, и буравил взглядом неподвижную фигурку в белой пижамке. Утром оказывалось, что Джеффри проснулся раньше ее и крепко держится за прутья кровати, словно хочет до срока улизнуть из тюрьмы младенчества. Темные глаза мальчика пронзали ее; казалось, он сердито смотрит сквозь Мэри Кейт на ее спящего мужа. Однажды, когда Джо взял ребенка на руки, чтобы продемонстрировать отцовскую привязанность (что случалось нечасто), Джеффри чуть не выколол ему глаз, тыча пальцем в карусель с рыбками. Джо чертыхнулся и, потирая пострадавший глаз, опустил ребенка обратно в кроватку.

Мэри Кейт начала бояться Джо. Настало лето, жара накинута на них, как беспощадный зверь, и Джо все чаще и все легче выходил из себя. Глаза у Джеффри потемнели и превратились в черные, блестящие хитрые щелочки, а волосы росли прямые и черные. Нос удлинился. Мэри Кейт с внезапной тревогой увидела, что подбородок у сына будет с ямочкой. Ей было хорошо известно, что ни у них в роду, ни в роду у Джо таких подбородков не было. Она водила пальцем по краям намечающейся ложбинки, слушая далекий вой сирены, летевший над городскими крышами. Джо тоже заметил ямку. Когда он откупоривал бутылку пива и принимался разглядывать Джеффри, игравшего на полу, у Мэри Кейт возникала твердая уверенность в том, что Джо непременно пнул бы малыша в лицо, если бы мог.

Однажды вечером на исходе лета, когда Джеффри играл с кубиками, разбросанными по ковру, она уселась на пол перед ним и стала изучать его лицо. Джеффри строил башню, а узкие, темные, почти черные глаза равнодушно следили за матерью, словно поддразнивали: ну-ну, смотри-смотри. Тонкие пальчики двигались не по-младенчески неловко, а по-взрослому уверенно.

— Джеффри, — шепнула Мэри.

Ребенок оторвался от кубиков и медленно поднял голову.

Мэри Кейт невольно потупилась. Под пристальным взглядом черных глаз сына у нее перехватило дыхание и закружилась голова, словно она глотнула спиртного. Они были неподвижные, будто нарисованные.

Мэри Кейт протянула руку, чтобы пригладить его спутанные черные волосы.

— Мой Джеффри.

Джеффри размахнулся и развалил башню из кубиков. Они разлетелись по всей комнате, и один ударил Мэри по губам. Она испуганно вскрикнула.

Джеффри подался вперед, его глаза расширились от восторга, и Мэри Кейт пробрала дрожь. Она взяла сына за руку и шлепнула, приговаривая: «Бяка! Бяка!» — но Джеффри не обратил на это никакого внимания. Он коснулся свободной рукой губ матери. На пальцах осталась капелька крови.

Испуганная и зачарованная черным немигающим взглядом ребенка, Мэри Кейт смотрела, как он подносит пальцы ко рту, как высовывает язык и слизывает алую каплю, как глаза его коротко вспыхивают, точно далекий маяк в ночи. Очнувшись, она сказала: «Бяка, нельзя!» — и хотела опять шлепнуть сынишку по руке, но он повернулся к ней спиной и принялся собирать кубики.

Пришла осень, за ней зима. За стенами дни напролет противно свистел ветер. В сточных канавах шуршали листья. Крышки помойных баков покрылись снегом и льдом. Этой угрюмой, унылой зимой Мэри Кейт все больше отдалялась от Джо. Он словно бы сдался; теперь он совсем не пытался общаться с ней. Он давным-давно забыл, что когда-то она делила с ним ложе, и Мэри Кейт понимала, что рано или поздно, отправившись однажды вечером на очередную «прогулку», Джо не вернется домой. Он и сейчас уже порой пропадал на сутки, а когда она, вынужденная выгораживать блудного мужа перед диспетчером, обрушивалась на него, попросту поворачивался на каблуках и вновь исчезал за дверью. Наконец он возвращался — грязный, небритый, провонявший пивом и потом — и спотыкаясь вваливался в дом, бормоча что-то в адрес ребенка. «Дурак, — говорила она. — Жалкий дурень».

И вот однажды вечером, меньше чем за неделю до первого дня рождения Джеффри, Мэри Кейт оставила мальчика с Джо и спустилась за чем-то в магазин, а вернувшись, увидела, что муж невозмутимо раздевает малыша над ванной с кипятком. Мальчик цеплялся ручонками за отцовские плечи, глаза-щелочки хитро поблескивали. На небритом лице Джо краснели царапины. На желтом кафельном полу блестела разбитая бутылка.

Мэри выронила кошелку. Зазвенело стекло.

— Ты что же это делаешь, а?! — крикнула она, когда Джо поднял вырывающегося ребенка над ванной. Он оглянулся, глаза были мутные, испуганные. Мэри выхватила у него Джеффри и крепко прижала к груди.

— Боже мой, — взвизгнула она, и ее голос отразился от кафельных стен. — Ты сошел с ума! О Господи!

Джо присел на край ванны и ссутулился. Казалось, от его лица отхлынула вся кровь, только под глазами лежали серые тени.

— Еще бы минуту, — сказал он каким-то отрешенным, мертвым голосом. — Задержись ты еще на минуту... Всего на одну...

— Боже мой!

— Всего на минуту, — повторил он, — и все закончилось бы.

Она закричала:

— Ты сумасшедший! Боже мой! О Господи Иисусе!

— Да, — проговорил он. — Ты зываешь к Господу. Зываешь к Господу. Но уже поздно. О Господи, поздно! Посмотри на меня. *Посмотри на меня, я сказал!* Я умираю... клетка за клеткой... умираю, и тебе это известно, — Джо огляделся и заметил на полу осколки. — О нет, — всхлипнул он. — Моя последняя бутылка.

Он поднялся и двинулся к Мэри Кейт. Она попыталась с ребенком на руках. Джо хватился за косяк и встал в дверях ванной, свесив голову и открыв рот, словно собираясь стошнить.

— Мне снятся хорошие сны, Мэри Кейт. Ах, какие сны! Знаешь, что мне снится? Хочешь, расскажу? Мне снятся лица, они летают вокруг меня и выкрикивают мое имя. Тысячу, десять тысяч раз за ночь они будят меня. А еще мне снится ребенок, который выцарапывает мне глаза, и я слепну. О Боже, мне нужно выпить.

— Ты сошел с ума, — с трудом выговорила Мэри Кейт немеющим языком.

— Мне казалось, что если я уйду отсюда, если буду спать где-нибудь в другом месте — в метро, в кино или даже в церкви — это поможет. Но нет. А знаешь, что еще мне снится, Мэри Кейт? Моя милая Мэри Кейт... Хочешь знать? Мне снится, как ты, моя милая женушка, стоя на коленях, сосешь член мужчины с лицом ребенка. *Ребенка, который сидит сейчас у тебя на руках!!!*

Мэри Кейт сдержала крик и увидела, что Джо лихорадочно обшаривает взглядом длинные тени, сгустившиеся в комнате.

— Это не мой ребенок, Мэри Кейт, — проговорил он. — Теперь я уверен в этом. А ты знала это с самого начала. Неважно, кто это сделает. Неважно как. Но этот ребенок должен умереть. Мы можем спрятать тело где-нибудь в городе, в помойке, или бросить в реку.

Он не сводил с нее умоляющих глаз, и она вдруг увидела его сквозь набежавшие слезы.

— О, Господи, Джо, тебе нужна помощь. Тебе надо помочь.

— Никто мне не поможет. — Джо, пошатываясь, добрал до окна и прислонился лбом к тотчас запотевшему стеклу, хватаясь за покрытые трещинами стены, и закрыл глаза.

— О Господи.

Джеффри у нее на руках зашевелился.

— Я люблю тебя, люблю, люблю, — неслышно зашептала Мэри Кейт на ухо ребенку. — Он сумасшедший. Этот человек сошел с ума и хочет убить тебя. Господи...

Руки ребенка протянулись к ее лицу. Джеффри крепко прижался к ней в поисках тепла. Мэри Кейт посмотрела на него и встретила странный жаркий взгляд.

Джо, тяжело дыша, привалился к окну. Мэри Кейт увидела, как его дыхание веером туманит грязное стекло. По ее лицу потекли горячие слезы. Она положила Джеффри в кроватку и прислушалась к бессвязному бормотанию Джо. Джеффри сел, прижимаясь лицом к прутьям кроватки. Он постарается убить нас обоих, сказала себе Мэри Кейт. Обоих. Будь ты проклят! Он хочет убить моего малыша... а потом меня, чтобы я никому не смогла рассказать, что произошло!

Она вернулась в ванную и стала смотреть, как ее слезы капают на длинные зазубренные осколки бутылочного стекла. Он убьет нас обоих. Обоих, обоих, обоих. Он сумасшедший.

Она подхватила с пола бутылочное горлышко и двинулась к мужу. Джо начал поворачиваться от окна и открыл рот, собираясь что-то сказать.

Мэри Кейт сделала два быстрых шага вперед и вонзила горлышко ему в грудь пониже ключицы. От неожиданности Джо охнул и застыл, так и не закрыв рот и глядя себе на рубашку. Когда боль ворвалась в его сознание, он дико крикнул и оттолкнул от себя жену. Она выдернула бутылочное горлышко из его груди и ударила снова; ослабленная алкоголем рука не смогла остановить ее. Зазубренное стекло проникло в грудную клетку и впилося в легкое. Джо закашлялся, лицо и блузку Мэри Кейт окропил кровавый дождь. Она ударила Джо в лицо. Он в отчаянии попятился, но Мэри Кейт шла на него, обезумев, забыв о жалости, замахиваясь для второго удара в лицо.

Он в панике отступал, и вдруг оказалось, что позади окно. Отчаянный взмах рук, зазвенело стекло, за краем окна мелькнуло бледное лицо Джо с полными ужаса глазами. Мэри Кейт увидела, как муж кончиками пальцев пытается уцепиться за подоконник — и в следующий миг Джо сорвался.

Его тело с неестественно вывернутой шеей распростерлось на мостовой.

Какой-то прохожий в коричневом пальто нагнулся над трупом и испуганно уставился вверх на Мэри Кейт.

У нее за спиной Джеффри показывал на карусель.

— Мамочка, — прошепелявил он, — смотри, красивая рыбка!

6

Мальчики, болтливые и проказливые, как молодые обезьянки, вереницей зашли в столовую, мгновенно наполнившуюся гомоном и гвалтом, и бросились занимать свои обычные места за длинным столом, испещренным инициалами их предшественников.

Сестра Мириам сквозь очки в строгой черной оправе наблюдала за детьми, терпеливо дожидаясь, пока все тридцать сорванцов рассядутся по местам. Даже за столом, в ожидании молитвы, неутомонные десятилетки толкались и щипались. Перекрикивая общий шум, сестра Мириам сказала:

— Ну хорошо. А теперь нельзя ли потише?

Они притихли, как булькающее в горшке варево, и уставились на стоявшую перед ними смуглую пожилую женщину в черной рясе. Она взяла в руки блокнот. На нее была возложена обязанность проверять, все ли вернулись с перемены. Сестра Мириам хорошо знала детей и по именам, и в лицо, и все же всегда оставалась невозможной, что кто-нибудь — вероятнее всего, кто-нибудь из наименее смысленных — исхитрится заплутать в лесу, окружавшем сиротский приют. Так уже случилось однажды, давным-давно, когда

сестра Мириам только начинала здесь работать и забора еще не было. Ребенок тогда чудом уцелел. С тех пор она никогда не рисковала.

— Перед завтраком мы проведем перекличку, — привычно сообщила она детям. — Джеймс Паттерсон Антонелли?

— Здесь.

— Томас Кини Биллингс?

— Здесь.

— Эдвард Эндрю Бэйлесс?

— Присутствует.

— Джером Дарковски?

— Присутствует. — Смешки и гиканье. Сестра Мириам резко подняла голову.

— У вас полчаса до прихода следующей группы, дети. Если будете дурачиться, то лишь зря потратите время. Я, кажется, просила тишины? — Она снова опустила взгляд к блокноту. — Грегори Холт Фрейзер?

— Здесь.

Сестра Мириам зачитывала список по алфавиту, приближаясь к его имени. Иногда ей хотелось, чтобы он исчез, сбежал из приюта, сгинул в лесной чаще, оставив разве что клочок одежды на изгороди как единственное свидетельство своего существования. Нет, нет, внутренне запротестовала она. Прости. Я не хотела. Она нервно глянула поверх списка на ребят. Он сидел где всегда, во главе стола, и ждал, когда она назовет его имя. На его губах играла едва заметная улыбка, словно он знал, какие мысли роились за непроницаемой маской ее лица.

— Джеффри Харпер Рейнс?

Он не отозвался.

Дети замерли.

Они ждали.

Он ждал.

Сестра Мириам прокашлялась и опустила голову, чтобы не видеть их лиц. С кухни тянуло жареным мясом — там готовили гамбургеры.

— Джеффри Харпер Рейнс, — повторила она.

Он молчал, сложив руки на столе перед собой. Черные глаза, узкие щелочки на бледном лице, смотрели дерзко.

Сестра Мириам бросила блокнот на стол. Нет, довольно! Эта глупая игра излишне затянулась!

— Джеффри, я дважды вызывала тебя. Ты не отозвался. На уроке двести раз напишешь свое имя и покажешь мне. — Она посмотрела на следующее в списке имя. — Эдгар Оливер Торторелли.

Но ответил ей не Торторелли. Прозвучал другой голос. *Его* голос.

— Вы что-то не назвали мое имя, сестра. — Он так прошипел это «сестра», что в первый момент ей почудилось: он сейчас скажет какую-нибудь непристойность.

Сестра Мириам моргнула. Ей вдруг стало жарко. На кухне гремели подносами и тарелками. Сестра Мириам сказала:

— Как же не назвала? Дети, я ведь называла имя Джеффри? — Она поморщилась. Нет, нет. Нельзя впутывать в это других детей. Это наше с ним дело, остальные тут ни при чем.

Дети заерзали. Их глаза, похожие на темные стеклянные шарики, метались от мальчика к женщине.

— Меня зовут *Ваал*, — сказал мальчик. — На другие имена я не отзываюсь.

— Давайте обойдемся без этой ерунды, молодой че...

Скрипучий голос Джеффри оборвал ее на полуслове.

— Я ничего не буду писать. И не буду откликаться ни на какие имена, кроме своего.

Она беспомощно застыла под его немигающим взглядом. И увидела, что на его губах медленно появилась усмешка, превратившаяся в жестокую улыбку, но глаза... глаза остались холодными и безжалостными, как нацеленная двустволка. Дети за столом вертелись, нервно хихикали, а он — он сидел неподвижно, сложив руки на столе.

Сестра Мириам поглядела в кухню, окликнула хлопотавших там монахинь: «Можно подавать», — и, не взглянув на детей, вышла из тяжелых дверей столовой. По тускло освещенному коридору мимо классов, по главному коридору, через приемную, за двери-витражи на большое широкое крыльцо, где сбоку от ступеней висит серая металлическая вывеска «ПРИЮТ ЗАБОТЛИВЫХ ПРАВЕДНИКОВ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ». Вдалеке, на детской площадке среди деревьев, уже роняющих свой багряно-золотой осенний убор, кругами, словно пчелы в улье, носились мальчишки из другой группы.

Сестра пересекла двор и направилась по асфальтированной подъездной дороге к маленькому кирпичному строению, совершенно не походившему на нелепую, с фронтонами и острыми коньками крыш, громаду приюта. Здесь располагались административные помещения. По соседству, в кольце деревьев, горевших на солнце яркой желтизной, стояла приютская часовня.

Сестра Мириам вошла в кирпичное здание и по тихим, застланым винно-красными коврами коридорам подошла к маленькому кабинету с золотыми буквами «Эмори Т. Данн» на дверях. Секретарь, крупная женщина с желчным лицом, подняла на нее глаза:

— Сестра Мириам? Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Да. Я хотела бы поговорить с отцом Данном.

— Сожалею, но через десять минут у него назначена встреча. Похоже, для юного Латты нашлась прекрасная семья.

— Мне обязательно нужно с ним поговорить, — сказала сестра Мириам и к великому изумлению секретарши постучала в дверь, не слушая, что ей говорит эта легендарная личность, бессменный секретарь отца Данна на протяжении двадцати с лишним лет.

— Войдите, — сказали из-за двери.

— Но, сестра Мириам, — возмущенно проговорила секретарша, — как же можно...

Сестра Мириам закрыла за собой дверь.

Отец Данн вопросительно взглянул на нее из-за широкого, застеленного промокательной бумагой письменного стола. Средних лет, в седых волосах кое-где проглядывают блестящие черные пряди. Серые глаза. Позади, на обшитой дубовыми панелями стене, висело два десятка почетных дипломов за работу в области теологии и гуманитарных наук. Отец Данн был человеком образованным и принял сан, уже имея гарвардский диплом доктора социологии. Порой сестра Мириам недоумевала: в глазах этого сдержанного, степенного человека нет-нет да и проскакивала искра гнева.

Отец Данн сказал:

— Вам не кажется, что вы довольно бесцеремонны? Я с минуты на минуту жду посетителей. Может быть, вы заглянули бы попозже, ближе к вечеру?

— Прошу вас, святой отец. Мне нужно сказать вам пару слов.

— Может быть, вам мог бы помочь отец Кэри? Или сестра Розамунда?

— Нет, сэр, — сестра Мириам твердо решила не отступить. Со всеми прочими она уже говорила. Ее вежливо выслушивали и предлагали каждый свои меры — кто либеральные, кто жесткие. Но ничего не помогало. Пришла пора узнать мнение отца Данна, и сестра Мириам не собиралась уходить, не высказавшись. — Мне нужно поговорить с вами о Джеффри Рейнсе.

Отец Данн едва заметно прищурился; ей почудилось, что устремленный на нее снизу вверх взгляд стал ледяным.

— Ну что ж, присаживайтесь, — он указал на черное кожаное кресло и включил переговорное устройство на своем столе: — Миссис Бимон, попросите, пожалуйста, мистера и миссис Шир подождать несколько минут.

— Хорошо, сэр.

Отец Данн откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по столу.

— Мне кажется, я уже знаком с этой проблемой, сестра Мириам, — сказал он. — Что, есть новости?

— Сэр, этот ребенок... он совершенно не похож на остальных. Я с ним не справляюсь. Он так меня ненавидит, что я... э-э... почти физически ощущаю его ненависть.

Отец Данн снова протянул руку к переговорному устройству:

— Миссис Бимон, будьте любезны принести мне дело Джеффри Харпера Рейнса. Десяти лет.

— Да, сэр.

— По-моему, вы видели его личное дело? — спросил отец Данн.

— Да, видела, — ответила сестра Мириам.

— Значит, вы знакомы с обстоятельствами его жизни?

— С обстоятельствами — да, но мне абсолютно не понятны его желания и стремления.

— Что ж, — продолжал отец Данн, — вы, возможно, знакомы с моей теорией «младенческого стресса». Знакомы?

— Не совсем. По-моему, я краем уха слышала, как вы с отцом Робсоном беседовали на эту тему.

— Ну, тогда, — сказал отец Данн, — послушайте. Младенец — самое нежное и чувствительное из всех творений Господа. Едва родившись, ребенок уже тянет ручки, чтобы касаниями исследовать новую среду обитания. И реагирует на эту среду; а она в определенной степени формирует его. Младенцы, да и вообще все дети независимо от возраста, необычайно восприимчивы к проявлению различных чувств, переживаний, страстей. — Он многозначительно воздел палец. — И особенно к ненависти. Ребенок способен до конца жизни носить в себе пагубные, разрушительные страсти, пограничные с насилием эмоции. У мальчика, о котором идет речь, жизнь складывалась... сложно. Насилие, учиненное над его матерью, заронило в ее душу малую искру ненависти, которая, беспрепятственно разгораясь, привела к убийству отца Джеффри. Мать мальчика убила мужа на глазах у ребенка. Я полагаю, что именно здесь корень той ненависти, а может быть, страдания, которое носит в себе Джеффри. Сцена жестокого насилия произвела на мальчика сильнейшее впечатление и до сих пор жива где-то на самом дне его памяти...

Вошла миссис Бимон и положила на стол отца Данна желтую папку, помеченную «Рейнс, Джеффри Харпер». Отец Данн поблагодарил и принялся молча листать страницы.

— Возможно, Джеффри не помнит подробностей той ночи... по крайней мере, не сознает этого. Но на уровне подсознания он помнит каждое грубое слово, каждый жестокий удар. — Он на мгновение отвлёкся от изучения бумаг, желая удостовериться, что собеседница внимательно его слушает. — Вдобавок, сестра Мириам, нам приходится считаться с психологией осиротевшего ребенка. Здесь у нас — сироты от рождения, никому не нужные дети, трудные дети. Они не просили их рожать. Они считают себя ошибкой, следствием того, что кто-то забыл принять противозачаточные таблетки. Нам удается — очень медленно, ценой невероятных усилий, с ничтожной отдачей — пробиться к некоторым из них. Но этот Рейнс... он пока еще не впустил нас к себе в душу.

— Он пугает меня, — сказала сестра Мириам.

Отец Данн хмыкнул и вновь погрузился в изучение желтой папки.

— Он здесь четыре месяца. Его перевели к нам из школы Святого Франциска в Трентоне. Туда он попал из нью-йоркского приюта Богоматери, успев перед тем побывать в приюте Святого Винсента для мальчиков, тоже в Нью-Йорке. Его несколько раз усыновляли, но по тем или иным причинам он не приживался. Все приемные родители отмечали его нежелание общаться, неуступчивость... — отец Данн взглянул на сестру Мириам, — грубость и дурные привычки, непокорность родительской власти. И еще одно: он упорно

отказывается откликаться на христианские имена. — Священник поднял голову и посмотрел на монахиню. — Что скажете?

— Сейчас он отказывается откликаться даже на свое настоящее имя. Он называет себя Ваалом, и я слышала, как кое-кто из ребят так его называл.

— Да, — проговорил отец Данн, поворачиваясь вместе с креслом к распахнутому окну, чтобы посмотреть на детей, играющих во дворе. — Да. И, насколько я понял, он отказывается ходить на службы в часовню. Это так?

— Да, сэр. Именно так. Он отказывается даже входить в часовню. Мы лишили его возможности смотреть фильмы, играть на площадке с другими детьми, чего только не пробовали, и все зря. Отец Робсон посоветовал восстановить все его права и больше не тратить на это силы.

— Мне кажется, это самое лучшее, — заметил отец Данн. — Очень и очень странно... А что, его отец был человеком верующим?

Сестра Мириам покачала головой, и отец Данн сказал:

— Что ж, я тоже не знаю. Мне известно только то, что содержится в этой папке. Он, кажется, мало общается с другими детьми?

— По-моему, есть несколько таких, кто пользуется его доверием, но все они похожи на него, такие же молчаливые и подозрительные. И все же, несмотря на всю свою непокорность, он прекрасно учится. Он много читает, особенно по истории и географии, и жизнеописания. Могу также отметить его нездоровый интерес к личности Гитлера. Однажды в библиотеке я услышала, как он скрипел зубами. Он читал тогда статью о газовых печах Дахау в старом номере «Лайф» и захлопнул журнал, когда заметил, что я наблюдаю за ним.

Отец Данн хмыкнул.

— Подозреваю, что он куда умнее, чем хочет казаться.

— Сэр?

Священник постучал по раскрытой перед ним странице.

— Судя по результатам стандартных тестов, у него феноменальные способности, и все же отец Робсон, проводивший тестирование, считает, что Джеффри поскромничал. Ему кажется, что на некоторые вопросы мальчик намеренно ответил неверно. Вы можете мне это объяснить?

— Нет, сэр.

— И я не могу, — сознался отец Данн и пробормотал что-то себе под нос.

— Сэр? — переспросила сестра Мириам, наклонившись к нему.

— Ваал... Ваал, — негромко повторил священник. Потом, словно ему в голову пришла неожиданная мысль, снова повернулся к ней. — Он играет с нами, сестра Мириам. И, смею вас уверить, подсознательно хочет прекратить эту игру. Отец Робсон хорошо разбирается в таких... сложных случаях. Я попрошу его поговорить с Джеффри. Однако, сестра Мириам, мы тоже не должны опускать руки. Ради

самого мальчика нам нужно проявить столько терпения и силы... — он помолчал, стараясь сформулировать поточнее, — сколько должно. Договорились? — Он вопросительно взглянул на сестру Мириам.

— Да, сэр, — ответила она. — Надеюсь, отцу Робсону удастся понять его лучше, чем мне.

— В таком случае, решено. Я попрошу его при первой же возможности поговорить с мальчиком. Всего доброго, сестра Мириам.

— Всего доброго, отец Данн, — ответила она, вежливо наклонив голову, и встала.

Когда дверь за сестрой Мириам закрылась, отец Данн еще мгновение молча смотрел в окно во двор, где бестолково, точно ослепшие от осеннего солнца неопрятные летучие мыши, носились дети. Он потянулся к ящику стола, где лежала коробка с сигарами, но передумал: нет, до вечера — никаких сигар. Предписание врача. Вместо этого он взял с полки за письменным столом книгу о расстройствах психики у детей младшего школьного возраста. Но пока его взгляд считывал сухую логическую информацию, его память вела поединки с именем Ваал.

Повелитель демонов.

Отец Данн закрыл книгу и снова поглядел в окно. Какие загадочные существа дети, сказал он себе. Живут собственной тайной жизнью и захлопывают двери перед всяким, кто пытается войти; дети очень ревниво относятся к своей загадочной личности и с наступлением ночи совершенно преобразаются. Преобразаются так, что порой даже родные не могут их узнать.

7

Ребенок медленно шел вдоль высокой сетчатой ограды. Здесь к детской площадке вплотную подступала разноцветная чаща. Он остановился, повернулся спиной к остальным детям, которые с визгом носились по пыльному двору, и устремил неподвижный взгляд туда, где лес прорезала скоростная трасса, идущая через Олбани в город. Мгновение спустя он обернулся, привалился к забору и стал смотреть, как ребята азартно гоняют футбольный мяч.

К нему подошли двое: коренастый крепыш с густой черной шевелюрой и торчащими зубами, и мальчик потоньше, рыжеватый блондин с глубоко посаженными голубыми глазами. Рыжеватый сказал:

— Эта очкастая — настоящая ведьма.

Ваал молчал. Его тонкие пальцы были продеты в металлические ячейки ограды.

— Здесь настоящая тюрьма, — отозвался он через секунду. — Они боятся нас. Разве вы этого не чувствуете? И из страха запирают нас в клетку. Но долго им нас не удержать.

— Да разве отсюда сбежишь? — спросил рыжеватый.

Черные глаза сверкнули:

— Вы уже сомневаетесь во мне?

— Нет. Нет, Ваал. Я тебе верю.

— Всему свое время, — тихо проговорил Ваал. — Я изберу друзей и уведу их с собой. Остальные погибнут.

— Возьми меня с собой, Ваал, — заныл коренастый. — Ну возьми...

Ваал ухмыльнулся, однако его черные глаза оставались безжизненными и непроницаемыми. Он протянул руку и, запустив пальцы в темные кудрявые волосы, притянул к себе голову мальчика. Поблескивающие черные глаза оказались всего в нескольких дюймах от лица крепыша.

— Надо любить меня, Томас, — прошептал Ваал. — Любить меня и делать все, что я скажу. Тогда я смогу спасти тебя.

Томас дрожал. Из приоткрытого рта капнула слюна, повисла серебристой нитью на подбородке. Он сморгнул слезы, грозившие хлынуть по щекам, и выдавил:

— Я люблю тебя, Ваал. Не бросай меня.

— Мало говорить, что ты любишь меня. Нужно доказать это, и ты докажешь.

— Докажу, — поспешно заверил Томас. — Докажу, вот увидишь!

Оба мальчика не двигались с места, словно загипнотизированные. Взгляд Ваала не давал им уйти.

Кто-то позвал: «Джеффри! Джеффри!»

Ваал моргнул. Ребята, пригибаясь, побежали через площадку.

Кто-то шел к нему: монахиня в трепещущей на ветру черной рясе, сестра Розамунда. Она подошла и, улыбаясь, сказала:

— Джеффри, сегодня ты освобожден от урока чтения. С тобой хочет поговорить отец Робсон.

Ваал кивнул. Он молча последовал за ней через двор, сквозь крикливую толпу детей, расступившихся перед ним, и дальше, в полутемные, затейливо переплетающиеся приютские коридоры. При этом он все время внимательно наблюдал, как обозначаются под просторной рясой ягодицы монахини.

Сестре Розамунде было, вероятно, чуть-чуть за тридцать. Овальное лицо с высоким лбом, очень чистые зеленовато-голубые глаза и золотистые с рыжиной волосы. Она совсем не походила на прочих воспитательниц с землистыми лицами, в очках с толстыми стеклами; с точки зрения Ваала, она была доступной. Она единственная ободряла детей приходить к ней с личными проблемами и, широко раскрыв глаза, подбадривая и утешая взглядом, снова и снова выслушивала рассказы о пьянчугах отцах и матерях-потаскухах, о побоях и наркотиках. Интересно, думал Ваал, она хоть раз спала с мужиком?

Они поднимались по широкой лестнице. Сестра Розамунда оглянулась, желая убедиться, что мальчик идет за ней, и заметила, как его взгляд метнулся от ее бедер к лицу и снова вернулся к прежнему объекту наблюдения.

У нее пропало желание оглядываться. Она чувствовала, как мальчишка взглядом срывал с нее рясу и обшаривал полные бедра — так пальцы бегают по клавишам: тронуть здесь, здесь и здесь. Сестра Розамунда плотно сжала побелевшие губы; у нее затряслись руки. Взгляд ребенка добрался под рясой до ее нижнего белья и неумолимо скользнул к треугольнику между ног. Она резко обернулась, не в силах дольше сохранять спокойствие:

— Прекрати!

— Прекратить что? — спросил мальчик.

Сестра Розамунда остановилась, дрожа и беззвучно шевеля губами. Она недолго проработала в приюте и тем не менее понимала ребят — и их безобидные шалости, и мерзкий уличный жаргон. Все это было ей понятно. Но этот ребенок... его она не могла понять. В нем было нечто неуловимое, что и привлекало ее, и отталкивало. Сейчас, под его холодным оценивающим взглядом, к ее горлу подкатил ледяной комок страха.

Они остановились перед закрытой дверью библиотеки. Вздрыгнув при звуке собственного напряженного голоса, сестра Розамунда сказала:

— Отец Робсон хочет поговорить с тобой.

На пороге он обернулся и неприметно улыбнулся ей, как кот, подкрадывающийся к запертой в клетке канарейке. Сестра Розамунда обмерла и выпустила дверь. Та захлопнулась.

В библиотеке пахло старой бумагой и книжными переплетами. Она еще не открылась для посетителей, и на полках царил порядок, все лежало на местах. Стулья были аккуратно расставлены вокруг круглых столиков. Взгляд Ваала бежал комнату и уперся в спину мужчине, который стоял в углу, легонько поглаживая пальцем книжные корешки.

Отец Робсон слышал, как закрывалась дверь, и краешком глаза наблюдал за мальчиком. Теперь он медленно повернулся к нему от книжных полок.

— Здравствуй, Джеффри. Как дела?

Мальчик не двигался с места. Где-то в дальнем углу библиотеки тикали часы, качался маятник — туда-сюда, туда-сюда.

— Ну, садись, Джеффри. Мне бы хотелось поговорить с тобой...

Ребенок не шелохнулся. Отец Робсон усомнился, слышал ли его мальчик вообще.

— Я не кусаюсь, — сказал отец Робсон. — Иди сюда.

— Зачем?

— Не люблю, когда собеседник далеко. Иначе я попросил бы позвать тебя к телефону в вестибюле.

— И надо было — сэкономили бы время.

Отец Робсон хмыкнул. Крепкий орешек. Кое-как изобразив улыбку, он сказал:

— По-моему, ты любишь книги. Мне казалось, здесь тебе будет уютно.

— Будет, — ответил мальчик, — если вы уйдете.

— Тебе совсем не интересно, почему я захотел поговорить с тобой?

— Нет.

— Почему же?

Ребенок молчал. Приглядываясь к мальчику в полумраке библиотеки, отец Робсон вдруг уверился, что в глазах ребенка на миг вспыхнул красный огонь. Это было так неожиданно, что у него закружилась голова.

— Я это уже знаю, — после минутной паузы ответил Ваал. Он подошел к полкам и стал разглядывать рисунки на суперобложках. — Вас послали сюда поговорить со мной, потому что я, как вы выражаетесь, «неисправимый». Сестра Мириам видит во мне «преступные наклонности». Отец Кэри называет меня «смутьяном». Разве не так?

— Да, это правда, — признал отец Робсон, делая шаг к мальчику. — Но я не верю, что ты такой, Джеффри.

Ваал резко повернул голову, и его глаза полыхнули столь жутким и неестественным светом, что отец Робсон остановился, точно напнулся на стену.

— Не подходите, — негромко предостерег ребенок. Убедившись, что священник готов подчиниться, Ваал вновь обратил взгляд на полки с книгами. — Вы психолог. Что вы видите во мне?

— Я психолог, но не телепат, — ответил Робсон, прищуриваясь. Не почудились ли ему эти красные огоньки? Вероятно, виновато скверное освещение. — Если я не могу подступить к тебе в обычном смысле этого слова, то уж проникнуть в твое сознание мне и подавно не дано.

— Тогда я сам расскажу вам, что вы во мне видите, — сказал Ваал. — Вы полагаете, что у меня не в порядке психика; вы полагаете, что на меня повлияло некое событие — или ряд событий — моего прошлого. Правильно?

— Да. Как ты это узнал?

— Я очень люблю книги, — ответил Ваал, вскидывая глаза на отца Робсона. — Вы ведь сами так сказали?

Отец Робсон кивнул. С подобным ребенком ему еще не приходилось иметь дела. В нем была некая странность: этот обычный с виду десятилетний мальчик в заплатанных джинсах и свитере был необычайно развит, он обладал такой ясностью ума, которая позволяла заподозрить в нем экстрасенсорные способности. А аура, окружавшая его, аура гнетущей, властной силы? Такого, сказал себе отец Робсон, я не припомню. Он спросил:

— Почему ты так упорно отрекаешься от своего имени, Джеффри? Хочешь порвать с прошлым?

— Меня зовут Ваал. Это мое единственное имя. И от него я не отрекаюсь. У вас не идет из головы тот случай из моего прошлого, который, по вашему мнению, так повлиял на меня. Вы полагаете,

что я перенес душевную травму и поэтому хочу забыть весь тот период.

Отец Робсон заметил в выражении лица ребенка нечто такое, чего он, столько лет проработавший детским психологом, не умел определить.

— Какой случай ты имеешь в виду?

Ваал посмотрел на него. По его губам скользнула усмешка.

— Я... забыл.

— Ты хитришь.

— Нет, — возразил Ваал. — Просто продолжаю игру, которую начали вы.

— Ты умный мальчик, — заметил отец Робсон. — Я не стану говорить с тобой так, как обычно говорю с другими. Буду с тобой откровенен. За последний год ты перебивал в полудюжине семей, и всякий раз тебя возвращали в приют из-за твоего невыносимого, даже агрессивного поведения. По-моему, тебе не очень хочется покидать стены приюта.

Ваал молча слушал.

— Чего же ты хочешь? Чего ты ждешь? Наступит время, когда ты станешь слишком большим, чтобы оставаться в приюте. Что же тогда?

— Тогда... — начал Ваал, и отец Робсон подумал, что сейчас услышит больше, но мальчик медленно закрыл рот. Он стоял, не шевелясь, не говоря ни слова, и смотрел на человека в глубине расчерченной полосками света и тени библиотеки.

Нет, так толку не будет, сказал себе отец Робсон. Этот ребенок требует постоянного внимания профессионального психолога. Надежда построить мостик между собой и мальчиком оказалась напрасной. Он ничего не достиг. Делая последнюю попытку, он спросил:

— Почему ты не ходишь вместе со всеми в часовню?

— Не хочу.

— Ты неверующий?

— Верующий.

Лаконичный ответ удивил отца Робсона. Он ожидал грубости.

— Значит, ты веришь в Бога? — спросил он.

— В Бога? — повторил Ваал, скользя внимательным взглядом по полкам, плотно заставленным книгами. — Возможно, не в вашего.

— Твой Бог не такой, как наш?

Мальчик медленно повернул голову. Его губы искривила холодная усмешка.

— Ваш Бог, — сказал он, — Бог церковей с белыми колокольнями. И только. За церковным порогом он бессилен. Мой Бог — Бог подворотни, борделя, всего мира. Он — подлинный повелитель.

— Боже мой, Джеффри, — воскликнул отец Робсон, пораженный этим всплеском эмоций. — Как ты стал таким? Кто вбил тебе в голову этот страшный бред? — Он шагнул вперед, чтобы яснее увидеть лицо ребенка.

Ваал прорычал:

— Назад.

Но отец Робсон не послушался. Он хотел подойти ближе, так, чтобы можно было дотронуться до мальчика. Он сказал:

— Джеффри...

В ту же секунду мальчик крикнул: «Назад, я сказал!» — таким голосом, что отца Робсона отбросило к полкам и книжной лавиной свалило на пол. Что-то душило отчаянно сопротивлявшегося священника, парализовало, лишило способности двигаться, дышать, думать.

Мальчик одной рукой сбрасывал книги с полок и расшвыривал по библиотеке; летали пожелтевшие страницы, рвались переплеты. Стиснув зубы, дыша хрипло, точно разъяренный зверь, он ринулся за стеллажи. Отец Робсон увидел, что мальчишка очутился в той части библиотеки, где хранилась религиозная литература. Охваченный страшной, неуправляемой яростью — священник не подчинился ему! — Ваал рвал книги в клочья, и обрывки медленно опускались на пол к его ногам.

Отец Робсон хотел закричать, но неведомая сила, удерживавшая его, сдавила ему горло, и оттуда вырвался лишь едва слышный хрип. Перед глазами у него все плыло, а голова, казалось, разбухла от прихлынувшей крови, стала безобразно несоразмерной, точно у ярмарочного уроды, и грозила вот-вот лопнуть.

Но ребенок остановился. Он стоял посреди учиненного им погрома и усмехался отцу Робсону так свирепо, что кровь стыла в жилах.

Потом он медленно, грациозно поднял руку. В ней была зажата Библия в белом переплете. На глазах у отца Робсона книга вдруг задымилась; дым за клубился над головой мальчика и поплыл вверх, к лампам на потолке. Ваал разжал руку, и Библия рассыпалась по полу горками перепутанных страниц. Ваал объявил:

— Наш разговор окончен.

Резко повернулся и вышел.

Когда ребенок ушел, гнетущая сила освободила отца Робсона из своего плена. Он ощупал шею, уверенный, что за горло его держала чья-то рука, но зная, что синяков не найдет. Он подождал, пока затихнет внезапно пробравшая его дрожь, потом осторожно порывлся среди усеявших пол страниц и переплетов. Сильно пахло горелой бумагой, и он искал источник этого запаха.

Он нашел Библию в белом переплете, которую Ваал держал в высоко поднятой руке. На обложке и корешке виднелась бурая подпалина, след, при виде которого у священника мгновенно перехватило дыхание, словно пол вдруг ушел у него из-под ног.

След руки.

Отец Робсон, сунув руки в карманы, шел по территории приюта. Заходящее солнце отбрасывало на землю под деревьями пятнистые тени. Покончив с теми немногими бумагами, на каких ему удалось сосредоточиться, отец Робсон разложил их по папкам в своем кабинете и наконец вышел подышать бодрящим осенним воздухом, отдающим холодным канадским ветром и горьковатым ароматом листьев, горевших на задних дворах Олбани. Библию он надежно запер в сейф.

Он шел, глядя себе под ноги. В вышине, в пылающих кронах деревьев, вдруг пронесся ветер и осыпал его дождем листьев. Цепляясь за его пальто, они падали на землю.

За годы, проведенные в приюте, за все то время, что отец Робсон изучал особенности детской психики, он ни разу не сталкивался ни с чем подобным. Сила ненависти мальчика, выбранное им имя, невероятные, сверхъестественные эрудиция и ум, отпечаток ладони, выжженный на Библии, возможно, думал священник, это лежит за пределами человеческого опыта. Несколько лет назад ему попался такой же маленький ненавистник, дитя улиц, рано наученное бороться за выживание. Он ненавидел все и вся, и отец Робсон понимал почему; в случае Джеффри Харпера Рейнса, или Ваала, простого объяснения не было. Возможно, этими приступами ярости, желанием нападать заявляла о себе мания преследования — но след руки, выжженный на обложке?.. Нет, этому не было объяснения.

Он никому не рассказал о случившемся. Наконец успокоившись, он собрал в разгромленной библиотеке все уцелевшие книги и расставил их по местам. О тех, которые требовали замены, он решил поговорить с библиотекарем позже. Зажав Библию под мышкой, отец Робсон вернулся к себе в кабинет, закурил и сидел, глядя на отпечаток ладони, пока глаза ему не застлал дым.

Сейчас, шагая по территории приюта, он решил, что пока не может посвятить в происшедшее отца Данна. Нужно осторожно понаблюдать за ребенком, негласно обследовать его; потом, когда исследование будет завершено, может быть, появится какое-нибудь объяснение. Но до тех пор покоя ему не будет.

Когда отец Робсон пересекал асфальтированную автостоянку, направляясь к административному корпусу, из тени дерева протянулась бледная рука и поймала его за рукав.

Он резко обернулся и оказался лицом к лицу с женщиной в черном. Одна из приютских сестер. Он узнал ее.

— Сестра Розамунда!

— Извините. Вас что-то тревожит? Я видела, как вы шли...

— Нет, нет. — Отец Робсон не поднимал головы. Они шли под деревьями, двое в развевающихся черных одеяниях. — Вам не холодно? Поднимается ветер.

Сестра Розамунда промолчала. Впереди высилась темная громада приюта; огни в окнах придавали ей сходство с огромным черным бульдогом, который, насупившись, следил за ними, напружинив перед прыжком мощные задние лапы.

— Я слышала сегодня ваш разговор с Джефффри Рейнсом в библиотеке, — чуть погодя сказала она. — Я не хотела подслушивать, но так вышло...

Отец Робсон кивнул. Сестра Розамунда покосилась на него и заметила глубокие складки, избородившие его лицо, паутинку морщин вокруг настороженных глаз. Он сказал:

— Не знаю, как с ним быть. Здесь, в приюте, больше сотни детей, и с каждым я могу найти общий язык. С каждым. А с этим — нет. Мне даже кажется, что он не хочет, чтобы ему помогли.

— Я думаю, хочет. В глубине души.

Отец Робсон хмыкнул.

— Ну разве что. Вы проработали у нас два месяца. Не разочаровались?

— Ничуть.

— Вас привлекает работа с сиротами?

Она улыбнулась: профессиональное любопытство психолога работало сверхурочно. Он улыбнулся в ответ, однако его глаза внимательно следили за ней.

— Они привлекают меня своей беспомощностью, — призналась она. — Им нужно плечо, на которое можно было бы опереться, и мне нравится его подставлять. Мне невыносима мысль о том, что когда-нибудь их выпихнут в большой мир, а им некуда будет пойти.

— И все же многие из них предпочли бы улицу нашим стенам, — заметил отец Робсон.

— Потому что они по старой памяти боятся нас. Очень сложно разрушить их представление о нас как о строгих, одетых в черные ряссы наставниках, которые бьют детей линейкой по рукам.

Отец Робсон кивнул, заинтригованный столь страстной критикой бывшего приютского воспитания.

— Согласен. Вы сегодня слышали Рейнса. Как, по-вашему, не помогла бы здесь пресловутая линейка?

— Нет.

— А что же?

— Уважение и понимание. У него человеческая сердцевина, но, чтобы добраться до нее, нужно очень постараться.

Да, подумал отец Робсон, пробиваться, как долбят киркой камень.

— Мне кажется, он вам интересен. Да?

— Да, — сразу ответила она. — Сама не знаю чем. — Она взглянула на отца Робсона. — Он очень выделяется.

— Да?

— Все остальные дети пассивны, они попросту плывут по течению; это видно по их глазам. А в его глазах — мне так кажется —

читается какая-то цель, что-то такое, что он хочет скрыть от нас. Если спросить любого другого воспитанника, кем бы он хотел стать, то получишь один из стандартных ответов: пожарным, частным сыщиком, летчиком и так далее. Но Джеффри всегда отмалчивается. Он почему-то не хочет посвящать нас в свои планы.

Отец Робсон согласно кивнул.

— Хорошее наблюдение. Очень хорошее.

Они приблизились к широкому крыльцу приюта. Отец Робсон остановился, и сестра Розамунда взглянула на него.

— Вы хотели бы мне помочь? — спросил он. — Джеффри теперь ни за что не пойдет на контакт со мной. Он захлопнул передо мной дверь. Мне нужен кто-нибудь, кто сможет поговорить с ним и выяснить, что его беспокоит. Я был бы вам очень признателен, если бы вы время от времени, насколько позволит ваше расписание, приглаждали за ним.

— Его что-то мучит, — сказала сестра Розамунда. — Он пугает меня.

— Мне кажется, он всех пугает.

— По-вашему, он... психически неуравновешен?

— Трудно сказать. Мне необходимо как можно больше узнать о нем, и тут вы могли бы оказать мне огромную услугу.

— Почему вы думаете, что мне повезет больше чем вам?

— Но ведь он пришел с вами в библиотеку? Поверьте, будь на вашем месте сестра Мириам, она в лучшем случае могла бы рассчитывать на грубость или камень. Только не на послушание.

Ветер ворошил палую листву у них под ногами, сухие листья потрескивали, точно бенгальские огни.

— Хорошо, — сказала сестра Розамунда. Свет из окон заливал ее лицо. — Я попробую как-нибудь расположить его к себе.

— Отлично, — отозвался отец Робсон. — Буду очень благодарен. Доброй ночи. — Он улыбнулся ей и отправился обратно, в свой кабинет, жалея, что не может рассказать ей больше, и проклиная себя за то, что втравил ее в эту историю. Он вдруг обернулся и сказал: «Будьте осторожны, не давайте ему... укусить», — и исчез в сгущающихся сумерках.

Сестра Розамунда смотрела ему вслед, пока его фигура не растаяла в темноте. На земле перед ней лежал желтоватый прямоугольник света, падавшего из окна четвертого, «спального», этажа. Новый порыв ветра зашелестел вокруг опавшей листвой, и сестра Розамунда, внезапно очнувшись от своей задумчивости, всмотрелась в освещенный квадрат. Ей показалось, будто кто-то метнулся от окна, в светлом прямоугольнике у нее под ногами мелькнула тень. Она отошла от крыльца и посмотрела на освещенное окно; ветер яростно трепал подол ее рясы. Занавески были раздернуты, но в окне никого не было. Сестре Розамунде вдруг стало очень холодно. Она вздрогнула и стала подниматься на крыльцо.

Сестра Розамунда чуть не застучала его, когда он следил за ней из окна. Он видел, как они — сестра Розамунда и отец Робсон — подошли к крыльцу и остановились на шевелящемся под ветром ковре осенней листвы. Речь шла о нем. Отцу Робсону не давало покоя то, что он, Ваал, сделал с книгой; тупица, подумал мальчик, мнящий себя умником. Не лучше была и сестра Розамунда; она воображала себя ангелом-хранителем, ангелом милосердия, а была обыкновенной шлюхой, рядящейся праведницей.

Он стоял между рядами железных кроватей, по которым в беспорядке были разбросаны одежда, игрушки, комиксы, и смотрел в темноту, опустившуюся на землю, как топор палача.

Позади раздался визгливый голос одной из сестер:

— Джеффри! Ты что же не идешь ужинать?

Он не шелохнулся. Через мгновение он услышал, как монахиня, тяжело ступая, прошла по коридору и стала спускаться по лестнице. Потом наступила тишина, лишь ветер шумел за окном да снизу, из столовой, долетали приглушенные голоса детей.

С другого конца комнаты послышалось:

— Ваал...

Голос был детский. Ваал медленно обернулся и увидел, что это Питер Френсис, хрупкий бледный мальчуган. Он сильно хромотал — в раннем детстве с ним приключилось какое-то несчастье. Сейчас мальчик, жалобно глядя на Ваала круглыми от страха глазами, пробирался к нему между кроватями. Питер сказал:

— Ты сегодня не разговариваешь со мной, Ваал. Я что-нибудь сделал не так?

Ваал ничего не ответил.

— Я сделал что-то не так, да? Что?

Ваал негромко велел:

— Иди сюда.

Питер приблизился. В его глазах, словно мелкая рыбешка в темной воде, метался страх.

Ваал сказал:

— Ты чуть не проговорился, правда?

— Нет! Клянусь, что нет! Тебе наврали! Я ничего не сказал, честное слово!

— Тот, от кого я узнал об этом, никогда не лжет. Он никогда не обманывает меня. Ты чуть не проговорился сестре Мириам, ведь так?

Питер увидел, как меняются глаза Ваала: из непроницаемо-черных, страшных, они превратились в серые и вдруг запылали как красные угли, опаляя кожу, но леденя кровь. Мальчик задрожал и, охваченный слепой паникой, огляделся, ища помощи, не сразу сообразив, что все, и дети и сестры, сейчас внизу, в столовой, и не могут помочь. Глаза Ваала стали густо-алыми, как кровь, потом огненно-белыми, словно расплавленная сталь.

Питер попытался оправдаться:

— Клянусь, она заставила меня! Она хотела все про тебя узнать, все-все! Хотела все выпросить, сказала, на меня можно положиться!

Глаза Ваала жгли, они источали силу, и язык Питера вдруг разбух, сделался толстым, как лягушка в стоячем пруду; он заполнил собой весь рот, и мальчику удалось только что-то невнятно пролепетать. В отчаянии он попытался крикнуть, позвать сестер, любого, кто услышит, — но слова застряли у него в горле.

Ваал сказал:

— Знаешь, Питер, а я читал твое личное дело. Да-да, читал. Их хранят в темной пещере под приютом, но однажды я проник туда и прочел их все. Знаешь, почему ты хромой, Питер?

— Нет... — прохрипел Питер. — Пожалуйста... — Он упал на колени и обхватил ноги Ваала, но тот быстро шагнул назад, и Питер ткнулся лицом в пол и тоненько заскулил, ожидая свиста плети.

— Тебе этого так и не объяснили, да? — прошептал Ваал. — Тогда вспомни, Питер... вспомни... вспомни.

— Нет... не надо...

— Надо. Вспомни. Ведь тебя вообще не хотели, верно, Питер? И твой отец — твой пьяный старик — поднял тебя... припоминаешь?

— Нет... — Питер зажал уши и приник к полу. Перед его глазами возник злобно ухмыляющийся человек с налитыми кровью глазами. Человек этот подхватил его и, отчаянно, зло выругавшись, швырнул в однообразно-белое пространство, которое можно было бы принять за снежный покров, если бы не трещины. А потом падение, вниз, вниз, обжигающая, нестерпимая боль в бедре и красное пятно на белизне.

— Нет! — выкрикнул он, вновь чувствуя, как сломанные кости безжалостно рвут младенческую плоть, и зарыдал, не поднимаясь с пола, плотно зажимая уши, но зная, что одним этим боль не унять. — Этого... этого не было... не было, — всхлипывал он несчастным голосом. — Не бы...

Ваал взял мальчика рукой за лицо и так сжал, что оно побелело, а из глаз Питера исчезла всякая надежда.

— Было, — сказал он. — Раз я говорю было, значит было. Теперь ты мой. В моих руках и твое прошлое, и твое будущее.

Питер сжался в комок и беззвучно плакал.

Красное пламя в глазах Ваала медленно погасло, и в них вновь вернулась крошечная чернота бездонной пропасти. Он разжал пальцы и погладил мальчугана, как гладят собаку, сперва угостив ее хлыстом.

— Питер, можешь забыть обо всех своих бедах. Теперь все хорошо. Здесь им тебя не достать.

Мальчик обхватил ноги Ваала.

— Не достать? Правда? — лепетал он распухшими губами.

— Нет. Призраки ушли. Покуда ты мой, им не добратсья до тебя.

— Я твой... твой, твой...

— Питер, — мягко проговорил Ваал, — сестра Мириам ничего не должна знать. Никто не должен, кроме нас. Если они узнают, они постараются убить нас. Понимаешь?

— Да.

— А если сестра Мириам... если кто-нибудь станет расспрашивать обо мне, молчи. Ты должен молчать. Я хочу, чтобы ты держался подальше от сестры Мириам. Вообще не говори с ней, даже если она заговорит с тобой. Она злая, Питер. Она может вернуть призраков.

Мальчуган у его ног напрягся.

— Нет!

— Не бойся, — успокоил Ваал. — Все в порядке. Вставай.

Питер поднялся. Ноги его дрожали, на подбородке повисла готовая капнуть слезинка. Он вдруг вскинул голову и посмотрел куда-то за плечо Ваала. Сам Ваал точно окаменел. Позади них кто-то стоял; кто-то уже несколько минут наблюдал за ними.

Ваал обернулся и встретился взглядом с сестрой Розамундой. Она стояла в дверях, безвольно опустив руки, на лице застыло вопросительное выражение. Он был слишком занят Питером, чтобы заметить ее раньше.

— Джеффри, — сказала она, — ты не пришел ужинать, и я поднялась узнать, не случилось ли чего. — Ее голос едва заметно дрожал, а в глазах просвечивала неуверенность.

— Питер... споткнулся и ушибся, — ответил Ваал. Он поднес руку к подбородку мальчика, поймал в ладонь упавшую слезинку и предъявил ее, круглую, блестящую, сестре Розамунде. — Он плакал. Видите?

— Да, — ответила она. — Вижу. Питер, с тобой все в порядке? Тебе больно?

— Все нормально, — ответил Питер, вытирая лицо рукавом. — Я обо что-то споткнулся.

Она подошла ближе, под круглые плафоны, чтобы получше разглядеть мальчиков.

— Питер, ты этак останешься без ужина. Ступай вниз, поешь.

— Да, мэм, — послушно отозвался он и, в последний раз оглянувшись на Ваала, прошел мимо сестры Розамунды. Они услышали, как он спускается по лестнице.

— Я тоже опаздываю на ужин, — заметил Ваал. — Пойду-ка я.

— Нет, — поспешно возразила она.

Он взглянул ей в лицо и прищурился:

— А разве вы не за этим пришли? Вы же пришли позвать меня на ужин?

— Да, я пришла сюда именно за этим. Но я видела вас с Питером и знаю, что он не падал.

— А я говорю, он упал.

— Я стояла здесь и все видела, Джеффри.

— Тогда, возможно, — прошептал Ваал так тихо, что ей пришлось напрячь слух, — вы плохо видите.

Сестра Розамунда вдруг поняла, что ее дыхание участилось. Внезапно ей показалось, что в комнате холодно, хотя окно было закрыто. Ах да, окно. То самое, которое она видела снизу. Она протерла заслезившиеся глаза; щипало так, словно она промыла их рассолом.

— Глаза...

— Похоже, у вас что-то с глазами, сестра, — заметил Ваал. — Но, конечно, ваш разлюбленный Иисус убережет свою служанку от слепоты?

Боль усиливалась. Сестра Розамунда окнула и прижала ладони к глазам, а когда отняла руки, то увидела все как в тумане, смутно, расплывчато, словно окружающее отражалось в кривых зеркалах. ... месте головы мальчика ярко светился белый шар, похожий на плафоны, висящие под потолком. Сестра заморгала, и с ресниц закапала влага. Что-то попало мне в глаза, подумала она. Наверное, пыль. Я промою их водой, и все придет в норму. Но эта боль...

— У меня что-то с глазами, — снова сказала она и смутилась: ее голос, отразившийся от стен, дрожал.

Она вытянула руки, чтобы ощупью пробраться между кроватями к двери. Однако Ваал вдруг крепко взял ее за запястье. Он не собирался отпускать ее.

Сестра Розамунда разглядела сквозь мутные слезы, что мальчик шагнул вперед. Он легонько провел пальцами по ее векам, и сестра ощутила странный жар, который, проникая под череп, собирался где-то в области затылка.

— Не нужно бояться, — сказал мальчик. — Пока не нужно.

Сестра Розамунда моргнула.

Она стояла на углу улицы. Нет, это была автобусная остановка. Город вокруг нее был пропитан синевой ранних сумерек. Грязный снег, собранный в сугробы вдоль тротуаров и в переулках, искрился, отражая бесчисленные огни, кричащий неон, мигающий ослепительно-но-белый свет фонарей. Вместо черной рясы на сестре Розамунде было длинное темное пальто и темные перчатки. Что у нее под пальто, она тоже знала: темно-синее платье с полосатым поясом. Его подарок ко дню рождения.

Рядом, дыша на озябшие руки, стоял Кристофер. Его глаза, обычно такие беспечные и веселые, были холодны, как пронизывающий февральский ветер, который налетал из глубины улицы. Кристофер сказал:

— Другого времени сказать мне об этом ты не нашла. Господи, как же все это не вовремя!

— Прости, Крис, — сказала она и тут же мысленно отругала себя: слишком уж часто она просила прощения. Она устала объяснять свое решение. Последние несколько дней были заполнены бесконечными слезливыми междугородними разговорами — звонили родители из Хартфорда. И вот теперь этот человек, с которым у нее тянулся

бесконечный роман, причем периоды влюбленности чередовались с периодами охлаждения, снова допытывался причин.

— Я надеялась, ты поймешь, — сказала она. — Я действительно думала, что ты меня поймешь.

— Это потому, что ты чувствуешь себя никчемной, да? Да? Неужели рядом со мной ты чувствуешь себя ни на что не способной, никому не нужной? Дело в этом?

— Нет. — ответила она и мысленно поморщилась. Да, и поэтому тоже. Ее влекло к нему главным образом физически. Душу же, осознала Розамунда со временем, эта любовь не затрагивала. Что называется, ни уму, ни сердцу. — Приняв обет, я получу возможность заниматься тем, к чему чувствую призвание. Мы с тобой уже обсуждали это, Крис. Ты же знаешь.

— Да, обсуждали. Обсуждали. Но теперь ты действительно связалась с ними и собираешься осуществить свои планы. Черт возьми, да это все равно что сунуть голову в петлю!

— В петлю? Я думаю иначе. Для меня это новая перспектива.

Кристофер покачал головой и пнул слежавшийся снег.

— Ну да, конечно. Перспектива. Послушай, ты что, хочешь состариться в женском монастыре? Хочешь от всего отказаться? Отказаться от... нас?

Розамунда обернулась и взглянула ему в лицо. Боже, подумала она, да он это вполне серьезно!

— Я решила, — твердо ответила она, — что право распоряжаться моей жизнью принадлежит мне и только мне.

— Право загубить ее, — уточнил Кристофер.

— Я приму обет, поскольку верю, что тогда смогу хоть что-нибудь, хоть для кого-нибудь сделать. Я думала достаточно долго. Это — правильный выбор.

Кристофер стоял и смотрел на нее так, словно ждал, что она вдруг засмеется и подтолкнет его локтем в бок, давая понять, что все это розыгрыш. Он пробормотал:

— Не понимаю. От чего ты бежишь?

Она посмотрела в конец улицы. Ее автобус, разбрызгивая колесами грязь, уже повернул за угол и должен был вот-вот подойти.

— Я ни от чего не бегу, Крис. Я стремлюсь хоть к чему-то прийти.

— Не понимаю, — вновь повторил он, потирая шею. — Впервые вижу человека, которому захотелось уйти в монастырь.

Автобус сбавил ход, подъезжая к остановке. Захрустел под колесами наст. Деньги на билет Розамунда приготовила давно и крепко сжимала их в кулаке. Кристофер стоял, понурясь. Со стороны казалось, что он сосредоточенно наблюдает за тем, как слякоть затейливыми ручейками исчезает в решетке слива. Мелочь в руке у Розамунды звякнула.

Кристофер вдруг поднял голову.

— Я женюсь на тебе. Ты этого хочешь? Нет, серьезно. Я не шучу. Я женюсь на тебе.

Автобус затормозил у остановки. Двери с шипением открылись, водитель выжидательно поглядел на Розамунду.

Она поднялась в автобус.

— Я женюсь на тебе, — повторил Кристофер. — Я позвоню тебе сегодня вечером, Роза. Ладно? Покумекаем вместе. Договорились?

Она бросила мелочь в кассу. Монетки загрелись, как канонада, словно где-то за тридевять земель рвались снаряды. Двери за ней закрылись, обрубив фразу Кристофера на середине так бесповоротно, словно отсекали ему голову. Она села. Автобус тронулся, отъехал от кромки тротуара, Розамунда оглянулась и сквозь белое облако автобусного выхлопа увидела Кристофера.

Мальчик убрал руки с ее глаз. Нет, не мальчик. Кристофер. Она увидела его, озаренного резким белым светом ламп в круглых плафонах. Кристофер улыбался, глядел светло, спокойно. Он пришел к ней! Он наконец нашел ее!

Ваал опустил руку. Туман перед глазами сестры Розамунды медленно рассеялся, и тогда она узнала черные прищуренные глаза. Она дышала хрипло и тяжело и вся заледенела, словно только что вошла с метели.

Ваал сказал:

— Вам следовало выйти за него. Вы разбили ему сердце, сестра. Он был бы вам хорошим мужем.

Нет, нет, мысленно крикнула она. Ничего этого нет!

— Он не понимал, что мне было нужно, — пробормотала она. — Ему только так казалось.

— Досадно, — отозвался Ваал. — Он ведь так вас любил. А теперь уже поздно.

— Что? — переспросила она, и в висках у нее застучало. — Что?

— А вы не знали? Потому он и не искал вас. Потому и не звонил вашим родителям. Он мертв, сестра. Погиб в автомобильной катастрофе...

Она зажала рот рукой и сдавленно охнула.

— ...и его так страшно изуродовало, что вы бы его не узнали. Его вынимали из машины... по кусочкам.

— Лжешь! — закричала она. — Лжешь!

— Тогда почему же, — спросил Ваал, — вы мне верите?

— Родители позвонили бы мне! Ты лжешь! — Прижимая руку ко рту (она знала, что губы у нее сейчас мертвенно-белые, как ломкие иссохшие кости), сестра Розамунда попятилась от него в коридор. Ваал усмехнулся, и его усмешка превратилась в широкую улыбку... улыбку Кристофера. Кристофер протянул к ней руки и заговорил тихим, далеким голосом: «Рози? Я здесь. Я знаю, как я нужен тебе сейчас. И ты мне нужна, дорогая. Я все время засыпаю за рулем...»

С пронзительным криком, от которого у нее запершило в горле, сестра Розамунда метнулась из спальни в коридор. Сбегаая в разбегающейся рысью по лестнице, она вдруг заметила внизу других сестер. Они шептались, бросая на нее удивленные взгляды.

Она остановилась, чтобы успокоиться, и тотчас ухватила за перила, чтобы не упасть: ее вдруг затошнило. «Я схожу с ума? — подумала она. — Я схожу с ума?» Она так крепко сжимала перила, что на руках проступили вены и стало видно, как кровь бежит по ним к ее бешено бьющемуся сердцу.

9

Следующие несколько недель сестра Розамунда избегала мальчика, не в силах быть рядом с ним — в памяти сразу всплывало улыбающееся лицо Кристофера, венчающее тело ребенка.

Иногда, даже во время уроков истории или в часовне, ее вдруг охватывала неудержимая дрожь. Однажды это случилось во время ужина; она уронила поднос, тарелки побились, и осколки разлетелись по полу. Все чаще и чаще она ловила на себе осторожные, любопытные взгляды коллег.

Она позвонила родителям, чтобы хоть что-нибудь узнать о Кристофере, однако те уже несколько лет ничего о нем не слышали. Оставался единственный человек, с которым можно было связаться, брат Кристофера в Детройте. Но, набирая номер детройтской справочной службы, сестра Розамунда вдруг бросила трубку. Она не была уверена, хочет ли узнать о судьбе Кристофера; возможно, правда доконала бы ее. Она хотела и боялась узнать и по ночам ворочалась в постели, простыня и одеяло становились влажными от пота.

Возможно, я все-таки ошиблась, без конца повторяла она себе в ночной тиши. Да, она отвернулась от Кристофера, когда он нуждался в ней. Теперь давняя ошибка связала ее по рукам и ногам. Кристофер был прав: она тогда бежала и, что самое скверное, с самого начала знала об этом. Она хотела укрыться от суровых атрибутов реальности, спрятаться где-нибудь, где угодно, и до последнего вздоха цепляться за свое убежище.

Теперь она стала понимать, как ей не хватает интимной стороны любви. Она тосковала по сильному и нежным рукам, ласкавшим ее на смятой широкой постели в его квартире; ей хотелось вновь очутиться в его объятиях, чтобы он, зарывшись лицом в ее волосы, нашептывал ей, как прекрасно ее тело. Она тосковала по физической близости почти так же сильно, как по самому Кристоферу. До чего несправедливо, думала она, отказывать себе в том, что так необходимо! Теперь она чувствовала себя чужой и одинокой среди строгих черных одеяний, в атмосфере благочестия. Неожиданно она оказалась окружена уродами, которые так же отрекались от себя, отказывали себе во всем. Посмей сестра Розамунда признаться, какие мысли

ее одолевают, ей ответили бы суровой отповедью и, вероятно, отослали бы к отцу Робсону.

Я еще молода, твердила она по ночам. Здесь я состарюсь до срока и до конца жизни буду носить черную сутану и прятать от всех свои чувства. О Боже, Боже, это несправедливо.

Каждый новый ускользящий день напоминал ей об ушедшем безвозвратно; она пыталась забыться, с головой погружаясь в работу и коротая свободное время в одиночестве, за книгами, но не могла подавить растущие сомнения и чувство неуверенности. Каждое утро она готовилась увидеть в зеркале паутину крохотных морщинок под глазами, обнаружить сходство с пожилыми сестрами, для которых не существовало жизни вне стен приюта. Вскоре сестра Розамунда стала есть у себя в комнате и отказываться от участия в маленьких развлечениях — празднованиях дней рождения, коллективных просмотрах фильмов. И наконец усомнилась в справедливости Высшего Судию, которому понадобилось запереть ее здесь, как красивое холеное животное в клетке, сгноить в этих унылых стенах.

Однажды утром, после урока истории, когда отпущенные ею ученики вереницей потянулись на следующий урок, в класс вошел отец Робсон и плотно притворил за собой дверь.

Сестра Розамунда сидела за учительским столом и смотрела, как он идет к ней. Итак, подумала она, все-таки... Отец Робсон улыбнулся, и она принялась сосредоточенно раскладывать на столе листки с контрольными работами.

— Доброе утро, сестра Розамунда. Вы заняты?

— Сегодня мы писали контрольную.

— Да, я вижу, — он огляделся и посмотрел на стенд, где висели детские рисунки: выставка, посвященная Томасу Джефферсону. На одном из портретов волосы у этого уважаемого государственного мужа были зеленые, а зубы черные. На доске отец Робсон увидел написанные рукой сестры Розамунды вопросы к теме «Американская конституция». Неровный почерк, налезавшие друг на друга буквы, строки, взбирающиеся от середины доски к верхнему ее краю говорили о стрессе. Он мысленно отметил это обстоятельство.

— А знаете, я в свое время очень интересовался историей. Создавал в начальных классах всевозможные исторические кружки, даже удостоился нескольких наград педагогического совета. Мне всегда была интересна история древнего мира — зарождение цивилизаций и тому подобное. Захватывающий предмет.

— Боюсь, дети к нему еще не совсем готовы.

— Что ж, — согласился он, — может быть.

— Я очень занята, — напомнила сестра Розамунда. — Через несколько минут у меня урок.

Отец Робсон кивнул.

— Могу я поговорить с вами? Всего минуту.

Она не ответила.

Он стоял перед ней, пока она не подняла глаза. Поймав ее взгляд, он сказал:

— Сестра Розамунда, вас что-то беспокоит?

— С чего вы взяли?

— Я не *утверждаю*, что вас что-то беспокоит, — мягко заметил он. — Я только спросил. Некрасиво отвечать вопросом на вопрос.

— На свете много некрасивого, — проговорила она и сразу опустила глаза.

Отец Робсон уловил сарказм в ее голосе и понял, что беспокойство сестер относительно ее поведения в последние недели не беспочвенно.

— Нет, — возразил он. — Я так не думаю. Вы не хотели бы об этом поговорить?

— Вы путаете меня с детьми. Вас кто-то просил поговорить со мной, отец Данн?

— Нет. Я заметил резкую и внезапную перемену в вашем поведении. Все заметили, даже дети. И мне захотелось узнать, не могу ли я чем-нибудь помочь.

— Нет, — решительно отрезала она. — Не можете.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Простите, что побеспокоил. Еще один вопрос, и я уйду. Вы помните наш разговор о Джеффри Рейнсе?

Она оторвала взгляд от бумаг, и отец Робсон заметил, что ее лицо на несколько секунд побелело. Это встревожило его.

— Прошу прощения, — сказала сестра Розамунда после минутной паузы. — Я совсем забыла, что вы просили меня присмотреть за ним.

— Нет, нет, ничего страшного. Я понимаю. У вас и без того довольно работы. К тому же взять на себя ответственность за этого ребенка следовало бы мне.

Она открыла ящик стола и принялась убирать туда листки.

Ну-ка, копни здесь поглубже, сказал себе отец Робсон. Тут что-то очень неладно.

— Ваше отношение к мальчику изменилось? Вы по-прежнему полагаете, что контакт с ним возможен?

Она закрыла ящик стола:

— Он... очень трудный ребенок.

Отец Робсон хмыкнул, соглашаясь. На лице сестры Розамунды так отчетливо проступило напряжение, словно по ее чертам прошелся резец скульптора; пальцы ее постоянно то сжимались, то разжимались. Он заметил в ней странное сходство с ребенком, о котором шла речь, — отстраненность, отчуждение, язвительную холодность — и вдруг испугался.

— Этот ребенок как-то связан с вашей проблемой, сестра? — спросил он и тотчас пожалел о грубоватой прямолинейности вопроса.

В глазах сестры Розамунды блеснул огонек, но она быстро справилась с собой, и отец Робсон почувствовал, как утихают ее гнев

и смятение. Ему показалось, что она не ответит, но сестра Розамунда вдруг сказала:

— Почему вы так думаете?

— Вот, пожалуйста, — он попытался изобразить улыбку, — вы вновь отвечаете вопросом на вопрос. Я попросил вас поговорить с ним, и почти сразу после этого вас... как подменили. Подавленность, замкнутость, отчужденность... Мне кажется, от мальчика исходит некая тревожная сила. Поэтому...

— Я же вам сказала, — ответила сестра Розамунда, — я еще не говорила с ним. — Она попыталась посмотреть священнику прямо в глаза, однако ее взгляд ушел в сторону.

— Вы уклоняетесь от разговора, сестра, — сказал отец Робсон. — Раз вы не можете выговориться передо мной, поговорите с кем-нибудь еще. Мне больно видеть вас такой грустной и подавленной.

В класс уже заходили дети. Заточив карандаши в точилке, укрепленной на стене, они рассаживались по местам.

— У меня контрольная, — снова напомнила сестра Розамунда.

— Что ж, хорошо, — вздохнул отец Робсон, предпринимая заключительную попытку разглядеть, что скрыто в глубине ее глаз. — Если я вам понадобится, вы знаете, где меня найти. — Он в последний раз улыбнулся и направился к двери.

Но когда он потянулся к дверной ручке, сестра Розамунда сказала:

— Отец Робсон...

Отчаяние в ее голосе остановило его. В нем было что-то, готовое сломаться, как хрупкий осколок стекла.

Держа руку на ручке двери, он обернулся.

— Как, по-вашему, я привлекательная женщина? — спросила сестра Розамунда. Она дрожала; ее нога под столом нервно постукивала по деревянному полу.

Он очень мягко ответил:

— Да, сестра Розамунда. Я считаю вас привлекательной во многих, самых разных, отношениях. Вы очень добрый, чуткий, отзывчивый человек.

Дети притихли и слушали.

— Я имею в виду не это. Я хочу сказать... — Но она вдруг перестала понимать, что же она хочет сказать. Незаконченная фраза умерла на ее дрожащих губах. Сестра Розамунда залилась краской. Дети захихикали.

Отец Робсон спросил:

— Да?

— У нас контрольная, — проговорила она, отводя взгляд. — Прошу прощения, но...

— Ну конечно, — воскликнул он. — Простите, что отнял у вас столько времени.

Сестра Розамунда зашелестела бумагами, и он понял, что больше ничего не услышит.

В коридоре он задумался, не оказалась ли работа с детьми непосильной ответственностью для сестры Розамунды; возможно, сироты угнетающе действовали на ее чувствительную натуру. Впрочем, это могло быть и нечто совершенно иное... Он вспомнил, как посерело ее лицо при упоминании о Джеффри Рейнсе. Что-то произошло — страшное, возможно, непоправимое. Это только кажется, сказал он себе. Только кажется. Он сунул руки в карманы и пошел по тускло освещенному коридору, машинально пересчитывая квадратики линолеума на полу.

Вскоре сестра Розамунда, отгородившаяся невидимой стеной от любопытных взглядов и шепотков окружающих, начала бояться себя. Она плохо спала; ей часто снился Кристофер — облаченный в белые одежды, он стоял среди высоких золотистых барханов в курящейся песком пустыне и протягивал руки навстречу ей, нагой, умирающей от желания. Но едва их пальцы сплетались, кожа Кристофера приобретала холодный серый оттенок сырого песка, а губы кривились в непристойной гримасе. Он сбрасывал одежды, являя карикатурную, фантазмагорическую наготу, и, швырнув Розамунду на золотистое песчаное ложе, грубо раздвигал ей ноги. И тогда медленно, очень медленно черты его менялись, Кристофер превращался в кого-то другого, в кого-то бледного, с горящими черными глазами, подобными глубоким колодцам, где на дне развели огонь. Она узнавала мальчишку и просыпалась, затрудненно дыша: он был такой тяжелый, когда лежал на ней, щекоча слюнявым языком ее набухшие соски.

Многоцветие осени сменилось унылым однообразием зимы. Деревья с отчаянной, безнадежной решимостью сбросили последние листья и стыли в своей хрупкой наготе под хмурым низким небом. Трава побурела, стала жесткой и ломкой, а сам приют превратился в искрящуюся инеем темную каменную глыбу.

Сестра Розамунда заподозрила, что теряет рассудок. Она делалась все более рассеянной и порой посреди фразы забывала, о чем говорит. Ее сны стали ярче, живее; мальчишка и Кристофер слились в одно. Иногда ей казалось, что лицо Джеффри знакомо ей с незапамятных времен; ей снилось, что она садится в городской автобус, а когда тот отъезжает, оборачивается и видит мальчишка, как будто бы машущего ей с края тротуара — но в этом она не была уверена. Никогда. Она содрогалась, сгорала и знала, что безумна.

Было принято решение перевести сестру Розамунду из приюта. Отец Робсон считал, что ее мрачные настроения, отрешенность и замкнутость сказываются на детях. Ему стало казаться, что дети о чем-то шепчутся у него за спиной, словно за какие-то несколько месяцев они вдруг повзрослели, стали более скрытными. Шумные игры, естественные в их возрасте, полностью прекратились. Теперь дети разговаривали и держались почти как взрослые, зрелые люди,

а в их глазах светилась нездоровая сообразительность, по мнению отца Робсона, чудовищно — чудовищно! — недетская.

И отдельно от всех, над всеми, был этот мальчик. Сейчас он в одиночестве гулял на морозном ветру по детской площадке, медленно сжимая и разжимая кулаки. Отец Робсон не видел, чтобы он с кем-нибудь заговаривал, и никто не заговаривал с ним, но священник заметил, как мальчик обегал глазами лица воспитанников. Под его взглядом дети ежились, старались уйти в сторону — и отец Робсон сам опустил глаза, притворившись, что ничего не видел.

Этому существовало лишь одно определение, и отец Робсон знал его. Власть. Сидя за столом в своем заваленном бумагами кабинете, он, задумчиво покусывая карандаш, листал читанные-перечитанные журналы по психологии. Власть. Власть. Власть. Растущая подобно тени, неосязаемая, неуловимая. Быть может, схожая (тут по спине у него пробежал холодок) с той тенью, которую он заметил в глазах сестры Розамунды.

Власть, сила мальчика росла с каждым днем. Отец Робсон чувствовал, как она поднимается, точно кобра из плетеной корзины, покачиваясь в тусклых, пыльных солнечных лучах. Она неизбежно должна была напасть. Но на кого?.. На что?..

Он отложил журналы и выпрямился, скрестив руки на груди. На него вновь нахлынули парализующее изумление, которое он испытывал, когда мальчишка одной фразой отшвырнул его от себя, и холодный ужас, обуявший его при виде следа ладони, выжженного на книжном переплете зловещей, необъяснимой силой. Пожалуй, пора отправить мальчика в Нью-Йорк на обследование к психиатру, имеющему опыт общения с трудными детьми, и получить ответы на свои вопросы. И, пожалуй, пора отпереть сейф и сделать обгорелую Библию достоянием гласности. Да. Пора. Давно пора.

Во дворе приюта особняком от всех стоял под ударами ледяного ветра Ваал.

Он смотрел, как к нему через площадку идут двое. Один хромал. Они дрожали в своих пальтишках, сутулясь, чтобы уберечь от ветра хоть каплю тепла. Он ждал, не шевелясь.

Погода была отвратительная. Сплошной облачный покров то светлел до грязноватой белизны, то наливался чернотой бездонной пропасти. Ребята подошли к Ваалу. Ветер ерошил им волосы.

Молчание.

Ваал посмотрел им в глаза.

— Сегодня вечером, — сказал он.

Сестра Розамунда вся взмокла. Она резко откинула одеяло, хотя в окна комнаты скребся резкий холодный ветер. Только что сестра

Розамунда ворочалась и металась в сырой от пота постели: ей снились прекрасные звери, они раскаживали по клетке из угла в угол, но о них забывали, и их плоть превращалась в тлен. О Боже мой, Боже, как я ошиблась, как я ошиблась, где моя вера? Где моя вера?

Твоя вера, слышался чей-то голос, сейчас ищет, как спасти тебя. Твоя вера крепнет, крепнет. Вне этих стен ты будешь сильна и свободна.

Неужели? Возможно ли?

Да. Но не здесь. О заблудшая, о сбившаяся с пути истинного, приходи ко мне.

Она зажала уши руками.

Кто-то, теперь совсем близко, продолжал:

Ты пытаешься спрятаться. Твой страх взлелеет новую ошибку. Есть тот, кому ты нужна. Он хочет забрать тебя отсюда. Его зовут...

Кристофер.

Кристофер. Он ждет тебя, но он не может ждать долго. Его срок отмерен, как и твой. А в этой обители тлена, в этих мрачных стенах тебе и вовсе не опущен срок. Приди ко мне.

Липкие простыни опутали ее, не пускали. Сестра Розамунда рванулась, и треск полотна разбудил ее. Она лежала неподвижно, пока дыхание не выровнялось, не стало размеренным. Кто зовет меня? Кто?

Ответа не было.

Она знала, что голос шел из противоположного крыла здания, где спали дети. Поднявшись с постели (тихо, чтобы не разбудить остальных), она потянулась к выключателю, но одернула себя. Нет, нет, подумала она. Они станут пытаться, в чем дело, помешают мне, скажут, что я сошла с ума, что по ночам надо спать. Сестра Розамунда нащарила в ящике комода свечу и спички и запалила фитиль. Маленький огонек вытянулся белым острым язычком. Босиком, в одной серой сорочке, держа перед собой свечу, она двинулась по коридорам к детской спальне, к... Кристоферу. Да, да. К Кристоферу, который пришел, чтобы увести ее отсюда. Свеча трещала, горячий воск капал на руку, но сестра Розамунда не чувствовала боли.

Отец Робсон допечатал последнюю страницу своих заметок и потерял глаза. Он потянулся за кофе и, к своему разочарованию, обнаружил, что чашка пуста. Однако он не зря засиделся в своем кабинете допоздна: обобщающая докладная о поведении Джеффри Харпера Рейнса и сестры Розамунды закончена и утром ляжет на стол к отцу Данну. Он заранее знал, как отреагирует отец Дэнн: что? Вздор! И тогда придется убеждать его, что лучший способ помочь сестре Розамунде — это перевести ее из приюта и что мальчику необходимо тщательное обследование у специалистов. В его пользу

будет свидетельствовать обгорелая Библия — поистине, с фактами не поспоришь. Даже такой твердолобый упрямец, как Данн при виде отпечатка руки на Библии поймет: необходима помощь извне. Им придется на несколько недель отправить мальчика в город; обследование займет не один день. Отец Робсон почувствовал облегчение от того, что наконец решил эту проблему положительно. В то же время он с неудовольствием сознавал, что не имеет возможности заняться ею так, как хотелось бы. Впрочем, нет, лучше прибегнуть к услугам специалистов и отослать мальчика в город. Тогда, возможно, мрачное уныние, спустившееся на приют с приходом зимы, отчасти рассеется. Да, наконец сказал он себе, выключая свет и запирая двери кабинета, так будет правильно.

Выйдя из кирпичного домика, он пошел на стоянку к своей машине. В лицо дул холодный ветер. Утомительные полчаса езды, и он дома; взявшись сортировать и записывать свои соображения, он потерял счет времени. Отец Робсон вдруг понял, что по-прежнему знает не больше, чем в начале работы, только теперь пугающие вопросы были черным по белому отпечатаны на бумаге. Он пожалел, что не может выпить еще кофе, прежде чем сядет за руль.

На полпути к машине он вдруг остановился.

Что это он сейчас увидел? Там, наверху, за окнами? Четвертый этаж, спальни детей. Темные окна; в этот ранний предутренний час все, разумеется, крепко спят, и все же... все же...

Кто-то прошел мимо окна, мелькнул огонек. Фонарик? Свеча? И сразу — или это разыгралось его воображение, разбуженное пляской теней, которые отбрасывали в лунном свете, качаясь под ветром, голые ветки? — он увидел за темными стеклами стремительное движение множества фигур. На миг отец Робсон замер, но сразу озяб и плотнее запахнул воротник пальто. Да! Вот оно! За окном плыл огонек свечи!

Он снова пересек стоянку, поднялся на крыльцо приюта, где в щелястых досках свистел ветер, и отпер дверь универсальным ключом.

Первый этаж был погружен в тишину. Когда глаза отца Робсона привыкли к темноте, пустые классы и коридоры вдруг заполнили длинные тени; они внезапно выскакивали у него из-под ног или бесшумно скользили по обоям. Он пошел по лестнице, миновал площадку третьего этажа, где лежал рваный ковер, пропахший нафталином, и поднялся на четвертый этаж. Одной рукой он держался за гладкие деревянные перила и осторожно ступал в темноте, стараясь производить как можно меньше шума. По некой причине, какой — он не хотел признаваться даже себе, отец Робсон не желал объявлять о своем присутствии тому, кто сейчас бродил среди спящих детей.

На четвертом этаже он сразу определил, где прошел неизвестный со свечой; сильный запах воска вел в глубь коридора к закрытым

дверям спальни. Отец Робсон двинулся вперед. Один раз он, вздрогнув, остановился — под ногой скрипнула половица, — потом его рука коснулась дверей спальни. Снизу не пробивалось ни лучика света, не слышно было и движения. Он прислушался. Он надеялся столкнуться здесь с сестрой, которая, возможно, поднялась в столь ранний час, чтобы взглянуть на прихворнувшего ребенка, но безжалостный стук сердца и оглушительный шум крови в ушах напомнили отцу Робсону, что он уже знает — дело в другом.

За дверью кто-то или что-то ждало его. За дверью был мальчик.

Отцу Робсону показалось, что руке его передалась слабая дрожь, словно кто-то (или их было несколько?) стоял за дверью и слушал, как бьется его сердце, считал удары, хихикая в кулак. Уходи, сказал он себе, уходи. Уйди от этой двери, из этих стен. Поезжай домой, а утром вернись как ни в чем не бывало, словно ты никогда не видел мелькающего в окне белого огонька свечи. Уходи. Уходи, пока не поздно.

Но нет. Нет.

Отец Робсон открыл дверь и переступил порог спальни.

Казалось, там было темнее, чем в коридоре. Напрягая зрение, он с трудом разглядел лабиринт железных кроватей. По полу змеилась тонкая полоска лунного света, разрезанная на трети и четвертушки тенями ветвей. Одна ветка мазнула по стеклу, и по спине у отца Робсона поползли мурашки: звук был такой, словно кто-то царапнул ногтями по классной доске.

И тут он кое-что заметил — заметил слишком поздно; от нахлынувшего страха глаза его невольно округлились, и он попятился к двери. К плотно закрытой двери.

Кровати.

Кровати были пусты.

Отца Робсона схватили за ноги; по его телу холодными муравьями заползали дюжины рук. Он споткнулся, хотел за что-нибудь ухватиться, — но уже падал, падал, падал на пол под тяжестью тех, кто кинулся на него из черноты у дверей. Он увидел блеск зубов, круглые безумные глаза, угрожающе скрюченные пальцы и хотел закричать, но ему заткнули рот кулаком. Его дергали за волосы, пытались выцарапать глаза, не давали подняться с пола. Отец Робсон отчаянно забился, пытаясь вырваться, но те, кого он страхивал с себя, налетали снова, как разъяренные осы. Избитый, весь в синяках, он затих, понимая, что это еще не конец.

Кто-то рывком повернул его голову направо.

В углу, привалившись к стене, стоял мальчик. Он держал свечу; воск таял и капал на пол, застывая там круглой лужицей. Пламя бесшумно колебалось, отбрасывая красноватые тени на стену вокруг головы мальчишки. Тень скрывала и его глаза, тусклое сияние свечи заливало лишь плотно сжатые губы. Губы взрослого мужчины, подумал отец Робсон.

Мальчик прошептал:

— Мы дожидались тебя, сучий поп. Теперь можно начинать.

Дети ждали. Блестели в свете свечи глаза. Отец Робсон слышал их хриплое дыхание, затуманившее холодные оконные стекла. Начинать? Начинать? Он понял, что опоздал. Мальчишка подмял их своей властью, заразил безумием, околдовал, и они превратились в бледные тени его черной ярости. Отцу Робсону захотелось закричать, громко позвать на помощь, звать, звать, звать, не стыдясь. Кого угодно. Господа. Но он боялся подать голос; он боялся, что его не услышат, боялся, что поймет, какая ему уготована участь, — и тогда сойдет с ума.

Ваал наблюдал за бледным лицом человека, простертого перед ним на полу. Пламя вдруг вытянулось, как лезвие ножа, и высветило глаза, которые хищно растерзали душу священника и вырвали его сердце.

В глубине комнаты, среди кроватей, что-то пошевелилось. Трое детей кого-то удерживали там, кого-то вырывающегося, мотающего головой, кого-то с огромными блестящими глазами. Женщину. На железной койке была распята растрепанная женщина в ночной сорочке. Отец Робсон стал вырываться, чтобы увидеть ее лицо, но тщетно. Его держали чересчур крепко. Он увидел ее раскнутые руки и ноги, хрупкие, белые. Пальцы беспомощно сжимали металлические прутья изголовья.

Ваал распорядился:

— Ричард, сходи запри дверь из крыла сестер на лестницу. Живо. — Мальчик кивнул и скользнул в темноту. Через несколько минут он вернулся, и Ваал, видя, что приказ выполнен, похвалил: — Молодец, мой славный Ричард.

Взгляд Ваала уперся в отца Робсона, и священник увидел на мальчишкиных губах слабую улыбку, словно тот уже объявил себя победителем в этой гнусной игре. Ваал сказал:

— Поздно бороться, сучий поп. Что есть, то есть. С каждым днем моя сила росла. Теперь это мои чада. Здесь был мой полигон; последним испытанием стало это... — Он поднял свечу. — Детская душа проста и невинна. Взрослые... сложнее. Явился мой ангел света. Он принес дары, сучий поп. Дар жизни, дар свободы. Я дарую свободу тем, кто истинно верит в меня. Да! Одним касанием я возношу их на царский престол. Одним касанием уничтожаю. Они в моей власти. И ты тоже.

Лицо отца Робсона исказил страх. На глазах выступили слезы, из носа закапало на пол. Ваал сказал:

— К чему слезы, сучий поп? Ведь тебя ждет вечная награда. Или ты грешил, драл по углам сестер? Божий человек, где твой Бог? Где Он? — Ваал склонился к подставленному ему мертвенно-бледному лицу. — Где Он сейчас, сукин отец? Я скажу тебе. Съежился от страха и не знает, куда деваться. Прячется в темноте, загораживаясь крестом.

Ваал выпрямился.

— А теперь я возлягу с моим ангелом света и познаю его, — насмешливо проговорил он, и дети расступились, давая ему дорогу. Отец Робсон с трудом повернул голову ему вслед.

Ваал — пламя освещало его суровое, решительное лицо — оставался у кровати, на которой лежала женщина, и отдал свечу одному из детей. Отец Робсон увидел, как женщина замерла. Она не шелохнулась, даже когда дети отпустили ее. Ваал неторопливо снял трусы и жадными руками развел в стороны ноги женщины. Он пристроился сверху и вдруг, вмиг обезумев, царапая до крови, разорвал на ней сорочку. Отец Робсон заскрипел зубами и закрыл глаза, чтобы не видеть страшного мгновения, но остались звуки: шлепки, шорохи, стоны женщины, прерывистое дыхание мальчишки. Наконец Ваал выплеснул семя, издавая такие звуки, что отца Робсона чуть не вывернуло. Скрипнули пружины; мальчишка поднялся и натянул трусы. Вдруг отец Робсон в поту и слезах вырвался из державших его рук и рывком поднял голову.

Он услышал потрескивание огня. Мальчишка свечой поджег матрас. Огонь подкрадывался к истерзанному нагому женскому телу. Повалил темный дым. О Боже, подумал священник, мальчишка убьет нас. Он забился, кусая губы, но все было напрасно.

Ваал отступил от кровати. Языки пламени отражались в его красных глазах. Он перешел к другой койке и обеими руками сорвал с нее простыни. Отец Робсон в ужасе следил за ним. Ваал поджег кровать не свечой, как он подумал. Огонь пришел от рук мальчишки, от его тела. Ваал вдруг застыл, и ткань в его пальцах обуглилась. Женщина на полыхающем матрасе не шевелилась; пламя лизнуло изорванную сорочку, побежало по волосам, и отец Робсон отвернулся.

Мальчишка с торжественно простертыми руками, точно дирижируя симфонией огня, шел по спальне, касаясь одеял, подушек, матрасов, отдавая их ненасытному быстрому пламени. Отцу Робсону стало трудно дышать, он услышал, как дети вокруг закашляли, но никто не пытался потушить пожар. От жара лопнуло стекло, потолок почернел от копоти. Перед лицом отца Робсона кобрами покачивались языки пламени. Ему почудился запах горелого мяса — его мяса.

Он сознавал, что дым из-под двери считается в коридор. Вскоре жар и запах гари поднимут сестер. Но что-то сдавило ему горло, не давая вздохнуть. Он поперхнулся своими нелепыми надеждами на спасение. Крыло, где спали монахини, было отрезано от коридора. Они не почувствуют запаха дыма, пока огонь не доберется до лестницы.

Над ним на фоне бушующего пламени встал Ваал. Все смотрели на него, их одежда дымилась. Ваал сказал, перекрывая шум: «Разорвите его на куски», — и дети кинулись на отца Робсона, как стая жадных крыс на разбухший труп, прокусывая кровеносные сосуды. Когда все было кончено, они замерли среди алых луж, искательно протягивая руки к Ваалу.

Мальчишка ходил среди них, не замечая страшного жара, и заглядывал каждому в глаза. Иногда он осторожно касался пальцем чьего-нибудь лба, оставляя там маленький ожог, затейливый узор завитков, и нарекал отмеченного:

— Верен.

— Кресиль.

— Астарот.

Они, казалось, не чувствовали боли и радовались его обжигающему прикосновению. Блестели глаза, опускался палец.

— Карро.

— Зоннейльтон.

— Асмодей.

От жара в спальне полопались окна. В комнате билось огромное огненное сердце.

— Оливье.

— Веррье.

— Карниван.

Не отмеченные Ваалом падали перед ним на колени. Он бросил последний взгляд на коленопреклоненную толпу и распахнул дверь; ветер, ворвавшийся через разбитые окна, вынес в коридор дым и искры. Девять избранных вышли следом за Ваалом из горящей спальни, и последний, хромой Зоннейльтон, которого когда-то звали Питером, хладнокровно запер дверь.

Избранные с Ваалом во главе подошли к лестнице. Из другого крыла доносились приглушенные крики о помощи; зазвенело разбитое стекло — кто-то пытался выбраться через окно. Гонимый ветром дым втягивался под запертые двери, чтобы задуть угодивших в ловушку женщин.

Дети спустились с крыльца и двинулись через двор. Там, где начинались деревья, Ваал поднял руку, остановился и повернулся, чтобы увидеть финал устроенной им огненной потехи.

Ревущий ветер швырял искры в небо. Пламя целиком поглотило четвертый этаж; на глазах у детей со страшным треском рухнуло перекрытие пятого этажа, и на месте библиотеки, где были собраны древние тома, запылали огненные языки. Занялась двускатная крыша, запылала черепица, и на губах Ваала появилась тонкая усмешка. Внутри здания кто-то закричал, протяжно, пронзительно, на миг перекрыв треск пламени. Другой голос воззвал к Господу, и крики прекратились.

Кровля с протяжным скрипом обрушилась. В небо полетели горящие доски. Огонь перекинулся на крышу административного корпуса, и в следующий миг небольшой кирпичный домик запылал.

Ваал повернулся к девяти избранным. Позади него трещало дерево, звенели и лопались стекла, в черном небе клубился белый дым. Он не повысил голоса, но его слышали и в реве пожара. Ваал сказал:

— Мы теперь мужчины в мире детей. Мы станем учить их, что видеть, что говорить, что думать. Они покорятся, ничего иного им не остается. А мы, если захотим, предадим огню весь мир.

Черные глаза Ваала оглядывали спутников: дымящаяся одежда, алые отпечатки пальца на лбах. Ваал двинулся в глубь темного леса, и новообращенные, не оглядываясь, последовали за ним.

Приют сотрясался на подточенных огнем ногах; его кровь испарилась с дымом, который в бешеной пляске вздымался все выше, как дым языческого жертвенного костра. Здание испустило последний безнадежный стон, содрогнулось и рухнуло. К небу взметнулось пламя. Еще до рассвета оно превратит лес в золу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«...и кто может сразиться с ним?»

Откровение святого
Иоанна Богослова, 13:4.

11

Он проснулся в шесть и сейчас завтракал в уютном уголке своей тихой квартиры, просматривая утренние газеты. Вставало солнце; внизу, на мощенной булыжником улице, лежали косые лиловые тени.

Он больше всего любил именно этот утренний час, когда город еще спал. Вскоре Бостон начнет свое шумное пробуждение, погонит его из дому с набитым бумагами портфелем. А сейчас он прихлебывал из чашки крепкий горячий чай и смотрел, как разгорается новый день, любуясь пушистыми перистыми облаками над городом — какими прекрасными и далекими они казались! В последние несколько лет оказалось, что его стали бесконечно радовать кажущиеся пустяки: терпкий вкус чая, облака на оживающей от их белизны синеве неба, мирная тишина квартиры с ее книжными полками и гипсовыми Моисеем и Соломоном... в такие минуты он жалел, что не может поделиться всем этим с Кэтрин. Впрочем, он понимал, что смерть не есть завершение. Смерть жены заставила его пересмотреть свою жизнь; теперь он знал, что Кэтрин обрела тот благословенный покой, к которому он наконец научился приобщаться.

Он пробежал глазами первую страницу газеты: отчет о том, что творилось в мире, пока он спал. Заголовки кричали о ненасытной тяге общества то ли к освобождению, то ли к самоуничтожению. Все утра были одинаковы; чего греха таить, страшное стало общим местом. В одном только Бостоне зарегистрировано больше дюжины убийств. Похищения, поджоги, ограбления, драки захлестывали нацию, как

кровь из рваной раны. От взрыва бомбы в Лос-Анджелесе погибли десять и серьезно пострадали вдвое больше человек (возможно, он в это самое время ворочался во сне), в Атланте произошло массовое убийство (он как раз поплотнее закутылся в одеяло), в Нью-Йорке гремела перестрелка (покуда его глаза под веками метались в погоне за снами). Верх страницы был отдан самоубийству, нижняя колонка — брошенным детям. Взрыв трамвая в Лондоне, самосожжение монаха на улицах Нью-Дели, угрозы группы пражских террористов медленно, одного за другим, убивать заложников во имя Господа.

Ночью, пока он спал, мир жил и страдал. Корчился, одолеваемый страстями. Открывались старые раны, оживала давнишняя ненависть, и становились слышны только свист пуль и грохот взрывов. Да и те нынче попритихли. Может статься, очень скоро в ночи грянет самый громкий из всех голосов, тот, что потрясет народы и обратит в пыль города. И когда, проснувшись поутру, он взглянет на газетные заголовки, то, возможно, не увидит их, ни единого, только знак вопроса, ибо тогда все слова на свете будут бессильны.

Он допил чай и отодвинул чашку. Боль минувшей ночи утихла. Но боль грядущей ночи уже была нестерпимой. Он знал, что не одинок в своих терзаниях: многие его коллеги по университету испытывали такое же разочарование от того, что их слова не находили отклика.

Много лет назад он возлагал большие надежды на свои труды по философии и теологии, но, хотя в академических кругах его книги имели успех, все они тихо почили на этой крошечной арене. Теперь-то он понимал, что никакой книге не изменить человека, никакой книге не замедлить сверхстремительный темп городской жизни, не исцелить города от лихорадки насилия. Возможно, философы ошибались, и меч сейчас был гораздо более мощным оружием, чем книга. Начертанные мечом страшные багряные строки вдруг перевесили черные буквы на белых страницах. Скоро, подумал он, размышления выйдут из моды и люди, как бездушные роботы, схватятся за оружие, чтобы оставить автограф в живой плоти.

Он взглянул на большие напольные часы в коридоре. Сегодня темой его утреннего занятия были Книга Иова и человеческое страдание. Его давно беспокоило то, как быстро бежит время; вот уже шестнадцать лет изо дня в день он вел занятия в университете и всего несколько раз нарушил заведенный порядок, посетив Святую Землю. Он испугался, что навеки обречен либо ездить, либо корпеть над очередной книгой. В конце концов, сказал он себе, мне уже минуло шестьдесят пять (через несколько месяцев ему исполнялось шестьдесят семь), а время уходит. Он боялся маразма — этого бича стариков, страшного призрака со слюнявыми губами и равнодушным, бессмысленным взглядом, — боялся отчасти потому, что в последние годы у него на глазах состарилось несколько коллег. Именно ему как главе кафедры вменялось в обязанность урезать им учебные часы или

возможно тактичнее предлагать заняться независимыми исследованиями. Ему претила роль администратора-палача, но спорить с ученым советом было бесполезно. Он боялся, как бы через несколько лет самому не положить голову на эту академическую плаху.

Привычной дорогой он приехал в университет и с портфелем в руке стал подниматься по широким ступеням Теологического корпуса, мимо потрескавшихся от времени ангелов, готовых взмыть в небо, глядя, как здание оживает в золотистом свете утра. Он пересек вестибюль с мраморным полом и поднялся на лифте к себе на четвертый этаж.

С ним поздоровалась его секретарша. Он был очень ею доволен: она всегда приходила раньше его, чтобы привести в порядок его бумаги и увязать расписание деловых встреч с расписанием занятий. Они обменялись несколькими словами; он спросил о поездке в Канаду, куда она собиралась через пару недель, и ушел за дверь с матовыми стеклами, на которой черными буквами значилось «Джеймс Н. Вирга» и буковками помельче «профессор теологии, заведующий кафедрой». В уютном кабинете, устланном темно-синим ковром, он уселся за письменный стол и принялся разбирать свои заметки к Книге Иова. В дверь постучали. Секретарь принесла расписание на сегодня.

Профессор пробежал глазами фамилии, чтобы получить представление о том, что его ждет. Встреча за чашкой кофе с преподобным Томасом Гриффитом из Первой бостонской методистской церкви; в одиннадцать - заседание финансового совета университета, на котором планировалось составить примерный бюджет на следующий финансовый год; сразу после обеда — специальный семинар с профессорами Лэндоном и О'Дэннисом на тему о Распятии, подготовка к записи на телевидении; ближе к вечеру встреча с Дональдом Нотоном, представителем младшего поколения профессуры и близким другом. Вирга поблагодарил секретаршу и попросил оставить вечер пятницы свободным от встреч и приглашений.

Час спустя он уже рассказывал по кафедре у доски, на которой его крупным почерком прослеживалось вероятное происхождение Иова, устанавливающее его тождество с Иовавом, вторым царем Едомским.

Студенты в аудитории-амфитеатре наблюдали за ним, то склоняясь к тетрадам, то вновь поднимая головы, если Вирга подчеркивал свои слова размашистыми жестами.

— Еще на заре своего осмысленного существования, — говорил он, — человек вдруг стал задумываться над тем, почему, собственно, он должен страдать. Почему? — Вирга воздел руки. — Почему я, Господи? Я не сделал ничего дурного! Почему же страдать должен я, а не парень, который живет в пещере на другой стороне расселины?

Послышались приглушенные вежливые смешки.

— Этот вопрос, — продолжал он, — совершенно, казалось бы, логичный, люди задают себе и поныне. Мы не в силах понять такого

Бога, который предстает перед нами как добрый Отец и тем не менее не делает ничего — по крайней мере, в нашем ограниченном понимании, — чтобы избавить от страданий невинные души. Возьмем Иова, или Иовава. Всю жизнь он придерживался мнения, что он честный, порядочный человек, грешный, как все мы, но не более того. И тем не менее в самом расцвете его поразила проказа, осложненная тем, что сейчас мы называем слоновой болезнью. Его тело страшно распухло, и при каждом движении кожа лопалась, а ткани рвались; его верблюжьи стада угнали халдейские воры; семь тысяч его овец истребила буря; десять его детей убил ураган. И все же Иов, зная себя, заявляет, что невиновен. Он говорит: «Доколе не умру, не уступлю непорочности моей!» Поразительно глубина его веры: даже испытание не отравило Иова от Господа.

— Книга Иова, — продолжал он, — это прежде всего философское размышление о неисповедимых путях Господа. Здесь же исследуются отношения между Господом и Сатаной; Господь наблюдает за тем, как Сатана испытывает силу веры Иова. В таком случае возникает вопрос: не является ли человеческое страдание плодом вечного противоборства Бога и Дьявола? Быть может, мы лишь пешки в потрясающей воображении игре, и плоть дана нам исключительно для истязания?

Студенты на секунду оторвались от тетрадей и вновь стали записывать.

Вирга вскинул руку:

— Если это действительно так, то весь мир, вселенная, космос — все это Иов. И мы либо терпим неизбежно приходящее страдание, взывая о помощи, либо, подобно библейскому Иову, утверждаем *непорочность*. Вот философское ядро книги. Непорочность. Чистота. Мужество. Самопознание.

Он пообедал у себя в кабинете сэндвичем с ветчиной и выпил чашку кофе, набрасывая план семинара по Распятию. Вернувшись с последней пары, он уселся за недавно опубликованный труд «Христиане против львов», пространное исследование на тему раннего христианства в Риме, принадлежавшее перу его друга и коллеги, преподавателя Библейского колледжа. В окно за его плечом светило послеполуденное солнце. Вирга внимательно прочитывал страницу за страницей, браня себя за то, что стал так небрежен с друзьями: он ничего не слышал о книге, а вот сегодня она объявилась в утренней почте. Он решил завтра же позвонить автору.

В кабинет заглянула его секретарша:

— Доктор Вирга...

— Да?

— Пришел доктор Нотон.

Он оторвался от книги:

— А? Да. Пожалуйста, пригласите его сюда.

Нотону, высокому, худощавому, с пытливыми синими глазами, еще не было сорока, но за три года, проведенные им в университете,

его светлые волосы заметно отступили от лба к темени. Человек тихий, Нотон редко бывал на кафедральных обедах и чаепитиях, предпочитая в одиночестве работать у себя в кабинете в конце коридора. Вирге он нравился своим консерватизмом, который делал его спокойным, добросовестным преподавателем. Сейчас Нотон занимался историей мессианских культов; необходимые исследования отнимали огромное количество времени, и в последние несколько недель Вирга редко виделся с ним.

— Привет, Дональд, — проговорил Вирга, жестом приглашая его сесть. — Как дела?

— Прекрасно, сэр, — ответил Нотон, опускаясь на стул возле письменного стола.

Вирга вновь раскурил трубку.

— Я собирался в скором времени пригласить вас с Джудит на обед, но, похоже, в последнее время вы так заняты, что даже жена не может уследить за вашими передвижениями.

Нотон улыбнулся.

— Боюсь, я увяз в работе. Я столько времени провел в библиотеках, что начал казаться себе книжным червем.

— Мне знакомо это чувство, — Вирга взглянул через стол Нотону в глаза. — Но я знаю, что игра стоит свеч. Когда я смогу увидеть черновой вариант?

— Надеюсь, что скоро. Кроме того, я надеюсь, что, прочитав его, вы не утратите ощущения, что работа теоретически оправданна.

— Как это?

— Видите ли, — сказал Нотон, едва заметно подаваясь вперед, — я собрал обширный материал по поздним культам, с конца восемнадцатого века до наших дней. Почти все эти культы имеют в своей основе поклонение не деяниям очередного мессии, а его личности, способности обращать иноверцев, привлекать их в свою паству; не провиденью, данному от Бога, а таланту подняться над толпой. Поэтому самые поздние культы возникали вокруг чрезвычайно волевых фанатиков, мастерски умеющих внушить свои убеждения другим.

Вирга хмыкнул.

— Значит, вы угодили в этакое змеиное гнездо от религии?

— Именно что змеиное, — согласился Нотон. — Что бы ни двигало «мессиями», неизменно прослеживаются два общих мотива: деньги и сексуальное господство. В начале девятнадцатого столетия в Великобритании преподобный Генри Принс объявил себя пророком Ильей и возглавил религиозное движение, рассматривавшее всех своих последовательниц как огромный гарем. Алистер Кроули построил замок на берегу озера Лох-Несс, провозгласил себя «Великим Зверем», и сделал сотни женщин своими наложницами. Френсис Пенковик, Кришна Вента, основал в долине Сан-Фернандо Мировой источник и погиб впоследствии от рук взбунтовавшегося ученика.

Пауль Бауманн, Великий Магистр Метерниты, культа, распространяемого главным образом в Швейцарии, ратовал за очищение обращенных женщин посредством полового контакта. Чарльз Мэнсон удерживал в повиновении свою Семью угрозами сексуального насилия и убийства. Невероятно, но этот перечень все пополняется.

От трубки Вирги поднимался голубой дымок. Нотон продолжал:

— Возможно, вам интересно будет узнать, что Кроули однажды посреди званого обеда снял брюки, испражнился и приказал гостям сохранить его экскременты, ибо, по его словам, они имели божественное происхождение.

— Человечеством управляют безумцы, — задумчиво промолвил Вирга. — Что ж, Дональд, такая книга необходима. Боюсь только, люди сами рвутся пойти за теми, кто трубит о своей божественности, но на деле божественны не более, чем... дары господина Кроули.

Нотон кивнул. Умные серые глаза Вирги спокойно и зорко глядели на него сквозь тонкую пелену дыма. Молодой человек в который уже раз поразился тому, как мало по Вирге было заметно приближение старости. Глубокие морщины у глаз, венчик седых волос вместо белой шевелюры — но ни в выражении лица, ни в манере держаться не было и намека на неполадки с головой или здоровьем, беду многих ровесников Вирги. Всегда сдержанный, ясно мыслящий... Нотон очень уважал профессора Виргу. Вирга едва заметно улыбнулся и уперся ладонями в крышку стола.

— Вы хотели встретиться со мной по какому-то конкретному поводу? Что-нибудь срочное?

Нотон ответил:

— Да. Наш общий друг, доктор Диган из Центра Святой Католической Церкви, последние несколько недель помогал мне обрабатывать данные.

— Да что вы? Как у него дела?

— Прекрасно; просил вас позвонить. Но я вот о чем: пару дней назад он переслал мне отчет семьи миссионеров из Ирана. У них сложилось впечатление, что кувейтские нефтяные магнаты финансируют нового мессию. Они не смогли разузнать подробности, но доктор Диган утверждает, что в столицу Кувейта хлынули огромные толпы паломников.

— Я ничего об этом не слышал, — сказал Вирга, — но, полагаю, лишь потому, что я практически не отрываюсь от книг.

— Пока что миссионерам кажется, что это нелегальное движение, — продолжал Нотон, — крайне мало или вовсе не афиширующее себя. Они сами узнали о нем только тогда, когда крестьяне из их деревни отправились в Кувейт. Бросили все свое имущество и ушли. Вот так.

— Не мне вам говорить, — заметил Вирга, — что история знает множество подобных случаев. Некая влиятельная фигура получает финансовую поддержку и заражает несчастных невежд своим рели-

гиозным пылом. Это не ново. Что же проповедует ваш новоявленный мессия?

— Неизвестно, — ответил Нотон. — Миссионеры не сумели узнать даже того, как его зовут или какой он национальности. Однако очевидно, что в движение каким-то образом вовлечены дети.

— Откуда вы знаете?

— Наши друзья-миссионеры пишут, что в упомянутом районе наблюдается неслыханный наплыв детей из Ирана, Ирака и Саудовской Аравии. Однако они затрудняются объяснить, какое отношение дети имеют к движению. Впрочем, они сами отбывают в Кувейт и в дальнейшем станут давать информацию непосредственно с места событий.

— Что ж, — пожал плечами Вирга, — подобные субъекты и раньше превращали детей в передовой отряд своей паствы, подражая Христу. Здесь как будто бы видна та же схема.

— И тем не менее интригует полное отсутствие гласности. Вспомните, совсем недавно очередной мессия откупил целую страницу «Нью-Йорк таймс» под свою рекламу. А наш господин — если, конечно, это господин, а не дама — предпочитает секретность.

— Да, — согласился Вирга. Он зажег спичку и поднес ее к трубке. — Да, это весьма интересно. Это не вполне укладывается в обычную схему. Как правило, когда «мессия» приобретает определенную власть над массой, по стране внезапно прокатывается волна «духовного возрождения» и имя «пророка» гремит, слетая с губ тех несчастных его последователей, которые слишком поздно обнаруживают, что их надули.

Нотон откашлялся.

— До сих пор я хоронил себя в библиотеках, перерывая чужие труды ради чужих наблюдений касательно мессианских культов. До сих пор я мог лишь компилировать сведения, полученные из вторых рук. Сейчас я чувствую, что мне выпала великолепная возможность лично собрать материал на интересующую меня тему. Поэтому я хотел бы просить у вас разрешения отлучиться.

— Ах, вот как?

— Да, сэр. Я сам хочу съездить в Кувейт. Мне хотелось бы получить ваше разрешение сейчас, чтобы успеть все уладить до отъезда.

Вирга подался вперед, блестя глазами. Он и сам не отказался бы от такой поездки.

— А деньги у вас есть?

— Да, — ответил Нотон. — Джудит тоже хотела поехать, но я не разрешил. Вдвоем получается чересчур дорого.

Вирга улыбнулся и повернулся в кресле так, что слепополуденное солнце осветило его лицо. Небо за окном было мягко-синее, с розоватыми по краям облаками.

— Я устрою так, что вас отпустят, — сказал он после минутного молчания. — Прочь с земли, в небеса.

— Сэр?

— Мысли вслух. Если бы я мог, я бы поехал с вами. Мне нужен глоток чужеземного воздуха. Но кому-то нужно присматривать за конторой. — Он опять повернулся к Нотону. — Могу я попросить вас держать меня в курсе событий? Мне очень любопытно, что вы там обнаружите.

— Конечно, — ответил Нотон, вставая. — Спасибо.

— Просто упомяните обо мне в своей работе, — отозвался Вирга. — Хотелось бы, чтобы мое имя еще один, последний, раз появилось в печати. Кстати, мое приглашение остается в силе: я надеюсь пообедать с вами и Джудит до вашего отъезда.

— Хорошо, — ответил Нотон. — Созвонимся. — Он подошел к двери и взялся за ручку. Вирга снова открыл книгу и откинулся на спинку кресла.

Нотон вдруг обернулся, и Вирга поднял голову.

— Вы знаете, сэр, я вдруг обнаружил, что мне не дает покоя вопрос, которым люди задаются со времен Иисуса Христа. А что если этот мессия... другой? Что если он настоящий? Что тогда?

— Если он лжец, — после минутного раздумья ответил Вирга, — то вы посмотрите, как одурачивают народ. Ну а если он подлинный мессия, тогда, — он улыбнулся, — в вашей книге будет сносшибательная последняя глава, верно?

Нотон несколько секунд стоял на пороге. Потом кивнул и закрыл за собой дверь.

12

В грязном городишке посреди пустыни, окаймленном хибарками с жестяными стенами, Нотону казалось, что он спит, что, когда машину резко подбросило на ухабе и он вообразил, будто проснулся, он, наверное, продолжал видеть кошмар. Но нет. Ослепительно-белое солнце в сверкающем синем небе говорило: нет. Это не был кошмар, откуда он мог бы вынырнуть, выплыть по мутным водам сна. Это была реальность. Очень реальная реальность.

Такси Нотона (за рулем сидел мужчина средних лет с гнилыми передними зубами; под ввалившимися глазами у него темнели круги) остановилось на одной из улочек предместья, где движение было перекрыто из-за аварии. Впереди оглушительно галдели по-арабски, оживленно жестикулировали: кого-то сбила машина; несчастный, силой удара отброшенный с дороги, лежал в сточной канаве. Шоферы — участники инцидента, огромные, очень смуглые, ожесточенно выясняли отношения. Оба были на грани истерики. Но Нотона это не интересовало. Его взгляд был устремлен из окна машины куда-то

поверх песка и разбитого асфальта, за вонючие лачуги, на другую сторону улицы, темной лентой опоясывавшей башни Кувейта.

Там, в канаве, в песок было прочно воткнуты две рогульки. Между ними горел костер из старых газет и тряпок. Над огнем два полуголых мальчугана поворачивали насаженный на палку освеженный собачий труп. Мальчишки внимательно приглядывались к мясу, выбирая, куда впиться зубами, когда лакомство будет готово, а мертвые, выпученные собачьи глаза, похожие на белые мраморные шарики, так же внимательно приглядывались к ним. Ноздрей Нотона коснулся запах, распространявшийся от костра, и он вздрогнул от отвращения. Следовало бы закрыть окно, но в такую жару даже думать об этом было страшно; к тому же в конце концов запах все равно проник бы в машину через разбитое ветровое стекло.

Над самым ухом у него что-то громко выстрелило, и он вздрогнул. Выхлоп? Воздух впереди был сизым от дыма.

Таксист вполголоса выругался и выехал из ряда. Такси покатило по тротуару. Проезжая мимо места аварии, Нотон выглянул в окно. Один из шоферов лежал на асфальте, из раны на животе лилась кровь. Другой, расставив ноги, стоял над ним с дымящимся пистолетом в руке. Такси съехало обратно на мостовую, и тот, кто лежал на земле, бессильно попытался уцепиться за колесо.

Нотон перекричал вой мотора:

— Там человека застрелили!

Водитель мотнул головой на короткой шее.

— Застрелили! Вы что, не понимаете? Нужно остановиться и помочь!

Таксист хрипло рассмеялся.

— Ха! Ох уж эти американцы!

Нотон оглянулся и увидел, что человек с пистолетом все еще стоит над своей поверженной жертвой. Машины объезжали место происшествия, и потревоженный их движением синий дым лениво вился над головой лежащего.

Такси ехало по неровному ухабистому асфальту через лабиринт самодельного жилья к городской окраине. Повсюду были люди, смуглые люди в развевающемся тряпье; они ухмылялись и тянулись к Нотону в окно ускользящей машины. Они полулежали в сточных канавах, широко раскрыв настороженные глаза, но лица их уже были мертвы. Они выходили из проулков на мостовую и жадно наблюдали за приближением такси, словно Нотона везла машина разрушения, которое было здесь желанным и уважаемым гостем.

Нотон готов был увидеть нищету, но не такую. В этой стране его постоянно снедала тревога, точно в любой момент, без всякого предупреждения что-нибудь могло обрушиться ему на голову. Он вдыхал это ощущение с едкой дымкой, висевшей над Кувейтом. Дым начинал наползать на город в ранние утренние часы, он плыл с запада, оттуда, где изгибалась и покачивала бедрами гибкая смуглая

женщина — пустыня. Ночью со своего балкона с мозаичным полом Нотон увидел тысячи мерцающих огней, соперничавших с холодным серебром звезд. Он изумился тому, как их много; он затрепетал. Миссионеры насчитывали их до трех тысяч, но это было давно. Сейчас Нотон был уверен, что там, за песчаными валами, собралось более пяти тысяч человек.

Узрев это великое сборище, он немедленно написал Джудит и доктору Вирге.

Доктору Вирге он писал о чудовищных контрастах этой страны: с одной стороны, нищие и попрошайки, не дающие прохода туристам, с другой — буровые вышки в пустыне и шейхи в дишдахах, проносящиеся в сверкающих «феррари» по обсаженным пальмами проспектам. Грань между бедностью и богатством была здесь омерзительно четкой. Он написал Вирге о стечении народа в окрестности города и о по-прежнему безымянном мессии, добраться до которого было совершенно невозможно: Нотон до сих пор не вызнал даже того, кто этот человек по национальности. Но в пустыне его ждали. Каждый день Нотон видел, как паломники, стоя на коленях лицом к солнцу, крикливо сетуют на то, что мессия вновь не счел их достойными услышать его.

Джудит он писал о самой стране, о ее загадочной близости, о красках пустыни, о золотом мерцании полуденного марева и о густых, черных тенях, выползающих на закате.

Однако кое-что он утаил. Его тревожило то, скольким случаям насилия он стал свидетелем за те две недели, что минули с момента его приезда; казалось, страна бурлит от растущей ненависти. В воздухе пахло порохом. Эта земля воевала сама с собой.

Нотон сознавал, что здешняя атмосфера сказывается и на нем. Общее безразличие к бедности и насильственной смерти медленно, но верно ожесточало его сердце. В другое время он непременно потребовал бы, чтобы таксист остановился и вызвал «скорую помощь» к раненому, мимо которого они проехали. Теперь же он с недоумением обнаружил, что ему решительно все равно — и ничуть не стыдно за свое равнодушие. Да, происшедшее потрясло его, как потряс бы его любой другой акт грубого насилия, но он трезво и рассудительно объяснил себе, что ничем не может помочь, и на этом успокоился. Эта земля порождает насилие, сказал он себе. В этой суровой стране, столь не похожей на Америку, он чувствовал себя подлинным пришельцем с другой планеты, чужим, одиноким. Возможно, аборигены жили в нищете и погибали от пули или ножа потому, что так им было назначено судьбой; распорядиться иначе означало бы нарушить гармонию миропорядка, посеять хаос, распространяющийся как круги по воде. Люди здесь умирали оттого, что становились помехой. Насилие, взлелеянное их образом жизни, воцарилось над всем, жгучее, как здешнее раскаленное солнце.

Ряды лачуг остались позади, и теперь такси катило по гладкой безлюдной дороге, прорезавшей плоское пространство пустыни, над

которым дрожал горячий воздух. Страна спешно строилась. На горизонте вставали мрачные силуэты нефтяных вышек. Скоростные автострады рассекали пустыню только для того, чтобы согнуться под слоем песка вдали от своих истоков. Многие дороги не вели никуда и лишь бесконечно кружили и петляли, словно кто-то строил их от нечего делать, чтобы скоротать время, а потом, наскучив этой забавой, бросил ее на середине.

Впереди среди барханов, подвижных, точно драконьи хвосты, расположился лагерь. Нотон каждый день приезжал сюда и ходил с диктофоном на плече среди шатров из козьих шкур и жестяных шалашей; он осторожно ступал по утоптанному загаженному песку и время от времени останавливался и заговаривал с бедуинами и кувейтцами, которые, подозрительно оглядев его, неизменно поворачивались к нему спиной. По лагерю рыскали стаи воющих, дерущихся из-за объедков собак, темными тучами роились мухи, тысячами слетевшиеся сюда вслед за паломниками из разных частей страны пировать на гниющих язвах и болячках. Больные, приковывавшиеся сюда из окрестных деревень, держались особняком; Нотон видел, как их били и пинали, когда они кланчивили еду.

В лагере, как и в городе, существовала четкая граница. По одну ее сторону ночевали в простых палатках или прямо на песке бедняки, по другую высились узорчатые просторные шатры богатых шейхов, где было все: дорогие ковры, слуги с опахалами, отгонявшие мух, и слуги с ружьями, отгонявшие нищих и бродяг. Для состоятельного человека пересечь эту невидимую границу было равносильно самоубийству. На пятый день своих наблюдений Нотон увидел, как один из таких, одурманенный гашишем, заступил за эту черту и оказался в царстве бедноты. В мгновение ока два десятка человек накинлись на него, схватили, швырнули на землю. Остальные горящими глазами наблюдали за происходящим, женщины дико хохотали. Бедняга попытался удрать, но с него сорвали одежды и голого, избитого, пинками вышвырнули обратно, точно тощего пса из хозяйского дома. Нотон молча смотрел, прочитав на распаленных лицах, что вмешаться значит подписать себе смертный приговор.

Такси свернуло на длинную немощеную дорогу, которая вела в самое сердце лагеря. Нотон увидел слепящий блеск жести — лачуги под солнцем, почувствовал зловоние перенаселенного лагеря, куда стекались все новые индивиды, чтобы ждать... кого?

Нотон спросил шофера:

— Кто этот человек?

Тот не ответил. В зеркале заднего вида отражались его непроницаемые глаза.

Нотон наклонился вперед. Возможно, шофер не слышал. Он повторил громче:

— Тот человек, ради которого они собрались. Вы что-нибудь знаете о нем?

Вновь не получив ответа, Нотон невнятно чертыхнулся. Попро-
буй иначе.

— Он пророк?

Шайка отсталых ублюдков, подумал Нотон. Сплошь выродки и подонки. Негодяй-таксист был таким же необщительным, как и все прочие. Нотон откинулся на жестком сиденье с выпирающими пружинами и стал смотреть на бегущие навстречу ряды хибарок.

За два дня лагерь изменился к худшему. Хижины лепились вплотную друг к другу, словно в пустыне вдруг возникли трущобы. От крыши к крыше были протянуты веревки с сохнущим тряпьем. На такси, медленно ехавшее по лабиринту сооруженных на скорую руку жилищ, коршунами налетели попрошайки; они ухмылялись, показывая щербатые зубы, а когда машина проезжала мимо, выкрикивали ей вслед непристойности. По земле в пыли катались двое нищих; они дрались, а орущая от восторга толпа передавала из рук в руки деньги. Шофер Нотона нажал на клаксон, такси вильнуло в сторону. По кварталу больных, швыряя камнями или песком в тех, кто не мог подняться, носились голые ребятишки. Повсюду толклись оборванцы. Люди походили на взбесившихся зверей с пеной на морде; Нотон увидел, как человек с ножом нагнал какую-то женщину, и та с воплем упала на колени, умоляя о пощаде. Нотону хотелось обрушиться на этих людей, бесследно стереть с лица земли, словно он был их Творцом.

Машина замедлила ход: кучка бродяг замолотила по капоту. Водитель крикнул: «Убирайтесь, а то задавлю!»

Нотон потянулся, чтобы, несмотря на жару, поднять окно. Кто-то схватил его за руку и легонько сжал ее. Он поднял голову и встретился с умоляющим взглядом темных глаз молоденькой девушки — лет пятнадцати-шестнадцати, прижавшейся к дверце автомобиля.

Она тихо, устало проговорила:

— Пожалуйста деньги.

Нотон заметил, что девушка была бы очень хорошенькой, если бы не выпирающие кости, ввалившийся рот и равнодушный взгляд, из-за которых она казалась уже мертвой. Должно быть, она долго голодала. «Пожалуйста деньги», — прохныкала девушка.

Ее пальцы больно впивались ему в руку. Нотон нашарил в кармане несколько мелких монет и отдал ей.

— Вот, — проговорил он. — купишь себе поесть.

Она схватила деньги и посмотрела ему в прямо глаза; Нотон уловил в этом пристальном взгляде панический трепет. Девушка вдруг задрала грязный подол длинной юбки, и взгляд американца уперся в темный треугольник между костлявыми бедрами. Ноги девушки были покрыты неровными царапинами и синими кровоподтеками, из дырочек открытых болячек выделялась и стекала вниз, почти до колен, желтоватая жидкость. Нотон в ужасе отпрянул; увидев его глаза, девушка громко захохотала, брызгая слюной. Такси

отъехало, а она все смеялась, не опуская подол — знамя шлюхи. Нотона передернуло от здешнего скотства.

Они проехали через весь лагерь и оказались перед чистыми шатрами богатых паломников, разбросанными по равнине и каменистому обрыву над ней. Здесь пахло пряностями, дорогими духами, благовониями и струящимися шелками. Возле огромных сверкающих автомобилей, чьи бока пестрели царапинами, оставленными камнями и телами бедняков, дежурили вооруженные слуги. В одном месте Нотон увидел «мерседес-бенц» с помятым радиатором и разбитой фарой. По крылу была размазана уже засохшая кровь.

Нотон расплатился с шофером и попросил заехать за ним ближе к вечеру. Шофер смотрел безучастно, и Нотон понял, что снова придется тащиться пешком по дороге и ловить попутную машину. Он захлопнул дверцу, и такси укатило в облаке песка и темных выхлопных газов.

Сволочь, сказал Нотон вслед удаляющейся машине. Все вы здесь сволочи. Он подключил к магнитофону микрофон, намотал шнур на руку и под подозрительными взглядами вооруженных слуг пошел между богатыми шатрами. Заметив, как на него смотрят, он двинулся было к одному из охранников, но тот положил руку на пистолет, и Нотон отступил в сторону вонючих лачуг.

Тогда-то он и заметил нечто новое. На чистом участке белого песка, в стороне от грязного прямоугольника лагеря, за ночь вырос громадный овальный шатер. Вокруг него двигались грузовики с электрооборудованием, и Нотон увидел, что рабочие обносят изгородью генератор. Горячий ветер с Персидского залива лениво колыбал складки огромного шатра. Поблизости не было видно ни палаток, ни хижин, и такая обособленность пробудила любопытство Нотона. Увязая в песке, он двинулся к грузовикам.

— Эй! Прошу прощения, старина! Я уже пробовал. Не обломилось. Нотон обернулся на голос.

Из просвета между шатрами показался человек в хаки. Он был невысокий, коренастый, широкоплечий, на голых руках бугрились мышцы. На шее висели два фотоаппарата, на ходу стукавшихся друг о друга. Человек в хаки подошел к Нотону. Лет ему было тридцать пять, не меньше. Спутанные светлые волосы, серые глаза, покрасневшие от избытка солнца. Солнце вообще не пощадило его: он страшно сгорел, и его лоб и переносица лоснились от какой-то жирной мази.

— Я уже попробовал расспросить рабочих. Но они ничего не знают. Им платят за работу, и все, — сказал он.

Нотон ответил:

— Я надеялся, может, они намекнут мне, что здесь происходит.

Мужчина пожал плечами.

— Их прислали из города. Они ничего не знают, — он протянул Нотону руку: — Джордж Каспар, Би-би-си. Ищу тему для репортажа. Чуть не сгорел живьем на этом проклятом солнце. А вы от кого?

— От кого я?

— Да. От какой газеты? Вы ведь американец, верно? И не говорите мне, будто вашим неинтересно, что здесь происходит.

— А-а. Нет-нет. Меня зовут Дональд Нотон. Я профессор теологии, преподаю в Бостонском университете. Собираю материал для книги о пророках и мессиях. А насчет солнца вы правы. Ничего подобного я себе не представлял.

— Око зверя, — кивнул Каспар в сторону пылающего огненного пятна. — Взгляните на меня. Зажарен живьем и освежеван в дюжине мест. Вы здесь с группой?

— Увы, нет, поскольку приехал за свой счет.

Каспар хмыкнул.

— А черт, — проговорил он, сгоняя с руки муху. — Эти проклятые твари не отстанут, пока не высосут вас досуха. — Он протянул флагу Нотону. — Вот. Берите.

— Спасибо, у меня есть вода, — ответил Нотон, показывая точно такую же флагу.

Каспар захохотал и отхлебнул.

— Вода, черт побери! Это виски — хорошее виски. Что бы я без него делал! Сижут тут по уши в песке, а остальных носит хрен знает где. И оператора, и обоих ассистентов. Укатали куда-то в нашем фургоне, сукины дети, а меня бросили здесь. Сволочи поганые. Я тут уже три дня торчу, обрыдло. — Он прищурился. — Нет, я серьезно. На хер обрыдло. Вся эта срань, вся эта вонь... вы писатель? Пишете про здешнюю заваруху?

— Профессор, — поправил Нотон и, загораживаясь рукой от солнца, оглянулся на рабочих, которые теперь подсоединяли к генератору кабели. — Что же это они делают, интересно знать? Вы что-нибудь слышали?

— А как же! Я много чего слышал, но все это враки. — Каспар прихлопнул муху, кружившую у него над головой. — Би-би-си пыталось узнать, что происходит, используя дипломатические каналы. Ничего не вышло. Потом через личных друзей. Ничего. Тысячи этих мерзавцев сидят в пустыне и ждут. Ничего не делают — ждут! Вчера я засек тут пару ребят из «Таймс», корреспондента одного из ваших журналов и несколько человек из местных изданий. Но от такого скопления народа тошно делается. Мне велели убираться; как будто я поперся бы сюда добровольно, придурки! Мне и так не миновать больницы, когда вернусь.

Нотон пошел прочь от огромного шатра туда, где над бесконечными хижинами и палатками поднимались дымы. Каспар шагал рядом.

— Надеюсь, вы не собираетесь лезть в эту кашу? В тутошнем котле запросто можно жизни лишиться.

Они отошли от роскошных шатров и, перейдя невидимую границу, оказались на другой стороне. В лицо им ударил густой запах

экскрементов и еще чего-то неопишимо гнусного. Каспар попятился, но, увидев, что Нотон не останавливается, пошел следом за ним.

— Что это вы говорили насчет книги? — спросил Каспар. — Вы пишете книгу?

— Да. Мне нужен непосредственный контакт с таким вот религиозным собранием, чтобы...

— Суки драные, — перебил Каспар. — Бросили меня тут, паразиты. Ну я им покажу!

Они шагали плечом к плечу между стен из козьих шкур и разогретой солнцем, слепающей жести. Со всех сторон слышались крики и рыдания, всхлипы, визг, гневные вопли и дикий, безудержный смех. В одном месте Нотон с Каспаром угодили в черную тучу роящихся мух. Вокруг на кучах мусора плясало оранжевое пламя; пласт стлавшегося по земле желтого дыма напоминал дверь, отрезающую путь к отступлению. Огибая скопление жестяных лачуг, Каспар явственно охнул и попятился, налетев на Нотона. Перед ними катался по земле клубок псов, дерущихся не на жизнь, а на смерть, клыки грозно щелкали над рваным, кровавым куском мяса. Ни Каспар, ни Нотон не осмелились даже предположить, чем изначально был этот истерзанный кусок плоти; держась на почтительном расстоянии, они обошли собак стороной, и вскоре злобное рычание затихло вдали.

— Я возвращаюсь, — сказал вдруг Каспар. — С меня, черт возьми, хватит.

— Валяйте. Только учтите: заблудиться здесь проще простого, — заметил Нотон.

— Плевать, — ответил Каспар. Он помахал Нотону и развернулся, чтобы направить свои стопы в противоположную сторону.

И неожиданно застыл на солнцепеке. Нотон услышал, как столкнулись фотоаппараты, висевшие у репортера на груди, — брень-брень, и оглянулся, желая выяснить, в чем дело. Оборачиваясь, он вдруг понял, что в тускло-желтой дымке мелькают какие-то фигуры, а за стенами и бочками с водой притаились тени. От дыма у Нотона запершило в горле.

— Господи Боже! Кто там? Вы их видели? — воскликнул Каспар.

Нотон замер, приглядываясь, но те, кто ему померещился, прятались. Желтые стены близко надвинулись на них с Каспаром, тесные, как в каземате.

— Они идут за нами, — наконец сказал Нотон. — Пошли.

Он схватил своего спутника за плечо и потащил за собой в узкие проулки. Каспар оглянулся, и Нотон почувствовал, как репортер напрягся, поняв, что их преследователи, кто бы они ни были, по-прежнему идут за ними, держась вне пределов досягаемости и прячась всякий раз, как они оглядываются. В конце концов Каспар обернулся и крикнул: «Катитесь к черту, сволочи!» — и услышал в ответ пронзительный смех, донесшийся из безмолвия дыма.

Они продолжали свой путь. Их преследовали визгливый смех, бормотание, крики, звучащие со всех сторон. Угрюмые смуглые лица поворачивались им вслед; угрюмые темные лица с воспаленными глазами и оскаленными желтыми зубами, острыми, как у собак, дерущихся из-за обедков.

Наконец они оказались на дальней окраине лагеря, куда были изгнаны больные и увечные. Солнце немилосердно жгло этих несчастных, харкавших на песок кровью и густой мокротой. Одни лежали на походных койках, другие распростерлись на земле, словно оставляя право умереть на каком-то конкретном месте. Осторожно пробираясь среди палаток и тел, мужчины то и дело оглядывались, желая убедиться, что за ними не идут.

Каспар спросил:

— Что это за место? Что здесь происходит?

— Не знаю, — ответил Нотон. — Что-то тут не так. Все это безумие.

— Безумие? — переспросил кто-то. — Безумие? Кто здесь?

Нотон оглянулся. На песке под жестяной стеной сидел худой старик, иссохший как скелет. Седые волосы, чистые, белые как снег, контрастировали с почти черной кожей. Старик сидел по-турецки, уронив на колени хрупкие руки, уставясь прямо на полуденное солнце. Глаза у него были невероятно черные, пустые. Нотон понял, что здешнее яростное солнце выжгло их.

— Безумие? — повторил старик, наклоня голову в ту сторону, откуда донесся голос. — Здесь есть кто-нибудь?

Шурясь от солнца, отраженного в металлической стене, Нотон нагнулся и осторожно коснулся жесткой щеки старика. Тот вздрогнул и отпрянул, но Нотон сказал:

— Я вас не обижу.

— Куда свалили эти гады? — спросил Каспар.

— Кто здесь? — спросил старик, неуверенно нашаривая руку Нотона. После долгих поисков его жесткие пальцы коснулись пальцев молодого американца. — Неженка, — проговорил он, ощупывая руку Нотона. — Не работал под открытым небом. Я слепой.

— Да, — согласился Нотон, глядя в бездонные глазницы. — Вы ослепили себя.

— Снялись, понимаешь, с места, а меня бросили тут, — пробурчал Каспар, и его дорогие «Никоны» снова стукнулись друг о друга. Звук был сухой и громкий, как выстрел. — Убью гадов.

— За нами шли, — сказал Нотон старику.

— Да. Я слышу, как бьется твое сердце. От тебя пахнет страхом.

— Я американец, — продолжал Нотон. — Я хочу знать, что здесь происходит. Эти люди безумны?

Старик улыбнулся, показав пожелтевшие зубы, сломанные и стертые до пеньков, и затряс головой, словно с ним шутили.

— Безумны? Безумны? Нет. Безумия больше нет. Теперь есть только то, что есть. — Он подставил лицо жаркому солнцу, и его золотой огонь проник в незрячие глаза старика. — Я еще вижу солнце: значит, я еще не совсем ослеп. Но пока я могу видеть, надежды для меня нет.

— Что? — спросил Нотон. — Что?

Каспар сказал:

— Пошли отсюда, старина. В пустыню и на шоссе.

— Я пришел сюда с дочерью и ее мужем, — говорил старик. — Новая жизнь, сказали они. Здесь мы обретем новую жизнь. И бросили меня. Я не знаю, где они. Она была мне хорошей дочерью, пока не пришла сюда; здесь я перестал узнавать ее. Я должен их выжечь.

— А? — спросил озадаченный Каспар. — Что болтает этот старый хрыч?

Нотон наклонился к старику.

— Ради кого собрались эти люди? Кто даст твоей дочери новую жизнь?

Старик кивнул:

— Да. Вот и она так сказала — «новую жизнь».

— Кто даст ей новую жизнь?

Старик ощупал лицо Нотона, провел пальцами по его носу, губам, по щекам.

— Помогите мне найти их. Может быть, мы еще уйдем отсюда, все вместе. Помогите.

— Пошли, Нотон. Старик не в себе.

— Нет! — резко бросил через плечо Нотон и снова повернулся к старику. — Я помогу тебе. Но кто... как зовут человека, ради которого вы пришли сюда?

Старик снова улыбнулся.

— Ваал, — сказал он. — Ваал.

Что-то с грохотом отлетело от жестяной стены к ногам Нотона. Камень.

Он выпрямился и увидел, что Каспар пригнулся, прикрывая рукой объективы своих фотоаппаратов. А позади Каспара стояли полукругом худые оборванные мужчины и женщины. Нотон слышал их хриплое горячее дыхание. В руках у оборванцев были острые камни. Тощий бедуин в пестром тряпье размахнулся и швырнул свой снаряд. Нотон увернулся; камень просвистел мимо его головы и с лязгом отскочил от железа.

— Господи Иисусе! — заорал Каспар. — Вы что, совсем рехнулись, козлы? Я гражданин Великобритании!

В ответ какая-то женщина запустила в него камнем, и Нотон услышал, как Каспар охнул. Камни посыпались градом, забарабанили по жести и по рукам Нотона, которыми он прикрывал голову. Нотон поглядел на старика и увидел над незрячими глазами рваную

рану. Каспар вскрикнул от боли и покачнулся, схватившись за грудь, где болталась камера с разбитым объективом. Следующий камень попал Каспару в голову, и репортер упал на колени.

Оборванцы пошли в наступление. Кто-то размахнулся, чтобы метнуть очередной камень, и Нотон понял, куда тот ударит: в лоб над его правым глазом; он десятки раз видел это во сне и просыпался в поту. Он прижался спиной к раскаленной жестяной стене.

Между Нотоном и оборванцами с ревом промчался длинный, блестящий черный лимузин. На ноги Нотону посыпался песок. Он услышал глухое «бум!» — предназначавшийся ему камень отскочил от окна машины. Нотон бессильно опустил на песок и увидел, что Каспар едва дышит.

Дверцы машины распахнулись. Два кувейтца в белых просторных одеяниях отогнали нищих. Те забормотали какие-то угрозы, но тем не менее подобострастно подчинились. Кто-то взял Нотона за руку и помог ему подняться.

— Вы ранены? — спросил этот человек. Из-под традиционного головного убора смотрели быстрые темные глаза, над полными женственными губами топорщились тонкие усики.

Нотон тряхнул головой, чтобы прийти в себя.

— Нет. Нет, я в порядке. Но еще полминуты, и ответ мог бы быть иным.

Мужчина хмыкнул и покивал. Он заметил старика, но не сделал попытки прийти на помощь.

— От этого сброда одни неприятности. Будем знакомы: Хайбер Талат Мусаллим. Вы американец?

— Да. Тут мой друг... боюсь, он сильно пострадал.

Мусаллим мельком взглянул на Каспара, лежавшего в луже крови.

— От этого сброда одни неприятности, — повторил он и повел пухлой рукой. — Прошу в машину...

Обессиленный, потрясенный Нотон кивнул и, тяжело опираясь на Мусаллима, побрел к лимузину. В пропахшей пряными духами машине, где работал кондиционер, сидели шофер в белой форме и бледный блондин в темно-синем деловом костюме. Нотон заплетающимся языком пробормотал: «Моего друга ранили. Я должен им заняться», — и попытался вылезти из машины, но Мусаллим удержал его за плечо.

Блондин в синем костюме отсутствующе смотрел на него. Вдруг он медленно открыл дверцу, поднялся и сказал: «Я займусь вашим другом».

Нотон запротестовал:

— Нет, я...

— Я займусь вашим другом, — повторил бледный человек в темно-синем костюме и пошел к лежавшей на земле фигуре. Нотон заметил, что он заметно хромает, словно с его бедром что-то было не в порядке.

Мусаллим похлопал Нотона по руке:

— Все будет хорошо. Вы теперь среди друзей.

Лимузин с ревом помчался сквозь лабиринт сверкающих стен и истощенных, чахлах, изнуренных болезнями тел. Нотон повернулся на сиденье, вдруг окончательно обессилев: ему показалось (он был почти уверен в этом), что он увидел, как оборванцы вновь подбираются к Каспару — крадучись, медленно, крепко зажав в кулаках новые камни.

А мужчина в темно-синем костюме спокойно наблюдает за этим.

13

— Прошу, — сказал Мусаллим, снимая с подноса, который держал слуга в белой форме, две серебряные чашечки величиной с наперсток. — Чай освежит вас. Я знаю, иностранцы с трудом переносят нашу жару. Что до меня, я родился в пустыне.

Нотон взял предложенную ему чашечку и пригубил. Чай был черный, очень крепкий, с привкусом гвоздики. Они сидели в великолепном, расшитом золотом шатре Мусаллима на краю лагеря. Песок устилали дорогие ало-золотистые ковры. Мусаллим сидел за широким резным бюро, а Нотон расположился в одном из двух полотняных шезлонгов под благословенной сенью шатра.

— Отличный чай, — похвалил Нотон.

— Когда-нибудь вся пустыня станет моей, — сказал Мусаллим. — Я уже режу ее, точно искусный хирург. Водопроводы, газопроводы... я протяну их по пескам, как... — он сделал такой жест, словно шивал что-то в воздухе, — ...как накладывают швы. Народ оценит это.

Нотон кивнул. Издалека сквозь монотонный голос Мусаллима пробивался многоголосый гвалт: лагерь бурлил, точно огромный котел.

— Вы не могли бы навести справки о моем друге? — спросил он.

— О вашем друге?

— Да, о том человеке, с которым я был. О мистере Каспаре.

Мусаллим взмахнул рукой и откинулся на спинку своего кресла. На фоне ослепительно-белой *дишдаши* его кожа приобрела ржавый оттенок.

— Он в хороших руках... Здешний сброд способен кого угодно вывести из терпения! Жарко, не правда ли?

Нотон допил чай, поставил чашку на круглый столик у шезлонга и заглянул в полуприкрытые сонные глаза своего собеседника.

— Я не понимаю, что здесь происходит, — признался он. — Я уже несколько недель собираю материал для своей книги, я видел, как росла эта толпа. Теперь, кажется, они окончательно распоясались. Не знаю... — Он провел ладонью по лбу, стирая капли пота, которые собрались над бровями, готовые закапать вниз. — Я никогда еще не видел ничего подобного. Это отвратительно. Это... не знаю.

Мусаллим помолчал, поглаживая тяжелыми от золотых перстней пальцами позолоченные завитушки, украшавшие резные подлокотники его кресла.

— Мистер Нотон, — сказал он наконец, — в жизни есть много такого, что кажется отвратительным. Безобразным. Но если приглядеться повнимательнее, начинаешь видеть своеобразную красоту. То, что здесь происходит, тревожит вас оттого, что вы еще не поняли. А я спокоен — я понимаю. Я не позволил бы использовать свою землю в подобных целях, если бы не чувствовал, как это важно и что игра стоит свеч. Вот увидите, мистер Нотон, эта песчаная унылая равнина войдет в историю как место проявления божественной воли.

Нотон резко поднял голову.

— Это ваша земля?

— Да, и этот клочок, и земли на много миль вокруг. Хотите еще чаю?

— Нет, спасибо. — На руке Мусаллима, краем глаза заметил Нотон, остро сверкнул бриллиант. — Тогда объясните мне, пожалуйста. Я вижу здесь безумие и смерть. А вы видите еще что-нибудь?

— А я вижу все остальное, — ответил Мусаллим. Несколько секунд он смотрел на Нотона, потом взгляд его темных глаз obeжал шатер. Казалось, он подбирает верные слова. — Моя семья была из очень бедных, мистер Нотон... или так мне тогда казалось. — Он выразительно поднял палец. — Они были бедуины, кочевники. Мой отец... О, я помню отца на прекрасном белом коне, зубы блестят на солнце! Так вот, мой отец был человеком необычайно решительным, брал что хотел и когда хотел, — он опять взглянул на Нотона и смущенно улыбнулся, — и, бывало, бил жену и детей, если считал, что это необходимо. Он был истинным сыном пустыни, мистер Нотон, а главное, он был человеком необычайной силы духа.

— Силы духа? — переспросил Нотон.

— Когда он был еще совсем молод, ему принадлежали шесть семей с их колодцами. С ним приходилось считаться. Конечно, у него были... враги. Они презирали его, как трусливый пес из страха презирает благородных волков. Даже родня восставала против отца. Я помню, однажды ночью мы разбили шатры на каменном утесе, откуда отец мог смотреть на залив... Помню, светила полная луна, ветер с моря шевелил полог нашего шатра, а внизу шумел залив. Враг отца Асед — его родной брат! — пришел сказать ему, что он зашел слишком далеко. Слишком далеко, сказал Асед. Но это было все равно что велеть морю не подтачивать сушу.

Отец тогда убил хранителя колодца. Тот человек обманывал его, и отец насадил его голову на кол, чтобы кровь капала в воду и отравляла ее в назидание тем, кто не желал выказывать отцу должного уважения. И вот брат пришел сказать отцу, что семья отреклась от него. Ты опозорил наше имя, сказал Асед и плюнул отцу под ноги. Я помню это: я видел, как слюна блеснула в лунном свете.

Глаза Мусаллима горели. Он подался вперед, его пальцы рисовали в воздухе перед лицом Нотона какие-то загадочные фигуры.

— Асед повернулся и пошел к лошади, — говорил Мусаллим, — но это был еще не конец. О нет. Такого не могло быть. Мой отец, как я уже говорил, был необычайно решительным человеком. На поясе у него висел нож. Он выхватил его из ножен, и мать закрыла мне глаза руками, но я вырвался. При виде ножа мужчины у костра заулыбались. Нож отца никогда не возвращался в ножны чистым. И отец ударил своего брата: нож вошел ему в спину чуть повыше лопатки. Но Асед тоже был сильным человеком, хоть и слабым в житейском смысле. Он обернулся и схватил отца за горло. Они стали бороться; отец шипел проклятия, Асед хрипел: из его спины торчала черная рукоять ножа. Потом они оказались на краю обрыва, и отец, повернув нож в ране (я помню, как лезвие царапнуло кость), сбросил Аседа со скал в залив. — Он вдруг поднял голову и заглянул Нотону в глаза: — Без сожаления.

Нотона потрясло равнодушие в голосе Мусаллима: тот как будто не понимал, что стал свидетелем хладнокровного убийства. Нотон спросил:

— Он убил своего брата? Почему?

По губам Мусаллима скользнула слабая жестокая улыбка. В ней отразилось какое-то странное удовлетворение.

— Почему? А почему лев охотится на ягненка? Почему стервятник ждет, чтобы его жертва испустила последний вздох? Такова природа зверя, мистер Нотон. Звери-победители выслеживают добычу и, когда наступит подходящий момент... — Мусаллим быстрым движением поймал что-то невидимое. — И им достается награда. Колесо жертв вращает мир, мистер Нотон. Кто не выслеживает сам, того выслеживают — третьего не дано. От этого никуда не деться.

— Но, — сказал Нотон, — все-таки я надеюсь, человек ушел от львов и стервятников достаточно далеко для того, чтобы утратить потребность выслеживать жертву.

— Ах, — Мусаллим поднял руку. — Эту землю со всеми ее обитателями создал мудрый Господь. Он создал естественный ритм жизни и смерти, круг хищника и жертвы. Не замечать Его священную мудрость — кощунство.

Нотон сидел совершенно неподвижно. Гам снаружи усиливался. Казалось, от крика трепещут складки шатра.

— Какие благородные создания — львы, — промолвил Мусаллим. — Их силу питают тела слабых. Как мудры и добры стервятники, рвущие когтями мертвую и умирающую плоть — они расчищают путь сильным. Борьба жизни со смертью отнюдь не бессмысленна, мистер Нотон, и по-своему красива. Понимаете?

Нотон взял чашку и взболтал осевшие на дно чаинки. Ему не хотелось смотреть в лицо человеку, сидящему напротив: глаза философствующего Мусаллима странно мерцали, и это было жутко.

— Отец почти не оставил мне земли, — говорил Мусаллим, — но мне явились тайны, скрытые от него. Однажды я обнаружил, что мой клочок земли плавает в густом темном озере, поднявшемся из недр. Я черпал эту влагу ведрами. Я вымазал ею лицо и катался в ней. В тот день я сменил свою скромную одежду на роскошное одеяние богача. В тот день я наконец узнал, какое могущество досталось мне в наследство. Теперь я могу возводить города, двигать горы и поворачивать реки. Теперь я наконец могу приобщить мир к логике моего отца.

— Не понимаю.

Мусаллим знаком велел слуге унести серебряные чашечки. Слуга поклонился и пятясь выбрался из шатра.

— Я встретил человека, — после непродолжительного молчания сказал Мусаллим, — который научил меня видеть то, что до сих пор мне не удавалось увидеть. Благодаря ему я познал очарование власти. Для меня все совершенно ясно, мистер Нотон: он — клык льва, коготь стервятника. Я предался ему, чтобы жить в чести и славе.

Имя, которое назвал старик. Нотон никак не мог его вспомнить. Что это было за имя?

— Поначалу я видел в нем только пророка. Сейчас я понимаю, что он — нечто большее. Несравнимо большее. Прежние пророки говорили о Боге, который видел мир таким, каким он никогда не сможет стать. Ваал видит то, что есть и будет всегда.

Нотон невольно напрягся. Ваал. Ваал. Вот оно. Когда-то где-то он уже что-то читал об этом. В голове у него промелькнуло: «Ханаан».

— Ваал, — повторил Нотон.

— Да, — сказал Мусаллим. — Ваал. Живой Мухаммед.

Нотон вдруг встал и подошел к выходу из шатра. Вдали, в лагере, бесновались безумцы; дым, поднимающийся к небу, заволакивал закатное солнце. Ему вдруг стало тяжело дышать, и он задумался, не опасно ли будет попробовать вернуться в город.

— Это безумие, — сказал он. — Это... безумие.

— Нет, друг мой. Безумие — не принимать реальный мир таким, каков он есть. А вот внезапно понять, что после стольких лет обмана впервые по-настоящему видишь жизнь... это значит излечиться от безумия. Вы согласны со мной? ¹

Нотон молчал. В ступающих сумерках ему был виден огромный овальный шатер за лагерьем. Он сказал:

— Этот человек взял себе имя языческого бога. Ни больше ни меньше.

— Да? — прошептал Мусаллим, неслышно подошедший сзади. Он осторожно притронулся к спине американца чуть повыше лопатки, и его прикосновение показалось Нотону странно похожим на укол ножа. — Я так же относился к нему, покуда своими глазами не увидел его чудеса. Я видел, как из его пальцев вырывается священное пламя. Я видел, как там, где он поцеловал песок, вырос цветок. Скоро вам откроется истина, которая заставит умолкнуть все лживые голоса.

Толпа ждет Ваала. Его ученики скитаются по этой земле, чтобы прошептать его имя тем, кто услышит. Я видел, как прибывают обращенные, как с каждым днем растет их число. Этой ночью, мистер Нотон, Ваал нарушит свое молчание... там, — он показал на огромный шатер и гудящий генератор, — завтра будет первый день нового мира.

Нотон обернулся и торопливо сказал:

— Мне нужно срочно дать телеграмму. Здесь есть где-нибудь телеграф?

Мусаллим остановил его, подняв руку.

— Поздно, мой друг. Поздно. — И едва он умолк, как где-то в лагере громко, гулко заговорил колокол; он звонил и звонил, звонил и звонил, пока к его голосу не присоединился стон сперва одного человека, потом дюжины, потом сотни, и наконец весь лагерь не наполнился звуком.

— Он идет! — сказал Мусаллим дрожащим от волнения голосом. — *Он идет!*

14

День удерживала при жизни тонкая красная нить, прочертившая горизонт. Выше чернело беззвездное небо — словно опустили светомаскировку.

По всему лагерю горели костры: огни города, прилепившегося на краю пустынной ничейной земли. С мерными ударами колокола шум толпы — вопли, причитания, проклятия — внезапно пошел на убыль и наконец затих. Слышался лишь лай собак.

И тогда на глазах у похолодевшего Нотона, замершего у входа в шатер Мусаллима, из продымленного лагеря хлынула людская масса. Отбросив всякое достоинство, эти люди в грязном тряпье, а кто и нагишом (и таких было немало), мчались к овальному шатру, как взбесившаяся стая, огрызаясь и рыча друг на друга, снова и снова выкрикивая *имя*, визжа, что-то выпрашивая, о чем-то униженно умолая, а среди шатров, как пустынный смерч, гуляло облако поднятого ими песка. Многие гибли под ногами толпы; стоило упасть одному, и о него спотыкались два десятка других, начиналась страшная куча мала, хрустели кости, мелькали руки, ноги, головы: каждый отчаянно рвался поскорее выбраться и захватить местечко внутри огромного шатра, темневшего впереди. Богачи в сверкающих золототканых одеждах, в ослепительных драгоценностях бежали вместе с чернью, оглашая воздух пронзительными криками; их слуги бежали впереди, расталкивая люд прикладами карабинов. Колокол все гудел, точно громоподобный повелительный голос, и толпа вторила ему: «*Baal, Baal, Baal!*» — пока этот общий стон не стал таким громким и страшным, что Нотон зажал уши.

Где бы ни проходила обезумевшая толпа, на земле во множестве оставались искалеченные тела мертвых и умирающих. Следом, увя-

зая в рыхлом песке, тянулись больные; одни ковыляли на костылях, другие ползли, точно ожившие змеиные скелеты. Собаки со злыми глазами хватали их за пятки или, поймав за лохмотья, безжалостно терзали увечные тела.

Мусаллим спокойно сказал:

— Пора, мистер Нотон. Нам приготовлено место. — Он выдвинул ящик стола и достал оттуда блестящий, инкрустированный рубинами револьвер.

Нотон наблюдал за дракой, вспыхнувшей у входа в шатер; каждый из дерущихся кулаками отстаивал свое право войти раньше других. Свалку скрыло облако песка. Мусаллим взял Нотона за локоть и вытолкнул из спасительного укрытия в беснующуюся толпу.

Только приблизившись к шатру, Нотон понял, до чего тот огромен. Ветер раздувал исполинские стенки, за пологом исчезали целые оравы оборванных фигур. Что-то шелкнуло — Мусаллим снял револьвер с предохранителя. Они попали в круговерт оскаленных зубов, жадных рук, голосов, выкрикивавших *имя* даже в драке. Мусаллим крикнул каким-то нищим, чтобы те освободили дорогу, и один из них, со свирепыми жестокими глазами, прыгнул на Нотона. Мусаллим вскинул руку с револьвером, и выстрел отшвырнул оборванца прочь.

У запруженного орущей толпой входа в шатер Мусаллим, к ужасу Нотона, начал без разбора палить по темной стене тел. В ней возник узкий проход, и они смогли проскользнуть внутрь.

Внутри на песке плечом к плечу стояли на коленях больше тысячи человек. С потолка свисали сверкающие позолоченные люстры, заливавшие резким белым светом волнующееся море голов. Мусаллим, орудуя локтями, размахивая револьвером и выкрикивая угрозы, прокладывал себе путь через толпу. Нотон шел за ним, то и дело осторожно оглядываясь на случай нападения сзади. Они пробились в первые ряды этого кричащего, рыдающего собрания, и Нотон увидел огромного идола, которому они молились. На высоком золотом пьедестале стояла примитивно изваянная мужская фигура: высокомерно сложенные на груди руки, продолговатая, почти треугольная голова, узкие щелки глаз, тонкие жестокие губы. Но самой примечательной и, бесспорно, самой смущающей особенностью этого диковинного произведения древнего искусства были детородные органы: почти четырехфутовый торчащий пенис и огромные, черные округлые яички. На миг Нотон замер, вглядываясь в эту фигуру; Мусаллим рядом с ним упал на колени, и его умоляющий голос слился с общим хором. У фигуры, вырезанной давно забытым мастером, под черным камнем бугрились живые мышцы, лицо было жестокое и требовательное. Казалось, она следила за Нотоном, когда тот отделился от толпы и потянулся к холодному камню.

И чуть не упал, споткнувшись обо что-то, с тихим криком метнувшееся в сторону. Нотон поглядел под ноги и увидел оборванного арапчонка с огромными испуганными глазами. Ребенок был

чудовищно худой, кожа да кости; локти были острые как кинжалы, а колени плоские, этикие едва заметные утолщения на палочках-ногах. Нотон решил, что это мальчик; вероятно, его сбили с ног и помяли в толпе. Но, приглядевшись повнимательнее, он увидел на шее ребенка металлический ошейник, соединенный тремя футами ненатянутой сейчас цепочки с врытым в песок заостренным металлическим колышком. Ребенок, казалось, вот-вот отчаянно разрыдается: он сжался в комочек и вскинул руки, умоляя возвышавшегося над ним человека пощадить его.

Нотон отступил на несколько шагов, испытывая странное, доселе неизвестное ему чувство собственного могущества: он вдруг понял, что одним точно рассчитанным ударом башмака мог бы пришибить мальчишку.

Гулкий звон колокола оборвался так внезапно, что от наступившей тишины у Нотона зазвенело в ушах. Собрание притихло; одни паломники пали ниц, другие преклонили колена перед изваянием. Взмокший от невыносимого страха Нотон огляделся в поисках Мусаллима, но того, а с ним и гарантию их безопасности — револьвер, давно всосал людской водоворот. Толпа источала кислый запах пота и враждебность. Нотон вновь почувствовал непреодолимое желание посмотреть в глаза идолу. Взгляд изваяния приковал молодого американца к месту. В голове у Нотона зашумело, словно кто-то пытался докричаться до него издали, и у него вырвалось: «Нет, этого не может быть!»

Его приводила в трепет абсолютная власть фигуры, которая торжествуя стояла над ребенком. Нотон вдруг подумал: вот он — сильный, вечный. Наш господин. Когда все мы умрем и плоть наша, истлев, вновь обратится в прах, он, уверенный, величавый, по-прежнему будет здесь, в своем каменном теле, износившем столько покровов столетий, что и не счесть. Он вдруг устыдился собственной бренности. Ему захотелось рухнуть на колени и спрятать лицо, но он не мог. Он задрожал, пойманный в ловушку между идолом и толпой, не в силах повернуться спиной ни к кому из них.

Нотон вдруг понял, что слышит новый звук: голос ветра снаружи поднялся до пронзительного воя. По стенам шатра колотили кулаками те, кто не сумел попасть внутрь. Шатер содрогался. Стонали веревки и балки. На миг Нотону показалось, что надвигающаяся песчаная буря сметет и шатер, и все, что в нем.

У него за спиной, в задних рядах толпы, послышался сдавленный крик. Нотон обернулся, но ничего не увидел — источник шума находился слишком далеко. Он подумал, началась очередная драка, но вдруг совсем рядом с ним какой-то бедуин вскрикнул, зажал руками уши, грянулся наземь и принялся кататься по песку.

Нотон стоял неподвижно, как в трансе. Пот, выступивший на лице, капал на воротник рубахи.

Агония распространялась по толпе. Состоятельные кувейтцы и нищие бедуины равно подхватывали единый стон, единый вопль

ненависти. В разных местах шатра вспыхивали драки. Нотон заметил кровавый блеск в глазах людей, хватавших друг друга за горло, и попятился к изваянию, странным образом чувствуя себя под защитой его громады. Мужчины и женщины, с трудом поднявшись на ноги, без промедления бросались в бой; вопли и стоны звучали все громче, и в конце концов Нотону начало казаться, что он сходит с ума. От невыносимого гвалта больно стучало в висках. Нотон сжегился не в состоянии защититься от шума.

Он видел, как мужчины срывали с женщин одежду и совокуплялись с ними на взвихренном песке. Женщины, задрав подол на голову, раздвигали ноги перед всяким желающим. Драка постепенно переросла в нескончаемые любовные поединки, но то здесь, то там недавние партнеры накидывались друг на друга с кулаками. Нотон видел, как они избивали друг друга, не чувствуя ни вины, ни стыда; грубо употребив одну женщину, ее отшвыривали в сторону ради новой пары с готовностью раздвинутых бедер. Его замутило, но он не мог отвернуться, это было выше его сил. К нему подкатилась совокупляющаяся пара, и он отступил, освобождая дорогу. Какой-то бедуин прокричал что-то Нотону в ухо и бросился на него. Американец вырвался и увидел, как бедуина утянуло вниз, в огромный клубок дерущихся. Он стал отступать от этих потных голых тел, облепленных песком, и снова споткнулся о ребенка. Чертыхнувшись, Нотон пнул наугад, попал в кого-то и услышал слабый вскрик. Женщина с запавшими глазами, с серыми гнилыми зубами зашарила у него между ног. Внутри у Нотона все перевернулось, он замахнулся и сильно ударил ее в подбородок. Другая женщина вцепилась ему в спину, укусила за ухо, разодрала ногтями рубашку. Нотон выругался и стряхнул ее с себя. Он тяжело дышал, из разорванной мочки уха капала кровь. Изможденный араб в перепачканной одежде пнул Нотона в пах, но Нотон поймал его за лодыжку, дернул на себя, и араб опрокинулся на какую-то впавшую в ступор голую парочку.

У Нотона не было времени на раздумья. Кровь бросилась ему в голову. Будьте вы прокляты, сказал он. Будьте вы все прокляты, провалитесь вы к черту. Они поубивают друг друга и его, они не успевают, пока не погибнут. Он услышал выстрелы и задумался, сумеет ли отыскать Мусаллима. Вонь стояла такая, что трудно было дышать. Нотон задыхался. Будьте вы прокляты, сказал он. Вы хотите убить меня. Он наткнулся на двух бедуинов с ножами в руках; у одного на груди была глубокая рана, потухший взгляд говорил о том, что этот человек истекает кровью. Он заметил Нотона и, с проклятием повернувшись к нему, замахнулся. Его противник немедленно воспользовался этим и с быстротой молнии вонзил нож ему в поясницу.

Нотон подхватил нож упавшего бродяги и попятился от победителя. Он крикнул: «Проваливай!» — но его голос затерялся в невыносимом шуме. Американец прочел в глазах бедуина свой смертный

приговор. Позади, над самым ухом у Нотона, слышался яростный вопль. Резко обернувшись, чтобы нанести удар, Нотон споткнулся о чье-то тело и тяжело рухнул на землю, полосуя ножом воздух в новообретенном стремлении спасти свою жизнь.

Стон вдруг оборвался.

Те, что боролись в окровавленном песке, застыли, словно чья-то рука неожиданно вырвала их из тисков злобы и гнева. Совокупляющиеся тела замедлили свои содрогания. Посреди шатра Нотон увидел Мусалима с револьвером в руке. Их взгляды встретились.

Нотон дрожал от ярости и смятения. Его руки и грудь были горячими и липкими от пота, он смутно сознавал, что прокусил нижнюю губу. Его лихорадило, ноги подкашивались. Когда его ноздрей коснулся сладковатый запах крови, он выронил нож и как раненый зверь уткнулся лицом в песок.

Он перерезал горло ребенку.

Нотон вскрикнул, оттолкнул от себя обмякшее тельце и стал отползать в сторону. Открытые глаза мальчика над чудовищно искромсанным горлом незряче смотрели на Нотона, рана походила на смеющийся окровавленный рот. Нотон переползал через людей, которые старались дотронуться до него, вцепиться ему в мгновенно осунувшееся лицо, оторвать лоскуток от лохмотьев рубашки. Он прятал лицо, ежился от легких, любовных прикосновений неугомонных рук.

Вдруг шум возобновился с новой силой — выкрикивали *имя*. Нотону показалось, что он замурован в склепе со стенами из живой плоти. Он протянул руку и коснулся обнаженного женского бедра. Женщина жадно присосалась к его губам. Вокруг воздевали руки, *Вaal Vaal Vaal* кружило над головой. Нотон вздохнул — это было дыхание Ваала. Стиснул скользкую плоть — это была плоть Ваала. Впился в кривящийся рот — это был рот Ваала.

Глаза Нотону заливал пот, все плыло, туманилось, как во сне. Его вдруг обуял восторг, он чувствовал, что свободен, что его ласкает женщина или женщины, каких он прежде никогда не встречал. Запах крови лишь обострял чувственное восприятие. Нотон рванул с себя остатки рубашки, движимый внезапным желанием избавиться от них, и женщина впилась зубами ему в живот, как тигрица. Голоса вокруг достигли недостижимых высот, и Нотон отдался во власть безумия. *Имя* билось внутри его. Он еще не заговорил, а оно уже заполнило его рот. И Нотон сказал: «Ваал».

Сквозь плавающий в глазах туман он различил каких-то людей, ходивших среди паломников. Одного он как будто бы узнал, но не мог припомнить, где его видел. Охваченная неистовством толпа испустила истошный многоголосый крик. Нотон хотел встать, но он был слишком слаб и, понунив голову, опустился на прежнее место. Потом кто-то взял его за плечо и настойчиво потянул вверх. Рука была цепкая, сильная, ногти больно впивались в тело. Нотон попы-

тался рассмотреть, кто это, и не смог; неизвестный возвышался над ним, словно изваяние с гигантскими гениталиями.

Лба Нотона коснулся палец.

Американцу показалось, что по его телу пробежал слабый электрический разряд, и он открыл рот, чтобы вскрикнуть в сладкой муке: его кровь обратилась в жидкий огонь. Тогда незнакомец отпустил его и исчез в толчее.

Нотон пошатнулся, но кто-то, подошедший сбоку, поддержал его. Молодой человек огляделся и с трудом различил сквозь дымку усталое, но спокойное и безмятежное лицо Мусаллима. Грудь богато-кувейтца была исцарапана, бурнус исчез. Нотон моргнул. На лбу у Мусаллима, точно между глаз, краснела какая-то отметина. Пятно? Нет, поправил себя Нотон, не пятно. Не пятно. След пальца.

Когда он протянул руку, чтобы дотронуться до алой метки, колени у него подломились.

15

Собирая чемоданы, Вирга наткнулся на относительно свежий номер «Тайм». Журнал пришел по почте несколько дней назад, и профессор еще тогда прочел его от корки до корки, основное внимание обратив на интересную для себя статью. Сейчас он взял журнал и по застланному серым ковром коридору отправился в кабинет. Он включил свет и сел за письменный стол, чтобы перечитать статью: за последние несколько дней она наполнилась новым, неожиданным и важным смыслом.

Статья, опубликованная в разделе «Религия», начиналась двумя словами, набранными жирным журнальным шрифтом: «ЭТО МЕССИЯ?» Здесь же помещалась фотография: оборванные мужчины и женщины у костра, бурно жестикулируя, неприветливо смотрели в объектив. На другом снимке, очень зернистом из-за большого увеличения, на балконе настоящего дворца с башенками кто-то стоял. Подпись гласила: «Ваал».

Вирга взял со стола трубку и задумчиво раскурил ее. В статье воссоздавалась обрывочная картина неслыханного наплыва паломников в Кувейт. Толпы людей прибывали в страну и собирались у святилища, возведенного в пустыне. Было очевидно, что автор статьи имел доступ к информации только из вторых рук, ввиду чего философия движения «ваализма» оставалась неясной, упоминалось только, что «ваализм» стремится возродить власть индивида. Но ключевая фигура, таинственный субъект, именующий себя Ваалом, никому не давал интервью и не делал никаких официальных заявлений. «Само присутствие этого человека, которого многие признают Мухаммедом, избранным, мессией, — говорилось в статье, — поставило город Кувейт и окрестные деревни на грань религиозной истерии». Вирга закрыл журнал и отодвинул его на середину стола.

Некоторое время он сидел неподвижно. Безусловно, это безумец, взявший себе имя древнего ханаанского бога плотской любви и жертвоприношений. Но зачем? С какой целью? Принадлежностью культа Ваала, существовавшего еще за полторы тысячи лет до возникновения христианства, были фантастически омерзительные оргии, принесение в жертву детей и превращение храма в обитель блуда и содомии. Вирге не верилось, что человек в здравом уме может отождествлять себя с тем, кого Иегова изгнал из Хананеи. Под властью Ваала, первоначально — бога плодородия, Ханаанская земля превратилась в огромный публичный дом, в царство жестокости; Вирга помнил, как потрясли современный мир омерзительные находки, сделанные археологами на раскопках разрушенных ханаанских городов Асора и Мегиддона, — скелеты младенцев, втиснутые в грубо вылепленные земляные сосуды для ритуальных похорон, идола с лицами воинов и непомерно огромными чреслами... Имя «Ваал» всплывало и в иных местах, в иные времена: примерно за три тысячи лет до нашей эры он был «богом грома» у аморитов; в шестнадцатом веке, давным-давно утратив расположение Иеговы, он предпочел связать свою судьбу с темными силами — демонолог Жан Вье описывал его как «демона о трех головах, кошачьей, жабьей и человеческой, коему подвластны все прочие демоны».

И этого-то человека, этого «Ваала» отправился искать Нотон.

Однажды днем Вирге в университет позвонила Джудит Нотон.

— Я хотела узнать, — ровным голосом спросила она, — не было ли за последнюю неделю вестей от Дональда?

— Нет, — ответил Вирга. — Я полагал, он уже вернулся. Нет?

— Нет.

Вирга подождал, не скажет ли Джудит еще что-нибудь. Миссис Нотон молчала, и он неловко сказал:

— Что ж, возможно, он с головой ушел в свой проект. Вы же знаете, иногда в процессе работы так называемые «ученые мужи» ведут себя точно малые дети. Мы полностью утрачиваем чувство времени. Кстати, кажется, на прошлой неделе у Тимми был день рождения? Сколько же ему сейчас? Семь?

— Да. Семь. Дональд перед отъездом купил ему подарок.

— А-а. Честно говоря, я полагал к этому времени узнать от Дональда несколько больше. Я получил от него два или три письма с общей информацией о том, как подвигаются его дела, но последнее пришло три недели назад, и с тех пор — ничего. Признаться, он мне очень нужен: пора составлять учебный план на следующий семестр, и я хотел бы получить определенное представление о том материале, который собирается давать студентам Дональд. Неизвестно, когда он вернется?

— Нет, — сказала Джудит, и Вирга услышал в трубке приглушенное рыдание.

— Джудит, — спросил он, — что-нибудь случилось?

На следующий день, встретившись с ней за обедом, он заметил, что руки у нее дрожат, а глаза припухли. Он заказал для нее бокал вина и сказал:

— Ну-с, вы так и не объяснили мне, в чем проблема. Я из кожи вон лезу, чтобы вас подбодрить, а вы словно воды в рот набрали, — он осторожно улыбнулся. — Не понимаю я современных женщин. Наверное, и пытаться не стоит.

Джудит принужденно улыбнулась в ответ, и Вирга заметил, что ей очень не по себе. Наклонившись к ней, он сказал:

— Я хотел бы помочь вам, если это в моих силах.

Джудит смотрела в свой бокал; Вирга понял, что она намеренно избегает встречаться с ним глазами. Теребя ножку бокала, она проговорила:

— Я получила письмо от Дональда. С неделю назад. И не знала, что делать, с кем поговорить. Я подумала, может, это какой-то розыгрыш... не знаю, что я подумала. — Она покопалась в сумочке. Письмо шло долго: оно было мятое, в пятнах, потертое на сгибах. Джудит подтолкнула его по столу к Вирге. — Вот, — сказала она.

Вирга открыл конверт и аккуратно развернул потрепанный листок. На нем неразборчивыми каракулями было нацарапано всего одно слово: «Прощай».

Вирга заметил:

— Но это не почерк Дональда. Не он послал это.

— Нет, он, — возразила Джудит. — Я узнаю почерк — просто он писал второпях. — Она закрыла лицо руками. — Не знаю, что я такого сделала. — Она задрожала и подавила рыдание.

— Он говорил вам, где он остановился?

— Да. Я звонила туда, но мне сказали, что он оставил всю свою одежду, все чемоданы и... исчез. — Джудит вдруг умоляюще посмотрела на Виргу. — У нас никогда не было никаких проблем. Честно. Так, небольшие споры по пустякам. Но ничего такого, что заставило бы Дональда бросить меня вот так, без предупреждения. Это совсем на него не похоже... — Она опустила глаза, устыдившись того, что втягивает Виргу в их семейные дела. — Что мне делать?

Вирга сидел, подперев руками подбородок. На столе рядом с ним лежал «Тайм». Потерянный, безнадежный взгляд Джудит ускорил его решение. Обсудив с доктором Лэндоном, сможет ли тот в течение недели исполнять обязанности заведующего кафедрой, профессор заказал билет на самолет и забронировал номер в гостинице.

Джудит была права; такой поступок был не в характере спокойного, сдержанного Нотона. И почерк — Вирге врезались в память едва разборчивые каракули, словно по бумаге царапал лапой бешеный зверь. А теперь еще и это... этот ненормальный, именующий себя Ваалом и, возможно, прямо или косвенно ответственный за письмо Нотона. Вирге стало жарко: он почувствовал, что ему брошен

вызов. Сумасшедший, лжемессия, соблазняет тысячи людей собраться в пустыне и присягнуть ему на верность. Разумный, интеллигентный человек вдруг одним кое-как накорябанным словом перечеркивает свой брак, свою работу, свою жизнь. Существовала ли здесь взаимосвязь? Исполнившись новой решимости, Вирга встал и вернулся в спальню, чтобы закончить сборы.

На следующий день в лучах восходящего солнца Вирга летел «Боингом» компании ТВА в Лиссабон. От конечного пункта назначения профессора отделяло еще много часов пути. Ему предстоял перелет из Лиссабона в Каир, а оттуда через выступающий треугольник Саудовской Аравии в Кувейт. Проглотив две порции шотландского виски, он попытался сосредоточиться на «Легендах о богах», которые он прихватил в дорогу, желая освежить в памяти дохристианские обряды, посвященные хананейскому богу плодородия, и значение бога-воителя Ваала. Ваал, насколько ему было известно (в студенческие годы Вирга в числе прочего прослушал курс лекций по дохристианским культам), был изгнан из Ханаана Иеговой, которого в тот исторический период называли Яхве. С тех пор последователи Яхве презирали даже память о Ваале.

Вирге было интересно, как бог Ваал превратился в демона Ваала. Возможно, виновата была людская память, откликнувшаяся таким образом на гнусные оргии и жертвоприношения детей в его храмах; возможно, причина крылась в воспоминаниях об уничтожении Ханаана разгневанным Яхве, передававшихся из уст в уста у племенных кочевников и наконец с книгой Иисуса Навина попавших в Ветхий Завет. Но профессора неотвязно преследовал вопрос: мифическая ли фигура Ваал? Если Иегова — историческая личность, в чем сам Вирга не сомневался, то что насчет младших богов, Ваала и Сета, Мота и Митры? Но как бы там ни было, новый мессия намеренно принял имя «Ваал», и Вирге очень хотелось узнать почему.

Он оказался не готов к суматохе Кувейтского международного аэропорта. Чудовищно утомленный перелетом, еле держась на ногах, он подхватил чемоданы и подозвал такси, чтобы как можно скорее удрать от журналистов с их камерами и микрофонами на «удочки». Над шоссе, которое вело в город, дрожал разогретый солнцем воздух; горячие волны катились над землей и выплескивались на окрестные равнины. Вирга много раз бывал на Ближнем Востоке, хорошо знал местные язык и обычаи и неизменно находил эту землю либо очень древней, либо очень юной, либо разрушенной временем, либо только пробуждающейся от многовекового сна. Он вынул из кармана пиджака тюбик — мазь от солнечных ожогов — и намазал лоб и переносицу. Шоссе было запружено самыми разными средствами передвижения: от лимузинов до ослов. Периодически Вирга замечал следы дорожных происшествий. По обеим сторонам автострады горели остовы разбитых и брошенных машин. Вдали в зыбком знойном мареве вставали башни города, а южнее в небо тысячью темных

стягов поднимался дым. Вирга понял, что это и есть лагерь, о котором писал Нотон.

На окраине города Вирга увидел наспех сколоченные лачуги, сооруженные для того, чтобы справиться с наплывом народа. На плоской земле жарились на солнце тесно поставленные сборные домики и палатки из козьих шкур, а в небе медленно клубился дым; время от времени ветер выносил его на шоссе, и тогда водители сворачивали на обочину, чтобы не въехать ненароком в кучу гниющих отбросов или ворох тряпья.

В городе Вирга почувствовал, что наконец попал на театр военных действий. Ему стало страшно. Оравы нищих со злыми глазами забрасывали камнями проезжающие машины, норовя попасть в окно, а кувейтские полицейские, вооруженные револьверами и дубинками, врзались в самую гущу смутьянов, чтобы отогнать от дороги. Оборванцы раскачивали припаркованные у тротуаров автомобили и опрокидывали их. В барачных кварталах пылали пожары, горело и несколько зданий в центре города. Дважды водитель Вирги чертыхался и резко выруливал, чтобы не переехать распростертого на дороге человека.

Таксист вдавил педаль газа в пол, и машина с ревом промчалась сквозь группу арабов, ожидавших, что шофер притормозит. Арабы с руганью кинулись врассыпную. В крыло такси ударил камень, и Вирга понял, что попал в страну безумцев. Безумие здесь было неразлучно с дымом. Ветер с залива разносил его повсюду, и Вирга испугался, что, надышавшись им, сам лишится рассудка.

Они прибыли в гостиницу. Через разбитые стеклянные двери Вирга внес чемоданы в вестибюль. На роскошных темно-красных коврах блестели осколки. Он заметил, что в стене темнеют два аккуратных круглых пулевых отверстия.

Портье, молодой кувейтец в светлом костюме, позвонил коридорному.

— Доктор Вирга, правильно? Хорошо, что вы забронировали номер заранее.

— Не знал, что здесь идет война, — сказал Вирга, кивая на разбитые окна.

— Прошлой ночью эти подонки наводнили город. «Холлидэй Инн» и «Хилтон» сгорели дотла — поджог. Мы, в общем-то, ничего не можем поделать.

— Я видел на улицах полицию.

— Это их долг, — ответил молодой человек, пожимая плечами. — Иначе здесь был бы полный бедлам. Три четверти полицейских и так уволились. В город введены войска, объявлен комендантский час, но остановить уничтожение собственности практически невозможно. Больницы и тюрьмы переполнены. Что можно поделать с этими людьми? Я даже начал носить с собой оружие.

Вирга осмотрел вестибюль. Ни души. Перевернутые стулья, разбитые зеркала, черепки декоративной керамики. Золотисто-зеленый

гобелен разорван от потолка до пола. Маленький фонтан, сейчас без воды, засыпан битым стеклом.

— Извините за состояние вестибюля, — сказал портье. — Слишком много камней и никого, кто сумел бы обуздать эту публику.

— Ничего, — ответил Вирга. — Все в порядке. Я понимаю.

— Вы, разумеется, приехали, — продолжал портье, — увидеть Ваала?

Вирга удивленно поднял брови. Подошедший к стойке стройный молодой человек нагнулся за его чемоданами.

— Всем прочим только этого и надо. В аэропорту давка, по шоссе не проехать. Не удивлюсь, если вскоре аэропорт закроют по приказу военного командования. Едут отовсюду — из Греции, из Италии, из Испании. Богатые успели первыми, одни приплыли на собственных яхтах — они швартуются в бухте, другие прилетели на личных самолетах. Беднота добиралась кто как мог. Конечно, в городе никто из них не остался. Они все там... в пустыне.

— А вы сами видели этого человека? — поинтересовался Вирга.

— О нет. Я не видел. Но я знаю людей, которые видели его. И, само собой, наша гостиница битком набита журналистами, рвущимися взять у него интервью.

Вирга сунул руку во внутренний карман пиджака и развернул страницу из «Тайм» с фотографией человека на балконе.

— Вы знаете, где это?

Кувейтец перегнулся через стойку и внимательно взгляделся в снимок. Вирга услышал далекую перестрелку; казалось, ей не будет конца. Потом с пугающей неожиданностью выстрелы прекратились. Портье сказал:

— В старом городе. Это особняк Хайбера Талата Мусаллима. Вы слышали о нем?

— Нет.

— О-о. Это новый пророк и ученик Ваала. Странно, что есть такой снимок. Я не знал, что часовые разрешают фотографам приближаться к стенам особняка. — Он оторвал взгляд от фотографии и посмотрел на Виргу. — Так значит, вы здесь, чтобы увидеть его.

— Да, — Вирга взял ключ, протянутый ему портье. — А теперь мне хотелось бы принять горячую ванну. Я весь пропах дымом.

— Вода поступает нерегулярно, — крикнул ему вслед молодой араб. — Что-то с трубами.

Вирга пошел следом за носильщиком к лифтам. Внезапно он остановился и уставился на круглую лужу уже запекшейся крови на гладком мраморном полу. Молодой человек, который нес его чемоданы, равнодушно оглянулся.

— Простите великодушно, — сказал портье. — У нас сейчас нет возможности поддерживать такую чистоту, какую хотелось бы. Вчера ночью я был вынужден застрелить человека. Он истек кровью на этом самом месте.

Вирга поднял голову.

— Истек кровью?

— Звонить в «скорую» не было смысла. Я ведь уже говорил вам, что все больницы переполнены.

Вирга заморгал. Ему вдруг стало нехорошо.

— Если вам неприятно, мы уберем, — сказал портье.

За спиной у Вирги открылись двери лифта.

16

Из своего номера Вирга позвонил в отель, где остановился Нотон. Там ему объяснили в общем то же самое, что он еще раньше узнал от Джудит. Нотон бесследно исчез, бросив все свои вещи в гостинице. Пропал, без единого слова предупреждения. Может быть, спросили Виргу, коль скоро он — друг мистера Нотона, он оплатит его счет и заберет его чемоданы? Вирга ответил, что еще позвонит, и повесил трубку.

Он хотел выспаться, чтобы избавиться от неприятных последствий перелета, но не мог уснуть. Беспокойно поворочавшись в постели, он наконец улегся на спину и уставился на расписной потолок. В распахнутые окна, выходящие на маленький балкон, волнами наплывал жестокий зной, но закрыть их означало лишить себя последнего дуновения свежего воздуха. Кондиционер не работал. Поэтому Вирга лежал на кровати, чувствуя, как под мышками и на висках собирается пот, и слушал резкий уличный шум: внизу гудели клаксоны, визжали покрышки, слышались крики, брань и время от времени оглушительные хлопки — то ли автомобильный выхлоп, то ли выстрелы. Он смотрел, как эти звуки, клубясь, поднимаются к потолку и паутиной повисают среди раззолоченных резных завитушек, к которым арабы питают столь неумеренную страсть.

Он повернулся на бок и развернул журнальную страницу с фотографией. Фигура на балконе была высокая, тонкая, черты лица сливались в неясное пятно. Вирга задумался о том, каков на самом деле этот человек, именующий себя Ваалом. Вдруг оказалось, что он мысленно соединяет фрагменты разных лиц, но всякий раз выходило не то. Каков бы ни был этот человек, кем бы он ни был, его присутствие ввергло эту землю в пучину помешательства. Вирга внезапно осознал, что власть нового мессии распространилась и за границы Кувейта, заражая другие страны: об этом говорил молодой портье. Мысль о человеке, вслед за божеством, у которого он позаимствовал имя, использующем подобную власть для того, чтобы превращать людей в свирепых дикарей, тревожила и пугала, как кошмар, в котором нужно бежать, но не пускает невидимая трясина.

И еще одно беспокоило профессора. Как он ни старался, ему не удавалось увидеть в новом движении ничего положительного. За фасадом обещаний «власти индивида» крылись насилие в своем

крайнем выражении и власть толпы. Еще немного, и порядок в этой стране будет окончательно свергнут.

Вирга встал с кровати, снял галстук, стащил с себя рубашку и пошел набрать воды в ванну. Открывая краны, он мельком увидел свое отражение в зеркале: обширная лысина, темные старческие мешки под глазами, расслабленный усталый рот. Старость медленно, но верно прибирала его к рукам — морщина за морщиной, день за днем, ночь за ночью, но он совершенно не помнил, как это происходило. С шеи Вирги свисало маленькое золотое распятие, подарок Кэтрин.

Кэтрин.

Он снял крестик и бережно положил его на стол в номере. Вернувшись, он заметил на дне ванны осадок: песок.

Облачившись в прохладный голубой костюм и вновь намазав лицо бальзамом от солнечных ожогов, Вирга запер дверь и спустился на лифте в вестибюль. Кровь с пола так и не отмыли.

Он вышел из гостиницы на жаркую улицу и остановился, поджидая такси и наблюдая тем временем за беспорядочным движением на дороге.

У таксиста была клочковатая седая борода, лоб закрывала низко надвинутая грязная белая кепка. Вирга сел на заднее сиденье и показал ему снимок из журнала.

— Узнаете, где это?

— Да, — ответил тот.

— Вы можете отвезти меня туда?

Водитель вырулил на дорогу. Некоторое время они ехали в полном молчании. Иногда приходилось искать объезд: часть улиц была перекрыта полицией. Мелькали военные патрули. Один раз Вирга увидел на тротуаре раздутый труп в армейской форме. В другой раз им не дали проехать по какой-то разгромленной улице трое солдат, казалось, только что из боя: у одного была забинтована голова, другой опирался на винтовку как на костыль.

Они ехали по узким пустынным улицам и переулкам.

Водитель сказал:

— Все туда рвутся. Зачем вам встречаться с ним?

— Я очень любопытен, — ответил Вирга.

— Вас туда не пустят.

— Почему?

— Он никого не принимает.

— А вы многих туда возили? — поинтересовался Вирга.

— И туда, и обратно, когда их оттуда заворачивали. И вас завернут. И вас обратно повезут.

— Возможно.

Водитель фыркнул:

— Какое там «возможно»? Вы американец? Журналист?

— Американец. Но не журналист.

— Тогда зачем вы хотите с ним встретиться?

— Я доктор теологии, — ответил Вирга. — И очень о нем наслышан.

— Он, — повторил водитель, — никого не принимает.

Вирга решил, что спорить бессмысленно. Ему бросился в глаза лозунг, намаленный белой краской на стене пустующего здания. Арабские буквы призывали: «Убивайте евреев!»

По лабиринту нищих хибарок они выехали на окраину и оказались в старой части города, где змеились каменные стены, а разбитые мостовые были вымощены грубым камнем. За приземистыми домами с плоскими крышами, внутри высоких стен, Вирга увидел внушительное сооружение с отмеченными печатью времени башнями. Подъехав ближе, он увидел множество легковых машин и фургонов и целую ораву репортеров с камерами и микрофонами. Под стенами резиденции слонялись или сидели на земле, прижавшись лбом к камню, люди в самых разных одеждах. Подъездная дорога исчезала за запертыми железными воротами особняка. Их, заметил Вирга, охраняли два бедуина в белых *дишдашах*, с автоматами.

Таксист остановил машину под стеной и не оборачиваясь сказал:

— Счетчик я не выключаю.

Вирга пренебрежительно посмотрел на него и прошел те пятнадцать ярдов, что отделяли его от основной толпы журналистов, сгрудившихся у решетчатых ворот. За ними он снова увидел здание с башнями и мгновенно проникся ощущением богатства и величия. Подъездная дорога за воротами продолжалась, огибала с двух сторон островок аккуратно подстриженных кустов и упиралась в широкую каменную лестницу, которая вела к тяжелой двери под балдахином. Само здание было не столько широким, сколько высоким, устремленным вверх. Башни (где в окнах, заметил Вирга, почти не осталось целых стекол) казались совершенно необитаемыми. Особняк стоял на зеленой, безукоризненно ровной лужайке с маленьким прудом. За ухоженным кустарником просвечивал металлический ангар. Над асфальтом струились волны горячего воздуха.

Виргу кто-то толкнул. Кто-то уронил камеру на камни, и объектив разлетелся вдребезги. Послышались крики, ругань, и Вирга неожиданно для себя вдруг очутился посреди группы журналистов, среди которых, как ему показалось, не было ни одного американца. Кто-то закричал что-то по-французски бедуинам у ворот, и Вирга с тревогой, граничившей с паникой, увидел, что один из охранников хладнокровно, привычно вскинул автомат. Рассерженный француз не унимался и продолжал сыпать оскорблениями. Охранник шагнул вперед и схватил его за ядовито-зеленую куртку. Кто-то бросил ядовитую реплику на незнакомом Вирге языке, и в первых рядах завязалась потасовка. Замелькали кулаки. Охранник-бедуин качнулся от ворот, и толпа журналистов, усмотрев в этом свой шанс, с камерами наперевес ринулась к воротам в надежде пробиться внутрь. Второй охранник попятился.

Вирга стал проталкиваться через толпу. Людской поток нес его вперед, в какой-то момент профессора чуть не сбили с ног. Кто-то рядом с ним истошно вопил по-арабски: «Один кадр! Один кадр!» Репортер впереди Вирги упал, и Вирга споткнулся о его ноги. Он машинально вытянул руку, чтобы за что-нибудь ухватиться, и вдруг оказалось, что он прижат лицом к обжигающему железу, а его пальцы судорожно стискивают прутья решетки ворот.

Вирга задержал дыхание и попробовал оторваться от решетки, но сзади наседали остервенелые журналисты.

Послышалось глухое угрожающее рычание.

Вирга смотрел прямо в оскаленную морду доберман-пинчера, стоявшего за воротами. Расширенные от ярости глаза предвещали неизбежное нападение, острые зубы белели всего в нескольких дюймах от лица профессора. Если бы не цепь, удерживавшая пса, Вирге бы несдобровать.

— Боже мой, — вырвалось у него.

Позади щелкали фотоаппараты, стрекотали камеры. Журналисты напирали на ворота.

Человек, державший добермана, выпустил цепь из рук.

Вирга едва успел отпрянуть: собака бросилась на ворота. Она подпрыгивала на задних лапах, рыча и щелкая зубами, норовя вцепиться в репортеров, которые, испуганно пятась, продолжали снимать. Откуда-то выскочил второй доберман. Рыча, готовый в любую минуту прыгнуть, он настороженно следил, не появится ли новая угроза.

Охранники-бедуины с автоматами наперевес врзались в толпу журналистов, отгоняя их от ворот. Прогремела очередь; пули прошли в считанных дюймах над головами репортеров, на землю посыпались гильзы. Другой бедуин грубо схватил Виргу за шиворот и поволок прочь.

— Нет, — вдруг сказал мужчина за воротами — тот, что спустил на Виргу добермана. — Этого оставьте.

Бедуин поднял голову. Он тотчас выпустил Виргу и занялся другими.

Человек за воротами подобрал с земли конец цепочки и подтащил собаку к себе. Еще кто-то отозвал второго пса.

Вирга тряхнул головой: от удара о ворота она кружилась. Он встал, медленно отряхнулся и посмотрел через решетку на высокого блондина с одутловатым, неприятно бледным лицом. Глаза этого человека казались мертвыми, они смотрели сквозь Виргу. Рядом со светловолосым стоял второй мужчина, смуглый, кудрявый и широкоплечий. Оба глядели одинаково равнодушно и надменно. И у обоих, бросилось в глаза профессору, на лбу были одинаковые странные отметины. Какие, он затруднялся сказать.

Светловолосый сказал по-английски:

— Я слышал, как вы что-то сказали. Вы американец?

— Да, — ответил Вирга. У него вдруг разболелась голова. — Американец.

— Журналист? — спросил блондин. Собака сидела у его ног, плотоядно глядя на Виргу.

— Нет. — Он на миг задумался о том, кто же он, но головная боль мешала вспомнить.

— Ваше имя?

— Вирга, — ответил он. — Джеймс Вирга.

Светловолосый кивнул, взглянул на смуглого, и тот без единого слова повернулся и пошел по подъездной дороге к особняку.

Вирга вдруг вспомнил:

— Я теолог.

— Я знаю, — ответил блондин. Он отодвинул засов, потом другой и наконец распахнул ворота.

Толпа позади Вирги вновь устремилась вперед. Светловолосый схватил Виргу за плечо, втащил во двор и под охраной добермана торопливо задвинул засовы. Толпа отшвырнула от ворот сыплющих проклятиями бедуинов; люди с криками и мольбами напирали на решетку.

Светловолосый спокойно распорядился:

— Рашид, пристрели троих.

Его слова возымели действие. Журналисты шарахнулись от ворот; каждый старался спрятаться за чужую спину, отчаянно цепляясь за коллег и топчя тех, кто не удержался на ногах.

Но один из охранников уже выступил вперед. Довольно улыбаясь, он нарочито медленно поднял автомат, и в следующий миг по окваченной ужасом толпе ударила очередь. Во все стороны полетели гильзы.

Взяв добермана на короткий поводок, светловолосый пошел по подъездной дороге от ворот. Увидев, что Вирга медлит, он обернулся и негромко спросил:

— Идете?

Вирга смотрел сквозь решетку на убитого. Толпа журналистов рассеялась; кое-кто и убегая продолжал снимать. Один из бедуинов пнул мертвеца в лицо. Вирга отвернулся.

— Да, — сказал он. — Иду.

17

Вирга шагал по полутемным коридорам следом за блондином, который всего за несколько минут до этого приказал казнить трех человек.

Они поднялись по длинной мраморной лестнице, испачканной остатками еды и экскрементами, и профессор задался вопросом, не гуляют ли здешние доберманы сами по себе. Они очутились в начале узкого коридора с дюжиной закрытых дверей и прошли мимо них туда, где коридор то оборачивался огромным залом, то вдруг расширялся нишей. Один участок больше походил на разгромленный музей

исламского искусства — Вирга увидел картины, изодранные в ключья, словно ногтями безумца, и черепки древних и, вероятно, бесценных глиняных сосудов. Останки некогда прекрасных предметов теперь хрустели у них под ногами.

Вирге было тревожно в этом неприветливом окружении. Ему казалось, что за ним неотступно следят чьи-то глаза, что за ним отовсюду подсматривают и подглядывают, хотя по дороге они никого не видели и не встречали. Он чувствовал, вернее, чуял, чье-то зловещее присутствие, бывшее частью этого места. Он не мог избавиться от ощущения, что в полумраке что-то прячется, глядит ему в спину из тени. К тому же он заметил: стены, пол, даже потолок сырого коридора покрывали бесчисленные рисунки — треугольники, круги, странные письмена — бессмысленные, с его точки зрения, и тем не менее наполнявшие его необъяснимым страхом. Вирга очень надеялся, что блондин не заметит, что он дрожит.

Но было и еще кое-что. Запах, отвратительное зловоние. Своим происхождением оно было отчасти обязано экскрементам, размазанным повсюду, даже по стенам, отчасти протухшей еде, но было и еще что-то, что-то, что вилось у Вирги над головой, цеплялось за одежду, словно не бесплотный, пожираемый тленом призрак. В коридорах особняка разило смертью — или, может быть, чем-то, давно миновавшим этот этап.

— Вы тоже американец? — спросил Вирга у блондина. Его голос эхом разнесся по коридору.

— Я родился в Америке, — ответил тот не оборачиваясь.

Вирга неслышно чертыхнулся: он-то надеялся, что блондин обернется. Ему хотелось рассмотреть, что у того на лбу.

— Как вас зовут?

— Оливье.

— И все?

— Да. И все.

Впереди коридор заканчивался двустворчатыми дверями, украшенными золотым орнаментом. Двери были закрыты. Стены и потолок покрывали все те же странные символы, треугольники и круги. Над дверями, прямо по центру, Вирга увидел перевернутое распятие.

Блондин вдруг обернулся:

— Полагаю, мы еще увидимся. А сейчас я вас покину. — Он открыл двери, и Вирга вошел, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть во мраке, обступившем его в этих безмолвных стенах. Блондин решительно затворил за ним дверь.

Едва она закрылась, как Виргу охватило непереносимое, жуткое чувство: ему померещилось, что он заперт в темнице, откуда нет выхода. Он задрожал. В комнате, как ни странно, было холодно. Когда глаза Вирги привыкли к полумраку, он увидел, что стоит в своего рода библиотеке. Вокруг были полки, забитые тысячами и тысячами книг. Не желая выдавать своего страха, он попытался унять

дрожь и подавил свой первый порыв — повернуть к дверям и, если возможно, возвратиться прежним путем на залитую жарким солнцем улицу. В этой комнате чужое присутствие было агрессивным, давящим, вливалось в спину, как оскаленные зубы добермана.

Вдруг по спине у Вирги побежали мурашки. Он понял, что не один.

В глубине комнаты кто-то дышал — тихо, размеренно. В узкую щель между шторами пробивался единственный узкий луч света. Он падал на плечи какому-то человеку.

Он неподвижно сидел за широким столом, сложив перед собой руки. Разбитая на темные и светлые квадраты столешница представляла собой шахматную доску. Войска уже были выведены на позиции; фигуры грозно смотрели друг на друга с противоположных краев поля боя. Вирга шагнул вперед. Он еще смутно различал лицо сидящего, скрытое широкой полосой тени, но ясно видел руки этого человека, чрезвычайно костлявые и такие белые, словно они были выточены из льда или слоновой кости. Руки были неподвижны, но, приблизившись, Вирга понял, что незнакомец чуть-чуть — почти незаметно — повернул к нему голову. Взгляд невидимых профессору глаз проник в его мозг, и Вирга чувствовал, что раскрыт и беззащитен.

— Доктор Вирга? — негромко осведомился Ваал.

Профессор удивился. Неужели этот человек знал о его присутствии? Он остановился. Он боялся подойти ближе.

— Вы доктор Вирга, не так ли? — снова спросил мужчина.

— Да. Совершенно верно.

Человек за шахматной доской покивал. Тонкий палец шевельнулся, указывая на книжные полки:

— Здесь есть ваши работы. Я читал их. Я прочел все тома этой библиотеки.

Вирга хмыкнул. Не может быть.

— Это действительно так.

Он оцепенел. Разве он высказал свои сомнения вслух? Разве? Из-за гнетущей атмосферы он с трудом мог сосредоточиться. Да, через мгновение решил он, я сказал это вслух.

— Ваш коллега, доктор Нотон, — продолжал Ваал, — очень много рассказывал мне о вас. И, разумеется, ваша добрая слава, слава выдающегося ученого, опережает вас.

— Нотон? Он здесь?

— Конечно. Разве вы приехали сюда не за тем, чтобы найти доктора Нотона? Да, мне думается, это и есть причина вашего визита. Доктор Нотон тоже чрезвычайно умный и образованный человек, очень прозорливый человек. Он умеет распознать свой шанс, и следовательно, он — хозяин своей судьбы.

Вирга напряг глаза, чтобы разглядеть тонущее в полумраке лицо своего собеседника. Ему показалось, что он различил резкие черты, высокие скулы, узкие глаза.

— Я приехал издалека и хотел бы повидать доктора Нотона.

Ваал улыбнулся. Вирге почудилось что-то непристойное в том, как искривился его рот и блеснули зубы. От этого человека исходило нечто гнетущее, наполнявшее его тревогой.

— Доктор Нотон все свое время посвящает работе над исследованием. Скоро его книга будет закончена.

— Книга?

— Полагаю, он обсуждал это с вами перед отъездом из Америки. Книга о лжемессиях, первоначально искажавшая правду. Однако я помог доктору Нотону вычистить материал, и последняя глава его труда будет посвящена моей философии.

— Я бы хотел увидеться с ним. Вы же не прогоните меня — я ведь проделал такой длинный путь... Нотон здесь, не правда ли?

— Здесь, — ответил Ваал. — Но работает.

Вирга ждал, однако Ваал молчал. Делая последнюю попытку, Вирга сказал:

— У меня письмо от его жены.

— У него нет жены.

Вирга вдруг почувствовал, что ему совершенно необходимо ясно увидеть лицо Ваала, и шагнул вперед, к самому краю шахматной доски.

И с трудом удержался, чтобы не отпрянуть под властным, грозным взглядом Ваала. Он вдруг обнаружил, что не может долго смотреть в эти темные, глубоко посаженные глаза, в которых искрились жестокий ум и безграничная ненависть, и отвернулся. Судя по широким крепким плечам, Ваал при всей своей худобе физически был очень силен. Вирга решил, что ему лет двадцать пять — тридцать, не больше. Он превосходно говорил по-английски, без малейшего намека на какой-либо акцент, а его голос был мягким и умиротворяющим, как первая волна, набежавшая на берег сна. Только его глаза, страшные, живые на мертвенно-бледном лице с твердым подбородком, придавали ему некоторое сходство со смертью.

— Вы американец? — спросил Вирга.

— Я Ваал, — ответил мужчина, словно это отвечало на вопрос профессора.

Вирга внезапно обратил внимание на шахматные фигуры, вырезанные из красивого блестящего камня. Белые (Вирга стоял у их половины доски) были представлены монахами в развевающихся рясах, скромными монашками, суровыми священниками и стройными готическими соборами. Ферзь, женщина в накинутах на голову покрывале, возводил очи горе. Король, бородастая фигурка Христа, воздев руки, о чем-то молил Отца. На противоположном краю шахматного поля — Вирга теперь заметил, что Ваал уже сделал несколько ходов черными, начав игру, — стояли колдуны, варвары, размахивающие мечами, горбатые демоны; короля и ферзя изображали соответственно некто поджарый, лукаво изогнувший стан и манящий кого-то пальцем, и женщина со змеиным языком.

Ваал заметил интерес Вирги к шахматным фигурам.

— Играете? — спросил он.

— От случая к случаю. Я вижу, вы атакуете. Но вам недостает противника.

— Атакую? — спокойно переспросил Ваал. Он подался вперед и впился в Виргу горящим взглядом. — О нет, еще нет. Я еще только учусь искусству маневра.

— Это требует времени.

— Оно у меня есть.

Вирга поднял глаза от шахматной доски и посмотрел в лицо Ваалу. Наконец профессор почувствовал, что не смеет дольше выдерживать его пристальный взгляд.

— Скажите, — спросил он, — кто вы на самом деле? Почему вы выбрали имя бога дикарства, жестокости и жертвоприношений?

— Мое имя это... мое имя. Меня всегда звали и будут звать Ваалом. А жестокость и жертвоприношения, дражайший доктор Вирга, в этом мире — причастие истинного Бога.

— Кто же этот истинный Бог?

Ваал опять улыбнулся, словно был причастен тайне, которую Вирге было не постичь.

— Вы же не слепой. Вы не могли не заметить действия определенных сил в этой стране — да и во всем мире. Следовательно, вы сами можете ответить на свой бессмысленный вопрос: кто истинный Бог?

— Я вижу людей, которые становятся все меньше похожи на людей. Я вижу жестокость, насилие, убийства и хочу знать, какова ваша роль во всем этом. Чего вам надо? Политической власти? Денег?

Угроза во взгляде Ваала стала более явственной. Виргу охватило желание отступить на несколько шагов.

— Я располагаю любыми деньгами, какие мне требуются. Политическая же власть ничего не стоит. Нет. Моя власть — власть насаждать волю подлинного Вседержителя этой юдоли. И будет так! Меня слушают — слушают. Люди устали от того, что их учат и школят, как неразумных детей. Настоящие люди должны жить в настоящем мире, а настоящий мир учит одному — выживанию. Выживи, даже если тебе придется пройти по трупам тех, кто надеется сломать *твой* хребет. Это мир живых и мертвых, умных и дураков.

— Плоды вашей философии, философии пауков в банке — то, что здесь творится. Город сошел с ума. Я видел вещи, невообразимые для цивилизованной страны!

— Напротив, город пришел в себя.

— В таком случае, — сказал Вирга, — безумны вы. Вы проповедуете смерть и разрушение, пожары и ненависть. Вы прекрасно выбрали себе имя! Ваш тезка и предшественник был подлинной язвой на теле Иеговы.

Ваал сидел не шевелясь. Вирге показалось, будто что-то холодное и твердое сдавило ему горло. Ваал чрезвычайно медленно поднял голову; с белого лица смотрели глаза змеи.

— У меня не было ни тезки, ни предшественника, — промолвил он. — Я знаю Иегову, — он выплюнул это имя, как гной, — вам и не снилось, как хорошо я его знаю. Вефиль, Гай, Иерихон, Асор... все эти славные города обратились в золу. — Его лицо неожиданно исказилось, голос из бархатистого превратился в утробный вой бури. — Война, — выдохнул он. — Война — вот власть моего Бога, и он отлично знает, как ею распорядиться. Назваться Иеговой и склонять людей предать их главную суть — грех. Извращая мир ложью, Иегова сам роет себе яму. Ему хочется скрыть правду.

Глаза Ваала сверкнули.

— Довольно игр, — сказал он.

— Боже мой; — в ужасе прошептал Вирга. — Вы и в самом деле хотите хаоса и смерти. Кто вы?

— Я — Ваал, — ответил тот с другого края шахматной доски, и Вирге почудился мимолетный пугающий промельк красного огня в его глазах. — А вот вы — у меня в пальцах.

Взмахом руки он смел фигуры с доски, рассыпав белых по полу у ног Вирги. У Вирги тяжело застучало в висках; он подумал, уж не получил ли он сотрясения мозга, ударившись о ворота. Да, но ощущение, что кто-то держит его за горло? Теперь профессор не сомневался: чьи-то ледяные бесплотные пальцы сдавливали ему шею. Он приложил ладонь ко лбу. Лоб был потный и горячий, словно у Вирги начиналась лихорадка. Он пошатнулся и тряхнул головой, чувствуя на себе горящий взгляд Ваала. О Боже, жжет, жжет... как больно... больно...

— Да, — негромко подтвердил Ваал. — Больно.

В голове у Вирги клубился черный дым: горел мозг. Дым мешал видеть, мешал дышать. Профессор затряс головой, чтобы прийти в себя, но это не помогло. Спотыкаясь, он попятился от Ваала и чуть не упал.

— Вы здесь не случайно, — сказал Ваал. — Мы вас ждали. Вас привело сюда письмо Нотона.

Вирге казалось, что Ваал говорит сразу несколькими голосами. Они то сливались, то дробились на сотни отчетливых звуков, пробивались сквозь калейдоскоп дыма, щипавшего Вирге глаза.

Ваал сказал:

— Вы — уважаемый теолог, у вас репутация трезво и логически мыслящего, разумного человека. Я найду вам дело. Вы будете...

Стук в висках не прекращался. Вирга никак не мог его унять. Голос оглушал его, он не слышал ничего, кроме этого голоса, кроме приказов, кроме Ваала.

— ...приводить ко мне других. Рассказывать о том, как мне, нищему американскому мальчишке, во сне явился Бог и приказал повести людей по лабиринту знания. Вы сделаете это. Вы сделаете больше. Намного, намного больше. Вы публично заявите, что верите в меня и отречаетесь от иудейской заразы. Я — огонь очищающий.

— Нет, — пробормотал Вирга, стараясь удержаться на ногах. Он закрыл глаза, но безжалостные голоса не смолкали. — Нет... не... буду...

— Да-аааа, — зашипела тысяча голосов, и эхо, отраженное от стен библиотеки, прошило его, словно пули, летящие со всех сторон. — Да-аааа...

Вирга, сопротивляясь, затряс головой. Черный дым душил его. Нет. Нет.

— Да, — простонал он, падая на колени. — Да. Больно. Больно.

Ваал поднялся. Он обошел вокруг стола, и Вирга увидел, что к нему, неестественно медленно, как в кошмаре, тянется тонкая рука с растопыренными пальцами.

— Да-а, — сказал Ваал в самое ухо профессору. — Да-аааа.

Вирге стало нечем дышать, он задыхался в этой вонючей комнате. Сударожно разеваая рот, он, дергая, распустил узел галстука, рванул ворот рубашки, и солнце блеснуло на маленьком распятии.

Ваал не шелохнулся.

— Снимите это, — очень тихо велел он. — Вы слышали, что я сказал? — Его голос был как острие ножа.

Вирга пошевелился, чувствуя, что бесплотные пальцы на его горле чуть-чуть ослабили хватку. Он попытался встать, но не смог.

Ваал по-прежнему не двигался с места.

— Снимите *это*. — Его глаза расширились и покраснели.

— Нет, — ответил Вирга. Внутри у него все горело. — Нет.

— ПРОКЛЯТЫЙ ПЕС! ШЛЮХИНО ОТРОДЬЕ! — прорычал Ваал сквозь стиснутые зубы. — БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ! БУДЬ ЖЕ ТЫ ПРОКЛЯТ!

Вирга отчаянно замотал головой, чтобы в ней прояснилось. Ваал замахнулся, но отпрянул; он не мог подойти к распятию ближе. Вирга рванул цепочку и простер руку к Ваалу: на ладони дерзко блеснул золотой крест.

Он слишком поздно заметил, что двери распахнулись и в библиотеку ворвались двое мужчин, темноволосый и белокурый. Ваал сделал знак рукой, Вирга обернулся и получил сильный удар кулаком в висок. Застонав от боли, он повалился ничком, сжимая распятие слабеющей рукой.

— ЗАБЕРИТЕ ЭТО У НЕГО! — приказал Ваал, не сходя с места.

Оба ученика взяли за стиснутую руку Вирги так, словно она была из раскаленного железа, и стали разжимать ему пальцы. Вирга, плохо сознававший, что происходит, сопротивлялся, понимая, что, если он лишится распятия, он погиб. Тогда его, беззащитного, поглотит чудовищная утроба вааловой власти.

Пальцы Вирги не желали разжиматься. Темноволосый в сердцах выругался и наступил профессору на руку. Захрустели кости, и Вирга потерял сознание. Человек, сломавший ему руку, увидел распятие и носком ботинка отшвырнул его в темный угол.

— Сволочь, — шепотом выругался Ваал над самой головой Вирги. — Ты думал, это будет легко. Нет, мой друг, это нелегко. Ты научишься любить меня и презирать *это*. Его прикосновение, один

только его вид будет жечь, как те воспаленные кишки, откуда оно вывалилось, слабый ты ублюдок. — Ваал умолк и поглядел на искалеченную руку Вирги: на ладони показалась кровь. Ваал грубо расправил сломанные пальцы и впился взглядом в рану на том месте, где башмак темноволосого вдавил в ладонь золотую безделушку.

Рана повторяла очертания распятия.

Ваал с громким проклятием выпустил руку профессора и отпрянул.

— РУКА! — вскрикнул он. — Закройте ее! Закройте!

Белокурый ученик приподнял Виргу за воротник и вновь бросил на пол, так что отвратительная для Ваала рана оказалась под телом профессора, и тоже попятился, дрожа.

— Мы многого добились, — промолвил Ваал, — и все же этого мало. Когда-нибудь мы сможем справиться и с *этим*, но не сейчас... не сейчас. Наш добрый доктор Вирга — наш мерзкий ублюдок доктор Вирга — должен был проторить нам дорогу. Но теперь... — он прищурился. — Есть иной путь. Есть иной путь.

— А его куда? — спросил темноволосый.

Ваал повернулся, стараясь не смотреть в дальний угол библиотеки, и навис над неподвижным телом профессора.

— Он осквернен этим знаком. С культей от него не будет толку. Но я не хочу, чтобы его труп нашли где-нибудь поблизости от этого места. Ты понял, Верен?

— Да, — ответил тот.

— В таком случае, вы с Кресилем можете делать с ним все что угодно; труп бросите в пустыне стервятникам.

Белокурый — Кресиль — нагнулся и, оставляя на полу кровавый след, поволок Виргу к дверям. Верен шел следом, как шакал, почуявший смерть.

18

Вирга пришел в себя оттого, что на лицо ему бросили губку. Нет, это была не губка, моментально сообразил он, а его собственная распухшая и окровавленная кисть. Он вспомнил, как страшно захрустели кости — словно прутья, переломленные сильными руками, — и почувствовал позыв к рвоте, но не мог пошевелиться. Вирга с усилием проглотил обжигающую горечь, подступившую к горлу, и попробовал определить, где находится.

Он посмотрел на яркие звезды, вершившие свой божественный путь по небосводу. Ночь только начиналась; там, где солнце соскользнуло за горизонт, небо еще сохраняло неприметный лиловый отлив. Виргу куда-то везли — громко ревел мотор, машину подбрасывало на ухабах. Соленый запах моря исчез, слышен был лишь сухой горьковатый запах остывающей в ночи пустыни.

Колени Вирги были высоко подняты и плотно прижаты друг к другу, ноги затекли. Он лежал на полу в кузове лендровера и, только

когда хотел повернуть голову, понял, что во рту у него тряпичный кляп. За рулем сидел кто-то смутно знакомый. Вирга напрягся и вспомнил: да. Блондин из библиотеки Ваала. Рядом с ним сидел темноволосый. Обоих Вирга успел увидеть лишь мельком, за долю секунды до того, как кулак погрузил его в небытие. Сейчас он разглядел у них на поясе пистолеты.

Вирга не имел никакой возможности определить, как далеко они забрались в пустыню. Он не знал ни куда они едут, ни зачем, однако ни звуком, ни шорохом не выдавал того, что очнулся.

В голове у профессора отчаянно гудело, за глазами немилосердно ломило и жгло. Сестры-мучительницы, головная боль и боль в раздробленной руке, встречались где-то в районе его плеча.

Он понял: распятие спасло его, оно, как ни удивительно, отпугнуло Ваала, точно он был вампиром. Еще миг, и моментально взмокшего, вопящего Виргу смыла бы чудовищная волна ужаса и невыразимого блаженства. До сих пор перед глазами профессора, передразнивая звезды, кружили глаза Ваала.

Лендровер нырнул и покачивался на барханах, как корабль в море. Ученики Ваала молчали; за них говорило оружие. Вирга подумал, что его или убьют, или будут держать где-нибудь до тех пор, пока он не согласится сотрудничать с Ваалом. Возможно, его даже будут пытаться. Эти люди, как и их зловещий господин, не знали ни стыда, ни угрызений совести, ни жалости.

Вирга отогнал незаметно подкравшуюся новую волну беспамятства. Его раздавленные, скрюченные пальцы посинели. На запястье вздулись вены, а поврежденная кисть распухла и стала в два раза толще. Вот тебе и язвы Иова, почти весело подумал Вирга. Лендровер тряхнуло на камнях, профессор вернулся в страшную реальность и понял, что должен хотя бы попытаться сбежать.

Он медленно выпрямился, держа в поле зрения своих конвоиров. Пострадала как будто бы только рука, других повреждений не было. Вот только ноги совсем одеревенели. Если бы удалось выпрыгнуть из лендровера и где-нибудь спрятаться в темноте, быть может, тогда... но Вирга боялся, что ноги подведут его. Если он упадет, его либо просто переедут (если собираются его убить), либо вновь затолкают в машину (если собираются держать его под стражей). Морщась от боли, Вирга осторожно приподнялся и выглянул в темноту. Со всех сторон их окружала голая, неприветливая пустыня. Свет фар — единственный свет, какой заметил Вирга, — выхватывал из мрака ровный плоский песок и местами выступающие из-под него камни. Профессор убрал голову.

Другого шанса у него не будет. Элемент неожиданности должен сыграть ему на руку. Возможно, найти укрытие не удастся, но придется рискнуть. Поступок вполне логичный и в случае, если его собираются убить, и в том случае, если его собираются пытаться: он скорее умрет, чем станет помогать этому безумцу, который называет

себя Ваалом. Сипло дыша через тряпку, Вирга освободил ноги, напряг их для прыжка, расслабил, снова напряг, снова расслабил. С громко бьющимся сердцем он ждал, чтобы волна адреналина подхватила его.

Лендровер взбирался вверх по склону. Под колесами глухо постукивали камни. Пора!

Вирга стиснул зубы и, оттолкнувшись ногами, перевалился через борт лендровера.

Он бережно прижимал к груди поврежденную руку, но при падении на камни сильно расшиб локти и разорвал пиджак. Он невольно вскрикнул и понял, что выдал себя. Съезжая по камням на гладкий песок у подножия склона, Вирга увидел, что его конвоиры заглядывают в опустевший кузов лендровера.

Лендровер резко развернулся. Желтые фары обшаривали тьму, как паучы глаза.

Вирга торопливо поднялся на ноги, обливаясь потом от нестерпимой боли, и побежал, увязая в песке. Позади все громче ревел мотор. Вирга не смел оглянуться. Вдруг сухо треснул пистолетный выстрел, и пуля взметнула песок меньше чем в футе от профессора. Вирга понял, что его хотят убить. Впереди расстилалась песчано-каменная равнина; там лендровер нагонит его в два счета. Перед ним и так уже бежала его тень, заключенная в полосу света, который неумолимо приближался. Вирга чертыхнулся и почувствовал, что внутри растет холодная паника. Спрятаться было негде!

Но нет! Вирга пригнул голову и побежал, ловя ноздрями песчаную пыль, летящую из-под рубчатых шин. Равнина впереди внезапно обрывалась в темноту: там была узкая расселина с неровными краями. Если он успеет добежать до нее, лендроверу придется затормозить, чтобы не перевернуться. Но насколько глубок провал? Это никак нельзя было определить. Вирга мог пролететь десять футов и упасть в мягкий песок, а мог приземлиться на острые, как бритва, камни в двадцати пяти футах от края обрыва. Сейчас некогда было раздумывать, что лучше — смерть от пули или смерть в свободном падении. Лендровер ревел за самой спиной профессора; пуля просвистела мимо его левого уха. Вирга сделал глубокий вдох и прыгнул с обрыва в пустоту.

Падение оказалось таким долгим, что, несмотря на кляп, Вирга пронзительно вскрикнул. Наконец, весь исцарапавшись о выступы скалы и кусты, профессор упал на усеянный камнями песок и, до крови обдирая локти и колени, откатился под прикрытие стены провала. Здоровой рукой он вырвал кляп изо рта и, тяжело дыша, прислушался, не грянет ли новый выстрел.

В десятке футов над его головой по противоположной стене расселины скользнул свет: фары лендровера. Две темные фигуры заглянули в расселину. Вирга распластался по стене обрыва, испугавшись, что громкий стук сердца выдаст его, и постарался выровнять прерывистое дыхание. Прошло несколько бесконечно долгих минут, и Вирга увидел, как свет переместился на десяток-ярдov дальше.

Вирга встрепенулся. Может быть, они окончательно потеряли его. Может быть, они решили, что он идет по дну расселины или даже что он разбился насмерть, и теперь искали тело. Лендровер очень медленно ехал по краю извилистой трещины. Вирга смотрел, как удаляются желтые огни фар. Да! Они потеряли его! Но он не спешил встать; не обращая внимания на мучительную боль в руке, он, щурясь, вглядывался в обступавшую его густую тьму, опасаясь подвоха. Вдруг один из тех двоих спустился в расселину и сейчас подкрадывался к нему с пистолетом в руке?

Но тут из лендровера открыли беспорядочную стрельбу по расселине, наугад рассылая пули. Они запели в воздухе вокруг Вирги; он вздрогнул, съехал и увидел, как рикошеты высекают искры из скалистых стен. Стрельба продолжалась до тех пор, пока Вирга не услышал холостые щелчки. Его преследователи вернулись в машину, и лендровер помчался прочь, вздымая тучи песка.

Прошло очень много времени, прежде чем Вирга добрался до верха обрыва. Дважды он срывался, оступившись на камнях или ненадежно ухватившись за кусты, и лишь с третьей попытки перевалился через край расселины и увидел очень далекие, но еще различимые красные огоньки — задние фары лендровера.

Глядя, как машина исчезает в ночи, Вирга наконец почувствовал боль, которая, прокравшись вверх по руке к плечу, разлилась по груди и теперь рассылала по плацдармам плоти своих разведчиков, острые внезапные уколы. Коварная, она медленно и незаметно завладела сразу занемевшей шеей Вирги, а когда добралась до висков, он скорчился и ткнулся губами в песок.

Очнувшись, профессор понял, почему они так сравнительно легко отказались от попыток найти его. Он с трудом поднялся на ноги под безжалостно алым рассветным небом (рука висела плетью и казалась тяжелой, как мешок с цементом) и увидел бескрайнюю пустыню, которая даже в столь ранний час дышала зноем. На многие мили вокруг простирались лишь белые барханы и плоские прокаленные равнины. Бог весть, далеко ли до шоссе или бедуинского колодца. Вскоре над далекой полоской земли вспыхнет солнце и утопит его в океане соленого пота. Ослепительный огненный край уже показался из-за горизонта, и, просыпаясь в своих песчаных норах, загудели насекомые. Над головой Вирги замельтешили мухи, то и дело слетая выпить каплю пота; почуяв кровь, они жадно облепили запекшуюся рану на ладони профессора.

Виргу бросили в пустыне, не заботясь о том, жив он или мертв, потому что выжить здесь было невозможно. У него не было ни воды, ни надежды отыскать хоть клочок тени. Впрочем, еще четкие следы шин на песке указывали, в каком направлении уехал лендровер. Благословляя исчезающие вдаль глубокие колеи за то, что они, по крайней мере, не дадут ему сбиться с пути, Вирга снял пиджак, соорудил из него нечто вроде арабского головного убора, чтобы

защитить от солнца лицо и лысину, и, щурясь от солнца, белым шаром повисшего на горизонте, двинулся вперед..

Солнце взбиралось все выше. К зною добавилось новое испытание — насекомые. Они впивались в незащищенные участки кожи. Они роились над головой Вирги, а когда он пригнулся, пытались увернуться, спускались следом. Они лезли в глаза, набивались в ноздри, разбивались о его лицо. Вирга шел по плоской каменистой земле, шел по барханам, по колену утопая в песке, а солнце висело в небе — неподвижное воспаленное око, разверстый окровавленный рот.

Мысли Вирги лихорадочно кипели. Ноги сводила судорога, он без конца спотыкался, и тогда приходилось садиться на песок и здоровой рукой разминать мышцы до тех пор, пока не появлялась возможность идти дальше. Вскоре Вирга обнаружил, что, одурманенный жарой, убрел в сторону от следа протекторов. Страхнув дремоту, он всмотрелся в горизонт, надеясь увидеть телефонную линию или буровые вышки, но ничто не нарушало запустения. Губы профессора потрепались на невыносимом полуденном солнце, мысль о прохладной воде сводила с ума, но прогнать ее было очень трудно. Он уже не чувствовал ни боли, ни страха, его занимало только одно — голубое мерцание реки, привидевшейся ему далеко-далеко впереди.

Он вспомнил, как стоял на палубе «Чарльза»: Кэтрин — ее обветренные щеки горели, темные волосы разлетались — цеплялась за его руку, над ними хлопал парус, и Вирга вдыхал чудесную речную свежесть, глядя на далекие прекрасные берега. Сейчас, за тысячи миль от этой реки, он удивился, почему не набрал тогда пригоршню воды и не поднес ее к губам, бережно... вот так.

Он открыл глаза, покачулся и выплюнул песок.

Кэтрин, сказал он, закрывая глаза, чтобы не видеть солнца. Кэтрин. Мир вращался вокруг ее лица, центра вселенной. У него на глазах Кэтрин превратилась из ирландской девчонки-сорванца в очаровательную изящную женщину. Он вспомнил, какие выразительные были у нее руки. Они не знали покоя, порхали, точно белые бабочки, и он не мог отвести глаз от этого представления. Кэтрин говорила, что этот постоянный монолог ткущих что-то невидимое пальцев, — их фамильная черта, переходившая из поколения в поколение по линии ее матери. Кэтрин была прекрасна. И память о ней была прекрасна. Кэтрин была энергия и жизнь, красота и надежда.

Вирга вспомнил, как она радовалась, поняв, что беременна. Когда после двух выкидышей к жене впервые закралась мысль, что ей не суждено иметь детей, она ничем не выдала своих чувств. Может быть, шептала она ему, когда они лежали в постели, слушая, как трещат дрова в камине и дождь выстукивает на окнах свою негромкую мелодию, может быть, ее предназначение не в детях.

— Как ты можешь судить об этом? — спросил он тогда.

— Не знаю. Просто чувствую, вот и все.

— Миссис Вирга, — проговорил он с шутливой угрозой, — берегитесь. Вы легкомысленно вторгаетесь в область теорий предопределения.

— Нет, я серьезно.

Он всмотрелся в ее безмятежные глаза, в их бездонную синеву, и увидел, что так и есть. Он сказал:

— Говорят, на третий раз все проходит удачно.

— Это последний, — сказала Кэтрин. — Если опять что-нибудь случится, я не знаю, что я сделаю. Вряд ли я смогу снова пройти через это.

— Ничего не случится, — твердо сказал он.

— Я боюсь, — ответила она, прижимаясь к нему. В камине треснуло полено. — Правда боюсь. Я никогда ничего так не боялась.

— А я не боюсь. — Он заглянул Кэтрин в глаза. — Не боюсь, потому что знаю: все будет нормально. Что бы ни случилось, все будет хорошо.

Но все было «хорошо» очень недолго. Несколько месяцев спустя Кэтрин, сияющая, с огромным животом, споткнулась о сбившийся ковер на лестнице, беспомощно взмахнула руками и с отчаянным криком скатилась вниз по ступенькам.

Интересно, кто бы у них родился? Мальчик, решил Вирга. Может быть, похожий на Нотона.

Он открыл глаза, вспугнув мух движением век. Он заснул на ходу! Солнце было все таким же горячим, пустыня — все такой же безлюдной. Он мог брести по ней уже не один день. Мог ходить кругами. Вирга не знал. Поглядев на горизонт, он почувствовал, как сведенный судорогой желудок вдруг взорвался жгучей болью.

Впереди лежал бесконечный ровный песок.

Вирга потерял след лендровера.

Куда ни глянь, всюду была только слепящая белизна. Больше ничего. Вирга залез в карман изорванного пиджака, нашел пузырек с бальзамом от солнечных ожогов и намазал лицо. Пальцы нащупали потрескавшуюся кожу и начинающие набухать огромные волдыри. Два или три лопнули от его прикосновения, и по лицу заструилась жидкость, приманившая новые орды насекомых. Вирга, спотыкаясь, упрямо двигался вперед по, как он полагал, прямой, ведущей к заливу, но вскоре решил: нет, я иду неправильно. Он развернулся и пошел обратно по своим следам; несколько минут спустя профессору показалось, что он вновь ошибся, выбирая направление, и он отправился в другую сторону.

Солнце, прожигая череп Вирги, добиралось до мозга. Огромный белый круг темнел, темнел, темнел, пока не стал черным, как око Ваала. Вирга увидел лицо этого человека, громадное, как солнечная система, где одним глазом было солнце, а другим — луна. Плененная им планета была под вечным его надзором. Вирга увидел, как Ваал в черных развевающихся одеждах воздвигается над городами, растет,

растет, и тень его наползает на лик Земли. Наконец страшный силуэт заслонил звезды, и все творение поглотила черная трясина бездны. Вирга затряс головой, чтобы избавиться от непосильных для человеческого рассудка видений, но и после этого он видел висящую в небе исполинскую голову Ваала с разверстым ртом, готовым поглотить библиотеки, музеи, все то прекрасное, что создал человек.

Вирга упал на четвереньки. Мухи густо облепили его голову. Он слабо отмахнулся от них почерневшей распухшей рукой. Час пробил. Он читал это на песке, в ослепительно сверкающем небе, на колеблющемся горизонте. Сотни безумцев, сотни мошенников объявляли себя мессиями, но этот был не такой.

С подбородка у него закапала жидкость, вытекшая из лопнувших волдырей. Он всматривался в рисунок, в который складывались следы капель на песке.

Этот был не такой. Зверь и человек. Рассудительность и хитрость человека сочетались в нем с силой и свирепостью хищного зверя. Этот был... не такой. Он уже заразил своим безумием тысячи. Скольких он заразит еще? А значит, резня и хаос не закончатся до тех пор, пока последний палец не потянется к кнопке на стальном цилиндре. Грянет взрыв, и четыре ветра разнесут по земле стон: «*Ваал, Ваал, Ваал*», и взрыв этот начертает его имя на истерзанном бетоне и опаленной плоти. И тогда будет слишком поздно. Может быть, уже слишком поздно? Возможно ли это? Дрожа, Вирга замотал головой. Антихрист. Он посмотрел на солнце — не сжалится ли над ним огненный бог? — но оно лишь сильнее обожгло ему лицо. Антихрист. Рассудок Вирги держался на волоске: палачи-насекомые толкали профессора за грань безумия. Насосавшись крови, они улетали в норы и гнезда, чтобы переварить ее, и возвращались за новой. В ушах у Вирги стояло их тонкое, пронзительное зудение. Откуда-то издалека сквозь безмолвие пустыни к нему доносился миллионноголосый крик: «*Антихрист, Антихрист*».

Силы Вирги иссякли. Он увидел свое отражение в луже, натекающей с его лица. Это были соки его тела. Его жизнь.

Сознание покидало его. Миллионноголосый хор грянул громче, громче, и падающий ничком в песок Вирга полностью оглох.

19

Откуда-то из глубин тьмы возникла рука и закружила над его лицом, целясь выцарапать ему глаза. Вирга в отчаянии попытался отдернуть голову, отвернуться, но не мог этого сделать. Он был словно припшпилен к земле, лишен возможности защищаться. Он застонал и забился, пытаясь увернуться от страшных скрюченных пальцев, которые, подрагивая, медленно приближались к его открытым глазам. Рука постепенно разрасталась, делалась все шире и жилистее, заслоняла от Вирги весь мир. Он заметил, как дрожат

сухожилия, предвещая острую боль в глазницах, которые вот-вот опустеют. С истошным «Нет!» Вирга начал сопротивляться.

Рука вдруг вспыхнула. В считанные секунды она сгорела дотла и рассыпалась пеплом. Он увидел очертания другой руки. Она легла ему на лоб, и ее прикосновение успокоило Виргу, принесло блаженное избавление от боли, с каждым вздохом разрывавшей все его тело. Он попробовал разглядеть, кто это, но ему на глаза легла ладонь, и он забыл обо всем, кроме неги отдохновения.

Незнакомый мужской голос произнес:

— Жара нет. Спите.

И Вирга провалился в сон, в котором он снова шел под парусом на «Чарльзе», а рядом, крепко держа его за руку, стояла Кэтрин, и от нее пахло корицей.

Когда он опять открыл глаза, ему почудилось, будто он наяву чувствует запах теплого дерева обшивки, мягкую податливость реки. Но вокруг по-прежнему царила тьма, и в первый момент Вирга подумал, что его сон продолжается. Он лежал с открытыми глазами и прислушивался.

Вдалеке гудели насекомые; вспомнив о них, Вирга вздрогнул. Что-то горело. Вирга слышал тихое потрескивание, чувствовал запах дыма. Он лежал на раскладушке в палатке из козьих шкур. За откинутым пологом в маленьком костре трещали палки и ветки. Была ночь, но сколько прошло времени с тех пор, как он заблудился в пустыне, Вирга не знал. Попытавшись подняться, он понял, что ему на руку наложена самодельная шина — несколько прутьев, притянутых к кисти тряпичным бинтом.

Вирга осторожно откинул одеяло, встал и покачнулся, оглушенный внезапным приливом крови к голове. Когда головокружение прошло, он подошел к выходу из палатки. Снаружи стоял потрепанный джип с лобовым стеклом в паутине трещин. Над огнем жарилось на вертеле не то мясо, не то какая-то птица. Вирга хотел уже выйти из палатки, когда в его поле зрения появился высокий худощавый человек в широкополой шляпе и охотничьей куртке с множеством карманов. Он нагнулся и стал подкладывать в костер прутья и ветки из принесенной им охапки, затем занялся мясом. Вирга прищурившись смотрел, как он поворачивает вертел, чтобы мясо не пригорело, а потом садится у огня, подобрав под себя ноги, и замирает без движения, устремив взгляд на далекие костры, мерцающие на другом краю пустыни.

Человек этот, казалось, чего-то ждал. Выражение напряженного спокойствия не сходило с его лица. Лет ему как будто бы было немного, но точно определить его возраст Вирге мешал неверный свет костра. Незнакомец был светловолосый, белокожий — вне всяких сомнений, не араб — и казался даже хрупким, но у него были странные глаза. Они смущали, и Вирга засомневался, сможет ли выдержать их прямой взгляд. Они блестели, отражая огонь костра,

и словно бы впитывали на миг золотистый отблеск пламени, прежде чем вновь потемнеть, как будто не имели своего постоянного цвета. Человек протянул руку к вертелу и при этом повернул голову на несколько дюймов влево. Он посмотрел прямо на Виргу, как будто с самого начала знал, что тот прячется за пологом палатки, посмотрел так внезапно и пристально, с такой силой, что сердце у Вирги бешено заколотилось, и профессор попятился.

Незнакомец поднялся. В нем оказалось больше шести футов роста, а его худоба делала его еще выше. Заметив испуг Вирги, он притушил ярость во взгляде, и ее постепенно сменил сдержанный интерес. Отвернувшись, он молча занял свое прежнее место у костра.

Вирга стоял у входа в палатку. Он вдруг почувствовал, как болезненно пульсирует его покалеченная рука. Незнакомец, казалось, не замечал его; он, как и прежде, сидел, неподвижно глядя на огненные точки в черной дали. От голода у Вирги подвело живот. Это заставило его пренебречь той опасностью, какую мог представлять для него этот человек, и рискнуть. Помедлив, он спросил распухшими губами:

— Вы собираетесь съесть это или сжечь?

Взгляд неизвестного метнулся к костру. Он снял вертел с огня, ножом, висевшим на поясе, отрезал ломоть жилистого мяса и очень отчетливо проговорил:

— Будьте осторожны. До сих пор, чем бы я вас ни кормил, вас рвало.

Вирга взял мясо и благодарно впился в него зубами. Вытерев жирные пальцы о брюки, он с великим трудом опустился на землю напротив незнакомца, загораживая лицо от огня: ему казалось, будто от жаркого дыхания костра его покрытая волдырями кожа ссыхается и сморщивается.

— У вас начиналось заражение, — сказал светловолосый, глядя не столько на Виргу, сколько куда-то сквозь него. — Я очистил рану и наложил повязку.

— Благодарю вас.

— Я нашел вас в нескольких милях отсюда. Что вы там делали?

Вирга не знал, можно ли доверять этому человеку. Он отвел взгляд, но это мало помогло. Он чувствовал, что незнакомец внимательно следит за ним. «Меня там бросили», — пояснил он.

— Понятно.

Незнакомец вдруг вновь целиком и полностью сосредоточился на далеких огнях. Оглянувшись, Вирга увидел огромный язык оранжевого пламени, взвившийся к небу среди малых костров.

— Что это, взрыв? — спросил он.

— Они жгут книги, — негромко ответил незнакомец. — Со вчерашнего дня. Сперва прочесали библиотеки, потом частные собрания. Скоро они перейдут к другим вещам.

Вирга безнадежно вздохнул и опасливо потрогал подсыхающие волдыри на лбу и щеках.

— Они зашли слишком далеко. Их уже ничто не остановит.

— Кто вы?

— Джеймс Вирга. Профессор теологии.

Незнакомец поднял бровь:

— Вот как?

— А вы? Хотелось бы знать, кто спас мне жизнь.

— Спас вам жизнь? Ничего подобного, я просто нашел вас в пустыне.

— Разве это не одно и то же?

Тот помедлил с ответом, а потом сказал:

— Меня зовут Майкл.

— Вы тоже американец?

— Нет, — последовал ответ, — не американец.

Вирга принялся обглаживать кость. Жар костра заставил его пересесть подальше. Он выбросил кость и сказал:

— Почему вы здесь? Почему вы не в городе?

Майкл со слабой улыбкой махнул в сторону джипа.

— Я ездил в город, — объяснил он, — но не смог пробиться через толпу так... чтобы никому не повредить. Это было больше двух недель назад. И я решил, что лучше будет расположиться здесь. В городе слишком быстро растет волна насилия.

— Я никогда еще не видел ничего подобного. Никогда.

— В таком случае, приготовьтесь увидеть гораздо больше, — сказал Майкл так резко, что Вирга вскинул на него глаза, оторвавшись от очередного куска мяса. — Это только начало.

Вирга непонимающе уставился на него.

— Это далеко не самое худшее место, оно просто наиболее известно. На Ближнем Востоке несть числа деревням и поселкам, которые были сожжены дотла своими обитателями. А те, окончательно и бесповоротно покончив с тем, что их окружало, в конце концов перебили друг друга. Аль-Ахмади, Аль-Джара, Сефван, даже Абадан и Басра. Иран, Ирак, на очереди Турция... Я знаю, потому что видел.

— Все это так неожиданно, — проговорил Вирга. — Никто и не подозревал, что происходит.

— Неожиданно? — переспросил Майкл. — Нет, отнюдь не внезапно. Эта отчаянная последняя схватка назревала с начала времен, там истоки этого наследия гибели. Нет. Ничего неожиданного в этом нет.

— А Святая Земля?

Майкла скользнул по нему — сквозь него — быстрым взглядом:

— Скоро, — проговорил он.

— Боже мой, — охнул Вирга. — Если это безумие когда-нибудь занесут в Америку...

Майкл некоторое время хранил молчание, наблюдая, как догорают мириады понятий и идей. Потом сказал:

— Последние четыре дня вы пролежали в горячке. Сперва я подумал, что вы умрете, но вы постепенно, понемногу стали пить.

Все это время — четыре дня — вы одной ногой стояли в могиле. Вчера жар спал, и вы на мгновение очнулись.

— Четыре дня... — повторил Вирга.

— В пустыне мне время от времени попадались дезертиры, — сказал Майкл. — Те, кто, неведомо как сохранив в этой свистопляске остатки здравого смысла, пытаются покинуть страну. Но их мало. Полиция и армия чудовищно ослаблены. Четыре дня можно считать очень долгим сроком; этой стране осталось немного. Используя ее до конца, Ваал отправится куда-нибудь еще.

Услышав это гнусное имя, Вирга содрогнулся. Он вспомнил фигуру в темноте за шахматной доской.

— Откуда вы все это знаете? — спросил он.

— У меня есть свои источники информации.

— Какие?

Майкл улыбнулся.

— Вы задаете слишком много вопросов.

— Но я хочу понять, — сказал Вирга. — Я должен понять... Боже мой, должен...

Майкл чуть наклонился вперед, пронзая Виргу взглядом:

— Вам больно от того, что вы увидели здесь, — небрежно констатировал он.

— Да. Я увидел смерть и дикость. Я встретился с Ваалом и едва спасся.

Майкл, казалось, удивился. Он едва заметно прищурился:

— Вы виделись с Ваалом?

— У него мой коллега, доктор Нотон.

— Он его последователь?

— Черт подери, нет! — воскликнул Вирга и тотчас понял, что не знает этого наверняка. — Вероятно, он узник... Не знаю. Но Ваал сказал мне, что Нотон у него.

— Если он не погиб, — заметил Майкл, — то наверняка предался Ваалу. Третьего не дано. Как же вам удалось сбежать? — В его голосе прозвучали осторожные, недоверчивые нотки.

— Не знаю. Сам удивляюсь. У меня было распятие...

Майкл кивнул.

— ...и, пока я держал его на виду, он не мог ко мне притронуться. А ведь над его дверью, на самом видном месте, я тоже заметил крест...

— Но, — сказал Майкл, — наверное, перевернутый?

Вирга вспомнил:

— Да, верно.

Майкл, по-видимому, довольный, вновь выпрямился.

— Мне хотелось бы знать, — продолжал Вирга, — откуда вы столько знаете об этом человеке?

Ожидая ответа, Вирга краем глаза заметил, что в небо вновь поднялись оранжевые языки пламени.

Майкл сказал:

— Я давно уже охочусь за Ваалом. Я выслеживал его по всему миру и не останавлиюсь, пока не настигну его. Мне известно его прошлое и настоящее, мной будет начертано его будущее.

— Чего вы хотите? Убить его?

Собеседник Вирги медлил с ответом, глядя по-прежнему настороженно.

— Нет. Я хочу остановить его, прежде чем болезнь безбожия поразит главные центры человечества. Уничтожения вполне довольно, возможно, оно даже оправданно, хотя об этом не мне судить. Но сдирать с творения покровы разума и достоинства, как кошка сдирает шкурку с раненой мыши... нет, это чересчур.

— А вы сами его когда-нибудь видели?

— Да, мы знакомы, — ответил Майкл.

— И вы полагаете, что его власть и могущество безграничны?

— Пока нет, но это вопрос времени. Они будут расти, и он в конце концов сметет нынешние барьеры.

— Боже, — выдохнул Вирга. — Вы хотите сказать, что он еще не вполне развил свои способности?

Майкл поднял глаза:

— Несомненно.

— Едва зайдя к нему в комнату, я ощутил его силу. До сих пор не пойму, что это было — какой-то гипноз? Своего рода «промывка мозгов»?

— Да, — ответил Майкл. — Именно.

— Он чуть не сломал меня, — сознался Вирга. — Бог весть, что он сделал с Нотоном.

— Помните эти минуты. Помните, что Ваал не знает жалости. Он существует лишь для того, чтобы осрамить творение перед его Творцом.

Вирга снова отметил термин «творение». К нему закралось подозрение, что перед ним фанатик.

— Если вы не убьете, — спросил он мгновение спустя, — как же вы его остановите? Стоит вам подобраться к нему, и его присные растерзают вас.

Майкл словно не слышал. Он сидел у костра такой неподвижный, словно был частью пустыни, кустом верблюжьей колючки. Потом, очень спокойно, он сказал:

— Его влияние следует ограничить.

— Это не так-то просто сделать.

— Да. Не так-то просто.

Повисла сухая, напряженная тишина. Вирга ждал, что его собеседник скажет больше, но внимание Майкла, казалось, было полностью сосредоточено на книгах, горевших за много миль от их костра. Каждый новый столб огня, вздымавшийся к небу, заставлял его неприметно вздрагивать.

У Вирги болела рука. Ему хотелось продолжать разговор, чтобы не оставаться наедине с болью.

— Вы сказали, что охотились на Ваала. Откуда началась ваша охота?

— Неважно. Важно то, что происходит здесь и сейчас.

— Мне просто интересно.

— Ничего подобного, — ответил собеседник.

Вирга возразил:

— Нет. Я хочу знать.

Майкл оторвался от созерцания огня, посмотрел на Виргу и вновь устался в костер. Потом он с усилием проговорил:

— Я вышел на его след в Калифорнии несколько лет назад. Он со своими учениками — их тогда было немного — подчинил себе Борху, городишко у мексиканской границы. Горожане, полиция, священники — все поначалу сочли их общиной фанатиков, а потом подпали под влияние тех сил, которые вы видите за работой здесь. Вскоре вспыхнула вражда всех со всеми. Кое-кого Ваал ввел в свой круг, прочих уничтожил. И начало было положено: слово Ваала тайно дошло до каждого безумца, который хотел его услышать. Ваал брал под свое крыло банды байкеров, наркоманов, одержимых властолюбцев. Когда закончился подготовительный этап, община, в которой насчитывалось более пятисот верных последователей Ваала, раскололась на четыре группы, быстро снискавшие дурную славу. Не зная и не желая знать зачем, они превратились в убийц и террористов. Гниль незаметно разъедала их души. Но они были лишь частью воспитания в духе Ваала.

— Воспитания в духе Ваала? — переспросил Вирга, наблюдая за игрой огненных бликов на лице своего собеседника.

— Его власть, сила, могущество тем больше, чем больше у него последователей. Те, кого он прибирает к рукам, вливая свои силы в его движение, позволяют ему исподволь, чрезвычайно незаметно влиять на тысячи людей. В то время ему еще не нужны были фанфары и стяги. Он был не готов к этому. Его община покинула Калифорнию и где-то в Неваде отыскала сатанистов, которые существовали на деньги некой Ван Линн и базировались в пустыне. За несколько недель Ваал завладел и людьми, и деньгами; они поклонялись ему как господину их хозяина. Несколько лет Ваал держался миссис Ван Линн, а его сподвижники тем временем тайно вербовали под их знамена людей в Америке и Европе. Он с самого начала знал, что ему делать: вызывать к низменнейшим желаниям человека, пробуждать жажду насилия, жажду власти. Дурманить иллюзиями. Он внушил своим последователям, что Бог, по чьим заветам они жили, мертв, что его представления о мире и гармонии давным-давно обесценились. Следовательно, говорил Ваал, человек может выжить лишь одним путем: подобно зверю, в ожесточенной борьбе, где побеждает сильнейший.

— От порядка до хаоса, — заметил Вирга, — всего один шаг. Майкл мотнул головой.

— Нет, к сожалению, нет. Прихватив остаток денег миссис Ван Линн, Ваал покинул Америку. В Европе он принялся за старое: избирал учеников и рассеивал их по миру, дабы влиять на остальных. Но ему нужны были деньги — много денег — и власть, еще большая власть, и тогда он пришел туда, где нефть.

— Значит, за всем тем, что здесь творится, стоит Ваал?

— Да.

— И ведет нас к... — Вирга осекся. Слишком уж страшен был ответ.

— Да, — ответил Майкл. — К полному уничтожению порядка. К смерти и разрушению.

— Но что им движет? И почему он назвался именем бога жертвоприношений?

Майкл не ответил.

— Покуда мы с вами еще в здравом уме, — сказал Вирга, — мы не можем сидеть сложа руки. Должен быть кто-то, кого можно предупредить... предостеречь... кто-то, кому можно все это рассказать.

— Мы? Мы? — Майкл зорко поглядел на Виргу поверх догорающего огня. — Вас это не касается.

Виргу не смутил его пристальный взгляд. Подавшись вперед, он проговорил:

— Нет. Я не могу бросить Нотона и сделаю все, чтобы помочь ему.

— Глупец. Вы не представляете, с чем имеете дело.

Вирга ответил:

— Согласен, я глупец.

Майкл на миг впился в него глазами, и его взгляд смягчился:

— Все люди — глупцы. А глупцы опасны, — пробормотал он.

— Вы сказали, что знакомы с Ваалом, — вспомнил Вирга. — Где же вы познакомились?

Поначалу ему показалось, что ответа он не услышит. Потом Майкл медленно расстегнул воротник куртки и вздернул подбородок.

— Где — вас не касается, — отрубил он. — Достаточно сказать, что мы встречались.

Вирга отшатнулся.

В белое горло Майкла глубоко впечатались два ожога, следы рук, пытавшихся задуть его.

20

Когда поутру Вирга проснулся, его трясло от страха, что кошмары, пережитые им во сне, станут явью.

Он рывком сел на койке и робко ощупал поврежденную руку. От запястья до кончиков пальцев она полностью онемела. Когда Вирга

попробовал пошевелить сломанными пальцами, где-то глубоко внутри предплечья возникла боль. Она стремительно взлетела по истерзанным нервам Вирги вверх к плечу и дальше по шее в мозг. Профессору стало страшно, что привести руку в порядок уже не удастся. Он вышел из палатки под белое солнце пустыни, плоской, ровной, уходящей в вечность, и увидел Майкла, сидевшего на земле почти на том же месте, что накануне ночью. Щурясь от ослепительного света, Майкл высматривал что-то в бескрайних просторах.

Вирга огляделся. И надобность в объяснениях отпала.

У горизонта, где они видели ночью костры, в облачном небе, свивая кольца, как гнездо гадюк, клубился черный дым, густой, тяжелый, словно там взорвалась исполинская бомба. При виде этой зловещей картины, в предчувствии грядущих событий Виргу пробрала дрожь. Он смотрел, как потоки воздуха разносят дым по небу, понимая, что вскоре к ним донесет его тошнотворный запах.

— Что это? — спросил он.

— Город, — ответил Майкл.

— Они разрушили свои дома? Как они могли?

— Там ни у кого больше нет дома, — негромко откликнулся его собеседник. — Они ушли к Ваалу и подожгли город. Может быть, это их жертва новому богу.

Вирга стоял, опустив руки, и смотрел, как дым заполняет небо. Никогда в жизни он не чувствовал себя столь беспомощным; нет, поправил себя он, был один случай, когда он не менее остро сознавал свое бессилие, но память о нем он упрятал так далеко, что она не причиняла боли. Сейчас Вирга казался себе пылинкой на ладони мироздания и ничего не мог поделать с тем, чья власть вырастала до небес, как столбы черного дыма. Никакие слова не могли их спасти — ни философская мудрость святых, ни даже учение Христа. Ваал дал им то, чего им хотелось; им милостиво разрешили крушить путеводные силы разума, и они теперь будут, как бешеные псы, грызться на улицах, пока безумие не овладеет ими.

Дым клубился уже совсем рядом. Он угрожающе навис над пустыней. Вирга следил за его приближением. Он сказал:

— Я должен во что бы то ни стало узнать, жив Нотон или мертв.

— Он мертв.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — ответил Майкл. — Возможно, он еще ходит, дышит и не утратил способности мыслить, но он мертв.

— Не верю, — пробормотал Вирга и немедленно распознал фальшь в своем голосе. Если Нотон попал в лапы к Ваалу, его уже ничто не спасет.

Майкл встал рядом с Виргой — высокий, прямой.

— Вы знаете, кто такой Ваал, вы знаете, что он представляет. Вы чувствуете это. Не отворачивайтесь; глаза выдают вас. Скоро Ваал

сможет сжечь дотла всю эту страну. Может ли человек противостоять такой силе?

— А может ли человек закрыть на это глаза? — задал Вирга встречный вопрос. — Нет. Закрывать глаза на происходящее — это покориться Ваалу. Нет, если я могу вырвать у него хоть что-то, пусть даже труп Нотона, я не отступлюсь.

Грязный дым коснулся белого песка пустыни, и тот немедленно почернел. Вскоре тьма накатит на них и поглотит, как туман над морем. Вирга вдохнул резкий едкий запах, и его замутило.

Майкл сказал:

— Вы уже пожилой человек.

— Но человек! — резко ответил Вирга. Он дрожал и не мог унять дрожь. — Чтобы я больше такого не слышал!

Майкл подождал, пока гнев Вирги утихнет. Потом заговорил снова:

— Вы хотите найти своего друга?

— Я найду моего друга.

— Что ж, хорошо. Мы отправляемся в город, точнее, в то, что от него осталось, вряд ли много. Может быть, мы найдем сразу и вашего друга, и Ваала. — Он взглянул Вирге в глаза. — Впрочем, не исключено, что ваш друг, когда мы его найдем, уже не будет вашим другом.

И Майкл прошел мимо Вирги к джипу. Он уже садился в него, когда вдруг замер, прислушался и огляделся, обшаривая взглядом горизонт. Вирга тоже завертел головой, но ничего не увидел за безмолвной стеной дыма. Он почувствовал, что Майкл насторожился, и услышал:

— Здесь водятся призраки. Я слышу, как безумные боги требуют мести. Слушайте...

Вирга ничего не слышал. Он подумал, что Майкл не в себе, и сказал:

— Ничего не слышать.

— Нет, — мягко возразил Майкл. — Нет, еще как слышать.

Он сел за руль. Вирга устроился рядом. Джип с ревом сорвался с места и, разбрасывая песок, исчез в дыму. Двадцатью минутами позже они уже были на безлюдной окраине города. Повсюду лежали трупы людей и животных, словно по городу пронесся страшный ураган. Все было неподвижно, мертво. Впереди пожары жадно пожирали город, равно и старый и новый, а небо, насколько хватал глаз, представляло собой водоворот огня и черного вихрящегося дыма, калейдоскоп хаоса.

Рев пожаров оглушал. Казалось, по улицам шествует великан с факелом, поджигая все, что попадется на глаза. Вирга был полон отвращения; он никогда еще не видел такой бойни, такого погрома. Майкл гнал джип вперед, крепко сжимая руль, стреляя прищуренными глазами по сторонам — что там во мгле? Людская буря

безжалостно промчалась по торговому центру города, оставив после себя разбитые витрины и разграбленные магазины. Улицы были усеяны всевозможным товаром, и джип вилял, словно ехал по полосе препятствий.

Майкл первый услышал это. Вирга увидел, как он неувовимо подался вперед, а потом тоже услышал громкий, прорывающийся через помехи голос, говоривший по-арабски: *«...невозможно точно сосчитать, сколько здесь людей... также представители прессы из США, СССР, Великобритании и Японии... власти не способны обеспечить порядок. Все машины «скорой помощи» уже... организованные здесь медицинские центры разграблены, вероятно, в поисках наркотиков. Не знаю, слышит ли меня кто-нибудь...»*

Майкл резко притер джип к тротуару и заглушил мотор. В разбитой витрине хозяйственного магазина среди побитого и поломанного товара он увидел три телевизора. Два были перевернуты и бесполезны, зато третий работал, хотя изображение то тускло, то разгоралось. Над улицей гремел близкий к панике голос:

— ...Но мы постараемся держать вас в курсе событий. — Диктор, стройный араб в темных очках, стоял на платформе над безбрежным морем голов. Не прерывая передачи, он то и дело беспокойно оглядывался на собравшуюся внизу толпу. Вирга увидел, как платформа дрожит под натиском сгрудившихся у ее основания тел.

Тележурналист продолжал:

— ...Одни называют его живым Мухаммедом, другие Дьяволом, но не вызывает сомнений одно: сила этого человека. Он объявил себя недосыгаемым, неприкасаемым спасителем человечества, и сотни тысяч собрались здесь присягнуть ему на верность. Даже сейчас я вижу... вижу пожары — это горит старый город. С этого места Ваал объявил о начале новой эры, *своей* эры, и собравшиеся здесь его почитатели вскоре заложат первый камень в фундамент *его* города. Сейчас он... — Голос диктора заглушили помехи, и Вирга приставил к уху ладонь. Когда изображение вновь стало четким, камера панорамировала, и профессор увидел страшные подробности: одни катались по песку, другие кружились в безумном танце, одетые или нагие. В отдалении виднелись грузовики с эмблемами ближневосточных, европейских и прочих зарубежных телекомпаний. Над толпой, как нефтяные вышки, поднимались мачты с телекамерами.

— ...Я впервые вижу подобное, — продолжал комментатор. Платформа задрожала. Он взялся за перила, чтобы не упасть. — Я чувствую странную смесь страха и восторга, робости и воодушевления. Это невозможно описать словами. Остается лишь уповать на то, что происходящее здесь творится действительно во благо человечества...

Оцепеневший Майкл впился глазами в экран. Позади них затрепало дерево: пламя побежало по крыше здания на другой стороне улицы.

— Здесь собрались люди из разных уголков нашей планеты, — говорил араб. — То, что здесь сейчас происходит, не имеет аналогов. Говорят, Ваал от рождения отмечен небесами. Он пришел в этот мир, чтобы повести народы к вратам величия. Впрочем, будущее рассудит. Несомненно одно: это — начало новой эры... — Он поправил наушники и некоторое время слушал. Изображение расплылось и опять стало четким. — Да... да. Мы получили подтверждение. Да. Он сейчас в толпе! Смотрите! Люди падают на колени, волна за волной, — он идет в самую их гущу! Я вижу его! — Вновь пошла панорама; камера задержалась, зашарила по толпе и наконец выхватила живописную сцену: коленопреклоненные фигуры запрокидывали головы, чтобы проходящий мимо Ваал коснулся их. Вирга узнал широкие плечи человека, сидевшего напротив него за шахматной доской. Ваал, по-прежнему далекий и едва видный в толпе, притрагивался к подставленным ему лицам, и люди падали наземь в экстатических судорогах.

— Он здесь, среди масс! — вскричал корреспондент. — Нам впервые представляется возможность получить хорошее изображение, хотя еще не вполне понятно... — Платформа вдруг сильно затряслась. Корреспондент крикнул: — Осторожней, микрофон! Марш отсюда! — За кадром кто-то, видимо, помощник оператора, заорал: «Всем отойти от платформы!»

Комментатор упрямо пытался сохранять спокойствие.

— Власти не в состоянии контролировать эту толпу, — говорил он, — пробираться через нее очень рискованно. Минуту назад я своими глазами видел, как кто-то упал и был растоптан; толпа чересчур... — Он резко обернулся к волнуемому людскому морю. Камера снимала поверх его плеча.

Неожиданно Майкл весь подался к телевизору, заметив что-то, что ускользнуло от внимания Вирги.

— Что это? — пронзительно вскрикнул корреспондент. Платформа зашаталась. Толпа напирала, и Вирга услышал что-то похожее на протяжный стон, который становился все громче и громче. — *Я только что услышал нечто странное!* — волновался корреспондент на экране. — *Но что?* — Он потряс наушник. — Эй! Что это было? Хасан! Ты слышишь меня?

Он прислушался. Людская масса позади него вдруг хлынула вперед. Крики и стоны многотысячной толпы заглушили голос журналиста, отчаянно кричавшего что-то в микрофон. Он вдруг осунулся и посерел.

Краем сознания Вирга отмечал, что дома на противоположной стороне улицы целиком обьяты пламенем и вокруг них с Майклом на мостовую сыплются горящие доски.

— ...несколько секунд назад. Мы до сих пор не знаем кто и зачем... — Журналист посмотрел вверх, как будто усомнился, идет ли репортаж в эфир, и кому-то кивнул. — Там Хасан со звукозапи-

сывающей аппаратурой, но у него какие-то проблемы со связью... Плохо слышно. А сейчас... кажется, прогремели два выстрела... Толпа не останавливается... **СОБЕРИ ОБОРУДОВАНИЕ!** — Платформа задрожала и накренилась. Что-то треснуло. — **СКОРО КОНЕЦ!**

Одно из зданий за спиной у Майкла и Вирги развалилось, изрыгнув тучу черного дыма. По разбитому тротуару разлетелись куски бетона. Вирга инстинктивно втянул голову в плечи.

Комментатор перегнулся через перила.

— **ТОЛПА РАЗРЫВАЕТ ЕГО НА КУСКИ! ОН МОЛИТ О ПОЩАДЕ, НО ЕГО НЕ СЛУШАЮТ!** — Он приложил руку к наушникам. — Что? Проваливай оттуда немедленно! Они и тебя растерзают! — И в микрофон: — Какой-то еврей дважды выстрелил в Ваала, почти в упор! Толпа подхватывает Ваала... несет... не вижу куда, вокруг слишком много народа... Его сажают в машину, но люди по-прежнему толпятся вокруг него... **ОТОЙДИТЕ ОТ НЕГО! ДАЙТЕ МЕСТО!** — Араб задохнулся и умолк. На его щеках блестели слезы то ли ярости, то ли разочарования. Когда он вновь заговорил, помехи исказили его голос.

— ...Мне передали... он серьезно ранен... Повторяю, Ваал серьезно ранен. Теперь с этой толпой невозможно совладать. Они набрасываются друг на друга... Еврей, который стрелял в Ваала... его растерзали, останки расшвыряли по площади... Мы вызываем по радио вертолет, чтобы выбраться отсюда! Машина уезжает... Не знаю, куда именно его увозят; не знаю, кто стрелял; не знаю... — Он вдруг накренился вперед и снова вцепился в поручень. Внизу вспыхивали драки. Толпа громко кричала, требуя крови. Корреспондент рявкнул: — Отойдите от платформы! Не наступайте на кабель! Отойдите от... — Изображение вдруг пропало, на пустом экране замелькал серо-черный «снег» помех.

Майкл завел мотор и дал газ. На другой стороне улицы взорвалось еще одно здание. Вниз дождем посыпался пепел. Чтобы не клюнуть носом, Вирге пришлось ухватиться здоровой рукой за приборный щиток. Майкл гнал машину по горящим улицам, словно преследовал кого-то или кто-то преследовал его. Он въезжал на тротуары, нырял в воюющие узкие улочки, проносился через пепелища когда-то эlegantных домов. Вирга стиснул зубы и что было мочи вцепился в сиденье. Джип выскочил из нового города в старый, где зола уже остыла и дорогу по обугленной земле, смыкавшейся с серым небом, освещали лишь редкие очаги красного пламени. На миг Вирга увидел, как вдали, за развалинами сожженных жилищ, промелькнули опаленные стены и башни особняка Мусаллима.

Они свернули на длинную улицу, вымощенную неровными, разбитыми каменными квадратами. С обеих сторон потянулись высокие стены, покрытые сеткой трещин и исписанные лозунгами на арабском языке. Прямо в камне были прорублены двери. Кое-где Вирга заметил на земле трупы.

Мотор взвыл: Майкл до упора вдавил педаль газа. Вирга вскрикнул:

— Какого черта?!

Впереди, подпрыгивая на неровностях мостовой, ехал сверкающий черный лимузин с зашторенным задним окном. Стиснув зубы, полный решимости Майкл нагонял его. Джип поравнялся с лимузином с его левого бока, и Вирга увидел, что заглянуть на заднее сиденье невозможно — все шторки в этой части машины были закрыты. Шофер, который до сих пор не подозревал о погоне, оглянулся — и широко раскрыл глаза.

Вирга увидел, что это Оливье.

Майкл крутанул руль, и джип резко ушел вправо. Лязгнул металл. Запахло жженой резиной. Вирга вскрикнул, поняв, что Майкл задумал вогнать лимузин в стену. Он увидел, как чья-то рука приспустила шторку. Из темноты выглянули черные, страшные глаза. Пальцы разжались, и шторка поднялась.

Не обращая внимания на громкие протесты Вирги, Майкл снова вывернул руль. На сей раз Оливье встретил его на середине мостовой, и оба автомобиля, как сцепившиеся рогами быки, с ревом понеслись по улице. Что-то маленькое, металлическое, похожее на колпак вылетело из-под лимузина и, вращаясь, просвистело мимо головы Вирги. Профессор скорчился на сиденье.

Теперь уже Оливье старался прижать джип к стене. Надсадно ревя мотором, лимузин все ближе отжимал джип к каменной ограде. Они мчались так быстро, что намалеванные на древних стенах лозунги превратились в сплошные полосы основных цветов. Снова лязгнул металл; джип трянуло, и руки Майкла на руле побелели от напряжения. Лимузин теснил их к стене. Из разбитой фары посыпалось стекло. Вирга мельком увидел лицо Оливье, бледное и оскаленное, как череп. Джип задел дальнюю стену; сминаясь, металл застонал человеческим голосом, и Вирга понял, что это его собственный голос.

Майкл ударил по тормозам. Лимузин прошел впритирку к джипу, оцарапав ему бок, вернулся на середину улицы и помчался прочь. Майкл сражался с рулем, стараясь предотвратить лобовое столкновение; на шее у него вздулись жилы. Почти не снижая скорости, он отвернул от стены и тоже очутился на середине улицы. Далеко впереди лимузин скрылся за углом.

Они ринулись следом и увидели, как лимузин сворачивает в боковую улочку. Новый резкий поворот, и он исчез из вида.

Через несколько секунд перед ними возник дворец Мусаллима. Осыпавшаяся каменная кладка придавала ему заброшенный, нежилой вид; повсюду толстым слоем лежал пепел — как пыль. Особенно, казалось, вымер; Вирга не заметил ни охранников, ни собак. Ворота были сорваны с петель. Джип влетел за ограду, во двор, пошел козлом и выскочил с подъездной дороги на выжженную солнцем землю. Майкл затормозил. Мотор заглох.

Майкл вытащил ключ из замка зажигания и осмотрелся. Никаких признаков того, что здесь кто-то жил, не было. Обгорелый кирпич, битое стекло — особняк мог простоять так тысячу лет, и никто не заметил бы разницы. Вирга увидел распахнутую настежь огромную дверь и непристойно раззявленный вход.

Майкл вылез из джипа, но не успел сделать и шага, как послышался вой набирающих обороты двигателей. В следующий миг — ни Майкл, ни Вирга никак не успели бы добежать до взлетной полосы — промчавшись по черному асфальту, в небо взмыл блестящий белый самолет. Последний поворот штурвала, едва заметная дрожь, пробежавшая вдоль хвоста, — и, унося с собой призрачное стенание моторов, самолет взял курс на северо-запад.

Майкл смотрел, как поднятый при взлете ветер шевелит траву. Потом тихо, словно только для себя, сказал:

— Я опоздал.

— А что вы хотели здесь найти? — поинтересовался Вирга. — Особняк разрушен. Никого.

— Да. Теперь никого.

— Куда же они повезут Ваала? Все больницы сожжены.

Майкл, казалось, не слушал. Он провел рукой по лбу и посмотрел на коготь, оставшуюся на пальцах.

— Вы слышите меня? Нужно узнать, куда отвезли Ваала.

— Что? — переспросил Майкл, но потом, казалось, сообразил, о чем речь. — Ваал улетел на том самолете. Вероятно, сейчас он покидает страну, а может быть, и континент.

— Что? Откуда вы знаете?

— Просто знаю, — ответил Майкл.

— Но ведь без медицинской помощи он истечет кровью. Куда его повезли?

Майкл ничего не ответил и отвернулся. Он пошел по голой земле ко входу в особняк, Вирга — за ним. У самой двери Майкл остановился и оглядел сырое помещение с грязными стенами.

— Что-то не так, — негромко сказал он.

— Ловушка?

— Не знаю. Кажется, что здесь никого нет... и все же... идите за мной, как можно тише, и не отставайте ни на шаг. Договорились?

— Да, — ответил Вирга. — Хорошо.

Майкл вошел, и Вирга последовал за ним, стараясь не наступать на битое стекло и обгорелые ковры. В особняке царил разгром. Обгорелые ободранные стены, изорванные в клочья ковры, вдребезги разбитые огромные зеркала, резная мебель тонкой работы, изрубленная словно топорами. Все окутывал густой дым, сильно пахло помойкой. Особняк убили, и от него уже несло мертвечиной. Майкл обернулся, чтобы убедиться, что Вирга в состоянии идти дальше, и они двинулись по коридору мимо огромных комнат и мраморных лестниц, поскальзываясь то на стекле, то на экскрементах.

В доме стояла мертвая тишина. Никого не осталось, подумал Вирга, никого. Ученики испарились вместе со своим раненым учителем. Профессор с Майклом молча шли по извилистым темным коридорам, и им казалось, будто они пробираются по кишкам обугленного трупа.

Вдруг за одной из закрытых дверей резко звякнуло стекло. Майкл напрягся и прислушался, схватив Виргу за руку, чтобы тот не двигался, но шум не повторился.

Майкл весь подобрался и пинком вышиб дверь. Та сорвалась с дряхлых петель и грохнулась на потрескавшийся каменный пол.

Они оказались в разгромленной столовой. Перевернутые стулья в беспорядке валялись вокруг обгорелого, засыпанного золой стола, накрытого как для банкета: на нем еще стояли тарелки с остатками пищи и оловянные кубки. Три кубка были опрокинуты, питье растеклось под ними вязкими лужицами. По комнате, словно духи умерших, плавали сизые клубы дыма. Пахло гарью, гнилью и чем-то еще, чем-то, что заставило Виргу с отвращением стиснуть зубы. Это был густой, тошнотворно-сладкий запах склепа. Вирга почувствовал, как Майкл рядом с ним весь напряжился.

За столом кто-то сидел.

Кто-то сгорбленный, тяжело навалившийся грудью на стол, перевернув хрустальный графин. Кто-то, чье лицо пряталось в тени. Изможденный, бледный, в лохмотьях мужской одежды. Увидев страшные темные пятна на голой руке, Вирга охнул. Человек за столом пошевелился, повернул голову, и мутный свет, струившийся в дверной проем, упал на его лицо.

— Боже мой! — воскликнул Вирга. — Это Нотон.

Однако он тотчас понял, что перед ним не тот Нотон, которого он знал. Тот, кто сидел за столом, возможно, и обнаруживал сходство с Нотоном черты — высокий, красивой лепки лоб (теперь покрытый гнойниками), знакомый нос (теперь полусъеденный какой-то страшной болезнью), светлые волосы (кто-то вырывал их клочьями, сдирая кожу; на проплешинах запеклась кровь) — но в то же время это не был Дональд Нотон.

Глаза человека за столом загорелись лютой яростью. Он сграбастал кубок и, выкрикивая нечто невнятное, запустил им в незваных гостей.

Майкл пригнулся. Кубок с грохотом ударил в дальнюю стену. Нотон с трудом поднялся, поднял над головой стул и швырнул в них; от усилия он пошатнулся, упал на четвереньки, рыча отбежал в темный угол и засверкал оттуда красными горящими глазами.

— Бог мой, — ужаснулся Вирга, — они превратили его в животное! О Господи!

— Не подходите! — приказал Майкл. Он сделал шаг вперед. Нотон взвыл, как взбешенный пес, и в Майкла полетели ножи, вилки, осколки стекла — все, что попадалось Нотону под руку. Майкл негромко спросил Виргу:

— Как его звали?

— Дональд, — ответил Вирга. «Звали»? Майкл сказал «звали»? Нотон в своем углу уселся на корточки.

Майкл сделал еще шаг вперед, и Нотон оскалился.

— Тихо, — проговорил Майкл спокойно и властно. — Тихо. Вы — Дональд Нотон. Вы помните это имя?

Нотон наклонил голову набок, слушая. Потом прижал руки к ушам и уперся подбородком в грудь.

— Дональд Нотон, послушайте меня, — сказал Майкл. — Вы по-прежнему человек. Вы по-прежнему можете сопротивляться этому. Я хочу, чтобы вы сопротивлялись этому. НУ ЖЕ!

Нотон глухо заворчал и стал озираться, отыскивая, что бы еще бросить.

Майкл сделал третий шаг вперед, нагнулся и посмотрел прямо в глаза Нотону.

— Сопровствляйтесь, — скомандовал он и внезапно протянул Нотону руку с раскрытой ладонью. — Верьте мне. Верьте. С этим можно бороться.

Казалось, Нотон растерялся. Он бессмысленно затряс головой, повернулся и стал царапать стену в поисках лазейки, через которую можно было бы сбежать.

— ДОНАЛЬД НОТОН! — загремел Майкл.

— НЕЕЕЕЕЕТ! — застонало животное на полу. — БОЛЬШЕ НЕ ДОНАЛЬД НОТОН! НЕТ!

— Господи Иисусе! — едва слышно пробормотал Вирга.

Майкл мгновенно выпрямился и, когда больной повернулся от стены, коршуном кинулся на него. Нотон испустил дикий крик страха и ярости. Майкл прижал ладони к вискам Нотона, и Вирга увидел, как у него на руках вздулись вены.

— ДОНАЛЬД НОТОН!

Тот затрясся, из раскрытого рта потекла слюна. Медленно, очень медленно выражение его глаз стало меняться. Мелькнула искра осознания. Он расслабился, предаваясь рукам Майкла, потом всхрипнул, наполнив зал вонючим дыханием, и обмяк. Майкл очень осторожно уложил сотрясаемого рыданиями Нотона на каменный пол и знаком велел Вирге подойти.

Вирга наклонился над своим другом. Гноящиеся болячки вблизи оказались еще ужаснее, чем он полагал. Неведомый и невообразимый недуг, как жадный пес, терзал плоть Нотона. Майкл, бережно поддерживавший голову Нотона, сказал:

— Этот человек умирает. Для него это единственное спасение от боли.

— Мне уже нельзя помочь, — пробормотал Нотон непослушными губами. Взгляд его остекленел. — Поздно. Уже поздно... — Он посмотрел на Виргу, не веря своим глазам. — Вы... доктор... Вирга?

— Да. Боже мой. Боже мой. Что они с вами сделали?

Нотон застонал. Боль была нестерпимой. Ему удавалось забывать о ней лишь на жалкие мгновения, и она неизменно возвращалась с новой силой.

— Они все ушли, — едва слышно прошептал он, запинаясь на каждом слове. — Кресиль, Верен, Зоннейльтон. Каро... все. Ваал увел их.

— В Ваала стреляли, он ранен, — сообщил Вирга. — Куда его могли отвезти?

Нотон посмотрел на него. Вирге почудилось, что он улыбается. но это была лишь тень улыбки.

— Ранен... Нет.

— Куда его отвезли? — снова спросил Вирга.

Нотон прерывисто задышал. Боль возвращалась. Она ласкала его раскаленными пальцами. Он задрожал, и Майкл положил руку ему на лоб.

— Ушел, — пробормотал Нотон, судорожно хватая ртом воздух.

— Что? — Майкл наклонился ниже. — Куда ушел?

— Тот ребенок тот ребенок, — бормотал Нотон, заливаясь слезами. — Господи у меня был нож... я не знал... я и подумать не мог... — Майкл осторожно вытер ему мокрые щеки. — Теперь его никто не остановит, — прошептал Нотон.

— В Ваала стреляли, — сказал Вирга. Он быстро взглянул на Майкла: — Верно?

— Дважды... — выдавил Нотон. — Два раза. Арабы поднимутся, чтобы отомстить за убийство живого Мухам... о-о Боже больно больно больно-о-о-о-о! — Он стиснул зубы, пытаясь бороться с болью.

Вирга понял, что плачет.

— Зачем? — услышал он свой голос. Нотон взглянул на него мутными от боли глазами.

— Уничтожить евреев... полностью... всех до одного... террор по всему миру... тотальный...

— Зачем?

Майкл пристально посмотрел на Виргу.

— Мечь, — ответил он за Нотона.

В горле у Нотона заклокотало.

— Он задумал воскресение... покуда его ученики будут повсюду сеять вражду и хаос... он будет ждать... и... о Господи больно-о-о!

Боже правый, выдохнул Вирга. Боже правый.

— А когда он вернется, с ним придет Владыка...

Этот человек болен, он безумен. Боже правый. Черт, черт, черт.

— Не понимаю, — пробормотал Вирга себе под нос. — Ваала застрелили... застрелили...

Майкл мягко спросил:

— Куда ушел Ваал?

— Его никому не найти, — проговорил Нотон. Он захрипел, пуская омерзительно пахнущие слюни. — Слишком далеко...

— Куда? — не отступался Майкл. Его взгляд испугал Виргу; в тусклом свете глаза Майкла, странно золотые, светились яростью.

Нотон заморгал. Перед глазами у него все плыло, и Вирга увидел, что его друг вновь погружается в забытие.

— Я видел... карты, — наконец проговорил он. — И кое-что слышал. Они бросили меня здесь умирать... но я видел карты.

Майкл подался вперед.

— Они в Гренландии, — прохрипел Нотон. — Готовятся... эскимосское селение... Аватик... потом через льды... — Он посмотрел мимо Майкла, отыскивая взглядом Виргу, и дотронулся до руки профессора: — Джудит... С ней все в порядке?

— Да. У Джудит все хорошо.

— Меня заставили написать письмо... Он собирался использовать вас...

— Я знаю.

Казалось, бледный свет в глазах Нотона вот-вот погаснет. Лицо у него побелело, а губы едва шевелились, когда он говорил. Поставившая от боли, он вдруг умоляюще посмотрел на Виргу полными слез глазами:

— Я не хочу умирать... так, — сказал он. — Так... не хочу.

Вирга молчал: умирающий Нотон смотрел так беспомощно, что профессору сдавило горло.

Майкл прижал руку ко лбу Нотона.

— Все в порядке, — прошептал он. — Отдохните. Закройте глаза и немного отдохните.

— О-о, — тихо выдохнул Нотон. Вирга увидел, как свет жизни в глазах Дональда замерцал и погас. Майкл сложил руки Нотона на груди и встал.

— Вы заберете его тело в Штаты. Этот дом будет сожжен, а пепел — погребен в земле.

— Он был прекрасным человеком.

— И наконец обрел упокоение.

Вирга вдруг резко вскинул голову.

— Я отправлю его морем жене, пусть похоронит его как положено. А я еще не собираюсь возвращаться.

Майкл медленно повернулся к профессору. Он излучал осязаемую силу.

— Вы добились своего. Нашли своего друга. Дальнейшее — не ваше дело.

— Будьте добры объяснить, как вы будете отслеживать его в одиночку?

— А как я отслеживал его целых... столько лет? Один.

— Я отправляюсь с вами.

— Нет.

— Да.

Майкл сказал:

— А знаете, я могу заставить вас остаться.

— Не знаю, кто вы такой, но вот что я вам скажу: я полностью отдаю себе отчет в том, на что способен Ваал, и не собираюсь сиднем сидеть в Бостоне.

Несколько секунд Майкл молча смотрел на него. Потом пожал плечами:

— Как угодно. Мне все равно, я не собираюсь присматривать за вами, я вам не нянька. Но повторяю: вы глупец.

— Пусть, — ответил Вирга.

— М-да, — хмыкнул Майкл. — В Гренландии вот-вот должна начаться полярная ночь — полагаю, это вам известно. А посему вам не мешало бы пополнить свой гардероб. Поедем порознь. Я буду ждать вас в Аватике в течение трех дней. Если за это время вы не появитесь, я уеду без вас.

— Я появлюсь.

— Да, полагаю, что так. Стало быть, утрясайте формальности и как можно скорее улетайте из этой страны. Не думаю, что у нее большое будущее. Ну-ка, дайте, я помогу вам вынести отсюда вашего друга.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«...И видел я... стеклянное море, смешанное с огнем...»

Откровение святого
Иоанна Богослова, 15:2.

21

Над белыми песчаными просторами в краю медленно кипящего зноя, над укрытой пологом зимы Европой, над бесконечными синими нитями рек и широкими долами, где путь Человека был отмечен веками городов, Вирга думал только о Ваале.

Ваал был носителем той бациллы безумия, что, притаившись в телах некогда здоровых людей, медленно заражала весь мир; он был погибелью человечества. Почему Вирге так страстно хотелось снова выступить против него? Профессор вновь и вновь задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Майкл был прав. В грядущих событиях ему, Вирге, не находилось ни роли, ни места. Он был всего лишь человеком, да, и немолодым человеком, и его мучило страшное предчувствие, что назревает нечто выше его понимания. Блестящие золотые глаза Майкла вселяли в профессора не меньшую тревогу, чем темный лик Ваала. Эти двое должны были непременно встретиться, сойтись лицом к лицу, если не в Гренландии, то где-нибудь еще, в ином уединенном уголке земного шара, где будет лишь один свидетель: он сам. Ему *необходимо* видеть их встречу; он твердо решил увидеть ее, и это-то, заключил Вирга, и гнало его вперед.

К макушке земного шара Вирга добирался на перекладных, наблюдая, как солнце все ниже спускается к горизонту, кроваво-красным шаром повисает в ледяном небе. Один аэропорт сменял другой, рейс следовал за рейсом, а Вирга, всматриваясь в лица пассажиров, недоумевал, как можно ни о чем не подозревать.

Бизнесмены в темных костюмах, с вечными черными «дипломатами», молодые туристы, путешественники-одиночки — все безмятежные, все такие беспечные. А ведь везде журналы и газеты на всех языках кричали с первых страниц о бомбежках и убийствах, и с фотографий смотрели воинственные, рвущиеся в бой лица. Ваал, возможно, спрятанный сейчас даже от всевидящего Господнего ока, трудился не покладая рук. Вирга отвернулся от улыбающейся стюардессы авиакомпании «САС» и поглядел в овальное окошко на море темнеющих облаков. Где же Бог? — спросил он себя. Неужели человек нынче так безнадежно погряз в пороке, что Господь умыл руки? Или Ваал стал до того силен, что даже Его охватил ужас? От этой мысли Виргу зазнобило. Ему вдруг начало казаться, что великий механизм, отмеряющий последние минуты человечества, уже запущен и, точно испольские часы с маятником, отсчитывает секунды.

Вирга был выжат как лимон. Жесткий график перелетов, необходимый для того, чтобы уложиться в сроки, установленные Майклом, вконец измотал его. От усталости профессор не мог даже спать. В туалете на него взглянул из зеркала испуганный, неряшливый старик — отросшие встрепанные бакенбарды, новые морщины у глаз.

В сверкающем от инея морозном Копенгагене Вирга купил сапоги и теплую одежду. Теперь до окончания путешествия оставались считанные часы. Ему предстояла посадка в Рейкьявике, затем на грузовом аэродроме в Сэндрестримфьорде, а там нужно было договориться, чтобы charterным рейсом добраться вдоль западного побережья в Аватик, крошечную точку на карте Гренландии.

Исландия осталась позади, и солнце исчезло за горизонтом, оставив в небе лишь тончайшую багровую полоску. Они перегнали его ослепительное сверкание и мчались теперь к темному полюсу.

Вирга выпил последнюю порцию виски и вдруг подумал, что Майкл мог обмануть его. Возможно, он вовсе не собирался никого ждать, и, прибыв в Аватик, Вирга не застанет его там. Тогда долгое путешествие окажется напрасным. Он, растерянный и одинокий, будет гадать, остаться ли в Аватике или, похоронив всякие надежды, вернуться в Соединенные Штаты, теперь такие же чужие для него, как эскимосское селение.

Но незаметно для себя, чувствуя, как все сильнее сосет под ложечкой, Вирга пустился размышлять над тем, что они будут делать, когда — и если — найдут Ваала. Его можно было остановить единственным способом — убив, но, убив его, они лишь упрочат философию насилия, выросшую в его тени. Нет, Вирга еще не был готов выступить в роли религиозного фанатика-убийцы, в мире и без того пролилось уже довольно крови.

На аэродроме в Сэндрестримфьорде Вирга обнаружил, что насилие прибыло туда вместе с Ваалом. Датские власти тщательно проверяли паспорта и багаж. В зале ожидания под сиденьем, пояснил таможенник человеку, за которым стоял в очереди Вирга, кто-то оставил бомбу, спрятанную в чемодане. Взрывом убило четверых и

шестерых ранило. Проверив единственную сумку Вирги, таможенник махнул рукой: проходите. Вирга прошел через зону взрыва; на месте сидений торчали металлические пеньки, на линолеуме темнели пятна. На миг Вирга задумался, кем были эти люди.

Без особого труда, что несказанно удивило его, поскольку он не знал датского, Вирга выяснил у темноволосой девушки в информационном центре, что да, частные самолеты совершают чартерные рейсы вдоль побережья, но следовало сделать заказ заранее. Нет, сказал Вирга, так не пойдет. Он заплатит пилоту столько, сколько тот скажет, — ему жизненно важно попасть в Аватик к утру. Девушка поморщилась и потянулась за списком пилотов. Вирга выбрал наугад: Хельмер Ингесталь. Только услышав сонный голос в телефонной трубке, Вирга сообразил, что на дворе давно ночь; он потерял ощущение времени и едва держался на ногах.

— Аватик? — переспросил на другом конце провода голос с сильным датским акцентом. — Знаю такой поселок. Там есть посадочная полоса. Кто дал вам этот номер?

— Я звоню из аэропорта, — сказал Вирга, медленно, чтобы Ингесталь понял. — Вы не представляете, как мне важно немедленно попасть в Аватик.

— А в чем дело? — поинтересовался Ингесталь. — Вы занимаетесь чем-то незаконным?

— Нет. Я заплачу любые деньги.

Молчание. Потом Ингесталь спросил:

— Что, правда?

— Да, — подтвердил Вирга.

Ингесталь хмыкнул.

— Ну ладно, — проговорил он, — тогда я, пожалуй, прощу вам, что вы меня разбудили.

Ингесталь оказался широкоплечим здоровяком с рыжевато-каштановыми волосами и толстой бычьей шеей. Когда они шагали по заснеженному летному полю к его ангару, он поглядел на волчью шубу, купленную Виргой в Копенгагене, и расхохотался.

— Вы собираетесь ходить в *этом*? — спросил он. — Ха! Только яйца отморозите.

Самолет оказался маленьким, старым, американского производства. Его, сознался Ингесталь, он купил на свалке и сам довел до ума. То, как пилот пинал шипованные шины и дергал предкрылки, не прибавило профессору оптимизма.

— Хороша старушка, — крикнул Ингесталь. — Молодцы американцы.

Через двадцать минут они уже катили по заледенелой взлетной полосе. Самолет в последний раз содрогнулся, моторы взвыли, и они оторвались от земли. Вихрящийся снег на миг залепил стекла кабины, но не успел Вирга испугаться, как они поднялись над облаками и помчались выше, выше, выше, во тьму.

Ингесталь выругался и сильно стукнул по обогревателю. Тот затрещал и отказался работать. Вирга повыше поднял воротник, кутая горящие от мороза уши, и стал дышать медленно и неглубоко, чтобы не застудить легкие. Самолет продолжал набирать высоту. Когда подъем был закончен, Ингесталь открыл термос с кофе, отхлебнул и протянул термос Вирге.

— Вы так и не сказали, зачем вы туда летите, — заметил пилот. — И не собираетесь?

Вокруг поднимались темные горные вершины. Солнце скрылось совсем, хотя тьма у горизонта была чуть серее и прозрачнее. Внизу на много миль раскинулась заснеженная земля, кое-где отмеченная редкими огнями поселков. Это был суровый край. Даже с такой высоты нельзя было этого не заметить. Вирга надел капюшон и стянул завязки. Ледяной воздух обжигал щеки, как стылый металл. Светилась зеленым приборная панель, зеленый отсвет ложился на лицо Ингесталья, а Вирга сидел с дымящимся термосом в руках и, если оборачивался, видел в темноте мигающий габаритный огонь на конце крыла.

— Мне надо кое с кем встретиться, — сказал он наконец.

— Что ж. Мое дело маленькое. Вы платите, я везу. Похоже, вы упали?

— Что?

— Похоже, вы упали. Рука.

— Ах, это. Несчастный случай.

Пилот кивнул:

— Я сам раз упал. Сломал плечо, ключицу и левую ногу. Ха! — Его смех был похож на кашель. — Аварийное приземление. Я тогда служил испытателем в Манитобе.

Вирга отхлебнул из термоса. Брр! По-видимому, кофе не раз подогревали. Впрочем, он был горячий, а это главное. Вирга выглянул в заиндевшее окошко и увидел грозные ледники, неумолимо сползавшие к морю. Теперь ничто не нарушало однообразие снежной равнины, кроме редких темных сопок. Но вот горная страна осталась позади, и под крылом самолета поплыли плоские ледяные поля, у горизонта сливавшиеся с небом. Казалось, им не будет конца. Это было царство двух красок, черной и белой; черный и белый чередовались, повторялись в самых различных сочетаниях, смешивались и все же оставались пугающе отдельными. Лишь два цветных пятнышка вторгались в этот монотонный пейзаж: габаритный огонь на крыле и зеленое свечение приборной доски.

— Не знаю, зачем вы туда летите, — проговорил Ингесталь, — но хочу вам кое-что сказать. Это суровая земля. Она убавюкивает вас, а когда вы уснете, убивает. По вашему лицу видно, что вы не привыкли к холодам. И потом, вы знаете эскимосский, а?

— Нет.

— Как я и думал. Вы чужак, по-ихнему, «краслунас». Вам здесь не место. Так что глядите в оба.

Передавая друг другу термос, они допили кофе. Когда полет уже подходил к концу и внизу снова замелькали черные скалы и белый метельный снег, обогреватель вдруг щелкнул и кабину затопило благоуханное тепло. Вирга снял перчатки и поднес руки к печке.

— Возвращаться скоро будете? — поинтересовался Ингесталь. — Если заплатите, могу вас подождать.

— Нет, — отозвался Вирга. — Толком не знаю. Не стоит меня ждать.

Ингесталь кивнул.

— В Аватике с эскимосами живет одна датская семья. Пастор-лютеранин и его жена. Приехали сюда года четыре назад. Прилетите как раз к завтраку, — он показал рукой куда-то вперед. Далеко внизу слева на огромном паке светились огни. — Вот Аватик. Здешние эскимосы — серединка на половинку: живут слишком далеко на юге, чтобы кочевать, и слишком далеко на севере, чтобы стать частью современной Гренландии. Сами увидите.

Самолет начал плавный разворот. Вирга увидел два ряда расставленных на произвольном расстоянии друг от друга железных бочек, в которых горел бензин: они отмечали короткую посадочную полосу. Ингесталь продолжал снижение, и наконец Вирга смог разглядеть бледный желтый свет в окнах убогих жилищ. За Аватиком высились ледяные горы, похожие на засыпанные снегом бескровные тела. Ингесталь посадил самолет на полосу, спокойно прекратил опасное скольжение юзом и остановил самолет, подняв тучу снега и льдинок.

Не выключая мотор, Ингесталь вытащил из-за сидений чемодан Вирги. Он подождал, пока пассажир выберется на снег, бросил ему багаж, показал большой палец и, перекрикивая шум пропеллера, пожелал: «Удачи!»

Вирга отошел с дороги, остановился и, не обращая внимания на колючий снег, жаливший лицо, посмотрел, как самолетик промчался между рядами ярко горящих бочек, поднялся в воздух и устремился во тьму.

Поплотнее запахнув шубу от морозного ветра, Вирга по хрусткому снегу пошел в сторону поселка. В конце взлетной полосы стоял железный сарай, обложенный битым камнем. У распахнутых настежь дверей были рассыпаны пустые ящики. На другом краю ледяного поля виднелись сборные домики Аватика. За окнами (двойными, подумал Вирга, иначе им было бы не выдержать отрицательных температур) поблескивали фонари.

Впереди залаяли и завывали собаки. Затем послышался пронзительный визг и поскуливание, словно одну из них — а может, и не одну — ударили или укусили. Потом собаки уgomонились, и остался только свист ветра и шорох снега под ногами.

Вдруг из просвета между домиками появился кто-то укутанный в меха. Испуганно замерев, Вирга наблюдал за приближением закутанной фигуры. Он слышал хруст снега под тяжелыми сапогами. Там,

откуда шел этот человек, снова завyli собаки; слышались звуки драки.

Подошедший к Вирге Майкл сказал:

— Вы опоздали.

22

Они пошли мимо примитивных хижин. Вирга понял, что если бы не густой снег, ровным слоем запорошивший землю, то его вывернуло бы наизнанку. Повсюду валялся смерзшийся мусор, обрывки веревок, собачий кал, какие-то банки и ящики. Майкл и Вирга перешагивали через застывшие лужи черной крови, поблескивавшей в падавшем из окон свете фонарей, и один раз профессор испуганно вздрогнул при виде замерзшей оскаленной пасти огромного тюленя; выпученные глаза зверя походили на бейсбольные мячи.

Возле многих сборных домиков лежали собаки, привязанные к вбитым в землю железным колышкам. Когда Вирга с Майклом проходили мимо, громадные звери с умными глазами поднимались со снега, запутывая свои веревки. Вирга заметил среди них и больных, и жестоко порванных в собачьих баталиях — эти бедолаги, свернувшись белыми меховыми клубками, позволяли более сильным беспрепятственно переступать через них.

— Вы здесь давно? — спросил Вирга.

— Со вчерашнего дня. Прилетел charterным рейсом. И попросил выставить для вас бочки с бензином.

Вирга кивнул. Теперь он чувствовал, что из окошек за ними украдкой следит множество глаз. Он слышал скрип дверных петель, но стоило ему разок обернуться, и дверь громко захлопнулась, заставив упряжку ездовых собак вскочить в ожидании свиста хлыста.

Впереди поднимался высокий шпиль деревянной церкви. Ледяные ветры не пощадил его. Над аркой входа было прибито гипсовое изображение Иисуса; его глаза грустно смотрели на входящих. Защищенная от ужасного ветра лишь обычными для Назарета просторными одеждами, фигура Христа показалась Вирге нелепой.

Слева от церкви был сборный дом с несколькими окнами и каменным дымоходом, над которым стоял короткий столб белого дыма. В окне кто-то мелькнул, и в следующий миг дверь распахнулась.

Сутулый пожилой человек в темно-коричневом свитере сказал:

— Доктор Вирга, верно? Мы ждали вас. Проходите, пожалуйста.

Вирга вошел в комнату, освещенную керосиновыми лампами. Для лучшей теплоизоляции стены были оклеены старыми газетами. Вирга увидел картину, аляповатое изображение Христа в золотом нимбе. На полу лежали шкуры. В широком каменном очаге горел огонь, и Вирга немедленно подошел к нему, чтобы впитать тепло. Человек в свитере взял у Вирги шубу и перчатки и сказал:

— Вы издалека?

— Да. Я очень долго добирался сюда.

— Меня зовут Томас Лар. Я местный священник.

Вирга пожал протянутую ему руку. Ладонь у Лара оказалась жесткая, как продубленная кожа. Вирга спросил:

— Вы лютеранский пастор?

— Да. Мы приехали сюда, когда мой предшественник заболел и умер. Его могила на окраине поселка. — Пастор крикнул кому-то в соседнюю комнату: — Дорти, у нас новый гость. Чай готов?

В комнату вошла женщина одних лет с пастором. С морщинистого обветренного лица смотрели глаза, в которых ярко светилась живительная надежда. Пасторша поздоровалась и спросила:

— Доктор Вирга?

— Да.

— Покушаете с дороги? Хотите бульону?

— Да, это было бы превосходно. Благодарю вас.

Она улыбнулась и, кивая, вернулась в маленькую кухню.

Майкл неторопливо снял огромную шубу, потом более легкую парку и повесил их сушиться на деревянную вешалку у огня.

Вирга заметил за окном лучи света и движение призрачных фигур в темноте.

— Эскимосы очень любопытный народ, — объяснил Лар. — Они не имеют в виду ничего плохого. Вы напугали их, а теперь они успокоились и вышли набрать льда, чтобы растопить его и получить воду. Их растревожил шум самолета и внезапное оживление в поселке.

— Они ведь не тронут ящик? — спросил Майкл.

— Нет, нет, — заверил Лар. — Пусть это вас не тревожит.

— Что за ящик? — спросил Вирга, поворачиваясь к Майклу.

— Я кое-что привез.

— Я его не видел.

Лар сказал:

— Мы оставили его на складе. Там с ним абсолютно ничего не случится. Никто его не тронет.

Вирга по-прежнему смотрел на Майкла.

— А что в нем? — спросил он.

Вошла пасторша с чаем. Чай был густой, черный и оседал на стенках глиняных чашек. Майкл и Вирга молча стали пить.

Лар удобно устроился на стуле у огня и сказал:

— Вот так. Мы с вашим другом обсуждали проблемы распространения христианского учения среди эскимосов-кочевников, доктор Вирга. Его взгляды показались мне чрезвычайно интересными.

— Вы здесь единственная датская семья? — спросил Вирга.

— Да. Как ни странно, эскимосы отнеслись к нам очень хорошо. Мы к ним тоже. Удивительный народ! Когда я решил, что хочу отправиться миссионером на Север, я перечитал множество книг о местных обычаях. Даже ходил на лекции по эскимосской культуре.

Но все это не идет ни в какое сравнение с личными наблюдениями. Связь эскимосов с землей, с природой абсолютна.

— Белые люди, явившиеся сюда проповедовать им учение Христа, — заметил Майкл из угла комнаты, — в некоторых отношениях очень им повредили.

Старый пастор засмеялся и махнул рукой:

— Да, да. Совершенно с вами согласен. Здесь побывало несколько нечистоплотных субъектов, выдававших себя за миссионеров. К несчастью, с ними сюда попали венерические болезни и алкоголизм. Сейчас правительству Дании приходится ограничивать ежемесячное поступление спиртного к эскимосам: бутылка спирта, две бутылки вина или двадцать маленьких бутылок пива. Вот главный недуг Гренландии: пьянство. И еще самоубийства. В этом году здесь у нас покончили с собой шесть человек. Почему, не знаю. У них так быстро меняется настроение. Они непредсказуемы. А знаете ли вы, — повернулся он к Вирге, — что много лет назад, наслушавшись голландских миссионеров-христиан, отцы-эскимосы убивали сыновей, чтобы этим доказать свою преданность религии? Да, это правда. Невероятно, но правда. Но, конечно, тогда эскимосы были куда наивнее. И все же, — продолжал Лар, — в них по-прежнему много первобытного. В летние месяцы, когда лед в заливе начинает таять, *пиньярторсюты*, лучшие охотники, прежде чем выйти на лед, молятся каждому своему и только своему божеству. Животным, ветрам, приливам: у всех у них есть духи, такие же переменчивые, как сами эскимосы.

— Ваша задача, должно быть, очень сложна, — заметил Вирга, допивая чай и отставляя чашку.

— Я рассматриваю это как полезный опыт. Мы уже не уедем отсюда. Я даже думать не могу о том, чтобы снова жить в Копенгагене. Все это теперь кажется слишком далеким, чтобы быть реальностью. Вот, — пастор твердыми смуглыми руками очертил в воздухе круг, — реальность. Реальные люди. Четыре года я улаживал их семейные неурядицы, смеялся и плакал вместе с ними, наблюдал за их рождением и смертью. Нет, мы уже не уедем отсюда и, когда умрем, ляжем в здешнюю прекрасную землю. А! Вот и бульон. Пейте, пока он горячий.

Когда Вирга поднес дымящуюся кружку к губам, Лар наклонился к нему и негромко сказал:

— Стало быть, вы с вашим другом идете на север, а? Их вертолеты полетели туда.

Вирга уставился на него. Майкл не шелохнулся.

— О, — пастор посмотрел на Майкла. — Вы ничего ему не рассказали?

— Нет.

— Так, — Лар снова повернулся к Вирге. — Они появились здесь с неделю назад. Привезли стройматериалы и припасы и поставили у взлетной полосы сарай, чтобы ничего не отсырело. Не знаю, кто это

были такие, но... что ж, признаюсь, я сделал вид, что ничего не происходит, и посоветовал старейшинам последовать моему примеру. Эскимосы не выходили из хижин. Даже собаки боялись чужаков. Я подумал, не связаться ли с ледовым патрулем — вдруг эти люди задумали недоброе? — но ко мне пришел молодой охотник, Ингсавик, и сказал, что разговаривал с ними и они назвались метеорологической экспедицией. Парень уверял, что все в порядке и не стоит беспокоить власти. Я послушался его совета, и вскоре эти «метеорологи» улетели. Я подумал, что на этом можно поставить точку, — продолжал пастор. — Но несколько дней назад они вернулись, забрали свои запасы и улетели на север, в сторону ледяных равнин. Тем все и закончилось, вот только...

— Что «только»? — спросил Вирга.

— Возможно, здесь нет никакой связи. Я заметил, что Ингсавик запил, стал бить жену, и это, вероятно, имело самое прямое отношение к визиту «метеорологов». Но потом случилось вот что: Ингсавик разделся догола и ушел в буран. Его жена голосила и умоляла его не ходить, но он избил ее до бесчувствия и бросил в снег. Я целый километр шел вместе с ним, хотел узнать, не могу ли я чем-нибудь помочь, но он в ярости набросился на меня. Потом вдруг попросил прощения и побежал прочь по равнине. Это освященный веками способ самоубийства.

Вирга сидел неподвижно. За его спиной в очаге трещало пламя.

Лар сказал:

— Кто были эти люди? Вы ведь знаете, правда?

— Да, — отозвался Майкл. — Знаем.

— Но не можете мне сказать?

— Нет. Не можем. Но если вы поймете, что мы действуем во имя справедливости, вы, пожалуй, сумеете помочь нам. Мы с доктором Виргой хотели бы выступить как можно скорее; уже сейчас может быть поздно. Нам нужен проводник, кто-нибудь, кто хорошо знает эти ледяные равнины, потом сани и собаки.

Пастор пожал плечами:

— Все эскимосы прекрасно знают эти льды, но по натуре они осторожны и сторонятся чужаков. И уж конечно никто из них не захочет, рискуя жизнью, повести на север двух краснунасов. Там тяжело пройти. Сами вы льдов не знаете, а того, кто согласится быть вашим проводником, соплеменники немедленно запишут в дураки.

— А нельзя с ними торговаться?

— Возможно. — Лар повернул голову: дверь открылась, и в комнату, опасно поглядывая на Виргу и Майкла, зашел юноша-эскимос с двумя ведрами колотого льда. Лар сказал:

— Заходи, не бойся. Это Чиноганук, он приносит нам по утрам свежий лед. Будь добр, отнеси это на кухню. В позапрошлом году Дорти помогла появиться на свет его младшему братишке, и он таким образом думает вернуть долг.

Юноша, с ног до головы укутанный в густой грязный мех, щуря и без того узкие, быстрые глаза, что-то сказал Лару по-эскимосски. Вирге показалось, будто мальчик зашелкал языком и неожиданно закашлялся. Лар покачал головой и ответил. Юноша поглядел на чужаков и стал осторожно пятиться к двери. Лар пояснил:

— Он боится, что вы «пиктонгитоки», дьяволы, как люди из вертолетов. — Он что-то сказал, успокаивая Чиноганука, но эскимос, с явным страхом заглянув в сияющие глаза Майкла, выскочил за дверь и скрылся в темноте.

— Что ж, — проговорил Лар после недолгого молчания, — древние суеверия живучи, и здесь я бессилен что-либо изменить. Я могу рассказывать этим людям о всепрощающем и всемогущем Господе и славе Христа, но не могу заставить их забыть древнюю веру. И не знаю, стоит ли.

Лар посмотрел в огонь, словно пытался прочесть там ответ на вопрос, который он задавал себе. Потом снова повернулся к Вирге.

— Я попросил Чиноганука прислать сюда отца, Мигатука. Он — один из здешних старейшин и может найти вам проводника, хотя вряд ли увидит в вашей затее что-нибудь помимо пустого риска. Извините за прямоту, но так обстоят дела.

— Мы понимаем, — отозвался Майкл.

— Полагаю, мой друг Мигатук не сразу нанесет нам визит, — продолжал пастор. Он собрал пустые чашки и направился на кухню. — Я принесу еще чаю, а потом вы, ребята, расскажете мне, что происходит на более низких широтах. Боюсь, что большинство тех новостей, которые доходят сюда ко мне, уже давно устарели.

Когда Лар вышел из комнаты, Вирга сказал Майклу:

— Я не понимаю, как вам удалось добраться сюда раньше меня.

Майкл посмотрел на него и ничего не сказал.

— Спасибо, что подождали, — сказал Вирга. Майкл кивнул.

Они выпили еще чаю, поговорили — Лар внимательно слушал, негодуя по поводу убийств и бомбежек, — и дверь вновь отворилась.

С порывом ледяного ветра, засыпавшего пол снегом, вошел коренастый эскимос с непокрытой головой. Узкие глаза смотрели испытующе, губы из осторожности были крепко сжаты. Во рту у эскимоса дымился окуроч сигареты, и Вирга почувствовал острый запах пота и дешевого табака. Эскимос прикрыл дверь и почтительным кивком поздоровался с Ларом.

— Сын сказал, вы меня звали, — проговорил мужчина по-английски с заметным датским акцентом.

— Садись, Мигатук. Сюда, к огню. Вот так. Выпьешь?

— Нет. — Эскимос оглядывал чужаков.

— Дома все здоровы?

— Да.

— Жена теперь спит хорошо?

— Да.

Лар объяснил Вирге:

— Жене Мигатука вдруг начали сниться очень неприятные сны. Кошмары. — Он снова повернулся к коренастому эскимосу. — Ты мой друг, Мигатук. Я очень высоко ценю твою дружбу. И, поскольку ты мой друг, я знаю, что могу попросить тебя об одном одолжении, а ты, прежде чем ответить, все тщательно взвесь.

Мигатук склонил голову набок.

— Эти люди хотят пройти в глубь равнин, — сказал Лар. Эскимос кивнул. Он смотрел по-прежнему бесстрастно, но Вирге почудился в его лице намек на насмешливую улыбку. Мигатук выбросил окурок в огонь. — Они проделали очень длинный путь, чтобы попасть сюда, — продолжал пастор. — Но они ничего не знают о льдах.

— Нуна сутакасьюток, — сказал эскимос. — Зачем вам туда? Там только лед да несколько крошечных деревушек. В темноте плохая охота. Так зачем?

— Это из-за тех людей, которые оставляли здесь свои припасы, — ответил Майкл. — Мы должны найти их.

Мигатук пожал плечами:

— Они ушли. Они полетели отсюда на север, это верно, но почему вы уверены, что они потом не изменили курс?

— Такая возможность есть. Но, может быть, в северных поселках видели их вертолеты.

Лар сказал:

— Я хотел просить тебя, Мигатук, вот о чем: посоветуй этим людям, кого им взять в проводники. Да, я знаю. Они не знают льдов, и из-за этого переход будет очень опасным. Но я верю в то, что ими движет, хоть они и предпочитают помалкивать о своих резонах.

— Чего-то я здесь не понимаю, — жестко проговорил Мигатук. Несколько секунд он смотрел на Майкла, потом вновь взглянул на Лара. — Я не стану никого просить. И сам их не поведу.

У Лара сделался разочарованный вид. Он кивнул, помолчал, потом сказал:

— Ну что ж, на нет и суда нет. Я тебя понимаю. Но если мои друзья позволят, я попрошу тебя еще об одном. Как, по-твоему, двухголовый может им помочь?

Насмешливая улыбка сошла с лица Мигатука. Он неторопливо закурил новую сигарету и пожал плечами.

— Отведешь их к двухголовому? — спросил Лар. — Если да, то ты очень меня этим обяжешь. Буду перед тобой в неоплатном долгу.

Мигатук пробормотал что-то по-эскимосски, Лар ответил. Несколько минут они переговаривались, и Вирга заметил в темных глазах эскимоса едва сдерживаемый страх. Некоторое время Мигатук сидел неподвижно, разглядывая свои загрубелые руки в мозолях, потом оглянулся на Виргу и Майкла и властно объявил:

— Я отведу вас к человеку с двумя головами. Но не дальше. Выходим утром. Я попрошу женщин подыскать вам унты и рукавицы

на собачьем меху. — Он в последний раз затянулся и отправил ее в огонь вслед за первым окурком. Потом кивнул Лару и ушел.

— Прекрасный человек, — сказал Лар. — Немногие ради вас решились бы на такое.

— Что это за двухголовый? — поинтересовался Вирга.

— Шаман, — ответил Майкл. — Колдун.

Лар с удивлением посмотрел на него:

— Так вы знаете язык? Значит, вы уже поняли, что эти люди очень уважают человека с двумя головами. Он живет в нескольких километрах к северу и уже несколько лет — в полном одиночестве. Теперь редко услышишь слово «шаман». Это, в общем-то, нечто такое, о чем говорят старики, вспоминая давно минувшее. Я сам никогда его не видел, хотя прошлым летом побывал в тех местах с охотниками, которые очень неохотно согласились проводить меня туда. Я видел его хижину, но ни собак, ни саней там не было.

— Почему его прозвали двухговым?

— Не знаю. Согласно легендам, шаман всегда урод или калека, но мне кажется, причина в общей *убежденности*, будто у него и впрямь две головы. Судя по всему, он прекрасный охотник. Раз в год, перед оттепелью, избранным старейшинам дозволяется прийти к нему и спросить, чего ждать от наступающего сезона охоты. Возможно, он поможет вам определить, куда полетели вертолеты; говорят, у него глаза повсюду. Но есть и другая возможность: он может отказаться говорить с вами, потому что вы — белые, и значит, с точки зрения эскимоса, далеки от совершенства.

Лар выглянул в окно. Проследив за его взглядом, Вирга различил в темноте какую-то фигуру с качающейся керосиновой лампой в руке. Кто-то шел к дому пастора.

— А! — воскликнул Лар. — Чиноганук идет, чтобы помочь вам собраться в дорогу. Пожалуйста, не обижайтесь, если женщины примутся обсуждать ваши мужские достоинства. Они так редко видят *краслунасов!*

23

Несколько часов они двигались против резкого ветра, с воем налетавшего с морозных ледников. Сила его была такова, что собаки еле плелись, и Мигатук шелкал кнутом над головами упряжки лишь для того, чтобы на несколько градусов изменить курс. На широкие нарты с металлическими полозьями было навалено столько припасов, что хватило бы переждать любую пургу. Там лежали запасные унты и парки, торбаса из тюленьей кожи на собачьем меху и палатка, сшитая из шкур белого медведя, которую можно было поставить, вбив в лед железные колышки. Еще к саням был накрепко привязан длинный, завернутый в полотно ящик, который привез с собой Майкл. Ящик был такой тяжелый, что они втроем с трудом взгро-

моздили его на нарты; Мигатук громко выражал свое недовольство тем, что его собакам придется тащить такой груз, но Майкл ни словом не обмолвился относительно содержимого свертка.

Впереди была сплошная чернота, словно они не то ползли, не то падали в исполинскую нору. Даже лед казался черным. Мигатук предупредил их, что, если им вдруг покажется, что щеки или нос теряют чувствительность, следует энергично растирать онемевшие места, ибо это, сказал он, первый признак обморожения. После появятся белые язвочки. Поэтому после каждого порыва яростного ветра Вирга робко ощупывал лицо, страшась того, что может обнаружить.

В Аватике пузатые эскимоски с сильными руками, подгоняя по чужакам дохи, хихикали и обменивались ехидными замечаниями в их адрес. Вирге и Майклу выдали теплое белье и теплые брюки, которые, впрочем, сильно уступали штанам из шкуры белого медведя, в которых гордо щеголяли эскимосы. Потом, усевшись рядом с Мигатуком — он старательно чистил ружье, поясняя, что во льдах ружейное масло замерзнет в два счета, — они узнали, что же от них требуется. Мигатук прямо заявил: не разговаривать без нужды, не сходить с санной колеи и ни при каких обстоятельствах не приближаться к собакам. Майкл согласился, и, загрузив вместе с несколькими эскимосами нарты, они крепко уснули у огня в доме Лара.

Наутро (хотя, если бы Лар не сказал Вирге, что это утро, сам профессор ни за что не догадался бы об этом) усилившийся за ночь ветер швырял хлопья снега в окна. Подкрепившись чаем, Вирга и Майкл вышли на мороз и увидели, что Мигатук с сыном распутывают постромки, собираясь запрягать собак. Мигатук крикнул: «Гама! Гама!», упряжка рванула с места, махнул на прощание Лар, и вот уже теплые огни поселка затерялись на бескрайней равнине.

Холод стоял страшный, но все же не такой, как ожидал Вирга. Морозный ветер не мог проникнуть под теплые брюки и парку. Ступни и кисти рук не мерзли благодаря перчаткам и торбасам, предоставленным Мигатуком. Оставалось открытым только лицо, и Вирга чувствовал, как у него индевеют брови и щетина на подбородке.

Майкл, который шел рядом, на шаг впереди профессора, казалось, вовсе не замечал холода.

Время шло. Вирге вдруг стало казаться, что Мигатук сбился с пути. Сам Вирга полностью утратил здесь чувство направления. Все было чужим, холодным, ни камней, ни брошенных хижин, которые могли бы послужить вехами на их пути. Но порой слышался щелчок кнута, обиженное твяканье, и нарты, шурша полозьями по слежавшемуся снегу, брали то чуть правее, то чуть левее, и Вирга с Майклом опять молча брели за ними наперекор ветру.

Внезапно снежную равнину сменили обледенелые камни. Земля как будто бы пошла под уклон, и собаки замедлили бег, чтобы не падать. Со всех сторон поднимались огромные черные утесы. Они укрывали путников от ветра, но Вирга слышал, как он зловеще воеет в расщелинах

и трещинах, чтобы затем взвиться на недостижимую высоту. Мигатук щелкал кнутом и окликал собак, чтобы подбодрить и успокоить их.

Вирга вгляделся в темноту. Ему показалось, что где-то очень далеко впереди мерцает огонек. У него заколотилось сердце. Мигатук снова закричал на собак, и Вирге почудилось, что он расслышал в его голосе дрожь. Они продолжали идти. Кнут щелкал то справа, то слева, чтобы собаки не свернули в сторону.

У подножия склона вновь начался крепкий, ровный снег и лед. Ветер здесь задувал менее яростно; впереди на равнине Вирга разглядел приземистый прямоугольный силуэт сборной хижины. В единственном окне горел свет. За хижинной висел плотный занавес кремешной тьмы.

Мигатук что-то прокричал собакам, и нарты внезапно остановились, хотя до хижины было еще неблизко. В полной тишине слышно было, как тяжело дышат собаки и где-то далеко в скалах воет ветер. Мигатук сказал:

— Дальше я не смею идти. Там живет двухголовый.

В следующий миг у Вирги зазвенело в ушах от резкого, взрывного треска. Собаки испуганно заскулили. Мигатук круто обернулся. Перед самыми саями, осыпав лица путников крошечными льдинками, взметнулся снежный фонтанчик. По равнине к скованному льдом морю прокатилось гулкое эхо выстрела.

— *Мейксук!* — крикнул Мигатук и полоснул кнутом по боку вожака упряжки, всем телом наваливаясь на нарты, чтобы развернуть их на сто восемьдесят градусов. Собаки рванулись вперед. Виргу швырнуло назад и, вылетая из саней, он увидел, что Майкл тоже очутился на снегу. Мигатук щелкнул кнутом. Сани задрожали, набирая скорость. Когда упряжка начала подниматься по склону, Вирга увидел, как свет, падавший из окна, сверкнул на ноже в руке эскимоса. Мигатук избавлялся от груза, чтобы выиграть в скорости. Оборудование и тяжелый полотняный сверток были сброшены с саней и заскользили к подножию склона. Сани, сразу ставшие легкими, полетели птицей. Собаки взрывали лапами снег; миг — и нарты, уносящие обезумевшего от страха Мигатука в спасительный Аватик, скрылись среди утесов.

Майкл перекатился на живот, прищурился и принялся вглядываться и вслушиваться в обступившую их темноту. Эхо выстрела еще не затихло и ворочалось где-то далекими раскатами грома. За хижинной шамана оглушительно залаяли собаки.

Растерянный Вирга стоял, беспомощно озираясь. Он понимал, что представляет идеальную мишень, но, странное дело, почему-то не мог припомнить, что следует сделать.

— Стойте где стоите, — раздался суровый мужской голос. Сказано это было негромко, небрежно, но тоном приказа.

Вирга повернулся на голос. Он шел откуда-то справа; уголком глаза профессор уловил какое-то движение. Со льда кто-то поднялся.

Сперва Вирге показалось, будто ноги у этого человека отняты по колено, но, приглядевшись, он понял, что тот прятался за низеньким белым заслоном. Покинув свое убежище, человек остановился, целясь из ружья в точку между Виргой и Майклом, сказал что-то по-датски и подождал. Потом заговорил по-английски:

— Лечь на лед! Расставить ноги и руки и не двигаться. Ага, поняли. Хорошо. Вот так, это очень несложно.

Он медленно пошел к ним. Вирга увидел его торбаса, не новые, из тюленьей кожи, отороченные пожелтевшим мехом белого медведя. Мужчина методично прощупал подмышки и талии чужаков, проверяя, нет ли оружия. Удовлетворенный результатами осмотра, он отступил на несколько шагов и спокойно сказал:

— Перевернитесь, очень медленно. Если мне не понравится, как вы дышите, я убью вас.

Они послушно перевернулись. Укутанный в меха, одетый в штаны из медвежьей шкуры шаман высился над ними бесформенной, безликой громадой. Он молча изучал в темноте их лица.

— Вы не эскимосы и не датчане. Кто вы?

— Мы приехали из Аватика, чтобы найти вас, — ответил Майкл, и в его голосе слышались странные умиротворяющие нотки. — Мы не желаем вам зла. Мы просто хотим поговорить с вами.

Ствол винтовки опустился от силы на дюйм.

— Ко мне уже приходили «поговорить», — ответил шаман. — Им нужны были медвежьи шкуры, которые я добыл на охоте. Они не успели досказать: я убил их. Что нужно вам?

— Помощь, — хладнокровно отозвался Майкл.

Шаман молчал.

— Мы можем встать? — спросил Майкл.

Шаман отошел, вновь вскидывая винтовку.

— Ну, вставайте, — разрешил он. — Но помните, что я вижу и в темноте.

Они поднялись на ноги и отряхнулись. Майкл сказал:

— В тепле говорить было бы удобнее.

— Я не боюсь холода.

— Зато я боюсь, — возразил Майкл.

Шаман хмыкнул и повел ружьем:

— Идите вперед. Но даже не думайте обмануть меня. Даже не думайте.

Возле хижины на цепи сидели собаки: большие, красивые, с горящими угольками глаз. Когда люди приблизились, они поднялись, дружелюбно ворча. Сбоку от хижины стояли нарты, а вокруг валялись пустые жестянки и мусор — точь-в-точь как в Аватике. Шаман сказал: «Стоп», — не опуская ружья, обошел своих гостей и распахнул дверь. Сам он отступил от порога и проводил их внимательным взглядом.

Внутри потрескивала маленькая печка, наполняя хижину теплом. Две керосиновые лампы излучали тусклый желтый свет. В углу

стояла раскладушка, покрытая шкурами белого медведя. На грязном полу этой единственной комнаты виднелись пятна крови. По обитым медвежьими шкурами стенам были развешаны вырезанные из журналов картинки с изображением смазливых девиц. Обнаженные, они бесечно возлежали на кроватях, диванах и солнечных пляжах.

— Эх! — вдруг рывкнул шаман. — Хорошие у меня подружки, а? Вирга повернулся к нему.

Шаман снимал свою огромную, выпачканную кровью шубу. Громоздкий, широкоплечий, он и сам напоминал медведя. Ростом он не уступал Майклу и головой почти доставал до потолка. Длинные, нечесанные черные волосы, черная борода, заиндевевшая вокруг рта; густая синева глаз, лицо, на котором оставили свой след стихии. На лбу и вокруг глаз морщины. Вирга заметил небольшие шрамы-оспины, оставшиеся, вероятно, на месте отмороженных участков кожи, которые шаман срезал сам. Глаза шамана смотрели с прищуром, приобретенным за годы, проведенные в краю, где солнце, не заходя по полгода, ослепительно сверкает, отражаясь от зеленовато-голубого льда. Смуглая кожа и высокие скулы говорили о том, что в жилах этого человека течет толика эскимосской крови. Вирге вдруг подумалось, что шаман говорил с легким русским акцентом, хотя в его речи слышались и другие, менее узнаваемые говоры.

Майкл сказал:

— Мы думали увидеть здесь человека с двумя головами.

Шаман неприметно кивнул. Он поставил ружье в угол, но его настороженные умные глаза не отрывались от гостей. Он опустился на обшарпанный стул и закинул ноги на выступ печурки.

— Эскимосы выражаются по-своему, — сказал он. — Ладно, вот вы меня нашли. Кто вы, черт подери?

— Меня зовут Майкл. Это доктор Джеймс Вирга. А вас как величать?

— Здесь я задаю вопросы. Что вы здесь делаете?

— Я уже отвечал на этот вопрос. Нам рассказали о вас в Аватике, и мы нашли вас.

— А могли найти и пулю впридачу, — отозвался шаман. — Смотрите, это еще можно исправить.

— Вы увидели нас на спуске? — поинтересовался Майкл.

— Увидел? Черта с два, — ответил шаман. Он подался вперед, многозначительно глядя на Майкла. — Я вас учуял.

Майкл хмыкнул и оглядел стены.

— Меня звать Ринн Зарк, — сказал шаман после непродолжительной паузы, в течение которой он оценивал чужаков. — Вы, мужики, не полярники; вам тут ловить нечего. Так на кой я вам сдался?

Майкл пододвинул себе другой стул и уселся у огня.

— Мы располагаем сведениями, что несколько дней назад здесь пролетели вертолеты. Мы хотим знать, где они сели.

Зарк едва заметно прищурился и осторожно сказал:

— Их видели охотники из дальнего поселка. Пташки развернулись и полетели на восток. А что?

— Нам надо знать, где они сели, — ровным, бесстрастным голосом повторил Майкл, впиваясь глазами в шамана.

Несколько секунд Зарк выдерживал этот взгляд, затем хмыкнул и откинулся на спинку стула. Он полез в карман своей парки, вытащил курительную трубку, больше похожую на полую кость, проворно набил ее черным маслянистым табаком — и из его рта и ноздрей поплыли струйки сизого дыма.

— Этого я не знаю. И знать не хочу. Не мое дело.

— А мы-то думали, — сказал Майкл, — что вы человек умный, шаман.

— Шаман? Черта с два. Я хороший охотник и, бывает, подсказываю эскимосам, где искать тюленя или медведя. Я слышу, как поет ветер, и умею по облакам угадать пургу. Я знаю эту землю, знаю людей, а лучше всего знаю себя. Но я не шаман. — Он энергично затыкнулся, поглядывая на гостей. — Вам не сказали, что есть эскимосы, которые ходят по моим следам, потому что верят, будто я протаптываю тропу удачи? Про меня говорят: ему не нужно искать медведя, медведь сам найдет его. Будь оно и впрямь так, я бы дотопал аж до Копенгагена и всех их увел бы с собой. Шаман! Давненько я не слышал этого слова.

— Если вы знаете себя, то вы сильнее многих, — заметил Майкл.

— Может, и так. Когда много лет назад я приехал сюда, я чуть не умер с голоду. Меня спасли эскимосы; они накормили меня и научили, как прокормиться самому. Потому-то бывает, что, отправляясь охотиться, я нет-нет, да и намекну охотникам-эскимосам, где искать медведя или тюленя. Я всегда возвращаю долги.

— А с остальным миром вы продолжаете поддерживать связь? Вам известно, что происходит в других широтах?

— С остальным миром? Ха! Никакого другого мира, кроме этого, нет.

Майкл сказал:

— С этими вертолетами сюда прибыл один человек. Ему дана необычайная и мрачная сила: он властен сделать что угодно с кем угодно. Мы должны найти этого человека, и быстро.

Зарк слушал, попыхивая трубкой.

— А мне-то что? Я вам ничем не могу помочь.

— Да нет же, можете. Вы знаете местность, вы сами это сказали. Нам с доктором Виргой нужен человек, который провел бы нас на северо-восток.

— Че-го? Вы рехнулись? Я не турбюро. Идти через льды с людьми, ничего не знающими об этой земле? Да я уж лучше сразу повешусь. Вы меня для этого искали?

— Да, — подтвердил Майкл.

— Возвращайтесь в Аватик. Возвращайтесь туда, откуда вы при-
катали. Я с дураками по льдам не хожу.

— Я заплачу.

— Я сказал нет.

Майкл покосился на Виргу и вновь посмотрел в глаза Зарку:

— У нас нет возможности вернуться.

— Чертов трус, — буркнул Зарк. — Одна пуля — и он уже давай Бог ноги, как старая баба. Надо было всадить ему пулю в задницу! Ну ладно. Утром пойдете со мной в Сагитак; тамошние жители приглядят, чтоб вы благополучно вернулись в Аватик. Но за мои хлопоты с вас причитаются.

— Мы ищем человека по имени Ваал, — после недолгого молчания проговорил Майкл. — Нам жизненно необходимо отыскать его. Мы не вернемся. Из Сагитака мы отправимся на северо-восток.

— Но не со мной. Может, вам удастся нанять проводника в Сагитак. За пару бутылок хорошего виски они на все готовы. Виски-то у вас есть?

— Нет.

— Ну тогда, — пожал плечами Зарк, — вы в полном дерьме, ребята.

Майкл, блестя глазами, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и поудобнее уселся на стуле.

— Так вы нам не поможете?

— И не мечтайте. У меня своих забот полон рот. Послушайте, добратся сюда из Аватика — плевое дело, колченогая старуха и та бы справилась. Но на севере, куда вы собрались, камни, скалы, крижи, торосы, здоровенные, как военные корабли. Там, дружище, вам понадобятся хорошие глаза и хорошая дыхалка, само собой, какой-никакой опыт полярных переходов.

Он вдруг умолк и стал вслушиваться в повисшую в комнате тишину. Через несколько секунд залаляли привязанные у дома собаки. Зарк взял ружье и прошептал: «У нас гость».

Он встал у окна, вглядываясь в темноту. Вирга не видел ничего, кроме сплошной черноты. Зарк вдруг подошел к двери хижины и выпустил тучного эскимоса с зоркими, как у ястреба, глазами и шрамом на переносице. Эскимос стряхнул с себя снег, с подозрением покосился на Виргу и Майкла и задал какой-то вопрос на родном языке. Зарк показал на своих гостей и кивнул. Тогда эскимос снова заговорил, глядя куда-то Зарку под ноги и нарочито униженно втягивая голову в плечи, хотя несомненно был старше Зарка. Закончив свою жалобную речь, он продолжал смотреть в пол.

Зарк повернулся и посмотрел на американцев. Потом кивнул и что-то сказал эскимосу. Тот схватил Зарка за руку, отпустил и скрылся в ночи.

Вирга любопытствовал:

— Что это было?

— Этот человек, — пояснил Зарк, — охотник из восточного поселка. Его новая невеста хочет родить, а его огонь, как это ни печально, потух. Вот он и привел ее сюда, ко мне.

— Что?

— Черт возьми! Надо думать, у меня полно детей и к югу, и к северу от Полярного круга! Не знаю; по-моему, считается, что, если я сделал чьей-нибудь жене ребенка, это большая честь. Да и женщины здесь не так уж плохи. Такие жирные, что похожи на большие, мягкие пуховые подушки.

— Этот охотник считает вас настоящим шаманом, — заметил Майкл. — Он не может зачать ребенка — это позор. Вот он и надеется, что сын, унаследовавший качества шамана, вернет честь его роду.

— Видно, так, — согласился Зарк. — Мне-то, в общем, все равно. Ну, что там у нас? Молоденькая...

Эскимос ввел в хижину невесту, которая ждала в санях снаружи. Он снял с нее подбитую мехом парку и приподнял подбородок девушки, чтобы показать, как она красива. Девушка была очень молоденькая, лет девятнадцати, не больше, но лицо ее уже носило следы жизненных тягот. Она стояла, как и ее муж, потупясь, не смея встретиться глазами с пронзительным взглядом Зарка. Вирга подумал, что по эскимосским стандартам она, вероятно, настоящая красавица. Ее полные губы дрожали, но круглые темные глаза светились изумительным внутренним покоем. Блестящие черные волосы, освобожденные от тесного капюшона парки, густой волной рассыпались по плечам.

Пока эскимос говорил, Зарк разглядывал лицо девушки. Он кивнул, и охотник просиял. Коричневыми шершавыми пальцами он нежно коснулся щеки своей нареченной; и что-то сказал ей. Потом потерся носом о ее лицо, словно обнюхал, и повернулся, чтобы уйти. Девушка вцепилась ему в руку, но он строго прикрикнул на нее, и она тут же отпустила его. Эскимос вышел за дверь, и через мгновение стало слышно, как он кричит на собак, погоняя упряжку вверх по склону.

Девушка, дрожа и не поднимая глаз, стояла посреди хижины. Зарк обошел вокруг нее и сказал:

— Красивая. Очень даже. Отличные сильные руки и бедра. Смотрите, какие мускулы. Видите? Еще не успела нагулять жиры.

Вирга медленно покраснел.

— Нам что же, придется смотреть на это?

Зарк оторвался от созерцания крепких девичьих ягодиц и удивленно посмотрел на профессора.

— А как же? Неужто пойдете морозить задницу? Черт возьми, мне все равно. Не хотите смотреть — закройте глаза. Или, может, хотите сами попробовать, а? — Он посмотрел на Майкла.

— Нет, спасибо, — ответил тот.

Зарк пожал плечами.

— Вольному воля.

Он обошел вокруг девушки и что-то негромко сказал ей. Она не ответила. Зарк взял ее за подбородок и приподнял ей голову, но она упрямо глядела в пол. Медленно, нежно Зарк потерся носом о ее нос, щеки, глаза, как это делал охотник. Наконец, ободренная его лаской, она подняла глаза и встретила с его взглядом. Зарк улыбнулся.

24

Свернувшийся калачиком на грязном полу Вирга пошевелился. Что-то резко и методично утыкалось ему в ребра.

Он перевернулся на спину. Над ним стоял Зарк и толкал его в бок носком унты. Зарк нагнулся и сунул Вирге в руку кружку с дымящейся темной жидкостью.

— Держите, — сказал он. — Это вас разбудит.

Майкл, проснувшийся раньше Вирги, прихлебывая из кружки, снимал свои вещи с вешалки над печуркой, где он накануне оставил их сушиться. Вирга осторожно попробовал питье и обнаружил, что это солоноватое темное пиво. Девушки в хижине уже не было. Спал он плохо, уж очень шумела парочка, катавшаяся и трепыхавшаяся на постели, точно пара диких зверей. Но он был отчасти доволен: ему удалось кое-что узнать о Зарке. Когда шаман прикрутил фитиль керосиновой лампы, собираясь лечь к девушке, которая уже ждала его на медвежьей шкуре, Вирга мельком увидел его широкую голую спину. На ней красовалась великолепная татуировка, голова древнего китайского мудреца, такая четкая и изящная, что Вирга позавидовал бы, будь он сторонником татуировок.

— А где девушка? — спросил он.

— Муж увез, — ответил Зарк, отрезая ломтики мяса от большого куска, извлеченного им из обложенной льдом металлической бочки, стоявшей в глубине хижины. — Им поутру всегда делается чуток обидно. Вы пробовали когда-нибудь моржатицу?

— Нет.

— Тогда привыкайте.

Вирга и Майкл взяли по куску волокнистого темного мяса. Майкл уплетал за обе щеки, но Вирге показалось, что он не сможет проглотить ни кусочка скользкого, остро пахнущего кислятиной мяса. Пиво не облегчало задачу, однако есть хотелось, и Вирга был рад хоть чем-нибудь наполнить желудок. Когда ему удалось не даваясь проглотить последний кусочек, он страшно возгордился, но, когда Зарк предложил ему второй кусок, отрицательно мотнул головой.

Зарк пожал плечами, откусил сам и спросил:

— А что это за сверток вы привезли? Ящик со сборными блоками для хижины?

— Нет, — ответил Майкл. — Это мои вещи.

— Господи Иисусе. Небось, притащили сюда все свое барахло. Я тут сходил поглядел на хлам, который ваш эскимос скинул с саней. Вы, видно, рассчитывали идти не спеша?

— Мы привезли только необходимое.

— Необходимое, черт побери! Человеку нужны только хорошие крепкие нарты да восьмерка сильных собак. Тогда — хоть на полюс и обратно, земля прокормит. И сборные домишки эти ни к чему, можно выдолбить землянку прямо во льду, как делали охотники в старые времена. Но вы краслунасы, вам невдомек, о чем я толкую. — Он взглянул на Виргу. — Что вы за доктор?

— Я профессор. Теолог.

— С чем это едят?

— Изучаю религиозные концепции.

— Зарабатываете себе на кусок хлеба Писанием, так, что ли?

— Можно и так сказать, — ответил Вирга.

Зарк кивнул:

— Да, уж кому-кому, а святошам в мире всегда места хватает. — Он понес остатки мяса в ледник. — Все перевираете, болтаете о том, в чем сами ни уха, ни рыла. И если вам что не по нутру — ага! Именем Господа, грех! — Зарк снял крышку с бочки и прежде чем уложить мясо на лед, завернул его в газету. — Сделали из Господа козла отпущения! — Он со стуком закрыл металлическую крышку.

Вирга почувствовал, что Зарк пытается затеять спор, и раздраженно ответил:

— Бывает и так.

Зарк хмыкнул и переключился на Майкла.

— Вы, надо думать, тоже чуть что на Господа киваете?

— Нет, — возразил Майкл, блестя глазами в тусклом свете керосиновых ламп. — Я всегда виню только людей.

Зарк остановился перед ним и заглянул ему в лицо, словно не был уверен, что там видит. Он раздул ноздри, потом вдруг улыбнулся и спросил:

— Тебе случалось убивать, сынок?

— Насколько я знаю, нет.

— По тебе не скажешь. Поглядеть на тебя, ты человека пристре-лишь и не поморщишься. Ей-богу, убить человека все равно что убить любого другого зверя. Особенно, если он сам хочет тебя убить. Что, Святоша, не нравится такой разговор?

— Я человек широких взглядов, — ответил Вирга.

— Хорошо, — сказал Зарк. — Это хорошо.

Майкл спросил:

— Вы не передумали? Может, все-таки возьметесь провести нас от Сагитак на северо-восток?

— Нет. Не передумал и не передумаю. Ладно, я пошел запрягать собак; когда вернусь, загрузим в нарты ваше добро. — Он вышел,

впустив в хижину порыв ледяного воздуха, и в следующий миг Вирга и Майкл услышали, как он покрикивает на собак.

— Что же делать? — спросил Вирга. — Вернуться в Аватик и нанять проводника там? На этом мы потеряем еще три дня.

— Да, три дня. Возможно, и без того уже слишком поздно, — Майкл посмотрел на Виргу. — Но если я упустил его здесь, я догоню его в другом месте. Я не остановлюсь. А что вы?

— Не знаю. Я уже два дня не читал газет и не слушал радио. Мне страшно узнать, что происходит.

— Нужно всегда, — негромко проговорил Майкл, — быть готовым к худшему.

— Откуда в вас такая отчаянная решимость преследовать Ваала? — спросил Вирга. — Разве вы — разве мы можем помешать ему убивать?

— Сначала нужно найти его. Потом я разберусь с ним... по-своему.

Дверь снова распахнулась, и Зарк сказал:

— Так-с. Нужна грубая сила.

В морозной тьме они втроем с трудом взгромодили укутанный холстом ящик на видавшие виды нарты Зарка. Зарк чертыхнулся и буркнул:

— Ваша чертова штуковина моим собакам спины ломает!

Они собрали и привязали к саням остальное снаряжение и следом за Зарком вернулись в хижину, чтобы прихватить еще кое-что. Зарк тщательно вычистил ружье и ракетницу с резиновой рукояткой, сложил патроны и ракеты в торбу из тюленьей шкуры, увязал кусок моржатины и проверил, довольно ли керосина в одной из ламп. Майкл спросил:

— Ледоруб берете?

— Да, — ответил Зарк. — А что?

Майкл молча накиннул на голову капюшон.

Снаружи Зарк стал натирать снегом полозья саней, и Вирге представился случай оценить его упряжку. Керосиновая лампа освещала широкогрудых, крепких, густошерстых собак, нетерпеливо натягивавших постромки. Все держались на почтительном расстоянии от вожака, одноглазого черныша с испешренными шрамами боками, и хотя они злобно рычали друг на друга, никто ни разу не оскалился в его сторону.

Зарк проверил, надежно ли привязано снаряжение, и вновь помянул недобрым словом его количество. Вдруг он крикнул: «Поехали!» — и, не успев Вирга понять, что это была команда упряжке, как нарты вздрогнули и помчались вверх по склону. Майкл бежал рядом.

Зарк шелкал кнутом над головой вожака. Собаки единым махом одолели подъем; они рвались вперед, словно были бесконечно рады бежать по снегу. Сани скользнули между россыпями острых камней

и мигом очутились на открытой ледяной равнине, где отвратительно завывал ветер.

Вирга заметил, что Зарк куда ловчее управляется с упряжкой, чем Мигатук. Он лишь изредка щелкал кнутом или подавал голос; казалось, собаки понимали хозяина и тогда, когда его ручищи чуть сильнее сжимали валеки. Человек и упряжка за долгие, трудные годы, проведенные рядом, подумал Вирга, стали единым целым. Он слышал рассказы о свирепости эскимосских собак, знал, что они способны ни с того ни с сего остервенело набрасываться и на себе подобных, и на маленьких эскимосов, но здесь, сейчас они были частью прекрасной живой машины, повергавшей в трепет своим первобытным изыществом.

Майкла, казалось, ничуть не озаботил отказ Зарка стать их проводником, но Вирга упал духом. Он испытывал ребяческое безнадёжное разочарование и потихоньку закипал, вспоминая, как Зарк искушал его в хижине. Зарк не понимал, как важно было найти Ваала; вероятно, он был из тех упрямцев, которые до конца, при любых обстоятельствах стоят на своем. Виргу одолевали страх и беспомощность. Долгий путь, огромные расходы, и все это пустил тсу под хвост один — один-единственный — человек, отказавшийся стать их проводником. Он выругался. Если Ваала не удастся найти, разве он, Вирга, сможет вернуться в университет, к своей повседневной жизни, зная всю полноту власти Ваала, зная, что на краткий миг почти поддался этой власти, зная, что это еще может произойти? Что он скажет Джудит? Что будет чувствовать, пробуждаясь в своей бостонской квартире от тревожного сна, более одинокий и страшящийся будущего, чем когда-либо?

Он оглянулся и увидел, что на точеном лице Майкла застыла решимость. Здесь, в этом морозном краю, под небом черным, как врата смерти, не было иного пути, кроме пути вперед.

Одолев около мили, они увидели первый кряж. Огромные глыбы льда в беспорядке громоздились друг на друга, как бетонные блоки. Зарк, пригибаясь под ударами встречного ветра, заработал ледорубом и в конце концов расчистил узкий проход, где могли пройти нарты. Путники перевалили через завал, оставили позади пересеченную местность и заскользили по гладкому льду. Дорогу им освещала керосиновая лампа. Время от времени Зарк выправлял курс на несколько градусов в ту или иную сторону, хотя как он определял, куда ехать, для Вирги оставалось загадкой.

Через некоторое время (у Вирги на бровях и начинающейся бородке намерз лед, и он не видел вокруг ничего, кроме тьмы и пустоты) Зарк махнул рукой и, тормозя пятками, медленно остановил упряжку.

— Привал, — перекричал он ветер. — Это середина пути.

Зарк поставил палатку из медвежьих шкур, вогнав в лед маленькие крюки, так, чтобы она гасила порывы ветра. Собаки стали

мочиться в снег, Зарк бесцеремонно последовал их примеру, а Вирга и Майкл, прихватив фонарь, заползли в палатку и стали греться его светом.

В палатке тоже было холодно, но по крайней мере не дул пронизывающий ветер. Зарк наконец заполз в палатку, раскурил свою костяную трубку и проверил, не обморозил ли лицо. Подняв лампу повыше, он осмотрел лица своих спутников, и, довольный тем, что все в порядке, поставил ее в центр их маленького кружка. На стены палатки легли черные тени.

Вирга, болезненно морщась, растирал заледенелые руки.

— Сильный мороз? — спросил он у Зарка.

— Это еще тепло, бывает и хуже. Градусов сорок.

— Откуда вы знаете?

Зарк фыркнул:

— В сорок градусов мороза моча замерзает сразу, как попадает на землю. В пятьдесят градусов она замерзает еще на лету. А попробуете помочиться в шестьдесят, хозяйство отвалится. — Он выпустил густое облако синеватого дыма и посмотрел, как оно, клубясь, поднимается к коническому потолку палатки.

— Вы ведь не чистокровный эскимос, — сказал Майкл, помолчав. — Что вы здесь делаете?

Зарк невозмутимо грел руки теплой трубкой, словно не слышал вопроса. По-видимому, он не собирался отвечать. Вирга уже хотел спросить его, как собаки переносят такие холода, когда Зарк сказал:

— Отчасти я эскимос. В достаточной мере, чтобы чувствовать лед в своей крови, в достаточной мере, чтобы знать, что моя родина здесь.

— Вы родились в Гренландии?

— Черт побери, я не датчанин. Я родился в Горьком. Мой отец был наполовину эскимос, наполовину русский. Мой дед был эскимос, и черт меня побери, если я помню, как его звали, но он был отличный охотник, великий вождь своего племени. Я ничего о нем не помню, но отец рассказывал, что дед пропал во льдах, когда с костяным гарпуном пошел добывать нарвала. У нас в Горьком была маленькая квартирка; отец работал сварщиком. Квартирка была такая крохотная, что высморкаться было негде. Отцу это было как нож вострый, но ему хотелось угодить моей матери. Он мечтал жить на северном побережье, а она любила город.

У лица Зарка клубился дым. Синие глаза холодно поблескивали. Так, подумал Вирга, должно быть, блеснит лед под бледным летним солнцем.

— Он очень старался угодить ей, — повторил Зарк, — да разве бабе угодишь... Отец стал пить, и в конце концов они расстались. Я помню, как он разозлился, когда мать сказала, что уходит и оставляет меня ему. Что он, что ты, сказала мать, два сапога пара. Оба дикие, нелюдимые злыдни. А я как раз перед тем чуть не пришиб в драке соседского мальчишку... но это уже совсем другая история.

Мать сказала правду: мы с отцом были похожи как две капли воды. Мы оба любили свободу. Эскимосская кровь звала нас вернуться во льды.

Зарк помолчал. Северный ветер тряс палатку; казалось, Зарк прислушивался к его свисту. Он настороженно оглядел лица своих собеседников, словно сомневался, стоит ли продолжать.

— И вы оба приехали сюда? — спросил Вирга. Ему было интересно услышать продолжение истории и страшно не хотелось вылезать из палатки на холод и ветер.

— Нет, — ответил Зарк. — Отец кочевал с места на место, постоянно менял работу, и я кочевал вместе с ним. Но с каждым переездом мы оказывались все ближе к северному морю. Вот куда мы направлялись. Отцу не нужно было ничего объяснять мне; я и сам все знал. Но прежде чем мы добрались до побережья, отец заболел: что-то с легкими. Я пошел работать на полную смену, брался за любую работу, какую удавалось найти, чаще всего дорожным рабочим или бетонщиком. Одно время я участвовал в платных боях в мужских клубах. Дрались на кулаках, и я не раз видел, как сбивали с ног настоящих силачей. Видели когда-нибудь кулачный бой? — Зарк посмотрел на Виргу.

— Нет, не приходилось.

— Так я и думал. Слишком грубо для вашей породы, да? Кое-кто из бойцов обдирает костяшки и ждал, пока рубцы загрубеют. Получался настоящий кастет. Мы дрались до тех пор, пока не переставали соображать, где мы, — просто топтались на месте, выискивая, куда бы ударить. Последний, кому удавалось удержаться на ногах, считался победителем, и срывал приличный по тем временам куш. Но отцу становилось хуже. Он вечно кашлял, вечно приставал ко мне, чтобы я отвез его на север. Однажды утром я нашел его мертвым. Он лежал в той же позе, что и накануне вечером, засыпая. Это была единственная ночь, когда он не задыхался от кашля — помню, я еще подумал, что, может быть, он оправится настолько, чтобы выдержать дорогу. В день похорон шел снег. Что ж, — Зарк пожал плечами и яростно затянулся, чтобы разогнать дым, — я добрался до моря. Нанялся на грузовое судно, которое перевозило железный лом. Святоша, ты когда-нибудь вкалывал на море?

— Нет.

— Тяжелая работа. Зато чертовски многому можно научиться. Когда драться, а когда поджимать хвост, когда упираться, а когда удирать во все лопатки. Несколько лет я таскался на старых корытах из дока в док. Раз на Балтике одна такая посудина чуть не разъехалась по швам. Но я люблю море; оно живет своей жизнью. Никогда не спешит, никогда не умолкает. А потом я устроился старшим помощником на ржавую калошу, перевозившую снегоочистители из Риги по Белому морю, и не ладили с боцманом. Сукин сын, враль, шулер. Не помню даже, какой он из себя, хотя, Господь

свидетель, предостаточно нагляделся на его паскудную рожу. Он все время придирался, постоянно меня доставал. И достал, едрена вошь.

Зарк вдруг рассмеялся, хрипло, отрывисто, словно залаял пес.

— Достал, сукин кот. Я прикончил его на баке, под лунной. Двумя ударами по голове. Двумя первоклассными ударами, которые сделали бы мне честь на любом ринге. — Зарк выбросил вперед огромный кулак. — Засранец повалился как куль, пикнуть не успел. Меня хотели посадить под замок и в порту Русанова сдать властям. Но от этой сволочи натерпелся не я один, ребята не знали, как меня благодарить, что я его убрал. И вот однажды ночью в Баренцевом море они отвернулись, и я спустил на воду спасательную шлюпку и поплыл в сторону айсбергов. На корабле решили, что живым я оттуда не выберусь, что я не иначе как решил покончить с собой. Дураки! Черта с два! Я греб что было сил, лишь бы побыстрее убраться оттуда.

Он разглядывал Виргу и Майкла сквозь сизоватый табачный дым. Глаза над темной кустистой бородой были темными, запавшими.

— Вы не знаете, каково это — очутиться одному в море, где вокруг только лед, ничего кроме льда, громадные ледяные глыбы, с замороженный город каждая. Куда ни глянь, ничего, кроме огромной толщи воды и айсбергов, белых, темно-синих, бледно-зеленых. И в этих льдах отражается океанская пучина. А иногда вы слышите — или не слышите — рев и скрежет, когда две ледяные громады сталкиваются и дробятся на куски поменьше. Иногда чуть ли не прямо подо мной всплывала льдина с мою лодку величиной. Может быть, этого-то я и боялся пуще всего: что такой осколок вдруг всплывет из глубины и потопит меня в ледяной воде... На третий день, — продолжал Зарк, — я заблудился. Ветра не было, айсберги на фоне белого неба казались мне одинаковыми, грязными, серыми бетонными глыбами. Я, едрена вошь, плавал кругами, а вокруг все было одно и то же. У меня кончилась еда. Следующие три дня я проплавал впроголодь и видел только низкие облака, белесое море и эти ледяные горы. На седьмой день я проснулся и увидел его.

Зарк сидел неподвижно, зажав в зубах трубку, глядя на своих слушателей черными печальными глазами.

— Его? — переспросил Вирга. — Кого?

Зарк пожал плечами:

— Не знаю. Не знаю, кой черт это был. Он появился между айсбергами с моего правого борта, эскимос в каяке. Я начал грести следом за ним, но он так и не подпустил меня к своей лодчонке, не дал увидеть его лицо. Так и не дал. Но это был мужик, я понял это по тому, как он управлялся со своим каяком. Я скрипел зубами и налегал на весла так, что чуть не подох, а он знай себе шлепал по воде впереди меня. За каяком я плыл два дня. Я кричал, грозил, ругался, но этот парень так и не заговорил со мной. Обернется, поглядит, плыву я за ним или нет, и шлепает дальше. Он вел меня по ледяным тоннелям, мимо айсбергов высоких, как дома в Москве.

Эти говенные воды он знал, что правда то правда. Но спустя три дня я потерял его. Он скользнул в расщелину между двумя айсбергами, а я поплыл кружным путем, и когда оказался на другой стороне, его уж и след простыл. Тогда далеко-далеко справа я увидел эскимосов в каяках. Они взяли меня с собой на остров, досыта напоили бульоном, накормили моржатиной, и я проспал целых два дня. Когда я спросил, кто вывел меня к ним, они удивились. Они ничего не знали и сказали только, что ни один охотник еще не забирался так далеко. Поэтому я до сих пор понятия не имею, кто это был. А хотелось бы знать.

Майкл кивал. Он сказал:

— Шаманам бывают видения.

— А? Да черт с этим. В общем, я отправился вместе с эскимосами-кочевниками через льды в Гренландию, да так здесь и остался. Охота здесь чертовски хороша, а человек отвечает только перед самим собой и больше ни перед кем. Все путем.

Некоторое время они сидели молча. В трубке Зарка тихонько потрескивал тлеющий табак. Наконец Зарк пошевелился и сказал:

— Пора в дорогу. Мне хочется, чтобы через пару часов вы уже были бы в Сагитаке.

25

Ветер внезапно стих, и на смену ему пришел полный покой, подействовавший на Виргу самым странным образом: профессора вдруг охватили тревога и страх, заледенившие его изнутри так же, как морозный ветер леденил его щеки. Не слышно было даже хриплого, прерывистого дыхания собак, только шуршали по льду полозья, мягко, ровно, словно нарты приближались к гнезду свернувшихся кольцами белых змей.

Они продолжали движение на север. Зарк изредка выправлял курс, легко пошевеливая валец. Поднимая глаза, Вирга видел на черном своде безлунных небес яркие редкие звезды. Их тусклое серебристое мерцание расплескивалось по равнине, окрашивая ее в густо-синий цвет.

Они достигли начала пологого спуска. Зарк одним тихим словом остановил упряжку, поднялся с фонарем в руке и начал вглядываться вдаль, в задернутый занавес тьмы.

К нему подошел Майкл.

— Что-нибудь не так?

— Тихо, — велел Зарк. Он к чему-то прислушивался, обшаривая взглядом прищуренных глаз горизонт. Потом мельком глянул на звезды и вновь стал всматриваться в далекий пейзаж.

— Там нет огней, — сказал Зарк.

— Что? — не понял Вирга.

— Нет огней, — повторил Зарк. — Там впереди — Сагитак. В окнах должен гореть свет.

— Они ведут кочевой образ жизни? Возможно, они покинули поселок, — с надеждой предположил Вирга. Зарку придется доставить их на место!

— Черт, — буркнул Зарк. Он сходил к саням за ракетницей и мешочком из тюленьей кожи, раздернул завязки и вытащил красную ракету. Держа ракетницу в вытянутой руке над головой, Зарк выстрелил в сторону поселка. Послышался негромкий хлопок, их омыло алым светом, и вспышка, медленно чертившая в небе огненную дугу, высветила далекие очертания хижин и что-то еще — какой-то темный, прерывистый полукруг. Зарк напрягся, Вирга почувствовал, как это напряжение передалось Майклу. Охотник опустился в снег на одно колено и стал ждать ответных ракеты или света.

Ни того ни другого.

Жалобно заскулила собака. Другая подхватила. Черныш угрюмо молчал; когда заскулил третий пес, вожак клацнул зубами у его бока.

Зарк тряхнул головой.

— Ничего не понимаю, — негромко пробормотал он себе под нос. — *Gamma!* — крикнул он собакам, и нарты заскользили вниз по склону.

Не прошло и четверти часа, как они очутились на равнине. Ракета погасла, и их вновь обступила тьма. Вирга слышал, как тяжело дышит Зарк. Собаки натягивали постромки — может быть, они узнали место, где получали еду и отдых. Вирга напряженно вглядывался в темноту, но стариковские глаза ничего не могли разглядеть, и он проклял свою слабость.

Вдруг собаки с обиженным тывканьем остановились, сбившись в клубок, словно разом налетели на стеклянную стену.

Зарк выругался. Он крепче стиснул валец и щелкнул кнутом над головой вожака. Черныш рванул вперед, натягивая постромки, но упряжка, поджав хвосты, артачилась и упиралась. Зарк вытянул их кнутом, но ничего не добился.

На снегу отпечатались уходящие в сторону Сагитака следы множества полозьев, и Вирга рассудил, что в таком случае вряд ли их нарты наткнулись на камни или иное препятствие. Если глазомер его не подвел, до поселка оставалось около ста ярдов.

Проклинающий все и вся Зарк отшвырнул кнут, выхватил из саней ружье и бросил попутчикам: «Собаки уперлись. Я пойду вперед. Вы со мной?»

— А в чем дело? — спросил Вирга, боясь услышать ответ. Крошечная тьма впереди вселяла страх.

Глаза Зарка на миг вспыхнули.

— Это я и собираюсь выяснить. — Он взял фонарь и пошел за его желтоватым светом по изъезженному снегу. Вирга и Майкл попле-

лись за ним. Дважды Зарк останавливался, нагибался и внимательно рассматривал следы полозьев.

Позади жалобно повизгивали собаки. Неожиданно Зарк остановился и принялся. Лицо его в желтоватом свете фонаря было сосредоточенным и напряженным.

— Чуете? — спросил он Майкла.

— Нет. А что чуете вы?

— Кровь, — ответил охотник. Он поднял фонарь повыше и пошел вперед.

На снегу застыли черные лужи. Вирга старательно обходил их, чувствуя, как отчаянно колотится сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Собак больше не было слышно. Вирга затосковал полюбому, какому угодно звуку, пусть бы даже это был пронзительный вой ветра.

Зарк снова остановился и вытянул вперед руку с фонарем. Мягкий свет разлился по окровавленному снегу, заскользил вперед вдоль узкой тропы, которая постепенно расширялась, и наконец выхватил из мрака нечто такое, отчего Вирга сдавленно охнул, а Зарк застыл на месте, как вкопанный.

Перед ними был труп эскимоса в окровавленной кухлянке, привязанный сыромятными ремнями к грубо сколоченному кресту, вбитому в вечную мерзлоту. Крест был перевернут, и остекленелые глаза эскимоса находились у самой земли. Вирга вдруг вспомнил, что где-то уже видел над дверью перевернутое распятие, но внезапно прихлынувшая к голове кровь помешала ему сообразить, где именно он его видел.

Зарк посветил чуть в сторону, и они увидели на горле бедняги глубокую резаную рану. В глубине белела кость; под головой с разинутым в невыразимом, первобытном ужасе ртом натекла лужа черной маслянистой крови.

Он был не один.

Зарк быстро посветил фонарем вправо, потом влево. Они увидели длинную шеренгу трупов. Одни были выпотрошены, другие обезглавлены, и все висели на кощунственных крестах, ровным строем уходивших в темноту за пределы круга света, куда-то, как показалось им, в бесконечность. Вирга уловил запах крови, который еще издавека учуял Зарк, и с глухой тревогой заметил, что стоит в замерзшей кровавой луже. Его торбаса присыпал красный снег.

— Тридцать шесть мужчин, — внезапно сказал Зарк таким голосом, словно силы полностью оставили его. — Двадцать восемь женщин. Все убиты.

— Граница, — обронил Майкл.

— Что? — не понял Вирга, с трудом отрывая взгляд от исковерканных трупов на крестах.

— Это предостережение всякому, кто доберется досюда. Наглядный пример того, что ждет его за этой границей.

— Все, — бормотал Зарк. Он водил фонарем и, не веря своим глазам, смотрел на длинный ряд страшных распятий. Выхваченные из темноты лица устремляли на него неподвижный взгляд покрытых ледяной коркой глаз. Из разинутых перекошенных ртов рвался беззвучный предсмертный крик. Скрюченные пальцы раскинутых рук старались удержать последние крохи жизни. Эти люди умерли страшной, мучительной смертью — еще более страшной и мучительной от ужасного сознания того, что их ждет.

Зарк пошел вдоль крестов, освещая одно перевернутое лицо, другое, третье, четвертое... Одних он бережно касался, возле других останавливался и что-то негромко говорил им на их родном языке. Вирга содрогнулся и, покосившись на Майкла, понял, что тот смотрит за шеренгу трупов, на окутанные тьмой бесплодные просторы.

— Это были хорошие, славные люди, — выдавил Зарк. — Хорошие охотники, верные жены. А теперь... — Он вдруг повернулся к Майклу. — Кто это сделал?

— Ваал, — негромко ответил Майкл.

— Тот, которого вы ищите?

— Тот, которого мы ищем.

— И все это он сделал один? Один перебил всех в поселке и подвесил их, как собачатину?

— Он не один. С ним пришли и другие.

— Сколько их?

— Трое или четверо.

Зарк злобно выругался.

— Как мог человек сделать такое?

— Это были ваши друзья?

— Я знал их, — ответил Зарк. — Они спрашивали моего совета. Они доверяли мне. Я их знал.

В глазах Зарка закипала дикая злоба; казалось, она вот-вот вырвется наружу. Вирга переступил с ноги на ногу, хрустнув коркой кровавого льда.

— Что за человек, — спросил Зарк, — этот Ваал?

— То, что Ваал сделал здесь, не идет ни в какое сравнение с тем, что он творил в иных широтах, — ответил Майкл. — Это лишь бледная тень того, на что он способен. Нужно найти его как можно скорее.

Охотник повернулся и, качая головой, оглядел вереницу крестов.

— Это припахивает нечистой силой, — пробормотал он.

— Да, — подтвердил Майкл так тихо, что Вирга с трудом расслышал.

— Это последний поселок перед Великой равниной, — сказал Зарк. — Я проведу вас следом за его пташками. Но вот что: с этим Ваалом я должен сквитаться сам.

Майкл окинул собеседника оценивающим взглядом и отрицательно покачал головой:

— Нет. Этого я не могу вам обещать. Не стану объяснять почему. Я понимаю, вам хочется отомстить. Мсть бывает благородной. Но в нашем случае мсть — безнадежное дело.

Мсть. Мсть. Мсть. Это слово билось у Вирги в мозг. Он уже слышал его, оно тогда привело его в ужас. Но где это было? Где?

— Безнадежное или нет, — прогремел Зарк, — но я отомщу!

— Нет, — повторил Майкл. — Не сможете.

— Вы сами хотите разделаться с ним? Тогда вот что я вам скажу: сперва вам придется схлестнуться со мной. А я от вас мокрого места не оставлю.

— Возможно.

Они задиристо смотрели друг на друга.

— Нужно уходить, — сказал Вирга. — Здесь мы уже ничем не поможем.

Зарк моргнул. Его взгляд метнулся к Вирге. Потом, бросив последний бешеный взгляд на Майкла, он отвернулся. «Что-то здесь не так, — пробормотал он. Свет фонаря ложился на его окровавленные унты. — Черт меня побери, что-то здесь не так!» Он пошел вдоль шеренги трупов, светя в перекошенные лица. — В поселке было больше двадцати детей. Здесь их нет. Трупов нет.

— Надо уходить, — напомнил Майкл.

— Где их трупы? — не унимался Зарк, расхаживая у «барьера», точно огромный неповоротливый зверь.

— Зарк! — послышалась команда, призывающая к вниманию, резкая и холодная. Охотник остановился как вкопанный и очень медленно повернул голову к худощавому властному человеку, стоявшему рядом с ним. Майкл положил руку ему на плечо. — Уходим.

Зарк весь подобрался, готовый обрушить на Майкла поток брани, но, увидев на его лице угрюмую решимость, подавил гнев. Он стряхнул руку Майкла, резко развернулся и пошел к саням.

— Уходим, — объявил он.

На обратном пути Майкл догнал Виргу и негромко сказал:

— Готовьтесь к худшему.

— Что вы имеете в виду?

— Тела детей забрали с определенной целью. С той же целью, ради которой детей тысячами ввозили в Кувейт.

Вирга молчал, и Майкл сказал:

— Ничего. Поживем — увидим. А объяснять Зарку всю глубину власти Ваала — пустая трата времени.

Зарк щелкнул кнутом слева от жоака, и тот повел упряжку в объезд страшной преграды. Поначалу собаки робели, но неукротимый жоак натягивал постромки и яростно рычал, и остальные, поняв наконец, что их больше не заставляют бежать туда, где отвратительно пахнет смертью, дружно взяли с места. Сани помчались параллельно горизонту в ста ярдах за барьером. Как ни ругался Зарк, как ни щелкал кнутом, упряжка, как показалось седокам, битый час

отказывалась повернуть к северу. В конце концов Зарк щелкнул кнутом над головой жоака и что было сил налег на валеки. Сани вздрогнули. Собаки начали разворот и несколько минут спустя уже бежали прежним курсом, оставив позади картину смерти.

Ехали молча. Зарк, мрачнее тучи, угрюмо размышлял над чем-то, устремив неподвижный взгляд на неразличимый — во всяком случае, для непривычного глаза Вирги — горизонт. Воздух был тих и неподвижен, но и здесь, вдали от поселка, витал запах крови.

Со всех сторон путников обступала черная пустота, усеянная вездесущими звездами. Вирга видел, как частицы, сгорающие в атмосфере Земли, прочерчивают красные и голубые следы на небосводе. Один такой метеор, сверкнув на горизонте, унесся за сотни миль к востоку, и там сгорел, заливая небо ярким красным сиянием. Вирга подумал, что примитивные народы усмотрели бы в этом знак свыше, возможно, решили бы, что прогневили небесное божество. Жрецы дни напролет просиживали бы у ритуальных костров, обсуждая значение огненного знамения, споря, чего теперь ждать — засухи, голода или войны. Самым загадочным было то, что многие предсказания древних, сделанные на основании наблюдений за небом, сбывались. Всякое падение с небес, утверждали жрецы, предвещает упадок тегга фирга.

Прежде чем Майкл снова обратился к профессору, прошло добрых два часа (или так показалось Вирге).

— Вы устали? Может быть, пора отдохнуть?

Вирга отрицательно помотал головой. Он pokrивил душой — ему не хотелось задерживать их. Профессор чувствовал слабость, глаза у него ввалились, но спать он и не думал. Слишком свежи были в памяти мертвые лица, чтобы обрести желанный покой; он знал, что едва закроет глаза, как вновь увидит их и во сне сам будет одним из них, будет тщетно месить ногами кровавый снег, зная, что ему никогда не убежать от них достаточно далеко.

Время от времени Зарк останавливал нарты, уходил на несколько ярдов вперед, опускался на одно колено и замирал, вглядываясь в снег яростно прищуренными глазами. Потом он возвращался и дотошно проверял, весь ли груз надежно приторочен к саням, осматривал ружье и подливал в лампу керосин из маленькой металлической канистры.

— Как по-вашему, далеко еще? — спросил Вирга.

— Трудно сказать. Может, километр, может, десять. Может, сто. Но я не промахнусь. Сюда даже эскимосы носа не кажут. Тут ничего нет.

— Вы уверены, что мы двигаемся правильным курсом?

— Берем к востоку, вслед за птицами. Верьте мне, а я буду верить вот им. — Он коснулся уголка глаза и носа.

Звезды исчезли. Прерывистое дыхание собак и щелканье кнута Зарка слились в ритмичную мелодию. Ноги у Вирги точно налились

свинцом, глаза слипались, и он тяжело навалился на сани, увлекавшие его вперед. Вскоре окружающая местность начала меняться; теперь из вечной мерзлоты пробивались черные камни в корке наледи, а с ними соседствовали огромные торосы с темно-зелеными прожилками, этакие приземистые эскимосские небоскребы.

Сани, разгоняясь, заскользили по склонам: вниз-вверх. Зарк управлял санями с помощью валька и собственных пяток, при необходимости тормозя ими о землю.

Потом, так внезапно, что у них захватило дух, земля исчезла из-под ног. Шурша полозьями, нарты взлетели на очередной склон и ракетой помчались вниз по синему искристому льду. Майкла отбросило в сторону, и он покатился под уклон на животе. Зарк пытался тормозить, но лед был слишком гладкий. Его пальцы разжались, и, выкрикивая ругательства, он слетел с саней.

Вирга, который продолжал цепляться за нарты, увидел, что собаки пытаются не то свернуть с дороги перегруженных снаряжением саней, не то — что было уж совсем невозможно — бежать впереди них. Нарты вильнули вправо, накренились; упряжка потеряла равновесие и запутала постромки. Вирге на голову обрушилась стена снега и льда, и он на мгновение ослеп. Он услышал отчаянный крик Зарка: «Прыгайте!»

У подножия крутого склона начиналась плоская ледяная равнина. Нарты неслись прямо туда. Собаки испуганно визжали. Вирга выпустил деревянные перильца и рванулся влево, подальше от стремительно несущихся саней. Он упал на бок и покатился по стеклянной поверхности льда, пытаясь уберечь поврежденную руку. Внизу, на равнине, загрохотал по камням металл. Посыпались искры. Потом скольжение прекратилось: Вирга, тяжело дыша, лежал у подножия склона, уткнувшись лицом в снег.

Зарк, уже успевший подняться на ноги, осторожно одолевал последнюю треть спуска. Пониже барахтался, стараясь подняться, Майкл.

Вирга протер глаза и ругнулся. Черт! Три или четыре пса пострадали. Впереди темнели нарты. Собаки, так и не порвавшие своих постромок, рассеялись вокруг. Почти все они уже вскочили на лапы и ждали нового приказа, но были и такие, что неподвижно лежали на снегу.

Пересчитывая пострадавших собак, Вирга заметил вспышку света на расстоянии примерно полумили.

Он замер. Майкл был уже почти рядом. Вирга встал, не замечая боли, которая с новой силой запульсировала в руке, и показал в ту сторону.

— Свет, — сказал он. — Я видел там свет.

— Будь оно все проклято! — проворчал Зарк за его спиной. Охотник на ходу отряхивал снег с дохи. Борода у него покрылась сплошной коркой льда, и он стал похож на древнего старика. — Как пить дать, сорвало полоз, в бога душу! А собаки...

— Зарк, — спокойно перебил Майкл. Он показал на далекий мерцающий огонек.

Зарк хмыкнул и прошептал:

— Может, еще кто охотится во льдах. Но тут охота не ахти. И все же...

— Далеко дотуда? — поинтересовался Вирга. — С полмили будет?

— Пожалуй, — откликнулся Зарк. — Нет, чуток поболее. Будьте покойны, чертовы нарты грохнули о камень так, что и там было слышать. Похоже, кто-то идет сюда на своих двоих... на нартах было бы быстрее. — Он еще секунду-другую смотрел на мелькающий огонек, потом быстро отошел к нартам и стал осматривать собак, что-то негромко им говоря.

— С вами все в порядке? — спросил Майкл у Вирги.

— Да. Все отлично.

— Хорошо. Я думаю, это свет в лагере Ваала. Может оказаться, что самого Ваала там уже нет. Если так, я вернусь в Аватик и буду продолжать поиски в другом месте. А вы? Вернетесь в Америку?

— Не знаю. Понятия не имею, что я буду делать.

Коротко взвизгнула собака. Они обернулись и увидели, как Зарк замахиивается ружьем и бьет прикладом по голове второго пса. Потом третьего и четвертого. Охотник нагнулся, вынул откуда-то из-под дохи нож и перерезал постромки мертвых собак. Потом внимательно осмотрел полозья и вернулся к своим спутникам.

— Три поломали лапы, а четвертая — хребет, — сообщил он. — Еще помяло полоз. Поедем медленно, здесь нарты не починишь. Вы оба в порядке? Кости целы? Хорошо. — Зарк собрал то небольшое, что при ударе вылетело из саней, и заново привязал к нартам. Потом намотал кнут на руку и убедился, что все постромки распутаны. — Теперь, — проговорил он, — молчите. Чтoб я ни слова не слышал. Дышать тихо. Кто-то уже знает, что мы здесь. Возможно, он не знает кто мы и сколько нас, но он уже услышал, что мы здесь. Фонарем не светить! — Он взялся за валеk и очень тихо приказал собакам: — *Гама!*

26

Когда не слышно ни единого звука, который могло бы зафиксировать сознание, оно, чтобы поддерживать нервную активность, непременно изобретет что-нибудь свое — например, кажущийся треск электрических разрядов или громкий сухой звон.

В ушах Вирги этот звон превратился в протестующий рев обездоленных нервных окончаний. Профессор с Майклом шли в нескольких десятках ярдов позади Зарка, который время от времени поднимал руку, делая им знак замереть, и осторожно опускался на корточки на снег, нюхая воздух и поводя головой из стороны в сторону, чтобы не пропустить и отголоска звука.

Когда огонек впереди мигнул и исчез, они бросили нарты и больше ста ярдов прошли пешком. Но по-прежнему впереди была лишь густая беспросветная тьма. Вирга весь покрылся гусиной кожей; страх заполнил его рот привкусом крови. Рядом с ним бесшумно, как тень, двигался Майкл.

Зарк поднял руку, присел и прислушался. Вирга ничего не слышал. Вокруг камни и перевернутые глыбы льда зловещими вежами отмечали тропу, теряющуюся во мраке. Они были достаточно велики, чтобы за ними укрылось целое здание, достаточно велики, чтобы приютить сколько угодно народа — быть может, и сейчас за путниками кто-то внимательно наблюдал. Сказать по правде, Вирге вдруг действительно начало казаться, что за ним следят, хотя он гнал от себя эту мысль: у страха глаза велики. Вокруг был только грозный черный камень и блестящий лед, ничего больше.

Зарк встал.

Что-то звякнуло.

Сперва Вирге показалось, что звук пришел со стороны охотника, но тот резко повернул голову, и профессор понял, что в камнях кто-то прятался.

Они кинулись наземь, и в тот же миг среди иззубренных камней и синего льда заметалось эхо выстрела. Слева от Зарка, меньше чем в футе от него, взметнулся фонтанчик ледяной крошки, и охотник откатился в сторону. Майкл вскочил и бросился бежать. Он рывком поставил Виргу на ноги и потащил за собой под прикрытие обледенелых камней. Прогремел второй выстрел. Над головой Майкла брызнули искры. К ним подполз Зарк с ружьем. Он целиком втиснулся в щель и доложил:

— Один слева. Другой заходит сзади. Сперва придется побеспокоиться о том, что слева — второго ублюдка нельзя будет достать еще с минуту.

Грянул выстрел. Над их головами просвистела пуля, посыпались осколки льда.

— Ха! — заорал Зарк и сразу понизил голос. — Этому козлу нас не достать, но он носу не даст нам отсюда высунуть, пока не подойдет тот второй. — Он приподнялся и пристроил ружье на камнях так, чтобы дуло не плясало. Зарк не стрелял — он ждал.

Слева вновь прогремел выстрел. Вирга увидел оранжевую вспышку. Пуля пропела над их головами и улетела в сторону полюса.

— Тэк-с, — негромко пробормотал Зарк. — Давай еще разок, мразь. Ну, еще разок!

Ружье их противника вновь плюнуло огнем. Вспышка была короткой, но Зарк успел взять стрелка на мушку. Когда пуля ударила в камень перед ним и с визгом унеслась прочь, Зарк нажал на курок. Ружье вздрогнуло. Зарк мгновенно обернулся и обстрелял человека в дохе, подбравшегося к ним сзади. Их разделяло около двадцати футов, но незнакомец отлетел назад и, приоткрыв рот, свалился на

обледенелые камни. Его ружье с грохотом съехало вниз и, крутясь, подкатилась почти под ноги Вирге.

Зарк ждал, напряженно щурясь. Наконец он сказал: «Готово!» — и поднялся. Он пошарил под дохой и нащупал керосиновую лампу, подвешенную к поясу на короткой веревке. Стекло потрескалось, но ни капли керосина не вытекло.

— Вы знали, что они там, — упрекнул Майкл.

— Знал. Пришлось сделаться мишенью. Но, надо сказать, этот гад чуть не снес мне башку. — Увидев лица Майкла и Вирги, Зарк хохотнул: — Нельзя застрелить того, кого не видишь. Зато можно засечь другую цель — вспышку выстрела. Не лень подойти туда? Я покажу вам дырку у него в сердце.

— Я верю вам на слово.

— Так я и думал. Ладно. Все мы в одной связке. Святоша, если вы прихватите ружье нашего друга, мы сможем пойти дальше. Ну же, оно не укусит. Молодчина. Повесьте его на плечо.

Они двинулись вперед в обход камней. Вирге повсюду чудились черные тени, везде мерещились люди с ружьями. Ему доводилось стрелять только из пистолета, только по бумажным мишеням и очень давно. В огнестрельном оружии профессор разбирался слабо, но с ружьем за спиной все-таки чувствовал себя в большей безопасности. Его тяжесть вселяла в Виргу уверенность.

Шли молча. Под ногами сухо поскрипывал снег. Глыбы льда вокруг неуклонно увеличивались в размерах. Здесь к небу тянулись острые каменные пальцы, там за путниками следили призрачные, мертвенно-голубые ледяные лица. Зарк по-прежнему время от времени приседал и прислушивался; Вирга посматривал по сторонам, а Майкл наблюдал за тылами.

Зарк остановился, точно зверь, почуявший добычу, и Майкл остановился рядом с ним.

Впереди, там, где ледяные и каменные громады расступались и начиналась новая равнина, виднелось длинное сборное строение с высокой кровлей. Стены и крышу покрывал лед, широкие двери, похожие на двери ангара, открывались наружу. В щелку сочился тусклый свет. Справа от строения высилась радиобашня с тонким шпилем. За ней обледенелая тропка вела к новому нагромождению камней.

Сделав своим спутникам знак молчать, Зарк остановился. Он снял с пояса керосиновую лампу и зажег ее. Потом привязал ее к стволу ружья и, держа его в вытянутой руке, двинулся вперед. Они шли за кружком света по снегу, истоптанному множеством ног. Оказавшись у длинного строения, Зарк бесшумно и осторожно приоткрыл створку двери, чтобы проскользнуть внутрь. Треснул лед, намерзший на дверях.

Зарк остановился на пороге и посветил фонарем. Внутри среди штабелей ящиков стоял черный вертолет без опознавательных знаков. В глубине ангара, в закутке, освещенном тремя керосиновыми

лампами, работал передатчик, слышен был треск помех. Зарк снял лампу с ружейного дула и двинулся в сторону радиорубки. Вирга и Майкл последовали за ним.

Глаза Вирги настолько привыкли к темноте, что, очутившись в комнатухе, он в первый миг зажмурился. Перед передатчиком стоял стул, рядом — столик, а на столике — кофейник и чашка.

Зарк пощупал кофейник.

— Еще теплый.

Послышался топот: по ангару кто-то бежал. Зарк грубо оттолкнул своих спутников в сторону и встал в дверях радиорубки, вскинув ружье. Какой-то мужчина как раз выскакивал из дверей ангара на снег. Ружье Зарка глухо бухнуло. Человек вскрикнул и упал.

Майкл первым очутился подле него. Он перевернул тело на спину и увидел, что пуля снесла несчастному темя. На изможденном, усталом лице застыл ужас. Этого человека он видел впервые. «Узнаете?» — спросил он Виргу, оглядываясь через плечо.

— Нет.

— Ублюдок наверняка прятался за ящиками, — буркнул Зарк. — Это радист.

— Ни к чему было убивать его, — сказал Майкл, вставая. Вирга впервые увидел, как в глубине его глаз разгорается багровое пламя гнева. — У него можно было узнать, где Ваал.

Зарка ошарашила ярость, отразившаяся на лице Майкла. Он справился с собой и весь напряжился под дохой.

— Черт возьми! — сказал он. — Если он один из тех, кто уничтожил эскимосский поселок, он заслужил смерть! Я не задаю вопросов мертвецам!

— Мне кажется, — твердо сказал Майкл, — что вы думаете главным образом тем пальцем, которым нажимаете на курок.

Лицо охотника потемнело от гнева. Он сжал кулаки и шагнул вперед.

— Ваал еще здесь, — резко вмешался Вирга. — Сейчас не время ссориться. Коль скоро нужны были вертолет и радист, значит, Ваал еще здесь.

Зарк несколько секунд смотрел на Виргу, потом снова уставился на Майкла.

— Он прав. Отбой.

Майкл успокаивался на глазах. Казалось, он недоволен собственной несдержанностью. Он сказал:

— Хорошо. Если он еще здесь, мы найдем его.

Зарк показал на тропинку, исчезающую в грозном нагромождении камней, и пошел по ней, осторожно ступая по скользкому льду. Не прошли они и сотни футов, как охотник поднял руку, веля им остановиться. Рука дрожала.

Впереди был лабиринт из льда и строительных блоков. Огромные тесанные ледяные глыбы поддерживали обледевшую крышу. Во все

стороны расходились петляющие коридоры. Это было расползшееся сооружение, возникшее, казалось, из кошмара — бесформенное, бессмысленное, извилистый лабиринт ледовых тоннелей.

Но не это остановило Зарка. Он выставил фонарь вперед; свет отразился от льда по сторонам тропинки, и охотник застыл, дикими глазами глядя куда-то мимо света.

Во льду что-то было.

Маленькое, темное, таких очертаний, что Виргу до костей пробрал холод. Он не смел глядеть и не мог не глядеть, замороженный кошунственностью этого зрелища. Зарк сделал шаг вперед, сипло дыша сквозь стиснутые зубы, и поднес лампу ко льду. Желтый свет ясно обозначил открытые глаза, широко раскрытый, забитый тьмой рот, скрюченные пальчики маленького эскимоса. И справа, и слева свет выхватывал тела, тела, тела. Лед был напигован детскими трупиками, застывшими как бабочки под стеклом. Трое вошли в страшный музей смерти. Вирга почувствовал слабость и дурноту; он покачнулся и упал бы, если бы Майкл не обернулся и не подхватил его. Казалось, все глаза молят его о милосердии, рты вопиют о мести.

Мечь.

Мечь.

Вирга с силой тряхнул головой, избавляясь от наваждения.

— Господи! — хрипло выдохнул Зарк, хватаясь за ледяную стену, чтобы не упасть. Но он тут же отдернул руку: его ладонь накрыла пару молящих глаз.

— Я предупреждал вас, — проговорил Майкл, не отпуская руку Вирги, — готовьтесь к худшему. Древний культ Ваала означал жертвоприношения детей и погребение их тел в стенах жилищ, что, по языческим понятиям, отвращало беду. Я же сказал вам — готовьтесь.

Зарк тряс головой, не веря своим глазам. Он не мог оторвать взгляд от рассыпанных во льду страшных силуэтов. Такого он еще не видывал. Он потерял почву под ногами и плохо сознавал, что к чему.

— Нужно идти дальше! — сказал Майкл. — Они мертвы, и им уже ничем нельзя помочь. — Он взял у Зарка фонарь и зашагал по тропинке, потом остановился и стал ждать, когда его спутники придут в себя. Виргу тихо стошнило. Он вытер лицо и пошел за Майклом.

Они вошли в ледовые коридоры. Свет одинокого фонаря пятном ложился на сборный пол и мерцал в открытых глазах детей по обе стороны тоннеля. Зарк старался держаться подальше от трупов, поближе к середине прохода. Они шли и шли, забредая в бесчисленные тупики и возвращаясь по своим следам в один, другой, третий погребальный зал. Коридоры водили их кругами, раздваивались, раstraивались, оканчивались в пустых, похожих на склепы пещерах. С каждой глухой стеной, в которую упирались путники, Майкл все больше мрачнел, и выражение его лица делалось все решительнее.

Поиски продолжались; путники, избегая смотреть на умоляющие детские личики, все дальше углублялись в ледовый лабиринт — коридор за коридором, сотня за сотней переходов. Вирге начало казаться, что им никогда не найти пути назад. Они навсегда останутся здесь, и никто не найдет их замерзшие трупы даже через тысячу лет. Профессор чувствовал, как смыкаются стены, сужаются коридоры — скоро скованные морозом пальцы дотянутся до них из-под льда и утянут к себе. Он был на грани нервного срыва и начинал опасаться за свой рассудок. Я не могу идти дальше, сказал он себе. Боже милостивый, не могу.

Но тут коридор резко повернул направо, и они увидели кого-то, кто сидел в кресле в огромном ледяном зале.

Майкл остановился. Из его ноздрей вырывались белые облачка пара.

Человек сидел в темноте. Майкл вытянул руку, и фонарь осветил горящие глаза над свирепо перекошенным ртом. На человеке была тяжелая шуба из темного меха. Руки покоились на подлокотниках кресла.

— Итак, ты все же нашел меня, — негромко резюмировал Ваал.

— Нет, сукин ты сын! — загремел голос разъяренного Зарка. Охотник вышел из-за спины Майкла, поднимая ружье для выстрела в упор. — Это я тебя нашел!

— ПОДОЖДИ! — сказал Майкл. Зарк качнулся назад и затряс головой, как от удара. Он медленно опустил ружье и стоял, глядя на Майкла.

Ваал рассмеялся. В его холодном смехе не было ни капли веселья.

— Давай, Майкл. Пусть выстрелит. Ты! Иди сюда!

Зарк пошевелился. Он заморгал, взглянул в темные глаза Ваала, сделал шаг вперед, и Майкл немедленно очутился перед ним, загораживая ему дорогу. Майкл с силой проговорил:

— Ты не сделаешь ни шагу дальше. Вы оба с места не сойдете, понятно? Я хочу, чтобы вы очень ясно поняли: вы никогда не будете приближаться к Ваалу, я всегда должен находиться между вами и им. Вы не будете смотреть ему в глаза. Вы ни под каким видом не будете прикасаться к нему или позволять ему прикасаться к вам. Понятно? — Он встряхнул Зарка. — Понятно?

— Да, — хрипло проговорил Зарк. — Понятно.

— То же самое относится и к вам, доктор Вирга.

— Да. Ладно.

— Доктор Вирга? — Ваал посмотрел на профессора, но тот отвел глаза. Ваал отрывисто рассмеялся. — Ладно, ладно. Мой славный доктор Вирга! Я вижу, вы поранили руку. Какая жалость! Вероятно, вы уже никогда не сможете пользоваться ею. Скажите, а левой рукой вы можете мастурбировать?

Настороженные глаза Майкла над фонарем горели золотом. Он сказал:

— Твое время истекло. Ты начертал свое имя пылающими буквами зла. Теперь этому пришел конец.

Вaal чуть заметно подался вперед.

— Ну уж нет. Ты опоздал. Да, ты нашел меня. Но теперь, когда ты нашел меня, что ты можешь сделать? Ничего, отроде гулящей девки. Ничего! Мои ученики в Америке, Африке, Южной Америке разносят весть о воскресении мессии. На Ближнем Востоке огромные толпы требуют войны с евреями, дабы покарать негодяев за мою смерть. Вскоре в конфликт окажутся втянуты супердержавы. Им никак этого не избежать — район слишком важен стратегически, слишком необходимы для существования их цивилизации нефтяные промыслы. Начало будет банальным: несколько ракет, может быть, яростная пехотная атака... — Он улыбнулся, медленно и насмешливо. — Видишь? Ты ничего не можешь сделать. А я с удовольствием пообщаюсь с жидами. Мой повелитель ударит в самый центр хаоса.

— Кого ты отдал на растерзание толпе в Кувейте?

— Американского еврейчика, корреспондента какой-то газетенки. Мы «уговорили» его выстрелить. Потом мои ученики распустили слух, что это — американо-еврейский заговор. На следующий день средства массовой информации сообщили, что Ваал погиб от руки террориста-еврея, выпустившего в него две пули. Бейрут отреагировал как мы и ожидали: волной праведного гнева, переросшего в жажду праведной мести. Тело — естественно, не мое — кремировали, а пепел поместили в золотую урну. Арабы теперь вооружены моим учением; их ярость, вызванную гибелью живого Мухаммеда, не остановить. Нет, Майкл... ты опоздал.

— На этот раз я пришел подготовленным, — заметил Майкл.

Вaal наклонил голову:

— Да? Каким же образом?

— Как и все те, кто предался темным силам, ты не можешь противостоять могуществу Креста. Он сжигает тебя своей чистотой. Ты, как все сатанисты, способен лишь глумиться над ним, перевернутым.

— Ах вот как? — негромко откликнулся Ваал. — Осторожнее. Ты недооцениваешь меня. Ты судишь о моей нынешней силе по моей прошлой слабости.

— Напрасно ты так думаешь, — заметил Майкл.

— Что же ты намерен предпринять? Выжечь крест в моей плоти? Распять меня и бросить в снега? Бесполезно, Майкл. Иисус из меня получится неважнецкий. Я лишь найду иной подход.

— Знаю.

Зарк наконец опомнился. Еще слабым голосом он проговорил:

— Оставь его мне. Я выпущу ему кишки.

Вaal рассмеялся.

— Да, Майкл. Да. Оставь меня этому тупице и отправляйся обратно в твердой уверенности, что тебе никогда больше не придется иметь дела со мной. Он не подкачает, Майкл.

— Нет. Ты пойдешь с нами. Ты выведешь нас отсюда.

— С какой стати? Я могу не согласиться — плутайте по этим коридорам, покуда не выбьетесь из сил. И тогда... — Он усмехнулся, холодно глядя на своих противников.

— Ты выведешь нас отсюда, потому что одна из твоих величайших слабостей — любопытство. Тебе захочется узнать, как я подготовился к нашей встрече.

— Когда мы встречались в последний раз, в Неваде, я был куда слабее, чем сейчас, — с угрозой сказал Ваал. — Берегись! У меня сила миллиона — нет, больше. Ты твердо уверен в том, что хочешь бросить мне вызов?

Майкл хранил молчание.

— Подумай, — продолжал Ваал. — Хорошенько подумай, Майкл. Перейди ты на мою сторону... подумай, что мы получили бы! Все! Ты был бы не наемником таких вот ублюдков, — он кивнул в сторону Вирги и Зарка, — ты был бы господином и повелителем! Как можно отказываться от подобной власти?

— А твой хозяин? Ты что же, и впрямь полагаешь, что когда ты отдашь ему все, чего он желал, он поделится с тобой трофеями? Ты действительно думаешь получить на откуп Израиль?

Ваал прохрипел:

— Он снова будет моим.

— Встань, — приказал Майкл.

Ваал не шелохнулся. В его темных глазах вдруг появился красноватый блеск, и вот уже на бледном как смерть лице горели багровые уголья. Ваал чрезвычайно медленно и осторожно поднялся с кресла. Его взгляд метался между Зарком и Виргой.

— Пора поразвлечься, — проговорил он.

Майкл подошел к нему почти вплотную и угрюмо распорядился:

— Ты выведешь нас отсюда. Пойдешь впереди.

— А если я откажусь?

— Тогда и ты отсюда не выйдешь.

Ваал кивнул.

— Значит, ты все-таки решился? Значит, так? По примеру святых мучеников, которых ты тщишься превзойти, ни дна им ни покрывки?

— Если понадобится — да.

— Вонючий сукин сын, — прорычал Ваал. — Трусливый херосос.

— Я сказал, пойдешь впереди нас. Доктор Вирга, дайте нам пройти.

Вирга отошел на почтительное расстояние, пропуская Майкла и Ваала. Когда Ваал проходил мимо, на профессора нахлынуло отвращение и вместе с тем странное желание протянуть руку и коснуться этого человека. Рядом с Ваалом очутился Майкл, и порыв Вирги прошел. Ваал, судя по всему, прекрасно представлял себе, какие движения души вызывает у окружающих. Он с ухмылкой обернулся, ожег профессора взглядом огненных ярко-алых глаз и вышел в коридор.

Майкл с фонарем шел за Ваалом, Вирга и Зарк замыкали шествие. Зарк не переставал трясти головой, словно прогонял дурман, и что-то бормотал себе под нос.

— С вами все в порядке? — спросил Вирга.

— Оставьте его мне, — ответил охотник. — Оставьте его мне.

Наконец им в лицо пахнул чистый холодный воздух: страшный лабиринт смерти остался позади. Они прошли мимо антенны и ангара и двинулись через камни по тропинке, которая должна была привести их к нартам Зарка. На морозе Зарк полностью пришел в себя. Держа ружье наготове, он наблюдал за тылами на случай возможного нападения. Собаки возле нарт не сразу почуяли Ваала и радостно заворчали, приветствуя Зарка. Но вот их ноздрей коснулся чужой запах, и они мгновенно заскулили и, поджав хвосты, стали пятиться от приближавшихся фигур. Даже вожак дрожал.

Зарк пошел вперед, чтобы успокоить их.

— Рабочая скотина, — фыркнул Ваал. — Вот ты кто, Майкл. И быть тебе рабочей скотиной, покуда ты не найдешь в себе смелости покончить с этим.

Майкл извлек из горы снаряжения, привязанного к нартам, полотняный сверток. Оттуда он достал наручники, соединенные короткой цепочкой, и пошел к Ваалу. Тот равнодушно наблюдал за Майклом и даже вытянул вперед руки, чтобы их сковали. Майкл надел на него наручники и зашелкнул их.

— Дурак, — сказал Ваал прямо в лицо Майклу. — Жалкий дурак.

27

Зарк намотал кнут на руку и взглянул на Майкла:

— Что вы сказали?

— Я сказал, — ответил тот, — что мы не едем в Аватик.

— А куда ж мы едем?

— К морю. Я хочу, чтобы вы вывели нас к замерзшему морю.

— Чего? — переспросил Зарк. — Да до побережья самое малое два дня пути. С *этим* я не поеду.

— Не бойтесь, — сказал Майкл. — Пока вы будете делать так, как я прошу, вам нечего будет бояться.

— Почему к морю? — полюбопытствовал Вирга.

— Потому что так надо. Больше я ничего не скажу. — Ваал, стоявший чуть поодаль, следил за ними горящими глазами.

Зарк все еще колебался. Он тряхнул головой.

— Ничего не понимаю. Не понимаю ни этого вашего Ваала, ни вас.

— От вас это и не требуется. Просто доверьтесь мне и делайте, как я прошу.

Несколько секунд Майкл выдерживал пристальный взгляд Зарка. Потом охотник кивнул и сказал:

— Ладно, черт подери. К морю так к морю. Но только до берега, на лед не лезу. А почему не убить эту мразь здесь и сейчас?

Майкл не ответил. Он демонстративно повернулся к Зарку спиной и отошел к Ваалу, чтобы загородить от него своих спутников.

Зарк выругался и щелкнул кнутом над головами упряжки. Собаки рванулись вперед, и нарты с поврежденным полозом тяжело снялись с места. Вирга увидел, что за ними остается глубокий кривой след.

— Не нравится мне это, — сказал Зарк Вирге. — Надо было прикончить эту мразь здесь и уехать. Он заслуживает смерти.

Вирга промолчал. Он был в смятении. Столкнувшись с Ваалом лицом к лицу, профессор вдруг усомнился в том, что кто бы то ни было, даже Майкл, в силах обуздать этого человека. Паника, внезапно охватившая его под злобным взглядом Ваала, еще сосала под ложечкой. Вирге казалось, что он вечно будет видеть эти страшные красные глаза. Он не смел и гадать, зачем Майклу понадобилось к морю, и не мог избавиться от ощущения, что сила Ваала вот-вот вырвется на волю во всей своей необузданной дикости, обратится на них и испепелит. Тогда им не поможет никакой Майкл. Взмокший от страха Вирга вздрогнул. Он чувствовал себя бесконечно одиноким, беспомощным, грубо вырванным из привычной университетской жизни, изменившимся раз и навсегда. А сколько у него накопилось вопросов! Они витали подле него, и он отшатывался под их натиском.

— Сукин сын! — крикнул Ваал Майклу. Они шагали справа от еле ползущих нарт. — Сволочь!

Вирга опустил подбородок на грудь и ухватился за нарты, чтобы не упасть, стараясь отгородиться от потока чудовишных непристойностей, лившегося из рта Ваала. Поток этот не иссякал, а лишь набирал силу, и выкрики становились все вульгарнее. Ваал бесновался над самым ухом у Майкла, и Вирга восхитился выдержкой своего спутника. Потом голос Ваала изменился, хриплый баритон превратился в истошный детский визг. — Херосос! Попам задницу лижешь! Я убью тебя! А тебе меня не уничтожить, ты раньше сгниешь! — И вдруг — невероятно! — молодой женский голос. Вирга обернулся. Зарк усилием воли не позволил себе оторвать взгляд от ледяной равнины впереди. — Глаза твои вывалятся из орбит, сукин ты сын! Я прикажу ослепить тебя! Будь ты проклят! Будь ты проклят!

Вирга заткнул уши.

Зарк резко обернулся.

— ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ!

И голоса — голос Ваала — неожиданно стихли, и льды услышали смех, низкий и ленивый, довольный и благодарный, словно смеялся кто-то, кто только что выиграл шахматную партию.

Собаки, поскуливая, натягивали постромки; нарты царапали лед. Шагая, Вирга слышал, как полозья то шуршат по снегу, то со скрежетом проходят по камням, шурр-скрип, шурр-скрип, шурр-скрип, пока в голове у него не загудело от этих чередующихся звуков.

Не открывая глаз, по одним только звукам, доносившимся из-под полозьев, он определял, что под ногами: плотный, слежавшийся снег или гладкий лед, камни величиной с кулак или камни с бритвенно-острыми краями, способные изрезать собакам лапы. Однажды, изучая свои новые способности, Вирга задремал на ходу, а когда вновь открыл глаза, то оказалось, что он смотрит на Ваала. Покрывшись испариной, перепуганный Вирга с усилием отвернулся.

Он остушился и упал, и Зарк остановил упряжку. Он помог профессору подняться и крикнул Майклу:

— Надо передохнуть. Не то протянем ноги.

Майкл подумал и согласился.

— Что ж, хорошо. Привал.

Зарк поставил палатку из медвежьей шкуры и забрался внутрь. Вирга — от усталости у него дрожали ноги и руки, а лицо застыло на морозе, превратившись в неподвижную маску, — заполз следом и, тяжело дыша, привалился к стене. Снаружи заскулили собаки: подошли Майкл с Ваалом. Майкл первым залез в палатку, дождался, пока в нее заползет Ваал, и опять демонстративно уселся между ним и остальными.

Зарк развернул пакет с моржатиной и отрезал ломоть для Вирги. Профессор жадно впился в него зубами. Охотник предложил кусок Майклу (тот отказался), отрезал порцию себе, после чего аккуратно завернул мясо и убрал. Откуда-то появилась трубка. Зарк раскурил ее, откинулся на туго натянутую стенку палатки, закрыл глаза и затянулся.

Вирга свернулся калачиком, чтобы было теплее.

Майкл и не пытался заснуть. Взгляд Ваала жег ему затылок. Он сидел, скрестив ноги, и смотрел на своих усталых товарищей, погруженных в глубокий сон без видений.

И вдруг палатку заполнил страшный пронзительный вопль, от которого даже у Майкла по телу поползли мурашки. Вирга вскинулся, вытаращив воспаленные глаза: ему почудился крик Нотона в темном углу пропахшей злом трапезной. Зарк спросонок схватил ружье и выскочил из палатки в метель.

Вирга понял, где находится, и потрянул головой. По палатке распространилось смрадное дыхание. Ваал в своем углу негромко смеялся, скаля зубы. Глаза его горели как уголья.

Через несколько секунд в палатку ввалился Зарк. У него заиндевели ресницы, в грязную бороду набился снег.

— Там был медведь! Я слышал! Черт меня подери, если я не... — Услышав издевательский смешок, охотник осекся, и его щеки залил румянец гнева. — Ах ты сукин сын! — рывкнул он, пытаясь мимо Майкла дотянуться до Ваала. — Убью!

Майкл перехватил его руку.

Смех внезапно стих.

Ваал проговорил:

— Дотронься до меня. Ну! Давай!

— Сядьте, — велел Майкл.

— Я убью его, — Зарк выдыхал облака пара. — Клянусь, я убью его!

— Сядьте, — резко повторил Майкл. Он сдвинул руку Зарка, и взгляд охотника медленно прояснился. Он устало плюхнулся на снег, под стену палатки, и замер.

— Я не дам вам спать, — прошептал Ваал. — Попробуйте уснуть — и все повторится. Очень скоро вы превратитесь в комки нервов и будете пугаться даже моего дыхания. Рискните, — он усмехнулся. — Закройте глаза.

В оцепенелом от мороза мозгу Вирги еще витал образ Нотона: молодой человек лежал навзничь в загаженном углу и что-то шептал, шептал...

— Убейте его, — пробормотал Зарк. — Сейчас же.

Что это было? Что он сказал? Что он сказал?

— Есть только один путь. Ты! Эскимос! Нет, не отворачивайся. Ты мне нужен. Мы с тобой уйдем отсюда... этих двоих мы оставим здесь и вернемся в Аватик. Как только мы избавимся от них, я дам тебе выспаться. Слушай меня, — шептал Ваал. — Слушай!

Майкл решительно сжал могучее плечо охотника.

— Оставляйтесь там, где вы есть, — негромко велел он.

— Если ты не выспишься, ты не сможешь идти. Ты никогда не доберешься до моря. Упадешь замертво на дороге.

Вирга дрожал. Он видел, как Нотон открывает рот — шире, шире...

— Отпусти меня, — не унимался Ваал.

Нотон прошептал: «Ме...»

— Мсть, — закончил Вирга.

Майкл равнодушно взглянул на него. Ваал молчал.

Вирга спросил:

— Что вы хотели этим сказать? Когда я спросил, какую цель преследует Ваал, и вы и Нотон ответили: мсть.

— Нотон? — прошептал Ваал из своего угла. — Вы нашли Нотона? Ублюдок! Проклятый предатель! Надо было вырвать ему глаза и язык!

— Однако, — заметил Майкл, — вы этого не сделали. — И добавил, обращаясь к Вирге: — Да, я так сказал. Такова правда.

— Для вас — может быть. Но мне это недоступно. А здесь творятся вещи столь далекие от моего понимания, что я начинаю терять рассудок!

Зарк проговорил:

— Мы должны убить его здесь, сейчас же, — и хрипло забормотал что-то невнятное.

— Я с самого начала говорил вам, — напомнил Майкл Вирге, — что многое из того, чему вы станете свидетелем, будет выше вашего понимания.

Вирга продолжал:

— Я хочу знать. Я должен знать.

— Тогда для начала уясните вот что. Назад пути нет. Вы никогда не будете собой прежним. Вы застрянете между жизнью после смерти и смертью при жизни. Если вы решите заговорить, вас не станут слушать. Вас заклеят как безумца.

— Я уже не смогу повернуть назад, — признался Вирга.

Майкл некоторое время молчал, безжалостно выискивая что-то в глазах профессора. Ваал за его спиной дышал, как зверь в период гона. Наконец Майкл сказал:

— Вы будете слушать меня, но не будете слышать. То, о чем я буду говорить, недоступно человеческому пониманию. Вы верите в Иегову?

Вопрос удивил Виргу. Он ответил:

— Да, конечно.

— Значит, вы верите и в Сатану?

Вирга ответил, но уже менее уверенно:

— Да...

— Великие силы. Свет и тьма. Одна — терпелива и терпима, другая — безрассудна и жестока, и обе — воительницы. Меж ними — смешение стихий, смешение элементов, Сущее. В сочетании добра и зла есть некая завершенность. Вы понимаете? Без одного не может существовать другое — таков Закон. Закон Сущего. Он основа космического равновесия; сместите баланс сил, и воцарятся хаос и безумие. Что вы сейчас и наблюдаете.

— Пес! — прошипел Ваал.

— Сатана никогда не был второстепенной или производной силой. Он — тьма, уравнивающая свет Иеговы. На заре времен Иегова и Сатана вместе создали космос. Космос был и есть сочетание небесного и демонического начал. Ваши предки были его частью. Вы его часть. Часть его и Ваал.

— Языческой бог, чьим именем назвался этот человек, — пояснил Вирга.

Ваал негромко гортанно засмеялся.

Майкл возразил:

— Нет. Перед вами лишь брэнная оболочка, сущность же представляет собой бесформенный сгусток энергии. Это Ваал в том обличье, которое делает его приемлемым для человеческого глаза. Для тех, кого он жаждет подчинить себе.

Вирга сидел очень тихо. Рядом с ним хрипло дышал Зарк.

— Свет и тьма не всегда враждовали. Сатана, как я уже говорил, безрассуден. Его заботит лишь одно: как накопить больше сил, стяжать большую власть. Отмените Закон Сущего, и с ним исчезнет и Сатана — но его, точно слюнявого пса, волнует лишь сиюминутное. В начале творение равно признает лишь два божества: бога света и бога тьмы. Но Сатана смекнул, что можно прирастить свои силы,

сделав демонов языческими богами. Одним из самых удачливых оказался Ваал; он уже был силен и снедаем безрассудной жадой власти и величия. По наущению Сатаны Ваал стал ханаанским божеством. Он требовал от хананеев жертвоприношений детей, склонял их к содомскому греху, блуду, осквернению храмов. Сатана был доволен; все больше демонов с его легкой руки объявляли себя божествами перед смятенным и ныне истерзанным творением. Иным способом Сатана не мог превзойти Иегову. Все это Иегова терпел, покуда Сатана не покусился на иудеев, избранный Иеговой народ, стремясь свергнуть их в пучину тьмы и чернокнижия. Равновесие нарушилось. Желая дать урок Сатане, Он обрушился на Ваала, самого удачливого из демонов, и с помощью израильтян сровнял Ханаан с землей. Гнев Его был ужасен; Он приказал Своему небесному воинству сжечь грешный город дотла, дабы земля обратилась в огненный камень бесплодный. Вааловы идола и храмы были разрушены, те же, кто поклонялись демону, стерты с лица земли. В Ваале сочетались обе силы, свет и тьма, но он предал первую и теперь ищет убежища у второй.

— Ложь, — прошипел Ваал позади Майкла. — Ложжжж.

— Урон был нанесен. Сатана узнал вкус крови. И тогда началась битва, исход которой решит: быть или не быть Закону Мироздания. Она бушует здесь, сейчас. Сатана через Ваала обрушивает на творение хаос, Ваал же стремится отомстить, истребить израильтян, уничтоживших Ханаан, его царство. Он успел переменить множество обличий, и с каждым новым воплощением оказывался на шаг ближе к цели, своей и своего хозяина. Ваал — безумное божество, одержимое силами тьмы.

Вирга дрожал, но ничего не мог с собой поделать. Стараясь унять эту дрожь, он запинаясь проговорил:

— Ваал человек... всего-навсего человек...

— Как угодно, — мягко ответил Майкл. — Вы спросили, я ответил.

— Отпустите меня, — детским голосочком попросил Ваал.

— Нам нельзя останавливаться. Вы готовы пойти дальше? — Майкл внимательно посмотрел на Виргу.

Зарк рядом с Виргой открыл глаза и принялся растирать затекшие шею и плечи.

— Не знаю. Не знаю. Я очень устал.

— Я спрашиваю о другом. Вы готовы пойти дальше по избранному нами пути?

— Нет, Майкл, — вмешался Ваал. — Брось свою затею. Отпусти меня. Присоединяйся ко мне.

Майкл посмотрел на охотника.

— Вы в силах идти?

Зарк растирал руки. Он взглянул на Майкла, потом на Виргу, потом снова на Майкла.

— Да, — ответил он.

— Хорошо. Доктор Вирга?

Вирга не знал, что ответить. Ему вдруг стало трудно дышать.

— Я так устал, — пробормотал он.

— Я ведь предупреждал вас. Разве нет? — спросил Майкл. — Мы должны как можно скорее добраться до моря. Выбор прост: или вы идете с нами, или мы бросаем вас здесь.

Вирга взглянул на него, удивленный поставленным ультиматумом. Он провел рукой по лицу:

— Хорош выбор! Я иду с вами.

Майкл кивнул:

— Отлично. Мы с Ваалом первыми выбираемся из палатки. Потом вы и Зарк.

Палатку из медвежьих шкур свернули и привязали к нартам, Зарк свистнул, поднимая собак, меховыми клубками лежавших на снегу, упряжка вновь натянула постромки, с которых осыпался иней, и нарты вновь покатали по бесплодной ледяной равнине, оставляя неровный извилистый след. Путники шли, как и прежде, Зарк и Вирга у самых саней, Майкл, живой щит между ними и Ваалом, поодаль справа. Мороз больно кусал Вирге щеки, но вместо того, чтобы бодрить, лишь усугублял неимоверную усталость, и вскоре подбородок профессора снова опустился на грудь. Пошатываясь, Вирга брел вперед, не зная, где он.

Через несколько минут — или часов — кто-то окликнул его шепотом: «Вирга!»

Профессор тряхнул головой. Это ему пригрезилось. Шаги сливались в непрерывный глухой ритм. Он парил между сном и явью, страхась и того, и другого.

«Вирга», — снова прошептал кто-то.

Он открыл глаза.

Впереди маячила широкая спина Зарка, из-за косматой дохи похожая на медвежью. Размерно бежали собаки, из-под лап летела ледяная крошка. Вирга медленно повернул голову направо, где во мраке шагали двое, и не смог различить их лиц. Он прищурился.

За плечом Майкла горели красные глаза Ваала. Сам Майкл не замечал этого. Виргу вдруг закружил бездонный водоворот — ниже, ниже, ниже...

Красные глаза вспыхнули, как страшные маяки.

— Джеймс, — окликнула она. — Джеймс!

Вирга вскрикнул: «Кто это?» — однако этот голос был хорошо ему знаком, и он задохнулся от волнения, в горле встал ком. Сердце профессора учащенно забилося. Я хочу слышать твой голос, сказал он. Я хочу слышать твой голос.

— Джеймс, — снова проговорила она так умоляюще, что сердце Вирги едва не разорвалось. На его глаза навернулись слезы, и он

поспешил вытереть их, пока они не замерзли. — Я здесь, рядом с тобой. Разве ты не видишь меня?

— Нет, — прошептал он. — Не вижу.

— Я здесь. Ты нужен мне, Джеймс. Я не хочу возвращаться.

— Возвращаться? Куда?

— Туда, где я была, — ответила она, сдерживая рыдания. — Туда, где страшно и холодно, где серые стены. Я не понимаю, Джеймс. Не понимаю. Я помню падение. Помню больницу и людей, которые склонились надо мной. И... ничего. Все исчезло... все стало серым, как эти стены. Я не могу туда вернуться. Пожалуйста, не заставляй меня возвращаться.

Напрягая глаза, Вирга всмотрелся в далекую тьму, но там ничего не было. Он не увидел Кэтрин. Обжигающее дыхание холода напомнило профессору, что он не спит, и все же Вирга едва переставлял ноги, словно лед вдруг превратился в вязкую пасту, оседавшую на торбасах. Да, это был *ее* голос — невероятно, но факт. Но где же она сама? Где? Ее голос. Да. Ее голос.

— Ответь мне, Джеймс, — молила она. — Пожалуйста, дай мне знать, что ты слышишь меня.

— Я слышу тебя, — отозвался он. — Где ты?

— Здесь, рядом с тобой. Я иду рядом с тобой, но между нами какая-то преграда, и я не могу коснуться тебя. О Боже, ты так близко. Почему ты не видишь меня? — В голосе слышалась близкая паника; он разьедал Виргу, как кислота.

Вирга резко повернулся и зашарил в воздухе. И ничего не нашел. Он подавил крик ярости и горького разочарования.

— Здесь ничего нет! — выдавил он.

Кэтрин заплакала. Вирга тоже не сумел сдержать слез, и они хлынули у него по щекам.

— Я не хочу возвращаться! Не хочу!

— Тогда оставайся! Помоги мне найти тебя! Вытани руку и коснись моей руки! Ты можешь сделать это?

— Не вполне. Не совсем. Между нами что-то есть. Помоги мне!

— Как? Как я могу тебе помочь? — Вирга лихорадочно огляделся в поисках Кэтрин. Замерзшие слезы тонкой ледяной корочкой заполнили морщины вокруг его рта.

Стонущий голос Кэтрин затих. Вирга с новой решимостью зашарил во тьме, пытаясь ухватить говорящий с ним призрак — казалось, он где-то совсем рядом, вот здесь, чуть правее...

Потом она всхлипнула:

— Они хотят, чтобы я вернулась, Джеймс. Они говорят, что так надо, что нельзя остаться. Коснись меня. Я не хочу уходить!

Тяжело дыша, Вирга воскликнул:

— Я не могу найти тебя!

— Я так хочу остаться. Очень хочу. Помоги мне!

— Да. Но как?

— Нам мешает, — проговорила она прерывающимся голосом, — тот, кто идет впереди тебя. Пока он здесь, я не могу пробиться к тебе. Когда его не станет, мне позволят коснуться тебя...

Перед глазами у Вирги закружился калейдоскоп видений: улыбающаяся Кэтрин, Кэтрин хмурая, сердитая, плачущая... В голове у него страшно зашумело, на шею легла огромная тяжесть. «Если его не станет?» — слабым, чужим голосом спросил он.

Кэтрин всхлипнула.

— У тебя за плечом ружье...

— Где ты? — закричал Вирга. — Я не вижу тебя!

— Ружье... О Боже, меня зовут!

Растерянный и обессилевший Вирга вдруг испугался, что споткнется и упадет. Впереди, всего в нескольких футах, виднелась мишень, которую назвала ему Кэтрин, — спина Зарка. Грубый, жестокий человек, зверь, убийца. Почему он должен жить, а Кэтрин — страдать? Почему он должен жить?..

— Ружье, — напомнила она. — Джеймс... — Ее голос стал затихать.

— Нет! Не уходи... не сейчас! — Вирга поднял ружье поврежденной рукой и положил палец на курок. Из-за этого выродка Кэтрин страдает! Он ее мучитель!

— Джеймс, — сказала она, но так далеко, что по щекам Вирги вновь покатались слезы.

Не целясь — с такого расстояния невозможно было промахнуться — он спустил курок.

Но кто-то подскочил к нему и рванул ствол ружья вверх. Грохот выстрела оглушил Виргу, отдача больно толкнула в плечо, и профессор едва устоял на ногах. Пламя на миг высветило изумленное, неверящее лицо Зарка, метнувшегося в сторону. Пуля просвистела у его правого плеча и ушла в темноту.

— Господи! — сказал Зарк.

Майкл вырвал ружье у Вирги и впился в профессора немигающими золотыми глазами. Вирга почувствовал слабость в коленях, но не упал: Майкл подхватил его и бережно посадил на лед. За спиной у Майкла неподвижно стоял Ваал в наручниках.

— Он спятил? — спросил Зарк. — Чуть не снес мне башку!

— Она была там, — шепотом сказал Вирга Майклу. На его щеках стыли горячие слезы стыда и раскаяния. — Она все время была рядом со мной, а я не мог даже дотронуться до нее...

Майкл негромко проговорил:

— Ее там не было.

— Была! Я слышал ее голос! Она пыталась коснуться меня!

— Нет. Ее здесь не было.

— Была... — начал Вирга и умолк, испугавшись ужасного звука собственного умоляющего голоса.

Медленно, с великой неохотой, рождавшейся из глубокой, страшной опустошенности, Вирга отпустил ее. Ружейный выстрел прогнал ее

голос, но образ Кэтрин еще стоял перед глазами профессора. Сейчас, сморгнув слезы, вспомнив, кто стоит над ним, Вирга увидел, как ее прекрасное лицо становится безжизненным, блекнет. Лучистый свет, искрившийся в глазах, которые он не забыл и за тысячу тусклых одиноких ночей в своей квартире, пропахшей пыльными книгами, бесполезной керамикой и едким табачным дымом, потускнел и превратился в бесплотную тень реальности. Кэтрин отступала за серую стену тумана, и у Вирги застучало в висках от страха вновь потерять ее.

Он потянулся к ней.

Майкл удержал его руку.

— Она мертва.

— Нет, — взмолился Вирга. — Нет.

За спиной у Майкла визгливо, по-бабьи, захохотал Ваал.

Глаза Майкла вспыхнули. Вирга инстинктивно отпрянул перед огнем, который, казалось, заструился с его лица. Майкл поднялся и, медленно выпрямляясь во весь свой немалый рост, зашагал по льду к Ваалу и остановился нос к носу с ним. Они стояли и, точно хитрые звери перед схваткой, прикидывали свои шансы на победу.

Майкл сжал кулаки.

— Ну? Что же ты? — ухмыльнулся Ваал. — Давай! Заодно покончишь с собой. Неужто ты готов сгинуть навсегда ради какого-то старикашки? Нет, вряд ли. Тебе, как и мне, нравится твое нынешнее воплощение.

Майкл стиснул зубы. На щеках у него заиграли желваки. Воздух на том месте, где встретились взгляды противников, казалось, раскалился добела.

— Ну же, — прошептал Ваал.

Майкл с презрением отвернулся и пошел к Вирге. Он помог профессору подняться и снова протянул ему винтовку.

— Идите рядом с Зарком, плечом к плечу, — приказал он. — Пусть один все время видит, что собирается делать другой.

— Трус, — процедил Ваал из-за его плеча. — Глупый мешок с блевотиной! Вонючая поповская подстилка!

— Теперь с вами все в порядке? — спросил Майкл у Вирги. — Вы можете идти дальше?

— Да. Думаю, что могу.

Зарк пробормотал:

— Ради всего святого, приглядывайте за ним. Я не хочу получить пулю в спину.

Вирга наконец окончательно пришел в себя и вспомнил, где он и как здесь оказался. Черный миг полного беспамятства и отчуждения миновал. Но профессор никогда еще не чувствовал себя таким усталым.

— Вы вполне уверены? — спросил Майкл.

Вирга нагнулся, набрал пригоршню снега, растер его по лицу и тут же, пока не успели смерзнуться веки, вытерся рукавом. Кожу начало жечь.

— Со мной все в порядке, — сказал Вирга, — но, клянусь Богом, недавно со мной говорила моя жена!

— Если вы вновь услышите ее голос, вы поймете, что к чему. Если бы вы убили Зарка, чего очень хотелось Ваалу, мы остались бы без проводника, и тогда прощай, море.

— Господи Иисусе, — выдохнул Зарк и покосился на Ваала. — Что ж ты за человек? — И тотчас опустил глаза, вспомнив, что говорил Майкл.

— Лучше любого из вас, — огрызнулся Ваал. — Ты воображаешь, Майкл, будто можешь остановить меня, заточить или даже убить? Ты отлично знаешь, что тебе это не под силу. Если кто-то и проиграет, это будешь ты. — Его взгляд метнулся к Зарку и Вирге. — А вы? Что тогда будете делать вы? Когда я прикончу его, вам негде будет укрыться. Послушайте меня внимательно. На всей земле не найдется уголка, чтобы вам укрыться. Я найду вас. У меня десять миллионов глаз-помощников.

Вирга задрожал. Голос Ваала прорывал тьму и жалил его.

— Я при ружье, — сказал Зарк. — Не забыл?

— Ни в коем случае. И не забуду.

— Пускай собак, Зарк, — скомандовал Майкл. — Помни, я хочу, чтобы вы шли рядом, бок о бок. Вот так, верно.

Нарты, вихляя, поехали дальше. Собаки устали, и Зарк то и дело останавливался и подкармливал их ломтиками мяса. Кусок моржатины быстро уменьшался. Майкл сунул руки в рукава, чтобы согреться, и внимательно следил за своими спутниками — все ли ладно.

— Меня не остановить, — шептал Ваал. — Я зашел слишком далеко. Я никогда еще не был так силен.

— Именно поэтому я должен остановить тебя. Еще немного, и ты победишь. Станешь сильнее меня. Могущественнее. Я понимаю это. И поэтому твоё время должно кончиться.

— Предупреждаю, — очень тихо проговорил Ваал. — Берегись! Ты с самого начала возомнил, будто можешь одолеть меня. Меня, которому присягнули на верность сотни тысяч! А ведь их будет больше. Больше. Больше. И тогда я сокрошу своих врагов и займу предназначенное мне место. Глупый ублюдок, грязный кусок дерьма, ты преступил границы!

— Свои — чтобы загнать тебя в твои пределы.

— Поздно, — сказал Ваал.

— Посмотрим.

— Будь ты проклят! — взорвался Ваал. — Прятаться за говенным крестом! Ты знаешь, что тебе не победить, и все-таки надеешься! Ты перекраиваешь грядущее.

— Нет. Я стремлюсь охранить его. Да, будут войны, засуха, голод, и хлеба обратятся в прах, а плоть иссохнет под обжигающим солнцем, но не по твоей воле. Ты уже начал истлевать. Я не позволю тебе

исковеркать людские души так, что для них не останется ни искупления, ни спасения.

В глазах Ваала вспыхнули алчность и ненасытная жажда власти. Он насмешливо проговорил:

— Мой господин и я предлагаем им ненависть, и они с радостью принимают ее. Они убивают, грабят и плюют на все, что свято для вас. Становятся на нашу сторону, не на вашу. Славят наши, а не ваши имена. Они принадлежат нам, а не вам.

— Замолчи! — велел Майкл.

Ваал холодно засмеялся:

— А-а. Правда глаза колет.

Майкл даже не взглянул на него.

Ледяной простор впереди смыкался с морем.

28

Собаки проголодались. Три вдруг накинулись на четвертую, поранившую лапу об острые камни. Напрасно Зарк, бранясь на чем свет стоит, охаживал кнутом рычащий клубок тел. Летели клочья шерсти, раненого пса повалили на снег. Вожак, бессильный перед голодом, стоял в стороне, словно презирал их каннибализм. Поваленный пес не мог подняться, придавленный к земле тяжестью своры, тем не менее щелкал клыками, защищая горло. Собаки, путаясь в постромках, взяли его в плотное кольцо, выжидая удобного момента. Наконец коренастый серо-пятнистый пес подскочил к жертве, две другие собаки — за ним, и их челюсти сомкнулись на шее бедняги.

— Черт вас подери! — заорал Зарк, ожесточенно орудуя кнутом. — Фу!!

Однако голод заглушал боль. Умиравший пес заскулил.

Ваал рассмеялся.

— Закон жизни, — проговорил он.

Зарк ничего не мог поделать. Он опустил кнут и брезгливо покачал головой.

— Отличный был пес, — бормотал он. — Пес был что надо.

— Далеко еще до моря? — спросил Майкл.

Зарк пожал плечами:

— Пара часов пути. Может, больше. Если я потеряю еще хоть одну собаку, нам не добраться туда. А вернемся ли, черт его знает. Еда у нас кончилась, лампу заправить будет нечем. Придется идти в полной темноте, а это очень опасно.

Вирга снова оперся на нарты, борясь с охватившим его приступом слабости. Мороз стоял такой, что было трудно дышать, а щетина на подбородке у профессора заиндевела. Еще несколько часов назад Вирга узнал от Зарка, что на щеках у него появились первые признаки обморожения, белые пятна, и теперь ему казалось, что они разрастаются, как холодная раковая опухоль. Но что он мог поде-

лать? Ничего! Ноги профессора, даже в теплых меховых носках и унтах, быстро немели, пальцы потеряли чувствительность еще накануне, и теперь он заставлял себя идти лишь усилием воли.

Не удалось избежать обморожения и Зарку. Белые оспины усеяли его щеки и переносицу, а борода покрылась такой толстой коркой льда, что Зарк сгибался под ее тяжестью, и казалось, будто каждый шаг прибавляет ему несколько лет. Вирга пытался втянуть охотника в беседу, чтобы не заснуть, но Зарк, по-видимому, не был расположен к разговорам и отвечал Вирге тихо и невнятно, что делало общение невозможным.

Впереди, много правее, вне желтой дорожки света фонаря, виднелись две темные фигуры, Майкл и Ваал. Они подолгу шагали молча, потом вдруг Ваал разражался проклятиями, швыряя в лицо Майклу страшные, кощунственные слова, издеваясь над Виргой и Зарком, напоминая им, что очень скоро они будут в полной его власти, что, покончив с Майклом, он растерзает их в клочья, что, лишившись защиты, они нигде не смогут от него укрыться.

— Вирга, — внезапно окликнул Ваал, перекрывая рычание собак, — что, спотыкаешься, мешок с дерьмом? А ты знаешь, что подохнешь здесь? Думаешь, я не знаю, что ты уже заколел до полусмерти? Ответь мне, какая корысть вашему драгоценному Боженьке в том, что твое тело превратится в огромную ледышку?

— Заткнись, негодяй, — еле ворочая языком, выговорил Вирга, не зная, слышит ли его Ваал. Он повысил голос. — ЗАТКНИСЬ.

— Вирга, — снова проник сквозь разделявшую их завесу тьмы голос Ваала, — помолись своему разлюбозному Боженьке, чтобы мороз убил тебя раньше, чем я начну мстить. Иди сюда, Вирга. Иди ко мне. Я тебя согрею.

— Господи, помоги нам, — забормотал Зарк. — Давно надо было прикончить этого мерзавца.

— Зарк, — окликнул Майкл. — Помочь с упряжкой?

— Нет. Справлюсь сам. — Охотник увидел, что от загрызенного пса мало что осталось. Он взял из саней ружье, прикладом отогнал собак от трупа, нагнулся и зашвырнул подальше растерзанные останки, после чего осторожно, но спокойно принялся расправлять постромки. Одноглазый свирепый черныш-вожак повернулся к своей упряжке, готовый в любую минуту встать на защиту хозяина. Через пару минут Зарк распутал постромки. Можно было двигаться дальше.

На подходе к береговой отмели равнина вздыбилась огромными обледенелыми глыбами. Грозные, неприступные каменные громады внезапно возникали из мрака, преграждая путь, и Зарк, щадя собак, выбрал другую, более длинную, но более ровную дорогу. С моря налетел сильный ветер; он с воем заметался где-то в вышине и ударил прямо в лицо путникам. Вирга съежился, пытаясь согреться, но тщетно. Ваал угадал: он замерз до полусмерти.

Они с черепашьей скоростью пересекли широкую полосу черных обветренных утесов, и им открылась такая картина, что у Вирги захватило дух.

Над скованным льдами горизонтом стояла огромная кровавая луна — пулевое отверстие в чернейшей плоти. Ее ослепительный алый свет, отражаясь ото льда, ложился на лица закутанных в меха людей. Вокруг на многие мили расстилалась гладкая багровая земля, светлая и чужая, словно иноземная пустыня.

Зарк бросил через плечо: «Мелвилл-Бэй», — и Майкл кивнул.

Море молчало. Не было слышно ни шума волн, ни грохота разбивающихся о камни валов; толстый слой льда глушил всякие звуки. Только свирепый полярный ветер с воем проносился над заливом и, прокружив в прибрежных скалах, улетал в глубь Гренландии.

Майкл сказал:

— Я хочу отыскать место, где можно будет пробить лед.

— Что? — Зарк обернулся. — Теперь вам взбрело в голову дырывать лед? Боже!

— Толщина льда?

— Несколько метров. Лед у берега твердый как железо и только летом чуток подтаивает.

— А подальше он тоньше?

— Черт подери! — сказал Зарк. — Мы договаривались, что я отведу вас к морю. А насчет льда разговору не было.

Майкл оставил его слова без внимания.

— Надо найти очень глубокое место. Я полагаю, для этого придется пройти около километра? Или больше?

Глаза стоявшего рядом с ним Ваала превратились в горящие щелки. Он посмотрел на Майкла, на охотника, потом опять на Майкла.

— Пожалуй что так, — ответил Зарк и выругался. — С километр.

— Поможете?

Зарк хрипло рассмеялся:

— Черт подери! А у меня есть выбор? — Он что-то скомандовал собакам, перекричав ветер, и упряжка поволокла многострадальные нарты туда, где за последней россыпью береговых камней начиналась черная гладь залива.

— Что ты задумал? — поинтересовался Ваал.

Майкл промолчал.

— Разве приговоренный к смерти не имеет права знать?

Майкл смотрел на алый горизонт. Луна висела над ним, как замерзшее солнце.

— Сволочь, — едва слышно сказал Ваал. — Берегись! Скоро уже нельзя будет повернуть назад. Отпусти меня, пока не поздно. — Он подождал ответа. Майкл, казалось, не слушал его. — Ты, должно быть, очень рвешься погибнуть, — продолжал Ваал, — но зачем?

Какой в этом смысл? Ты пылью рассеешься среди звезд — ради чего? Посмотри на этих двоих. Посмотри! Великолепные образчики того, что ты хочешь спасти. Слабые, ничтожные, жалкие комки грязи, не более. Один уже ходячий мертвец, да и второму недолго осталось.

Майкл медленно повернул голову:

— Ты не можешь спастись?

Ваал скривил губы в пародии на усмешку. Он вдруг подался вперед. На губах у него блестела слюна.

— А кто спасет тебя, Майкл?

Ветер с воем ударил им в лицо. Вирга с трудом преодолевал его напор. Суша осталась позади, и собаки сделались крайне раздражительными. Кнут Зарка без передышки шелкал над их головами; вожак, рыча и огрызаясь, гнал упряжку вперед.

Под ногами путников был коварный, предательский лед, гладкостью превосходивший самое гладкое стекло, пронизанный белыми, синими и темно-зелеными прожилками. Вирге, который одной рукой держался за нарты, чтобы не упасть, передавалась через подошвы торбасов слабая дрожь — это море ворочалось у них под ногами, перекатывало волны под коркой льда. Вирга поразился его глубине, его ярости, и вдруг испугался, что, ступив где-нибудь на тонкий лед, провалится в ледяную воду и мгновенно замерзнет. Он неуверенно переставлял трясущиеся ноги. Иди же, твердил он себе. Иди. Шаг. Еще один. Еще. Еще...

Зарк, шагавший с другой стороны от саней, каждые несколько минут останавливал упряжку, опускался на колени и с помощью топорика проверял толщину льда. Выпрямившись, он делал знак двигаться дальше, а через несколько ярдов все повторялось.

Ваал, отгороженный от остальных Майклом, вдруг издал пронзительный вопль, эхо которого, подхваченное ветром, закружилось у Вирги над головой. Вопль делался все оглушительнее, и профессор съежился, такая нечеловеческая ярость слышалась в этом протяжном вое, сотрясавшем даже далекие ледовые горы впереди. Собаки закружились на месте, заскулили.

Ваал глухо прорычал:

— Я убью вас, всех. Медленно, очень медленно, невероятно медленно. Вы станете молить о смерти, но она будет на моей стороне. Я обещаю вам века страданий.

Зарк встал с ледорубом в опущенной руке:

— Дальше я не пойду, — объявил он. — Лед здесь тонкий. Дальше нарты не пройдут.

Майкл подошел к охотнику, взял у него ледоруб и присел возле нарт. Несколько секунд он долбил лед, потом поднялся.

— Здесь глубоко?

— Черт подери, откуда я знаю! Довольно-таки глубоко.

— А дальше мы не можем пройти?

— Нет. Слишком опасно.

Майкл повернулся и стал разглядывать завернутый в холстину ящик, привязанный к нартам Зарка. Потом покорно вернул ледоруб охотнику и сказал:

— Прорубь должна быть достаточно широкой, чтобы в нее прошло содержимое этого ящика. Начинайте, а я закончу.

Зарк мотнул головой в сторону свертка:

— А что это за штука?

Майкл молча подошел к саям и стал возиться с веревками, время от времени поглядывая на Ваала. Зарк с Виргой помогли ему освободить ящик от пут. Вирга, тяжело дыша, отступил в сторону, и Зарк ледорубом вспорол холстину. Отделив большой лоскут, охотник лихорадочно принялся отрывать доски. Майкл помогал. Вскоре показалось что-то большое, продолговатое.

Гроб.

Впрочем, не гроб, а, скорее, просто вместилище — темное, аскетически строгое, оббитое металлом. Ни вензелей, ни резных завитушек, ни орнамента — темная громада, созданная для того, чтобы заточить в ней страшную, яростную силу.

Смех Ваала резанул их по сердцу. Он ухмыльнулся, облизнул губы.

— Ты морочишь мне голову, Майкл.

— Нет, — ответил тот. — Если я уничтожу тебя, то и сам погибну. И останутся твои ученики, демоны в людском обличе, разносчики твоей заразы. Я опущу тебя на дно моря, скованного льдом. Твоя страшная душа не сможет вырваться из этого плена, не сможет вновь возродиться в семени Сатаны. Никто не найдет тебя, никто не освободит.

Изо рта Ваала, как из пасти разъяренного зверя, потекла слюна.

— Ничто не может удержать меня, глупец!

— Это — может, — заверил Майкл. — *И будет.* — Он снял рукавицу, положил правую руку с плотно сведенными пальцами на гроб и очень медленно провел ею по крышке. По спине у Вирги побежали мурашки. Зарк, выпучив глаза, неслышно чертыхнулся.

Рука Майкла оставляла на металле голубоватый светящийся след, который словно бы впалялся в металл. Он был таким ярким, что Вирга загородил глаза и попятился. Рука Майкла чертила вдоль крышки гроба широкую прямую линию. Закончив, Майкл вернулся к середине прямой и перечеркнул ее второй, короткой, линией. На крышке гроба запульсировало голубоватым светом распятие, начертанное силой внутренней энергии Майкла.

Ваал, звякнув наручниками, закрыл лицо руками и прорывал сквозь стиснутые зубы:

— Сукин сын! Ублюдок! Я убью тебя!

Но что-то было не так: у Ваала хитро поблескивали глаза. Майкл опустил руку, медленно повернулся и, прищурившись, посмотрел на него.

Ваал попятился от сияющего голубого распятия.

— Это вам даром не пройдет! — закричал он. — Я убью вас всех!

— Господи, смилуйся над нами, грешными! — прошептал Зарк. Голубоватый свет омывал его усталое, осунувшееся лицо с темными кругами под глазами. — Господи помилуй, ты не человек!

Майкл взял из рук Зарка ледоруб. Он нагнулся и принялся с чудовищной силой долбить лед. Ваал все это время то громко, то тихо цедил сквозь зубы проклятия.

Во все стороны от нарт летели куски льда. Глядя на Майкла, Вирга почувствовал, как в душе закопошился новый страх — страх от того, что совсем рядом находится нечто столь ужасное и непостижимое. В голове у него вертелось единственное возможное объяснение тому, что связывало Майкла и Ваала. Ответ на этот вопрос — светящееся голубое распятие, начертанное бренной рукой на металле, — горел на крышке гроба. Вирге хотелось так много спросить, так много узнать, а времени оставалось так мало. На один ужасный миг профессору показалось, что, придя в этот край бесплодных ледяных равнин, он очутился на грани безумия.

Ледоруб поднимался и опускался, поднимался и опускался. Ошеломленный Зарк стоял, разинув рот, но не издавал ни звука. Ваал стоял в стороне. Но на ничтожную долю секунды его глаза вдруг ярко вспыхнули, точно красные угли.

Майкл, осыпанный солеными брызгами — в проделанной им широкой проруби кипела черная бездонная вода — поднялся и выпрямился во весь рост. Он отодвинул шеколды, удерживавшие крышку гроба, и поднял ее. Внутри был тот же голый металл. Майкл взглянул на Ваала.

— Иди сюда, — приказал он.

Ваал прорычал:

— Сволочь!

— Иди сюда! — Зарк с Виргой вздрогнули. Голос Майкла прогремел как гром или пушечный выстрел, и над заливом раскатилось мощное эхо.

Казалось, даже Ваал задрожал. Но он по-прежнему отказывался повиноваться.

И вдруг глаза Майкла начали меняться: из карих они стали ореховыми, из ореховых — в золотые с ореховыми крапинками. В следующий миг — Вирга только и успел, что судорожно вздохнуть, — в глазах Майкла забурило чистое золото, яростное и обжигающее. Зарк вскрикнул, закрыл лицо локтем и, шатаясь, попятился к перепуганным псам. У Вирги подкосились ноги. В висках застучало.

— Иди сюда! — повторил Майкл.

Ваал, не отнимая рук от лица, взревел как раненый зверь и в смятении отступил на шаг.

Майкл очутился рядом с ним, рванул цепочку наручников и швырнул Ваала на снег. Ваал застонал от боли и пополз к нартам.

— Ползи, — проговорил Майкл. — Ползи в свою могилу, порождение мерзости. Ползи!

Шипя и бранясь, Ваал с трудом поднялся, но Майкл вновь сбил его с ног.

— Данной мне властью я заставляю тебя пресмыкаться на чреве своем, как ты заставлял других, невинных и слабых. Мне противна слепая грубая сила, что живет в тебе и твоём хозяине. Ты убивал и жег, громил и насиловал...

Ваал попытался схватить Майкла, но тот отбросил его руку.

— ...нападал на слабых, неразумных, беспомощных. И никогда — на сильных. — Майкл сверкнул глазами. — Волею Иеговы твоя черная душа будет заключена в вечности. — Открытый гроб был уже совсем рядом. Майкл поймал Ваала за цепочку наручников и заставил подняться. Глаза Ваала горели свирепым красным огнем. Зарк снова вскрикнул, а Вирга закрыл лицо руками.

Майкл хлестнул Ваала по щеке, и тот рухнул в гроб.

Ваал хрипло зашептал:

— Мой господин еще победит. На Мегиддонской равнине. Милый погибший Мегиддон! — Майкл захлопнул крышку и тщательно запер щеколды. Казалось, столкновение с Ваалом отняло у него все силы. Синеватое сияние осветило темные круги у него под глазами. Знаком подзывая на помощь своих спутников, Майкл покачнулся.

Они втроем что было сил налегли на гроб. Чрезвычайно медленно, дюйм за дюймом гроб выполз за край полыньи и накренился над морем. Наконец скрежет металла по льду прекратился, гроб выскользнул у них из рук и ушел в черную воду. Некоторое время они еще видели распятие: оно становилось все меньше, и наконец утроба Мелвилл-Бэй поглотила его.

— Кончено, — невыразительно пробормотал Майкл. Он провел рукой по лицу. — Я устал. Как же я устал.

— Его больше нет, — прошептал Вирга. — Слава Богу.

Зарк заглядывал в прорубь, словно усомнившись, что видел все это наяву. «Кто это был?» — слабым, безжизненным голосом спросил он.

— Тот, кто никогда не умирает, — ответил Майкл, — а только ждет.

Зарк поглядел на Майкла. Его обледенелая борода красновато поблескивала под лунной. Он с трудом отошел и принялся успокаивать собак, проверяя, все ли в порядке с постройками.

— Пора возвращаться, — сказал он через некоторое время. — Путешествие вышло долгое.

— Да, — согласился Майкл. — Очень долгое.

Зарк щелкнул кнутом, и собаки, все еще испуганные, зашевелились. Нарты медленно двинулись вперед. Вирга засунул руки в глубины своей дохи, чтобы согреться, и побрел следом.

Глаза Майкла снова вспыхнули. Он повернулся к проруби, в которой бурлила темная вода.

Собаки вдруг остановились, налетая друг на друга и запутывая постромки. Огромный одноглазый вожак в страхе завыл.

Вирга оглянулся, глотая обжигающе-холодный воздух. Что это было? Какой-то звук звук звук. Что это было? Рядом с ним неподвижно застыл Зарк, сжимая кулаки, так что побелели суставы.

Звук повторился.

Взрывной треск ломающегося льда. Льда в фут толщиной.

Трещина, появившаяся у края полыньи, росла, расширялась, ветвилась, голубоватыми и зелеными жилками резала ледяную равнину, превращая ее в подобие головоломки, картинки-загадки. Справа, слева, впереди, позади путников пролегли трещины.

Море всколыхнулось. Повалил призрачно-белый пар. Вzbесившаяся черная фурия, Мелвилл-Бэй, затопил края полыньи и плескался у людей под ногами. Даже сквозь толстый слой льда Вирга почувствовал ярость моря. Он с трудом сохранял равновесие — подо льдом, грозя взломать его и вырваться на волю, билась могучая сила.

— Это еще что за черт? — крикнул Зарк, хватаясь за нарты и широко расставив ноги, чтобы не упасть.

Но Майкл не пожелал или не смог ответить.

Огромная толща льда с ужасающим треском раскололась, и из воды вылетел гроб с оторванной крышкой. Он подпрыгнул на льду раз, другой, повалился на бок, заполнился водой и вновь ушел на дно.

И тогда лед у них под ногами вскрылся.

Воздух наполнился стоном и скрежетом: под напором моря вверх поднимались огромные ледяные глыбы. Черные волны вырвались на волю. Трещины превратились в щели, щели в расселины, расселины в пропасти. Люди отчаянно старались удержаться на ходивших ходуном льдинах, вокруг которых бушевал океан. Вирга беспомощно взмахнул руками, покачнулся и упал на колени. Ружье соскользнуло с его плеча и, вертясь, поехало по льду. Вирга потянулся за ним и увидел, как ружье исчезло в одной из трещин. Майкл неподвижно стоял на широкой льдине, сжав кулаки. Вдруг Зарк, цеплявшийся за нарты, издал нечленораздельный протяжный вопль.

Сначала они увидели пальцы.

Они показались из воды там, где только что исчез гроб, — голые скрюченные пальцы, цепляющиеся за лед.

За пальцами показались руки. За руками — плечи и темя. А потом Вирга, так и не вставши с колен, увидел лицо Ваала, вынырнувшее на поверхность, увидел две красные луны, отраженные в его глазах, увидел растянутый в широкой мстительной ухмылке рот.

И Вирга понял. Он услышал, как вскрикнул Майкл, и понял. И познал первые мгновения смерти.

Майкл опоздал. Сила Ваала удвоилась, утроилась; теперь и Крест не мог одолеть его. Он позволил привести себя сюда, зная, что им некуда будет деться. Здесь он был Мессия, а они — неверные.

Ваал, от которого валил густой пар, выбрался на лед.

Зарк вдруг упал. Лед вокруг него со страшным треском раскололся, покрывшись огромными трещинами. Собаки, натягивая постромки, рвались прочь от опасного места. Нарты перевернулись, рассыпая снаряжение, и почти все оно, в том числе и ружье Зарка, крутясь, промчалось мимо Ваала в море.

Ваал открыл рот и испустил тонкий пронзительный вопль, от которого у Вирги чуть не лопнули барабанные перепонки. Профессор зажал руками уши и съежился.

Одноглазый черныш, оказавшийся неподалеку от Ваала, прыгнул ему на горло, но постромки не дали ему добраться до цели, и его челюсти шелкнули в пустоте. Ваал же, разевая рот в страшном боевом кличе, схватил пса за шею и сдавил обеими руками. Собака дергалась и царапалась. Вирга почувствовал запах гари. Одноглазый пес вспыхнул вдруг ярким пламенем. Послышался короткий предсмертный визг, и Ваал выпустил из рук огненный комок. Собаки, лишившись жоака, в ужасе кинулись бежать, волоча за собой перевернутые нарты. Лед под ними расступился, и увлекаемая тяжестью нарт упряжка с воем провалилась в трещину.

В тот же миг кто-то огромный, неуклюжий бросился на Ваала. Ваал отшатнулся, блестя глазами. Кулаком, от которого валил пар, он ударил Зарка — но тот увернулся.

Майкл устремился к Ваалу, перепрыгивая с льдины на льдину.

Зарк ударил Ваала в лицо. Звук был такой, словно он бил не кулаком, а ледорубом. Ваал покачнулся и отступил на два шага, но тут же опомнился, поднырнул под руку Зарка, наносящую второй удар, и вцепился охотнику в горло. Он легло оторвал Зарка от земли, поднял, вытянул руку вперед. Зарк закричал, умоляюще глядя на Виргу, а потом доха охотника занялась. Огонь перекинулся на волосы. Потом Зарк превратился в сгусток желтого пламени, и дым, поваливший от обугливающейся плоти, смешался с паром, поднимавшимся от тела Ваала. Но Майкл был уже совсем рядом, и Ваал с беззаботностью малыша, увидевшего новую игрушку, отбросил тело охотника в сторону. Скрипя зубами, он повернулся к своему врагу.

Они бросились друг на друга. Захрустели кости. Майкл ударил Ваала локтем в подбородок и отшвырнул в глубь ходившей ходуном ледяной равнины, но когда попытался еще раз приблизиться к нему, колено Ваала вонзилось ему в живот. Ваал тотчас огрел Майкла по темени, да так сильно, что Вирга, скорчившийся на снегу в нескольких ярдах от дерущихся, услышал звук удара. Майкл упал на четвереньки и получил пинок в лицо. Оглушенный, он замотал головой, а Вирга в смятиении увидел, как скрюченные пальцы Ваала протянулись к горлу Майкла.

Глаза Вирге застлала красная пелена.

Не стой сложа руки!

Он не смог сдвинуться с места.

Старик! Жалкий ничтожный старик! Вперед!

Он наконец поднялся, мучительно медленно. Все его тело бурно протестовало. Вирга поискал какое-нибудь оружие. Что-нибудь, зубренный кусок льда, что угодно. Господи, беззвучно завизжал он, помоги мне помоги помоги помоги! У него за спиной руки Ваала обожгли Майклу горло. Майкл слабо сопротивлялся. В глазах его читались растерянность и крушение надежд.

И тут Вирга заметил ракетницу и заряды, рассыпавшиеся, когда нарты перевернулись. Они лежали довольно далеко, чтобы добраться до них, нужно было миновать Ваала. Выбора у Вирги не было. Он вскочил, пригибаясь, чтобы лучше сохранять равновесие, и побежал к двум фигурам, видневшимся впереди.

Ваал резко вскинул голову.

Его глаза вспыхнули. Он посмотрел туда, где лежала ракетница, и Вирга понял, что Ваал сообразил, что он намерен предпринять. Ваал выпустил Майкла и, круто обернувшись, простер руки к Вирге, чтобы уничтожить его, как уничтожил Зарка.

В последний миг, в нескольких дюймах от пальцев Ваала, Вирга упал на живот и проскользнул под рукой двуногой твари, навстречу вихрю ледяной крошки, здоровой рукой нашаривая ракетницу. Он нащупал ее и, схватив патрон, перекатился на спину, чтобы предупредить возможную атаку с тыла.

Но Ваал с оскаленными зубами, с глазами как два бездонных колодца разрушительной энергии был уже совсем рядом. От его покрасневших пальцев валил пар.

Вирга в отчаянии ударил ракетницей по льду, чтобы открыть затвор.

Ваал потянулся к нему.

Вирга вставил патрон.

Ваал зарычал и простер к Вирге руки.

Вирга обернулся, держа палец на спусковом крючке, и в нескольких дюймах от себя увидел кончики пальцев Ваала. В горле Ваала клокотал хищный крик.

И Вирга выстрелил Ваалу в лицо. В упор.

Ракета взорвалась мириадами красных и желтых искр, осыпавших лицо и волосы Ваала. Его одежда занялась. Он возвышался над Виргой, раскинув руки, — человек-огонь — и ухмылялся.

Изрыгая пламя обугленными губами, он зычно заревел, предвкусывая последующие события. И по-прежнему тянулся к горлу Вирги. Зная, что не успеет перезарядить ракетницу, Вирга открыл рот, чтобы кричать от бессилия...

...но слева от Ваала что-то мелькнуло, и чьи-то пальцы впились ему в горло — Майкл пришел в себя. Они боролись молча, как звери, молча покачивались, переступая по истерзанному льду, и Ваал ухватил Майкла за шею.

Между противниками сверкнуло что-то вроде молнии, бело-голубое. Майкла и Ваала, поглощенных яростной схваткой, очертило по контуру таинственное сияние, разгоравшееся все ярче. Оно пульсировало, пульсировало, пульсировало, точно огромное сердце.

А потом раздался такой грохот, что Вирга подумал: настал конец света.

Взрывная волна подхватила Виргу и отнесла на тридцать с лишним ярдов по льду. Он тщетно хватался за какие-то осколки. В ушах у него гудело эхо взрыва, море обрушивало на профессора волну за волной. Он цеплялся за лед, пока не исцарапал в кровь пальцы. Вокруг не было ничего, кроме белизны плавающего льда и черноты поднимающейся воды. Грохот взрыва не утихал, он отразился от дальнего берега и вернулся с новой силой. Вирга закричал. Вокруг градом сыпались на снег большие куски льда, подброшенные взрывом в небо. Под их ударами профессор отчаянно старался не потерять сознание.

Грохот медленно затих вдали. Море вернулось в свои берега. На огромном пространстве вскрывшегося залива со стоном и скрипом сталкивались льдины. Потом стихло все, кроме воя ветра в вышине и вздохов бурлящего подо льдом моря.

Через некоторое время Вирга, мокрый и замерзший, с трудом поднялся на ноги. Лед был взломан до самого горизонта. Повсюду зияли пробоины с рваными краями. Самая большая, в эпицентре взрыва, была полностью свободна ото льда. Вирга нащупал омертвевшими пальцами ожоги на лице и вдруг, ни с того ни с сего развеселившись, понял, что лишился бровей и отросшей за время их путешествия щетины на подбородке. Трупов не было. За мгновение до взрыва Вирге показалось, что он увидел, как Ваал с Майклом попросту исчезли. Тело Зарка, вероятно, взрывом унесло в залив. Неважно, подумал Вирга, дрожа от пронизывающего холода, вскоре и я умру.

Он лег на спину, закрыл глаза и стал ждать. Говорят, замерзнуть — все равно что уснуть, только перед самой смертью становится очень тепло? Возможно. Его медленно окутывало забытие. Оставалось так много незадаанных вопросов. Теперь он надеялся очень скоро получить на них ответы. Ветер свистел у него над ухом. Вирга с нетерпением ждал первых признаков смерти.

Ученики Ваала.

Вирга ждал. У него еще оставались последние крохи сил. Кто-то зашептал у него над ухом, но он не узнавал этот голос.

Ученики Ваала.

Это еще не все, сказал себе Вирга. С Ваалом покончено, но остаются его ученики, демоны в людском обличии, распространяющие заразу насилия, жестокости, кошунства и войны. Они надеются отнять у человека разум, лишить его способности мыслить и таким образом лишить его последнего шанса. С Ваалом покончено, но они остаются.

Что-то опалило его сознание. Перед глазами Вирги замелькали сцены убийств, разборки уличных банд, реактивные истребители, с воем проносящиеся над равнинами, где бились армии, высокие атомные грибы, обгорелые тела, рев ветра в разрушенных городах. Очень медленно профессор стал подниматься из теплых глубин к холодному краю обрыва под названием Жизнь. Он наконец услышал сквозь визг ветра какой-то шум. Что-то нависло над ним. Фох-fox-fox-fox-fox.

Он открыл глаза, и они наполнились слезами.

Вертолет. На сером металлическом подбрюшье был нарисован датский флаг. Из открытого грузового люка высовывались двое в дохах. Они смотрели на Виргу. Один из них поднес к губам мегафон и что-то сказал по-датски.

Не дождавшись от Вирги ни знака, ни ответа, человек заговорил по-английски:

— Это ледовый патруль. Дайте нам знак, поднимите руку. Мы опустим спасательный трос.

Вирга заморгал, но не шелохнулся. Он чувствовал себя старым, никому не нужным, выжатым как лимон и выброшенным за ненадобностью. Он боялся, что не сумеет сдвинуться с места. Но едва Вирга понял, чего боится, он понял также, что ему ужасно хочется дать сигнал. Ему хотелось цепляться за жизнь.

Кто-то над самым его ухом прошептал:

— *Ученики Ваала.*

И Вирга поднял руку.

КЛЕТКА ИЛЛАЧИЛИ

Я не могу хорошо писать, но мне хочется рассказать это. На бумаге все кажется понятнее, чем в голове. Хотя карандаш и ластик тут вряд ли годятся, как по-вашему? На свободе я попробую выучиться стучать на машинке. Мистер Уилер обещал показать мне, как с нею обходиться, а он мужик надежный.

Ну вот, а теперь я не знаю, с чего начать. Говорят, лучше всего начинать с начала. Попробую.

Я и правда сделал то, за что меня упрятали сюда. Никогда не говорил, что я этого не делал. Когда тебя хотят порезать, приходится быть первым. Я увидел, как блеснуло перо, когда он выхватил его из кармана, и слава Богу, что увидел, иначе летал бы сейчас на облаке. Мать мне всегда говорила, что я буду жариться в пекле. По правде, я ее достал, да и всех остальных тоже. Что ж, в тюрьгу не сажают за то, что слишком громко поешь в церкви.

Про Кирпичный Двор я слышал давно. По-настоящему это Брикнельская тюрьма, но никто внутри и почти никто снаружи так ее не зовет. Об этом месте я слышал, когда был маленьким, и про него мне напоминали каждый день. Господи, я бы разбогател, если бы получал по десять центов за каждый раз, когда кто-нибудь в Мейсонвилле говорил: «Как, парень, ты еще не в Кирпичном Дворе?»

Мейсонвилл — это место, где я родился и жил, но я никогда не считал его своим домом. Не чувствовал я себя там дома, вот и все. Мой старик сделал ноги, когда я был маленьким, и мать всегда говорила, что я весь в него — с такой же дурью в голове. Я велел ей заткнуться, не то разнесу к чертям весь дом. И разнес бы. Я тогда притворился психом, чтобы она прекратила нести эту чушь про меня и про моего старика. И потом не раз притворялся — когда люди думают, что ты псих, то меньше желающих надрать твою задницу.

Что вам сказать про Кирпичный Двор? Он всегда серый, даже когда светит солнце. Длинные коридоры, и везде решетки. Пахнет тут всегда одинаково — потом, мочой и еще той дрянью, которой моют полы и стены. Сортир с перегородками, над которыми видны головы, и там ээки могут поговорить друг с другом. Это старая тюрьма, и по ночам здесь все трещит и стонет.

Когда меня сюда привезли, мне только-только стукнуло двадцать один. Случилось это 24 марта, в пятнадцать минут одиннадцатого утра. Часы в Кирпичном доме работают хорошо, и я запомнил время. С тех пор, как за мной закрылись ворота, прошло семнадцать месяцев, двенадцать дней и четыре часа, а с того момента, как ушел Уайти — пять дней. Я не говорю «умер», потому что не знаю, так ли это. Эти пять дней действительно были очень странными. Я думаю, как про них написать, но я еще не так хорошо обхожусь со словами. И все же — когда я попал сюда, едва мог написать свое имя, а сейчас сижу и чиркаю карандашом, как какой-нибудь писатель.

Я много проторчал в колониях и воспитательных домах, но тюрьма — это совсем другое. Когда попадешь в Кирпичный Двор в двадцать один год, лучше ходить с опаской и смотреть вниз, иначе кому-нибудь обязательно захочется тебя поучить. В первый день здесь я не ответил, когда какой-то кабан со мной заговорил, и тут же получил кулаком в морду и сапогом по яйцам. Я не такой крутой и быстро сообразил, что косить под психа тут не годится. Тут и так полно психов, и каждый с радостью спляшет на тебе фанданго. В общем, в первый же день я угодил в лазарет и провалялся там три дня.

Очнулся я от того, что кто-то теребил бинт у меня на голове. Я так и подскочил — думал, они пришли меня добивать.

Рядом с койкой стоял какой-то старик. Одет он был в серую пижаму, какие тут дают больным. Он сказал: «Парень, тебя как будто вырыли из могилы». Голос у него был похож на звук, с каким белье трут о стиральную доску. Он засмеялся, хотя я ничего смешного в этом не нашел. Потом спросил, как меня зовут, и я сказал ему.

— Черта с два! Ты — Полли. Глупая маленькая Полли, вот ты кто.

Тогда всех новых парней называли «Полли». Имя менялось каждые несколько недель, но всегда это было женское имя.

— Ты ведь Полли? — спросил он, стоя надо мной и улыбаясь, как старый черный клоун. Он был гораздо чернее меня, такой черный, что его кожа отсвечивала синим. У него были коротко стриженные седые волосы и блеклые глазки за очками в проволочной оправе. Лицо его было похоже на дно высохшей лужи — казалось,

на нем не хватало места для морщин, и они налезали одна на другую. Он был очень старый, не моложе шестидесяти пяти, и такой же тощий, как я. Больничная пижама висела на нем, как на вешалке.

— Отвяжись, — сказал я ему. Голова у меня гудела, я ничего не видел одним глазом и чертовски хотел спать.

— Полли говорит: «Отвяжись». Как ты думаешь, послушаться ее? — он с кем-то говорил, хотя поблизости никого не было.

— Спятил, — пробормотал я, и тогда он рассмеялся и сказал:

— Иллачиль, погляди на этого болвана.

Он достал что-то из-под своей серой пижамы, и я увидел, что это маленькая желтая птичка. Что-то вроде канарейки. У моей тетки была канарейка, которую она звала Сладкая Трель. Ее кот тоже решил, что она сладкая, и как-то пробрался в клетку и сожрал ее. Даже перышек не оставил. Так вот, он держал ее в руке, и она махала крыльями, как будто собиралась взлететь. Я подумал, что мне не хватало еще только птичьего дерьма на голове и сказал:

— Убери ее отсюда.

— Только ради тебя, Полли, — он подхватил птицу и опять сунул ее под пижаму.

Потом он нагнулся надо мной, и я увидел его зубы, желтые, как его птица.

— Ты здесь надолго, Полли. Перерезал глотку ближнему своему?

— Он пытался сделать это первым, — сказал я. Меня не удивило, что он знает: в тюрьме нет тайн.

— Все поют одну и ту же песню. Чик-чирик, я хороший мальчик, фью-фью, нет, сэр, это не я.

— Я не говорил, что это не я. Только сказал, что не доставал нож первым.

— Ага, зато первым пустил его в ход. Ну что ж, лучше Кирпичный Двор, чем кладбище, правда? — он рассмеялся, и зашелся кашлем от смеха. Кашлял он минуты две, и глаза его были полны такой боли будто он выкашливал себе легкие.

— Ты болен, — сказал я, когда он замолчал.

— Если бы был здоров, не сидел бы здесь с тобой, — он глубоко вдохнул несколько раз, и все прошло, не было видно, что болезнь сидит в нем глубоко. Белки его глаз были как будто наполнены гноем. — Пошли, Иллачиль, — сказал он канарейке, — пускай Полли поспит, ей это нужно.

Ушел он недалеко — до кровати через одну от меня, и разлегся там, как король Африки на золотом ложе. Солнце ярко светило через решетку, и где-то недалеко скребли щеткой по полу. Я глядел, как канарейка летает вокруг его кровати. Потом он

привстал, поймал ее и прижал к губам. Он начал насвистывать ей что-то ласковое, и тогда я решил, что он точно спятил. Но потом этот свист стал мне нравиться, и мне показалось, что они разговаривают на самом древнем в мире языке. Потом я уснул, и мне приснились мечущаяся по клетке теткина канарейка и глядящий на нее кот.

Время и здесь идет, как на воле. Я понемногу втянулся, и меня поставили вывозить мусор. Это самая хреновая работа, на какую могут поставить новичка. Меня еще не раз били, потому что я делал или говорил не то, что полагается, а я не мог даже ответить. Если в тюрьме пытаешься драться, можешь сразу заказывать гроб. Постепенно ко мне привыкли, и я приобрел друзей и новое имя. Из Полли я стал Палкой — за худобу. А новеньких к тому времени уже звали «Люси».

У каждого блока был свой график прогулок. Наш блок Д выходил в полтретью. Один раз мы играли в баскетбол и в перерыве разговорились о жизни. Тут я и рассказал им про старика и канарейку, и Умник Стеббинс воскликнул:

— Ух ты! Ты видел Уайти и Иллачиль!

— Точно, птицу звали Иллачиль, — подтвердил я, но старикан был не очень-то белый.

— Эй, заткнись, — сказал Меченый. — Изволь говорить про Уайти уважительно.

— Я ничего такого и не говорю. Только как ему позволяют держать эту птицу? — Я вспомнил, как капитан оглашал тюремные правила таким рыком, что дрожь пробирала. — Вроде бы это запрещено.

— Уайти не такой, как все, — сказал Маккой. — Они его не трогают.

— И вот почему, — Умник наклонил голову к моему уху. — Уайти — колдун. Он знает заклинания.

— Что ж он не сбежит отсюда? — спросил я, улыбаясь.

Они все поглядели на меня, как будто я был тараканом на двух ногах. Меченый положил мне руку на плечо, и я едва не упал.

— Слушай, — сказал он, и я увидел, как у него сверкают глаза, и решил, что пора заткнуться. — Уайти Латроп — большой человек здесь. Неважно, веришь ты в то, что он колдун, или нет. Но не смей говорить о нем неуважительно, иначе будешь иметь дело с Меченым. Понял?

Я сказал, что понял. Упаси меня Бог иметь с ним дело!

— Уайти Латроп — колдун, — продолжал Меченый, таинственно понизив голос, — а Иллачиль не просто птица. Она узнает обо всем, а потом рассказывает Уайти.

— Как это? — отважился я спросить.

— Иллачишь по ночам вылетает из клетки, — объяснил Меченый, глядя мимо меня, на солнце, освещавшее его большое круглое лицо. Еще он глядел на ограду из колючей проволоки и на высокую каменную стену, на которой застрелили восьмерых человек, пытавшихся бежать. — Иллачишь летит через окно, через двор и улетает.

— Куда?

— На волю. А потом, еще до рассвета, возвращается в клетку и рассказывает Уайти все, что видела. Про города, полные света, и про веселых людей на улицах, где музыка звучит, как серебряные монеты, — Меченый улыбался, говоря об этом, и я почувствовал, что улыбаюсь тоже. — О, Иллачишь бывает в чудесных местах. В таких, о которых ты только мечтал, но никогда не видел.

Все это было очень красиво, но меня не пронять.

— Откуда ты знаешь? — спросил я. — Если Уайти в блоке А, то ты никак не можешь это знать. Из блока в блок ничего не передашь.

— Все это знают, — сказал Меченый таким тоном, будто я был полным дураком. — Кроме того, каждые полгода тебя переводят в другой блок. Чтоб не возникали организации. Два года назад я сидел вместе с ним в блоке Е.

— А я сидел с ним рядом в 81-м, — сказал Маккой. — В блоке Б. Да, я сам видел, как эта птица каждый день летала там, как маленький кусочек солнца.

— Погоди, — мне хотелось во всем этом разобраться. — А как давно этот Уайти здесь?

Меченый назвал сорок лет, Маккой — тридцать пять. Умник думал, что где-то посередине этих чисел.

— А как птица может столько жить? — победно спросил я.

— Иллачишь всегда была здесь, — ответил Меченый. — Всегда. Уайти — колдун, а Иллачишь — его дух.

На этом разговор кончился, и мы опять пошли играть в баскетбол.

Меня повысили: вместо мусорного бака я получил ведро и щетку. Я убирал в мастерской, и работы там хватало, но и свободного времени было достаточно. Там работали на маленьких станках эки, которые слесарили в Кирпичном Дворе или чинили электричество. Один из таких, Пелл Доннес, как-то позвал меня, когда я убирался:

— Эй, Палка! Иди скорее — Уайти здесь!

Я побежал на зов и увидел черного старика с седыми коротко стриженными волосами. Он выглядел еще хуже, чем в больничной пижаме. Его штаны и куртка были самого маленького размера, но все равно висели на нем, а морщин на лице прибавилось еще

больше. Он стоял там, окруженный кольцом примерно из десяти человек, и держал пальцы клеткой. Я видел, как Иллачилъ взмахивала крыльями в этой клетке.

Никогда не видел у этих типов таких лиц — прямо как у пацанов. И все они молчали, даже Грубиян Клейтон, а уж его можно было заставить замолчать, только зашив ему рот. Уайти говорил, и поднимал вверх руки, и иногда набирал воздуха и выдыхал его на Иллачилъ. Легкие его при этом булькали, как неисправные трубы. Похоже, у него был рак или еще какая-нибудь дрянь.

— Иллачилъ прошлой ночью летала, — сказал Уайти, и его глаза зажглись за стеклами очков, как тусклые лампы. — Да, она летала очень далеко. Правда? — он поглядел на Иллачилъ, и птичка наклонила голову, будто соглашалась. — Куда, интересно, она летала?

— Во Флориду, — сказал Билли Дэвис. — Где не льет дождь каждый день по два месяца подряд.

— В деревню, — сказал кто-то из новичков. — На ферму, где пахнет свежей зеленью.

И тут я, сам не зная почему, сказал:

— В Мейсонвилл.

Он поднял глаза. Птичка забила крыльями, и Уайти поспешно прижал ее к своей тощей груди.

— Мейсонвилл? Кто это сказал?

Малыш Мердок поманил меня толстеньким черным пальцем. Они расступились, и я оказался лицом к лицу с Уайти. Увидев меня, он улыбнулся.

— А я ведь тебя знаю. Ты больше не Полли?

— Теперь меня зовут Палка.

— Понятно, почему. Ты что, не ешь?

— Я еще расту, — ответил я, и он рассмеялся.

— Что ж, мы все растем.

Потом он приблизил к моему лицу свои горящие глаза, и я пытался отодвинуться от него, но не смог. Все вокруг молчали, и было так тихо, что я мог слышать, как бьется мое сердце.

— Верно, — сказал он. — Иллачилъ прошлой ночью летала в Мейсонвилл. Пролетала прямо над центром города. Сейчас она вам расскажет, — он поднес птицу ко рту и хрипло просвистел ей что-то, потом поднес ее к уху. Голова Иллачили склонилась к нему, но я ничего не услышал. — Да, сэр, он снова прикрыл канарейку руками. — Иллачилъ летала в Мейсонвилл, и вот что она там увидела. В Мейсонвилле всего две улицы, одна идет в город, а другая — из города. Еще там есть парк, хоть и небольшой, а в парке фонари, которые светят золотистым светом. Под ними на скамейках

сидят влюбленные и любуются светом фонарей. А вокруг парка горят огни, так что там даже ночью никогда не бывает темно, и там гуляют люди, красивые и радостные. Прошлой ночью над Мейсонвиллем светила луна, такая большая, что заполняла собой все небо. Такую луну можно увидеть только в Мейсонвилле. Это теплая луна, и Иллачиль грелась в ее лучах, сидя на ветвях сосны в парке. Она принесла с собой сюда этот теплый сосновый запах, — он вдохнул в себя воздух, и все вокруг сделали то же самое. — Свежие сосновые иголки. Яркая луна. Красивые мужчины и женщины в золотом свете. Вот что Иллачиль видела в Мейсонвилле. Ты это тоже видел?

Он обращался ко мне, и я сказал «да».

Уайти улыбнулся.

— Иллачиль рада этому, — он погладил птичку одним пальцем. Может быть, сегодня ночью она полетит во Флориду. Или в деревню, где пахнет зеленью. Никогда не знаешь, куда именно она полетит, — с этими словами Уайти пошел прочь, и знаете, только через минуту я снова увидел каменные стены и почувал запах машинного масла. Надо мной были не луна и звезды, а железные трубы. Но эту минуту я пробыл в Мейсонвилле, далеко-далеко отсюда.

Дежурный разогнал нас, и все вернулись к своей работе. Только потом я понял, что видел не настоящий Мейсонвилл. В настоящем была фабрика, и из ее труб день и ночь валил дым, который закрывал звезды. Но Уайти вытащил меня из тюрьмы, пусть на несколько минут. Я был с Иллачилью в этом чудесном парке. В Мейсонвилле такого парка не было, но что с того? Мой Мейсонвилл, созданный Уайти, был лучше настоящего, вот и все. В ту минуту я поверил, что Уайти колдун. Он ведь смог растворить для меня тюремную стену.

Но в канарейку я не верил. Как может канарейка прожить сорок лет?

Уайти часто заходил в мастерскую, и дежурные позволяли ему говорить с нами. Казалось, им тоже нравится его слушать. В одну ночь Иллачиль летала во Флориду, в Майами-Бич. До Майами было пятьсот километров. Но Иллачиль, как дух, могла летать куда угодно. Я закрывал глаза и видел океан и эти большие отели, которые показывают по телеку. Иллачиль пролетала над волнами, и я чувствовал соленый запах. А в другой раз Иллачиль летала на север, где в снежном поле во все стороны разбегаются олени следы, а наверху горит луна, такая яркая и холодная, что стынут зубы. Еще она летала над полями и садами, над большими городами, над великими реками, где теснились баржи, над лесами и островами, где вода журчит, как музыка, а воздух пахнет кокосом и корицей.

Еще она залетала в стриптиз-бар в Нью-Орлеане, и на состязание по боксу, где двое мужчин дрались насмерть под рев толпы, и пахло дешевыми сигарами. Июльской ночью она летала на бейсбольный матч, и клянусь, что я чувствовал вкус соленого орешка, который она выхватила из рук какого-то белого.

Я хотел знать, где бывает Иллачиль каждую ночь. Я уже не мог жить без этого.

В камере, когда гасили свет, я лежал на жесткой койке и думал, как это происходит: Иллачиль вылетает из клетки пальцев Уайти, радостно делает круг вокруг его седой головы, а потом желтой вспышкой пролетает через решетку. Улетает из мира серого камня и колючей проволоки в мир счастья и свободы. Через проволочную ограду, через толстые стены, выше и выше, навстречу ночному ветру, который уносит ее в бесконечный полет. Я не видел мир, но Иллачиль видела и показывала мне места, где я всегда хотел оказаться.

Если это не колдовство, то что тогда?

Однажды Уайти пришел к нам в жаркий день, и мы увидели, что что-то не так. Он дышал с трудом и кашлял, как тогда в лазарете — будто хотел выкашлять легкие. Даже Иллачиль казалась больной и не взмахивала крыльями, как обычно. Но он знал, что мы хотим его слушать, и пришел к нам. Мы побросали работу и собрались вокруг него, и он сказал, что Иллачиль прошлой ночью летала далеко, так далеко, что устала. Она летала в Страну Полночного Солнца, где одновременно день и ночь. Там она купалась в холодном ветре и гуляла по льду, чувствуя, как мир поворачивался вокруг нее, потому что эта страна находится на самом полюсе. Вдохните. Чувствуете, какой холодный там воздух? Там нет никакого тепла и никакой влаги. Только лед и мороз, но подо льдом, в синей спокойной воде...

Тут он пошатнулся.

Руки его разжались, и Иллачиль упала на пол, бессильно взмахивая крыльями. Он упал сверху и придавил птицу коленом.

Мы подбежали к нему, и дежурные тоже, и кто-то из них попытался увести старика. Он кашлял и, задыхаясь, звал: «Иллачиль! Иллачиль!» — как потерянного ребенка.

Я был ближе всех и осторожно достал из-под его ноги тельце канарейки. Иллачиль еще раз дернулась и замерла. И тут я все понял.

Уайти посмотрел на меня и выплюнул кровь.

— Моя Иллачиль! — прохрипел он с таким отчаянием, что я быстро сунул искалеченную птицу ему в руку. Дежурный увел его, а я спрятался за большой станок и долго просидел там, думая обо всем этом.

Ночью я плакал и не стыдился этого. Если вы решите из-за этого, что я не мужчина, — черт с вами.

Я никому ничего не сказал. А через неделю ко мне в камеру зашел дежурный и отвел меня к Уайти. Сказал, что Капитан разрешил.

В камере Уайти решетка была закрыта зеленой занавеской. Дежурный завел меня внутрь и вышел, оставив меня с колдуном и его Иллачилю.

— Садись, Палка, — сказал Уайти. Голос у него был до невозможности усталый. Света в камере почти не было. Почему-то раньше я думал, что там светло. Уайти сидел за столом, а перед ним лежал платок, весь в пятнах крови. Я присел на койку.

— Поздоровайся, Иллачиль, — Уайти раскрыл ладони, и канарейка взлетела и начала кружить над его головой. Он поймал ее только на третьем круге.

— Иллачиль в порядке, — сказал он. — Как новая.

— Я вижу.

Птица в его руках еще подвигала крыльями, потом у нее кончился завод, и она замерла.

— Я работал часовщиком в Майами, — сказал он.

Эта штука ненамного сложнее часов, — он положил желтое тельце на стол. Я помнил ощущение железных стержней и колесиков под тканью и теперь мог разглядеть эту ткань под отставшими кое-где перьями. Ее чинили уже много раз.

— Я и сейчас иногда чиню часы охранникам. Иногда беру оттуда детали и говорю: извините, сэр, починить нельзя. Все эти детали в ней. Масло я беру в мастерской. Обычно достаточно просто потереть ее пальцем, чтобы масло попало внутрь. И еще я таскаю оттуда шестеренки, — он открыл ящик стола и достал маленькую металлическую коробочку. В ней лежали всякие детали от часов, инструменты, как у зубного врача, и кусочки желтой материи. — Капитан знает. Он мужик хороший, только изображает злость.

— А настоящая Иллачиль была? — спросил я его.

— Она и есть настоящая! — крикнул он и тут же зашелся кашлем. Выплюнув кровь, он продолжал. — Иллачиль влетела в мою камеру, когда я был здесь первый месяц. Мне тогда было ненамного больше, чем тебе. Я научил ее возвращаться ко мне, — на губах его появилась слабая улыбка. — А потом пошли эти разговоры про колдовство. Я не спорил, потому что никогда не был крутым, и много раз получал по роже. Когда все узнали, что я колдун и держу волшебную птицу, меня оставили в покое, — дрожащими пальцами он взял Иллачиль, и в тусклом свете она снова казалась обыкновенной спящей канарейкой. — Но потом она умерла. Мне пришлось скрыть это — если птица умерла, какой же

я колдун? У моего однокамерника, Томми Хейвуда, дядя работал чучельником в Нэшвилле. Это придумал Томми, потому что ему нравилось дружить с колдуном — он получал за это сигареты и лишнюю пайку. Вот он и упаковал Иллачиль в коробку и отослал в Нэшвилл, а я тем временем врал всем, что она улетела в долгое путешествие. Я много читал и на воле, и здесь. Слышал про «Нэшнл джиогрэфик»?

Я сказал, что слышал.

Видишь ли, многие здесь не умеют читать, но хотят знать про места, где хорошо, и где они никогда не были. Поэтому я рассказывал им истории про такие места, и они решили, что я колдун. Понимаешь?

Я кивнул, но сердце у меня обливалось кровью.

— Иллачиль вернулась через месяц. Выглядела она отлично, но, конечно, не летала. Вот мне и пришлось заняться починкой часов. Прошло много времени, прежде чем набралось достаточно деталей, и еще больше — прежде чем я смог собрать механизм. Только на то, чтобы заставить ее махать крыльями, у меня ушел год. Но в тюрьме все равно нечего больше делать, правда?

Я опять кивнул.

Уайти потрогал пальцем крошечный стеклянный глаз.

— Не раз я отчаивался и думал, что только Богу под силу сделать птицу. Я уже собирался во всем им признаться, но тут кто-то в блоке Е сказал, что видел, как Иллачиль летает над оградой. Другой увидел ее сидящей на стене, и в ту же ночь ему приснилось, что она летает над его домом, где у него остались жена и дети. Все начали говорить, что Иллачиль вернулась, побывав в руках у самого Бога.

Он поднял свою иссохшую руку и достал из коробочки маленький серебристый ключик. Потом вставил его в отверстие под хвостом Иллачили и несколько раз повернул.

Что-то тихо щелкнуло. Крылья канарейки задвигались, все быстрее и быстрее. Уайти подбросил ее в воздух давно рассчитанным движением, так, что казалось, будто она взлетела сама. Крылья сделали несколько неуклюжих, совсем не птичьих движений, и птица упала вниз. Уайти едва успел ее поймать. Он держал ее в клетке своих рук, и казалось, что маленький клюв клюет его пальцы.

— Теперь она только говорит со мной, — сказал он, тихо свистнул и поднес Иллачиль к уху. — Хочешь узнать, где она была сегодня ночью?

Я промолчал.

— Иллачиль летала далеко-далеко, в страну, где нет клеток. И нет каменных стен. Нет ничего, что могло бы помешать тебе идти,

куда ты хочешь. Она говорит, что это большая страна, и там есть место для каждого. Там растут персики. Ты знаешь, как пахнут цветущие персики в апреле? Там течет много рек, и все они ведут к морю, теплomu и соленому. Они там ждут меня и спрашивают, почему меня так долго нет. Иллачиль сказала им, что я скоро приду, но сперва должен сделать одно дело.

— Какое дело?

— Я должен сделать новую клетку для Иллачили, — сказал Уайти. Он поднял руки, в которых продолжала вздрагивать механическая канарейка. — Это всегда была ее клетка. Клетка, которая никогда не запиралась.

Я молчал. Я начинал понимать, в чем дело, но не был до конца уверен.

— Ты нужен мне, Палка, — сказал Уайти и посмотрел на меня своими горящими глазами. — Ты это знаешь.

— Я ничего не могу сделать.

— Не можешь, если не захочешь. Ты молодой, и я знаю, что у тебя есть мозги, — он улыбнулся. — Может, немного, но есть. Я покажу тебе, как ее заводить и смазывать. Покажу, как делать так, чтобы никто не заметил, что Иллачиль не живая. Я дам тебе книги, и даже если ты не сможешь их прочитать, ты будешь смотреть картинки, пока они не оживут в твоей голове. Ты снова заставишь Иллачиль говорить... и тогда она может показать тебе места, где ты всегда мечтал побывать.

— Нет, — сказал я. — Не могу.

— Почему? — спросил он.

Но я не ответил. Мне хочется соврать вам, что я сказал «да», но я тогда ничего не сказал. Я просто встал и ушел. Я не колдун. Той ночью я плохо спал. Мне снилось, что Иллачиль летает в темном небе, все летает и летает, не находя места, где бы сесть. Она устала и измучилась, и ветер подхватил ее и понес. Скоро она будет так далеко от Кирпичного Двора, что никогда не сможет вернуться. Тогда эти каменные стены и колючая проволока опять станут нашим миром, и все кончится.

Мне было жалко Иллачиль. Очень жалко.

Уайти чинил все часы в тюрьме. Вот почему они так точно показывали время. Он сказал капитану, что ему нужен помощник — в Кирпичном Дворе много часов.

Он хотел, чтобы я научился у него, и так и вышло. У меня ушло на это восемь месяцев.

Я не показывал Иллачиль, пока он не убедился, что мои руки двигаются достаточно быстро. Я учился и учусь до сих пор.

Я никому не говорил, что я колдун, но время идет. Уайти оставил Иллачиль мне, а люди знают, что ее хозяином может быть

только колдун. Я стал носить очки и читать книги. Мне еще многому предстоит научиться, но теперь я знаю гораздо больше. Иногда мне кажется, что я влез в шкуру старика.

О, видели бы вы их, когда Иллачиль опять появилась перед ними! Они хотели слышать, где была Иллачиль прошлой ночью. Хотели знать, как она перелетает через стены и роняет на них помет. Какие она видит горы, реки и сады. Как она летает над бейсбольными полями и танцплощадками, слушает джаз и серебристый женский смех. Я рассказывал им все это и много чего еще. Не так хорошо, как Уайти, но теперь я стал клеткой Иллачили, и я стараюсь, как могу.

Что-то во мне еще хочет освободиться из клетки, в которую я попал. Иногда это что-то летает по ночам с Иллачилью. Иногда мы пролетаем над Мейсонвиллем, над парком с золотыми фонарями, над улицами, полными веселых людей. Это громадная земля, и стены Кирпичного Двора по сравнению с ней кажутся тонкими, как бумага.

Я кончаю писать и скоро спрячу эти листки в надежное место. Как я уже говорил, мистер Уилер помогает мне научиться лучше читать и писать, и я хочу освоить машинку. Может, когда-нибудь я напишу о тех местах, куда летает Иллачиль. Может быть.

Я не колдун. Я просто клетка Иллачили, но это тоже волшебство.

КРАСНЫЙ ДОМ

У меня есть история, чтобы рассказать вам, как и у каждого человека. В этом ведь и заключается жизнь, разве не так? Так. У каждого есть история — о том, как с ним что-то случилось, или могло случиться, или не случилось, и если не случилось, то почему. В жизни любого на этом крутящемся шарике есть история о неудавшемся деле, о любви, которая кончилась плохо, о какой-нибудь чертовщине. Понимаете, о чем я? Ну вот, и у меня есть такая.

Я хочу вам ее рассказать. Я помню много всякого о Грейстоун-Бэй. Я мог бы рассказать вам о том, что мы с Джоем Хэммерсом нашли в капоте старого «чеви» на автомобильной свалке. Мог рассказать, как из крана у старой миссис Фарроу полезли змеи, и что она с ними сделала. Мог рассказать о подражателе Элвиса Пресли, который спятил у нас в городе из-за того, что не мог снять с себя грим. Да, я знаю многое о том, что случилось в Грейстоун-Бэй. Кое-что я не хочу рассказывать вам после захода солнца, но могу рассказать историю о себе. Решайте сами, стоит ли она вашего внимания.

Меня зовут Боб Дикен. Когда-то меня звали Бобби Дикен, и я жил с матерью и отцом в одном из дощатых домов на Аккардо-стрит, вверх по Сауз-хилл. Там и сейчас стоят эти дощатые дома — все одной величины и одного цвета. Цвета могильных плит — асфальтово-серого. У всех у них одинаковые окна, крылечки и ведущие к ним с улицы бетонные ступеньки. Клянусь Богом, я думал, что у них и трещины в этих ступеньках одинаковые! Как будто выстроили один такой дом, сфотографировали его и сказали: «Вот идеальный дом для Аккардо-стрит», а потом собрали их все по одному образу, вплоть до навесной двери, которая убирается летом и ставится зимой. Похоже, мистер Линдквист решил, что эти дома вполне сойдут для греков и португальцев, итальянцев и

поляков, которые работали на его фабрике. Конечно, на Аккардо-стрит жили и настоящие американцы, которые тоже работали на мистера Линдквиста, как мой отец.

Видите ли, на Аккардо-стрит все платили ренту мистеру Линдквисту. Он владел всеми этими домами. Он один из самых богатых людей в Грейстоун-Бэй, его фабрика выпускает колесики, шестеренки и другие детали для машин. Я подрабатывал там контролером во время школьных каникул. Эту работу устроил мне отец — я стоял у конвейера с несколькими парнями, и мы день за днем смотрели, чтобы каждое колесико было нужного размера. Если оно отличалось хоть на волосок, мы бросали его в коробку, а потом отдавали на перештамповку. Звучит просто, но этих колесиков были тысячи каждый час, и наш старший, мистер Галлахер, настоящий сукин сын, замечал любую ошибку. Когда я дома жаловался, отец говорил, что я должен радоваться любой работе в такое паршивое время, а мать пожимала плечами и говорила, что мистер Линдквист начал когда-то с того, что считал колесики.

Но отец не ответил бы, если бы его спросили, для каких именно машин предназначаются эти колесики и шестеренки. Он работал там с девятнадцати лет и до сих пор не знал. Он не интересовался, зачем они нужны и куда деваются, когда их в больших ящиках увозят с завода. Он просто делал их — миллионы колесиков для непонятных машин в больших городах далеко от Грейстоун-Бэй.

— Хотя у нас неплохо. Конечно, это не лучшее место в мире, но и не худшее. Мне только не нравилось, что на Аккардо-стрит так много одинаковых домов. Много людей родилось в этих домах и потом переехало двумя-тремя домами в сторону, когда они женились и выходили замуж, и их дети тоже переезжали на два-три дома дальше и жили там. Даже мистер Линдквист сменился мистером Линдквистом-младшим, который живет в том же большом белом доме, что и его отец и дед.

Иногда, когда отец напивался и начинал буянить, а мать запырлась от него в ванной, я шел в конец Аккардо-стрит. Там были развалины католической церкви, которая сгорела в конце семидесятых, во время одного из самых сильных снежных буранов, какие были в Грейстоун-Бэй. Пожар был очень сильный, но церковь сгорела не до конца. Тело отца Мэриона пожарные так и не нашли. Я не знаю всю историю, но слышал вещи, которые не хочу повторять.

Так вот, я нашел путь на старую полуобвалившуюся колокольню, откуда мог сверзиться в любую минуту. Но риск того стоил — с колокольни можно было увидеть весь Грейстоун-Бэй и море за ним, всю эту красоту, когда казалось, что ты один на свете. На море я видел яхты, пакетботы и разные суда, спешившие в порты

назначения. Ночью их огни горели особенно ярко, и откуда-то слышался шепчущий голос ветра, говорящий что-то вроде: «Иди со мной».

Иногда мне очень хотелось пойти. Но отец всегда говорил, что мир за пределами Грейстоун-Бэй сплошное дерьмо, и что бык должен пастись на своем лугу. Это было его любимое изречение, почему его и прозвали «Бык». А мать говорила, что я слишком молод, чтобы иметь свое мнение. В этом, как и во всем остальном, она соглашалась с Донной Рафаэлли, потому что мистер Рафаэлли был непосредственным начальником отца на фабрике. Никто не слушает детей, пока они не начнут кричать, а тогда уже поздно.

Не слушайте никого, кто вам скажет, что лето в Грейстоун-Бэй холодное. В середине июля от мостовой валит пар, а ветер напрочь забывает дорогу в город. Клянусь, я видел, как чайки камнем падали вниз от солнечного удара. Так вот, в один из таких жарких июльских дней — в субботу, потому что мы с отцом не работали, — на Аккардо-стрит и приехали маляры в белом грузовичке.

Дом напротив нашего пустовал уже несколько недель. У старого мистера Паппадоса ночью случился сердечный приступ, и на его похоронах мистер Линдквист даже сказал маленькую речь — все-таки старик проработал на фабрике почти сорок лет. Миссис Паппадос уехала к родственникам на запад. Я в тот день пожелал ей счастливого пути, но мать только плотнее задернула занавески, а отец включил телевизор громче.

В то памятное июльское утро мы все сидели на крыльце, пытаюсь поймать хотя бы немного свежего воздуха. Мы отчаянно потели, а отец рассуждал о том, как в этом году «Янкиз» попадут в высшую лигу, когда подъехали маляры. Они достали свои стремянки и приготовились к работе.

— Похоже, у нас новый сосед, — заметила мать, обмахиваясь носовым платком. Она повернула стул якобы для того, чтобы поймать ветерок, но на самом деле следила за соседским домом.

— Надеюсь, это будет *американец*, — сказал отец. — Видит Бог, у нас и так достаточно иностранцев.

— Интересно, какую работу мистер Линдквист дал нашему соседу, — взгляд матери пробежал по лицу отца и быстро скользнул прочь.

— На конвейере. Мистер Линдквист всегда ставит новых людей на конвейер. Надеюсь только, что он что-нибудь понимает в бейсболе, в отличие от твоего сына.

— Ну папа! — подал я голос. Это все, что я мог сказать отцу, когда он начинал меня задевать. Я закончил в мае школу и работал полный день на фабрике, но отец всегда мог дать мне почувствовать себя двенадцатилетним и глупым, как пробка.

— Да, не понимаешь! — он повысил голос. — Думаешь, «Кубки» попадут в высшую лигу? Чуть! «Кубки» никогда не...

— Интересно, дочь у них есть? — продолжала мать.

— Эй, помолчи, когда я разговариваю! Я что тебе, стенка?!

Маляры открыли банки с краской. Один из них обмакнул в банку кисть.

— О Боже! — прошептала мать, расширив глаза. — Поглядите на *это!*

Мы поглядели и обмерли.

Краска была не серой, как все дощатые дома на Аккардо-стрит. Нет, она была ярко-красной, как грудка малиновки. Даже краснее — как неоновые огни над барами Харбор-роуд или как сигнальные огни в бухте, где волны прибоя бьются о скалы. Красной, как платье девушки, которую я увидел на танцах и не мог набраться смелости, чтобы познакомиться.

Красной, как тряпка перед мордой быка.

Когда маляры принялись красить дверь дома этим кричащим багрянцем, отец подскочил в кресле с таким видом, точно его пнули в зад. Если он ненавидел что-то, так это красный цвет. Он всегда говорил, что это коммунистический цвет. «Красный Китай», «Красная площадь», «Красная армия». Он считал «Цинциннатских красных» самой паршивой бейсбольной командой, и даже вид красной рубашки приводил его в ярость. Не знаю, может быть, это была какая-то болезнь — он прямо с ума сходил, когда видел красный цвет.

— Эй! — крикнул он. Маляры прекратили работу и оглянулись, потому что его крик перекрывал все звуки, даже дребезжание стекол в рамах. — Что это вы там делаете?

— На коньках катаемся, разве не видите? — последовал ответ.

— Уберите! — проревел отец, выпучив глаза. — Уберите эту дрянь *сейчас же!* — он сбежал вниз по бетонным ступенькам, и я подумал, что малярам придется плохо, если он до них доберется. Но он остановился посреди улицы, и тут из домов начали выглядывать люди. Крики и ссоры на Аккардо-стрит не были редкостью, особенно в такую жару, когда люди замыкались в дощатых стенах, как в клетках.

— Эй, идиоты, это дома мистера Линдквиста! — завопил отец. — Поглядите вокруг! Вы видите хоть один красный дом?

— Нет, — сказал один, а второй опять начал красить.

— Тогда какого черта вы это делаете?

— По приказанию мистера Линдквиста, — сказал маляр. — Он велел нам ехать на Аккардо-стрит, дом 311, и выкрасить его пожарной краской. Вот пожарная красная, а вот дом 311. Все правильно. Еще вопросы есть?

— Эти дома *серые!* — лицо отца побагровело. — Они серые уже сто лет! Вы что, хотите все их перекрасить в коммунистический цвет?

— Нет. Нам велели покрасить только этот дом, внутри и снаружи.

— Он же прямо напротив меня! Я должен смотреть на него каждый день?! Господи Боже, да этот цвет прямо-таки *бросается* в лицо!

— Ладно. Обсуждайте это с мистером Линдквистом, — маляр присоединился к своему товарищу, а отец вернулся в дом и начал пинать мебель и ругаться, как сумасшедший. Мать заперлась с журналом в ванной, а я пошел на пристань смотреть на корабли.

В понедельник отец осмелился в обеденный перерыв заглянуть к мистеру Линдквисту. Он добрался только до его секретарши, которая сказала, что это она отправила маляров по приказу хозяина, но чем это вызвано, она не знает. Отец был так зол, что по пути домой едва не разбил машину. И дома его ждал во всей красе красный дом, пахнувший свежей краской на всю улицу.

— Он хочет меня достать, — сказал он за обедом с нервным смешком. — Конечно. Мистер Линдквист хочет от меня избавиться, но у него не хватает духу. Он меня боится, вот и подослал этих проклятых маляров. Хочет, чтобы я сам ушел!

Он позвонил мистеру Рафаэлли через улицу, чтобы узнать новости, но тот сказал только, что новый работник нанят и приступит к работе на той неделе.

Неделя выдалась сумасшедшая. Я уже говорил, что не знаю, почему красный цвет так действовал на отца, но он просто лез эти дни на стену. И немудрено — утром он должен был идти мимо него на работу, а вечером, когда он возвращался домой, лучи заходящего солнца заставляли дом гореть, как пожар. На Аккардо-стрит даже начали приезжать люди — туристы! — чтобы посмотреть на это чудо. Отец запирал двери и закрывал ставни, как будто красный дом мог ночью сорваться с места и прийти к нему через улицу.

Отец говорил, что не может дышать из-за проклятого дома, что он вышибает из него дух. Он начал рано ложиться в постель, настроив радио на бейсбольный матч.

Но в темноте, когда в комнате матери с отцом все стихало, я выходил на крыльцо и долго стоял в душной ночи. Я не смел признаться им, но.../мне красный дом *нравился*. Он был похож на остров в сером море. Сто лет на Аккардо-стрит стояли только серые дома, совершенно одинаковые до последнего гвоздя. А теперь вдруг все изменилось.

Наши новые соседи приехали в дом через неделю после покраски. Они шумели так, что, наверное, слышали даже богачи в

особняках на Норз-хилл. Я вышел на крыльцо посмотреть и увидел, что родители уже там. Лицо отца было пурпурного цвета, в глазах — смесь гнева и ужаса. Мать вцепилась ему в руку, чтобы удержаться на безопасном расстоянии.

У мужчины были коротко стриженные рыжие волосы. Он носил красную рубашку и брюки цвета итальянского вина. На ногах у него были красные ковбойские сапоги, и он выгружал вещи из трейлера, прицепленного к старенькому красному автомобилю. На женщине были розовая блузка и алые джинсы, а ее длинные волосы отливали в утреннем свете клубнично-розовым оттенком. Еще там были мальчик и девочка лет семи-восьми с волосами почти такого же цвета, как их новый дом.

И тут внезапно мужчина поднял глаза и помахал нам рукой.

— Привет! — крикнул он пронзительным голосом, поставил на землю красную коробку и поспешил через улицу в своих красных ковбойских сапогах. По цвету его кожи было похоже, что он питался одним кетчупом.

— Здравствуй, — прошептала мать, изо всех сил удерживая руку отца, от которого, казалось, вот-вот повалит пар.

— Я Вирджил Сайкс, — сказал мужчина. У него были густые рыжие брови, открытое дружелюбное лицо и светло-карие, почти оранжевые глаза. Он протянул отцу руку. — Рад с вами познакомиться.

Отец, весь дрожа, смотрел на его руку, как будто это была коровья лепешка.

Не знаю, почему, но я шагнул вперед и пожал руку мужчине. Она была горячей, словно он горел в лихорадке.

— Привет. Я Бобби Дикен.

— Привет, Бобби, — он оглянулся на жену и детей. — Эви, веди сюда Рори и Гарнетт, пусть поздороваются с Дикенами! — У него был какой-то странный акцент, похожий на иностранный, и только потом я понял, что он с глубокого Юга. Глядя на свое семейство, он гордо ухмыльнулся. — Вот, это моя жена и малыши. Мы из Алабамы. Похоже, будем с вами соседями.

Обилие красного почти парализовало отца, но он нашел в себе силы прохрипеть:

— Сойдите с моего крыльца.

— Что? — переспросил Вирджил, еще улыбаясь.

— Убирайтесь, — голос отца стал громче. — Сойди с моего крыльца, чертов краснорожий плантатор!

Он продолжал улыбаться, но глаза его сузились. Он посмотрел на меня.

— Рад познакомиться, Бобби. Заходи как-нибудь в гости.

— Он не зайдет! — рявкнул отец.

— Всего хорошего, — Вирджил обнял Эви за плечи, и они сошли с крыльца, уводя за собой детей.

Отец вырвал руку, которую держала мать.

— Никто в округе не живет в красном доме! — крикнул он им вслед. Они не оглянулись. — Никто в здравом уме не станет в нем жить! Чего вы явились сюда в таком наряде? Вы что, коммунисты? Ступайте, откуда пришли, чертовы... — внезапно он замолчал, потому что почувствовал, что я смотрю на него. Он повернул голову и я встретил его взгляд.

Я люблю отца. Помню, в детстве он таскал меня на плечах. Он не был злым и старался быть хорошим отцом, но иногда, как в то жаркое субботнее утро, я видел, что в нем просыпается что-то, с чем он не может справиться, что-то от далеких предков, которых не знали ни он, ни я. Для других это было неважно и незаметно, но когда любишь человека и вдруг замечаешь за ним что-то, чего раньше не видел, сердце невольно начинает биться сильнее. Именно в тот раз я увидел, что у отца такие же темно-голубые глаза, как и у меня.

— Что ты смотришь? — лицо его скривилось, как от зубной боли.

Он выглядел старым, седым и очень усталым.

Я опустил глаза, как побитая собака. Я уже говорил, что отец умел заставить меня почувствовать себя слабым.

Дома я ушел к себе и лег, слушая, как за стенкой говорят отец и мать. Он говорил громко, но я не мог понять, о чем; потом его голос стал тише. Я смотрел на трещины в потолке, которые видел мильон раз, и думал, почему я до сих пор их не заделал. Я был уже не ребенок и все равно ждал, что кто-то придет и сделает это за меня.

Немного погодя он постучал ко мне, но не стал дожидаться ответа. Это было не в его правилах. Он просто вошел и встал у порога.

— Прости, сын, что я такой злой. Это все проклятый дом. Это он сводит меня с ума. Я не могу думать ни о чем другом, Понимаешь?

— Нет. Это ведь просто красный дом. Дом, покрашенный красной краской, и все.

— Нет, *не все!* — крикнул он так, что я вздрогнул. — Аккардо-стрит сто лет была такой! Кому нужно ее менять?

— Не знаю, — сказал я.

— Еще бы тебе знать! Что ты вообще знаешь о жизни? Научился только говорить «да, сэр» и вертеться в колесе.

— В каком колесе?

— В таком! Пахать на всех, кто тебе заплатит! Но я — не все, и я смогу вставить тебе ума в одно место!

Я поглядел на него, и что-то в моем лице заставило его замолчать.

— Я люблю тебя, папа, — сказал я. — Я тебе не враг. Он потер рукой лоб и прислонился к косяку.

— Ты просто не понимаешь. Красный дом — это только начало. Потом все начнет меняться. Все покрасят дома, повысится плата за жилье, а после кто-нибудь решит, что можно установить новые станки, а рабочих выгнать на улицу. Как мистер Линдквист этого не понимает? Все же он куда глупее старика.

— А может быть, все и должно меняться?

— Ага. И где, по-твоему, я найду работу, в мои-то годы? Хочешь, чтобы я собирал мусор, который оставляют на пляже туристы? А ты сам? Ведь эта фабрика — и твое будущее.

Тут я шагнул на запретную территорию:

— Папа, я собираюсь в колледж. Оценки у меня хорошие, и школьный инспектор считает, что...

— Я уже говорил, что пока об этом речи нет, — перебил отец. — Нам сейчас нужны деньги, Бобби. Времена нелегкие, и придется тебе поработать. К тому же, бык должен пастись на своем лугу. Усек?

Не помню, но наверное я с ним согласился. Потом он ушел, А я еще долго лежал и слушал отдаленные гудки пароходов.

В понедельник утром мы увидели, для чего наняли Вирджила Сайкса. Он пришел не в док и не на конвейер, — он пришел в цех, где работал отец на станке, который обстругивал и полировал колесики, подгоняя их под единый размер. Его поставили работать на такой же станок в двадцати футах. Я его не видел, потому что работал тем летом на погрузке, но отец пришел домой на взводе. Похоже, Сайкс опять явился во всем красном. Похоже, он просто не мог носить одежду другого цвета.

Но я знал одно: за первую неделю работы Сайкса на фабрике я загрузил на двадцать ящиков больше, чем обычно. За вторую неделю их было уже тридцать — об этом говорили мои ноющие мускулы.

Наконец мистер Рафаэлли принес новости: Вирджил Сайкс работал быстрее, чем любой другой человек, и руки его были будто сделаны из огня. По фабрике прошел слух, что Сайкс работал на многих фабриках по всему побережью и везде поднимал производительность на двадцать—тридцать процентов. Он не замедлял скорость и не прекращал работу ни на миг, даже чтобы выпить воды. Мистер Линдквист как-то прознал о нем и переманил с одной из южных фабрик, но Сайкс поставил условие, что дом, в котором он будет жить, должен быть покрашен в красный цвет.

— Этот южанин намного моложе, — сказал отец за обедом. — Я в его возрасте еще и не так работал.

Но все знали, что это неправда; ни один человек на фабрике не мог так работать.

— Вот он сломает машину, и посмотрим, что мистер Линдквист скажет об этом!

Но через неделю Вирджила Сайкса поставили сразу на *два* станка, и он управлялся с обоими, нисколько не снижая скорости.

Отцу начал сниться красный дом. Иногда он просыпался весь в поту, крича и хватая руками воздух. Когда он напивался, то порывался раскрасить наш дом в желтый или голубой цвет, но все знали, мистер Линдквист *ему* этого не позволит. Это только Вирджилу Сайксу было можно выкрасить дом, потому что он был особенным.

И в один вечер, когда отец напился, он сказал то, что я запомнил надолго.

— Бобби, — сказал он, сжав мне плечо, — а что если с этим чертовым коммунистическим домом что-нибудь случится? Что если кто-нибудь подпустит огоньку, и он вспыхнет, как...

— Ты что, с ума сошел? — перебила мать. — Что ты несешь?

— Замолчи! — рявкнул он. — У нас мужской разговор!

Начался очередной скандал, и я быстро смотался на пристань.

Домой я вернулся только в час или два ночи. Было темно, и ни в одном доме на Аккардо-стрит не горел свет.

Только на крыльце красного дома светился огонечек. Кто-то сидел там и курил.

— Привет, Бобби, — Вирджил Сайкс говорил тихо, со своим мягким южным акцентом.

Я остановился, думая о том, как же он узнал меня.

— Привет, — сказал я и пошел дальше. Я не хотел говорить с ним — он немного меня пугал.

— погоди. Почему ты никогда к нам не заходишь?

— Я не могу. Уже поздно.

Он тихо рассмеялся:

— Совсем не поздно. Иди сюда, поговорим.

Я поколебался, думая о трещинах в потолке моей комнаты. Отец с матерью спят, и он, должно быть, опять ругается во сне. Я повернулся и поднялся на крыльцо красного дома.

— Садись, Бобби, — предложил Вирджил, и я сел в плетеное кресло рядом с ним. Я почти ничего не видел в темноте, но знал, что кресло покрашено красным. Кончик сигареты светился, и глаза Вирджила тоже.

Мы говорили о фабрике. Он спросил, нравится ли мне здесь, и я сказал, что да. Он выспросил про меня все — что я люблю, что не люблю, что я думаю про Грейстоун-Бэй. Понемногу я рассказал ему все, даже то, что никогда не говорил родителям. Почему-то

мне было комфортно сидеть и говорить с ним, все равно, что сидеть у теплого очага в холодную ночь.

— Посмотри на звезды, — сказал внезапно Вирджил. — Тебе нравится?

Я видел звезды не раз, но послушно поднял голову. Тысячи и тысячи звезд сияли в небе над Грейстоун-Бэй, точно алмазы на черном бархате.

— Знаешь, что это такое? Огромные огненные миры! Они целиком из огня и так ярко горят, пока не погаснут! Огонь ведь не только уничтожает, но и творит, а иногда и то и другое, — он посмотрел на меня, его оранжевые глаза светились ярче, чем его сигарета. — Твой отец не любит меня, так?

— Нет. Это все из-за дома. Он не выносит красного цвета.

— А я не могу жить без него. Красный — цвет огня, цвет энергии... и новизны. Для меня это цвет самой жизни.

— И поэтому вы перекрасили дом?

— Конечно. Я не могу жить в сером доме. И Эви с детьми — тоже. Видишь ли, дома похожи на людей, которые в них живут. Здесь вокруг серые дома, и у людей, живущих там, серые души. Может быть, это не их вина, но вот что я тебе скажу: они могли выбирать. Каждый, у кого есть хоть немного храбрости, может выбрать.

— Мистер Линдквист никому больше не разрешит перекрасить дом. Только вам, потому что вы хорошо работаете.

— Я хорошо работаю, потому что живу в красном доме, — сказал Вирджил. Я не поеду туда, где мне не нравится. Я давно уже сделал выбор. Конечно, я не миллионер и не живу в особняке, но по-своему я богат. Что еще нужно человеку, кроме возможности выбирать?

— Вам легко говорить.

— Бобби, — тихо сказал он, — каждый может выбрать, в какой цвет выкрасить свой дом. Неважно, богатый ты или бедный, но ты в нем живешь. Можно долго оставаться красным домом среди серых, но в конце концов появятся и другие, — его сигарета погасла, и он зажег другую длинным красным огоньком. — В Грейстоун-Бэй слишком много серых домов.

Мы посидели молча, а потом я встал и сказал, что мне пора, потому что рано утром на работу. Он пожелал мне спокойной ночи.

Только в своей комнате я понял, чем Вирджил зажег вторую сигарету. Может быть, я сошел с ума, но это был его указательный палец.

С этой мыслью я и заснул.

Проснулся я оттого, что отец тряс меня за плечо:

— Бобби, вставай! Пора на фабрику!

На следующей неделе мы погрузили на тридцать пять ящиков больше нормы. Мы едва успевали подхватывать их. Отец говорил, что Вирджил Сайкс работал так быстро, что воздух вокруг него нагревался, а его красная одежда, казалось, вот-вот задымится.

Вечером, когда мы пришли домой, мать была в шоке. Ей позвонила миссис Эвери, которая случайно заглянула в окно кухни красного дома. Она увидела Эви Сайкс у плиты, на которой были зажжены все конфорки, и женщина подставляла лицо под потоки раскаленного воздуха, как под вентилятор. Миссис Эвери божилась, что Эви нагнулась и прижалась лбом к одной из конфорок, как обычный человек — к куску льда.

— О Боже, — прошептал отец. — Они *не люди*. Я сразу понял, что с ними что-то не в порядке. Черт, должен же кто-нибудь вышвырнуть их из Грейстоун-Бэй! Должен кто-то сжечь их проклятый дом!

В этот раз мать ничего не сказала.

Да простит меня Бог, я тоже ничего не сказал.

По фабрике прошел слух, что Вирджил Сайкс собирается взять три станка.

Вы знаете, что такое слухи. Иногда они содержат частицу правды, а иногда просто наводят тень на плетень. Как бы то ни было, отец начал трижды в неделю навещать в кабаке по пути с работы. Спал он очень плохо и иногда часами сидел в гостиной, глядя в окно, и взрывался, стоило нам с матерью просто подойти к нему.

Наконец, августовским вечером, он тихо сказал: — Я больше не могу. Этот красный дом вытягивает из меня жизнь. Господи Боже, *я не могу!* — он встал со своего стула. — Пошли, Бобби.

— Куда мы идем? — спросил я, когда мы сошли с крыльца. Напротив, в красном доме, еще горел свет.

— Не спрашивай. Просто делай, как я скажу.

Я послушался. Мы поехали прочь, и, оглянувшись, я увидел в окне красного дома фигуру, глядящую нам вслед.

Отец привез меня в мелочную лавку и купил две трехгаллоновых канистры. Третья уже лежала в машине. Потом мы поехали на дальнюю колонку, где нас никто не знал, и залили все три канистры бензином. На обратном пути меня чуть не стошнило от запаха горючего.

— Это надо сделать, Бобби, — сказал отец. — Мы с тобой это сделаем. Эти Сайксы — не люди, и мы избавим город от них.

— Они другие, — сказал я. Сердце у меня так сильно билось, что я почти ничего не соображал.

— Да. Они другие. Они чужие здесь. Нам на Аккардо-стрит не нужно никаких красных домов. Тут сотню лет все шло хорошо и опять будет хорошо благодаря нам!

— Ты... ты убьешь их!

— Да не буду я никого убивать! Я зажгу огонь и подниму крик. Они выбегут через заднюю дверь, и никто не пострадает.

— Они узнают, что это ты.

— Ты скажешь, что мы в это время смотрели телевизор. И мама тоже. Найдем, что сказать. Черт побери, Бобби, ты со мной или против меня?

Я не ответил, потому что не знал, что отвечать. Я его любил, вот в чем дело.

Отец подождал, пока на Аккардо-стрийт погасли все огни. Мать сидела с нами в гостиной, она ничего не говорила и даже не смотрела на нас. Мы посмотрели шоу Джонни Карсона, а потом отец взял зажигалку и две канистры с бензином и велел мне взять третью. При свете телеэкрана мы тихо вышли из дома и поднялись на крыльцо к Сайксам. Руки у меня дрожали, и я едва не уронил канистру.

Отец начал поливать красные доски бензином. Он вылил свои две канистры и поглядел на меня.

— Ну Бобби! Давай!

— Папа, — сказал я тихо. — Прошу тебя... не надо.

— О Господи! — он вырвал из моих рук канистру и сам полил из нее крыльцо.

— Папа... пожалуйста. Они не могут страдать только потому, что они другие... что у них дом другого цвета...

— Они не должны быть другими! — прошептал отец. — Нам здесь другие не нужны, — он достал из кармана зажигалку и тряпку, взятую из кухни.

— Не надо, папа! Давай вернемся и...

Тряпка вспыхнула, и в этот момент я подумал о колесиках. С конвейера сходят миллионы и миллионы колесиков, и все они одинаковые. Я думал о бетонных стенах фабрики и о непрерывном гудении станков. Я думал о серых клетках наших домов и начинал понимать, что отец смертельно боится всего, что лежит за ними — возможности открытий, жизни. Именно тогда я понял, что не буду вечно пастись на своем лугу.

Я схватил его за руку, и он посмотрел на меня с таким удивлением, будто видел в первый раз.

И я услышал, как мой голос — сильный, какой-то незнакомый, — сказал: «Нет».

В этот момент красная дверь открылась.

Там стоял Вирджил Сайкс. Он курил сигарету и смотрел на нас своими оранжевыми глазами. Рядом встали его жена и дети — еще три пары оранжевых глаз, светящихся в ночи, как костры.

— Привет, — сказал Вирджил своим южным акцентом. — Решили повеселиться?

Мы с отцом застыли на месте.

Вирджил улыбнулся:

— Помни, бобби — в Грейстоун-Бэй слишком много серых домов.

С этими словами он бросил сигареты под ноги. Сразу взметнулось пламя, охватив все крыльцо. Отец рванул меня назад, и мы побежали, крича, чтобы Сайксы спасались через заднюю дверь, пока не загорелся весь дом.

Но они не стали спасаться. Вирджил взял на руки ребенка и сел в красное кресло прямо среди пламени, а его жена взяла другого и села рядом. Мы с отцом в ужасе смотрели, как огонь пожирает всех четверых, пока они безмятежно сидят в креслах, как отдыхающие на пляже. Я видел, как Вирджил улыбался.

Потом их фигуры стали рассыпаться искрами — веселыми искрами, пляшущими в воздухе.

Тогда я подумал, что они всегда состояли из огня. Они были рождены из него и теперь возвращались в родную стихию.

Прежде чем их силуэты исчезли в ревушем пламени, я услышал, как Вирджил Сайкс рассмеялся. Это был смех счастливого человека.

Там и сям на Аккардо-стрит загорался свет. Пламя взметнулось вверх, до самой крыши красного дома. Я смотрел, как искры того, что было семьей Сайксов, поднимаются в небо и вместе плывут куда-то, куда, должно быть, стремились всегда. Завыла пожарная сирена, и тогда я повернулся и посмотрел в лицо отца. Я смотрел долго, чтобы запомнить его. Он казался таким маленьким, таким жалким.

Потом я повернулся и пошел по Аккардо-стрит, прочь от горящего дома. Отец схватил меня за руку, но я легко вырвался от него. Я дошел до конца улицы и пошел дальше.

Я люблю отца и мать. Я позвонил им, когда буксир, на который я нанялся, пришвартовался в порту в тридцати милях к югу. Они были в порядке. Красный дом сгорел до основания, но, конечно, никаких тел пожарные не нашли. Остался только красный автомобиль, который отвезли на свалку, и у старого слепого, жившего там, появился новый дом.

У отца были неприятности, но он изобразил временное помрачение рассудка. Все вокруг знали, что Бык не в себе и много пьет. Мистер Линдквист, подумав, решил построить на месте прежнего дома новый, но белого кирпича. В такие дома он собирался переселить всех рабочих — и, конечно, брать за них большую ренту.

Конечно, родители уговаривали меня вернуться. Обещали отпустить меня в колледж и все такое.

Но я слышал в их голосах страх. Они боялись мира за стенами своей серой клетки. Когда-нибудь я вернусь к ним, но не раньше, чем пойму, кто я, боб Дикен, и зачем я живу на свете.

Я до сих пор не знаю, погибли эти люди случайно или по собственной воле. Говорят, что дьявол любит огонь, но я не верю, что Сайксы сродни дьяволу. Ведь, как сказал мне Вирджил, огонь не только уничтожает, но и творит.

Они не умерли, нет. Они просто... где-то в другом месте. Может быть, я еще их встречу. Все может быть.

Может быть, я не буду жить в красном доме. Он может оказаться желтым, голубым, любым другим. Но серым он не будет, это я знаю точно.

Вот такая история.

УМОРОЖЕНЦИК

Крик, раздавшийся с нижнего конца Брайервуд-стрит, прозвучал в горячем августовском воздухе как звук церковного колокола. Я сразу узнал этот голос. Умороженщик! Умороженщик идет!

Субботний вечер. По телевизору — «Любовная лодка», и верхний свет в гостиной потушен. На полу лежит доска для игры в «скрэббл». Как обычно, я проигрываю, хотя я учитель английского в старших классах и по идее должен знать о словах все. Но дети меня постоянно обыгрывают, а уж такого мастера выдумывать слова, как Сандра, я просто не видел. Это отличная игра для жаркого летнего вечера.

— Дерьмашина, — Сандра аккуратно раскладывает на доске буквы, улыбаясь мне.

— Нет такого слова! — запротестовал Джефф. — Папа, скажи ей!

— Скажи ей, папа! — эхом отозвалась Бонни.

— Нет, все верно, — говорю я. — Есть такое слово. Это значит «что-то, сделанное для того, чтобы плохо работать». То же самое, что «плохая машина», — в уме я прикинул шансы Сандры и понял, что она почти выиграла. — Нужно остановить ее! — говорю я детям. — Не дадим ей снова нас обыграть. Бонни, теперь твоя очередь. Думай, как следует.

Входная дверь открыта, и за шумом телевизора я слышу приближающиеся к дому крики. Это Умороженщик.

Маленькая ручка Бонни передвигает буквы. Она силится сложить слова, но у нее ничего не выходит. Видно, что она напряженно думает, потому что на лбу у нее появляются две параллельные морщинки. Глаза у нее, как у матери — темно-зеленые. Джеффу достались мои, карие.

Я сижу на полу и жду.

— Думай быстрее, копуша! — говорит Джефф. Я придумал здоровское слово.

— Отстань. Я думаю.

— Господи, как жарко! — Sandra трет ладонями виски. — Нужно обязательно починить кондиционер.

— Починим. На будущей неделе. Обещаю тебе.

— Ага. Ты уже говорил это на прошлой неделе. Слушай, мы не можем жить так все лето. Сейчас, наверное, градусов девяносто.

— Сто девяносто, — говорит мрачно Джефф, — у меня рубашка присохла к спине.

Я только покачал головой, прислушиваясь к отдаленному «динь-динь-динь». Маленьким я любил этот звук. Он и теперь вызывает у меня воспоминания о лете, о густой зелени деревьев, о светляках в темноте, о хотдогах, поджаривающихся на жаровне, покрывающихся корочкой, обугливающихся, обу...

Умороженщик идет!

Так прозвала его Бонни: Умороженщик. Теперь мы все его так зовем. Когда я думаю о нем, мне вспоминаются длинные, тягучие летние вечера, когда некуда идти и совершенно нечего делать. Вспоминается детство, когда я выходил за порог с двадцатипятицентовиком в потной ладошке, чтобы ощутить небесный холод на палочке. О, эти цвета блаженства — синий, как яйцо малиновки, бананово-желтый, виноградно-лиловый, огненно-красный! Я люблю тебя, Умороженщик!

В доме в самом деле жарко.

— Обещаю, что починю кондиционер, — говорю я Сандре, и она кивает.

Что-то шуршит в углу, за пачкой газет. Я замираю, но звук не повторяется. Слышно только призывное «динь-динь-динь».

— Мое слово «кры-са», — говорит наконец Бонни и выкладывает буквы на желтую доску.

— Ну и слово! Такое любой дурак придумает, — замечает Джефф, морща нос.

— Хорошее слово, — примиряюще говорю я. — Твоя очередь, Джефф.

Он опирается локтями о колени и подпирает ладонями подбородок. Красивый мальчик, очень похожий на меня, когда мне было двенадцать.

«Динь-динь-динь» — еще ближе.

— Ох, ну и жара! — Sandra обмахивается рукой. — Просто заболеваешь от нее.

Опять что-то шуршит в углу. Я внимательно слежу. У меня хорошие глаза для человека моего возраста. Пока Джефф выкладывает слово, я успеваю заметить блеск голодных злых глаз.

— Это она, — говорю я шепотом, подбирая с пола лежащий рядом пистолет.

Я жду, когда она покажется, ощущая себя Гари Купером.

Она чуть высовывает голову, и это все, что мне нужно. Грохочет выстрел, и стену украшает новое пятно крови.

— Попался, ублюдок! — кричу я радостно.

Когда стихает эхо от выстрела, я слышу, как тихо в комнате. Чересчур тихо. Все прервали игру и смотрят на меня, как на чужого.

— Эй! — говорю я им. — Нам нужно больше смеха! — и я прибавляю звук в телевизоре. Дом наполняется смехом, который накатывает волнами, как морской прибой. Сандра говорит, что ей хочется на море.

— Бермуды, — я кладу руку ей на плечо. — Вот куда нам надо ехать, не правда ли, дорогая? Я слышал, что там всегда свежий воздух.

Она какое-то время молчит. Видно, что она пытается заставить себя заговорить. Наконец она открывает рот.

— К-к-конечно. Бермуды — замечательное место, милый.

— Ага, поедem мы — с крыши на чердак, — фыркает Джефф. — У меня есть слово, — Он выкладывает буквы медленно, как надгробные плиты. С-М-Е-Р-Т-Ь. — Отличное слово, правда?

Мне так не кажется. Совсем не кажется.

«Динь-динь-динь!» Умороженщик уже рядом, и я слышу, как он кричит: «Ванильное! Шоколадное! Двойное клубничное!»

Теперь моя очередь. Я беру буквы, похожие на зубы, и боюсь, что они вцепятся мне в руку, пока я буду выкладывать слово.

«Динь-динь-динь!»

— Ванильное! Шоколадное! Двойное клубничное!

— Папа! — шепчет Бонни. Глаза ее кажутся огромными на маленьком бледном личике. — Умороженщик уже здесь.

— Нет, дорогая. Его здесь нет. Он далеко, — я весь вспотел. О Боже, как жарко!

— Он здесь, — настаивает Бонни. Она всегда была упрямой. С упрямыми детьми трудно, но я все равно ее люблю. Очень люблю. И Джеффа, и Сандру — люблю со всей еще оставшейся во мне силой. Я хочу отвезти их на Бермуды; там не жарко, там воздух всегда свежий и прохладный. — Он за дверью, папа.

— НЕТ! — кричу я во весь голос. Я вижу, как искажается лицо Бонни, и прижимаю ее к себе прежде чем она успевает заплакать. Хороший отец никогда не заставляет своих детей плакать. А я всегда был хорошим отцом.

Что-то касается моего плеча, и я быстро оборачиваюсь. Это Сандра; ее лицо близко-близко.

— Милый, — спрашивает она, — ты знаешь слово?

— Слово? Какое слово?

— Ты знаешь, — говорит она, а колокольчик проклятого Умороженщика просто сводит меня с ума. Она тянется к доске и быстро выкладывает буквы. — Вот. Вот правильное слово.

Я вижу слово «РАДИАЦИЯ».

Я молча смотрю на него, чувствуя, что мои глаза сейчас выскочат из глазниц, как сваренные вкрутую яйца.

— Ванильное! Шоколадное! Двойное клубничное!

— Нет, — говорю я. — Это плохое слово.

Крики смолкли. Умороженщик подошел к двери, и теперь он заговорил по-другому.

— Внимание! — кричит он. — Внимание! Выносите ваших мертвых!

— Выносите ваших мертвых, — говорит мне Сандра.

— Выносите ваших мертвых, — шепчет Джефф.

Бонни целует меня в щеку и говорит голосом, тихим, как писк котенка:

— Пора выносить нас, папа.

— Нет, — я крепко прижимаю к себе ее тельце, сухое и легкое, как вязанка хвороста. — Нет. Мы останемся вместе. Здесь, в нашем доме. Тут нет никакой радиации. Бомбы упали далеко отсюда. Мы живы и здоровы, и останемся здесь, пока...

— Смотрите, — говорит кто-то. — Здесь еще один.

Я вижу через открытую дверь двоих в белых халатах. На лицах у них защитные маски. Они похожи на монстров, и я хватаю свой пистолет.

— Убирайтесь! — говорю я им, поднимаясь и одной рукой прижимая к себе Бонни. — Убирайтесь вон!

Они отпрянули в темноту, но я знал, что они не уйдут. Они хитрые, совсем как крысы.

— Сэр! — окликнул один из них. — Сэр, здесь небезопасно. Вы должны вынести своих мертвых.

Они спятили! Все спятили после того, как эти чертовы бомбы упали на Нью-Йорк, Чикаго, Даллас, Атланту, Майями, Хьюстон. Даже в моем тихом городе, на той самой улице, где я ребенком ждал Умороженщика, зажав четвертак в потном кулаке. О Боже, что случилось с людьми?

— Они пахнут, сэр, — продолжал голос безумца. — Жара... Они скоро..., — он замолчал и начал снова. — Сэр, позвольте нам их вынести. Мы положим их в рефрижератор и отвезем на...

— Клянусь, — что разнесу башку любому, кто сюда сунется, — предупредил я их.

Но они не ушли, черт бы их побрал.

Сэр, у вас больной вид. Мы отвезем вас в радиационный центр. Только уберите оружие, ладно? Этот запах привлекает крыс. Они тут так и кишат.

Я выстрелил в него. Раз, другой, третий. Лживый, вонючий ублюдок! Надеюсь, что я его убил, и никто не заберет у меня моих жену и детей. Это пока еще Америка, клянусь Богом.

Что-то влажное у меня под рукой. Я поглядел вниз. Бонни, Бонни, девочка моя, что с тобой? Моя дорогая, доро...

Мне показалось, что я теряю рассудок. Мне показалось, что я сижу один перед доской для игры в «скрэббл», среди разбросанных вокруг мертвых крыс. По экрану телевизора сверху-вниз пробегают полосы, а смех, который я слышал раньше, продолжает звучать в моей голове. Громче! Громче, черт возьми! Смейтесь, пока не лопнете!

Что-то под рукой... не могу понять. На нем надето платье. Но оно... липкое.

Двое монстров в белом врываются в дверь. Они вырывают у меня Бонни, я поднимаю пистолет, чтобы убить их, но один из них толкает меня, и я наступаю на что-то сухое, что трещит у меня под ногой.

Все, я иду спать. Я смертельно устал и хочу спать. Пусть мне приснится лето, каким оно было раньше — когда во всех домах горел свет, а по утрам пели птицы и стрекотали кузнечики.

Я поднимаюсь. На углу телевизора кровь — это я ударился головой. Но проклятый смех пропал.

Моих жену и детей забрали, теперь я вижу. Монстры в белом забрали мою семью. Но пистолет все еще у меня. Похоже, они не смогли его у меня вырвать. У меня крепкая хватка для мужчины моих лет.

Я выхожу на улицу, в горячую темноту, где, как гробницы, стоят пустые дома. Под ногами у меня пищат и копошатся крысы, но я не собираюсь тратить на них пули. Я бережливый.

Я слушаю. Напряженно вслушиваюсь в тишину.

Тихий, еле слышный звук — то ли на повороте к Виндзор-стрит, то ли на подъеме к Хайтауэр-лейн.

«Динь-динь-динь!»

Это Умороженщик.

Я знаю этот звук. Очень хорошо знаю.

Мои жена и дети должны остаться со мной, в этом доме. Играть в «скрэббл», говорить о том, как мы поедем на Бермуды, мечтать о будущем. Наслаждаться жизнью, как все счастливые семьи. Я не позволю забрать их у меня.

— Умороженщик! — кричу я и слышу, как звенит вдалеке колокольчик.

Я знаю, куда они пошли. Я могу догнать их между Линн-стрит и Дуглас-стрит, где стоит пустая темная школа. Но мне нужно спешить.

— Умороженщик! — зову я. — Подожди! — я бегу. Я должен вернуть мою семью.

— Эй, Умороженщик! — поднимаю пистолет, как сверкающую новую монету.

«Динь-динь-динь!» — отвечает он мне.

Я один на темной улице, в пустом городе. Я догоню их, я это знаю. Я просто обязан их догнать.

ГОРОД ГИБЕЛИ

Он пробудился с памятью о громе, прокатившемся сквозь каждую его косточку.

Дом был погружен в тишину. Будильник не прозвонил. «Опоздал на работу!» — понял он, пораженный стрелой отчаянного, безнадёжного ужаса. Но нет, нет... погодите минутку; он заморгал, прогоняя застилавший глаза туман, тогда мало-помалу прояснилось и в голове. Во рту еще держался вкус лука из вчерашнего мясного рулета. День мясного рулета — пятница. Сегодня, значит, суббота. Слава Богу, в контору идти не надо. Уф, — подумал он, — успокойся... успокойся...

Господи, ну и кошмар ему привиделся! Сейчас сон таял, спутанный и невнятный, оставляя, впрочем, свою странную, недобрую суть, как змея оставляет сброшенную кожу. Минувшей ночью была гроза — Брэд знал это наверняка, поскольку, вынырнув из сна, увидел пронзительно-белые сполохи и услышал выворачивающий нутро гулкий рык — о стены спальни грохотала настоящая буря. Однако, в чем заключался кошмар, Брэд не мог сейчас вспомнить; он чувствовал головокружение и потерю ориентации, точно только что сошел с взбесившейся ярмарочной карусели. Зато он помнил, что сел в постели и увидел молнию, такую яркую, что в наступившей следом тьме у него перед глазами замелькали синие пятна. А еще Брэд помнил, что Сара что-то говорила... но теперь не знал, что...

«Черт, — думал Брэд, уставясь на противоположную стену спальни, где было выходившее на Бэйлор-стрит окно. — Черт возьми! Какой странный свет! И не скажешь, что на дворе июнь!» Свет казался скорее зимним, белым. Призрачный. Жутковатый. От него было немного больно глазам.

Брэд вылез из кровати и пересек комнату. Отдернув белую занавеску, он выглянул на улицу и сощурился.

В кронах деревьев и над крышами домов Бэйлор-стрит висело нечто вроде плотного, серого, слабо светящегося тумана. Туман этот неподвижно лежал по всей улице, насколько хватало глаз; куда ни глянь, все обесцветилось, будто что-то высосало отовсюду пестрые краски. Брэд посмотрел на небо, пытаясь отыскать солнце. Оно было где-то там, наверху — тусклая лампочка, светившая сквозь грязную вату. Послышались раскаты далекого грома, и Брэд Форбс сказал:

— Сара! Милая, ты только погляди!

Сара не ответила, не шелохнулась. Брэд глянул на жену. На простыню, саваном накрывавшей ее, выбилась волна каштановых волос.

— Сара? — повторил он, делая шаг в сторону кровати.

И вдруг вспомнил, что она сказала прошлой ночью, когда он, не вполне очнувшись от сна, сел и увидел трескучую молнию.

Мне холодно, мне холодно.

Ухватив простыню за край, Брэд потянул.

Там, где прошлой ночью спала его жена, лежал скелет. К голому черепу цеплялись пряди ломких каштановых волос.

Скелет был в нежно-голубой ночной сорочке Сары, а вокруг, на белеющих костях и между ними, лежало что-то похожее на высохшие куски коры... кожа, понял он, да... ее кожа. Череп ухмылялся. От кровати исходил горьковато-сладкий запах окутанного волглым туманом погоста.

— Охх... — прошептал Брэд. Он стоял, не спуская остановившегося взгляда с того, что осталось от жены, покуда глаза не полезли из орбит. Черепную коробку распирало изнутри так, точно мозг вознамерился взорваться, а из прикушенной нижней губы тоненькой струйкой ползла кровь. *«Мне холодно, — сказала ночью Сара голосом, прозвучавшим, как болезненное хныканье. — Мне холодно».*

А потом Брэд услышал собственный стон, отпустил простыню, шатаясь, попятился к стене, споткнулся о свои теннисные туфли и с маху приземлился на пол. Опадая на скелет, простыня словно бы вздохнула.

Снаружи гремел заглушенный туманом гром. Брэд уставился на костлявую ступню, которая торчала из-под нижнего края простыни, и увидел, как с нее на густой, длинный ворс зеленовато-бирюзового ковра, плавно покачиваясь, облетают хлопья мертвой высохшей плоти.

Он не знал, сколько просидел так, глядя в одну точку и ничего не предпринимая. В голове мелькнуло, что, может быть, все это время он хихикал, или всхлипывал, или и то и другое, и Брэда чуть не стошнило. Захотелось свернуться клубком и снова уснуть; он и

в самом деле на несколько секунд закрыл глаза, но, когда вновь открыл их, в кровати по-прежнему лежал скелет жены, а раскаты грома слышались ближе.

Не зазвони телефон у кровати, Брэд мог бы сидеть так до Судного Дня.

Каким-то образом очутившись на ногах, он схватил трубку, стараясь не глядеть вниз, на череп с каштановой шевелюрой, не вспоминать, какой красавицей была его — Боже правый, всего-то двадцативосьмилетняя! — жена.

— Алло, — выговорил он глухим мертвым голосом.

Ответа не было. В глубинах кабеля Брэд слышал шелест и гудение телефонной сети.

— Алло?

В трубке не отвечали. Только теперь там как будто бы — *как будто бы* — послышалось тихое шелестящее дыхание.

— Алло? — взвизгнул Брэд в трубку. — Скажите же что-нибудь, черт вас возьми!

Новая серия шелчков; граммофонный бестелесный голос:

— Очень жаль, но сейчас мы не можем соединить вас с абонентом. Все линии заняты. Пожалуйста, повесьте трубку и попробуйте перезвонить позже. Спасибо. Вы слушаете запись...

Брэд грохнул трубку на рычаги, и от движения воздуха со скул черепа взлетели хлопья кожи.

Босой, в одних пижамных штанах он выбежал из спальни, промчался к лестнице и ринулся вниз, истошно вопя:

— Помогите! Помогите! Кто-нибудь!

Он оступился, врезался в стену, но, ухватившись за перила, ухитрился не сломать шею. Продолжая пронзительно звать о помощи, ураганом промчался через парадную дверь на двор. Под ногами захрустели опавшие листья.

Брэд остановился. Эхо его голоса разнеслось по Бэйлор-стрит. Воздух был сырым, неподвижным, густым, не давал дышать. Брэд уставился на сухие листья, ковром укрывшие побуревшую траву, которая всего сутки тому назад была зеленой. Внезапно поднявшийся ветер закружил новые сухие листья; Брэд задрал голову. Там, где накануне вечером (перед тем, как он, засыпая, закрыл глаза) стояли зеленые дубы, он увидел голые серые сучья.

— ПОМОГИТЕ! — пронзительно крикнул он. — КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!

Но никто не откликнулся — ни в доме, где жили Пэйты, ни у Уокеров, ни у Кроуфордов, ни у Леманов. Бэйлор-стрит была недвижна и безлюдна, ни живой души, и, стоя под листопадом в седьмой день июня, Брэд почувствовал, как что-то упало ему в волосы. Он поднял руку, вытащил это и взглянул на то, что держал в руке.

Скелет птицы с несколькими бесцветными перышками, прицепившимися к костям.

Он стряхнул косточки с ладони и принялся лихорадочно вытирать ее о пижаму. Потом он услышал, как у него в доме зазвонил телефон.

Он побежал к аппарату, стоявшему в глубине первого этажа, на кухне, схватил трубку и проговорил:

— Помогите! Прошу вас... я на Бэйлор-стрит! Пожалуйста, помо...

И оборвал лепет, расслышав потрескивание электричества, шум сродни вою пронизывающего ветра, а в самой глубине проводов — как будто бы шелестящее дыхание.

Он тоже притих. Молчание затягивалось. Наконец, Брэд не вытерпел.

— Кто это? — спросил он напряженным шепотом. — Кто здесь?

Щелк. Зззззз...

Брэд с силой ткнул в «0». Почти немедленно на линии раздался прежний жуткий голос:

— Извините, но сейчас мы не можем вас соединить... — Обрушив кулак на рычаги, Брэд набрал 911¹. — Извините, но мы не можем... — Снова стукнув по рычагу кулаком, Брэд стал набирать номер соседей, Пэйтов, сбился и сделал еще две попытки. — Извините, но... — Его пальцы опустились сразу на пять цифр. — Извините...

Брэд с воплем вырвал аппарат из стены и запустил через всю кухню, разбив окно над мойкой. В дом полетели сухие листья. Сквозь стеклянные панели двери черного хода Брэд увидел: на обнесенном изгородью заднем дворе что-то лежит. Он вышел. Сердце тяжело стучало, на лице и на груди выступили бисеринки холодного пота.

Среди опавших листьев, неподалеку от конуры, лежал скелет Сокса — их колли. Вид у собаки был такой, точно ее ободрали до костей на середине шага. Возле останков, словно снег, лежали клоchy шерсти.

В ревущей тишине Брэд услышал, как наверху зазвонил телефон.

Он бросился бежать.

Теперь уже от дома. В калитку заднего двора, на улицу, к парадному крыльцу Пэйтов. Он барабанил в дверь, громко призывая на помощь, пока не почувствовал, что теряет голос. Тогда Брэд

¹ Номер службы спасения.

кулаком разбил стекло в двери, не обращая внимания на боль и кровь, просунул руку внутрь и отпер щелкнувший замок.

Сделав первый шаг за порог, он почуял отвратительную кладбищенскую вонь. Словно в доме мумифицировалось что-то, давным-давно умершее.

В спальне хозяев наверху он обнаружил тесно прижавшиеся друг к другу скелеты. Третий скелет — в былые времена Дэйви Пэйт, двенадцатилетний паренек с кудлатой макушкой — лежал в кровати в комнате со стенами, оклеенными афишами Принца и «Тихого Бунта». На другой половине комнаты на засыпанном красным гравием дне аквариума лежали мелкие косточки.

Тогда Брэду все стало ясно. Да, яснее некуда. Он понял, что произошло, и чуть не опустился на колени в мавзолее Дэйви Пэйта.

Ночью пришла смерть. И обнажила до костей все и вся, кроме него.

Но если так... тогда кто — или *что* — набирало номер телефона? Прислушивалось на другом конце провода? Что... Боже милостивый, что?

Брэд этого не знал, но вдруг спохватился — он же сообщил этому неизвестному, что все еще находится на Бэйлор-стрит. Быть может, прошлой ночью Смерть прозевала его; быть может, она скосила всех, пропустив его, а теперь... теперь, прознав, что Брэд до сих пор обретается на Бэйлор-стрит, придет за ним.

Брэд бежал из дома, промчался по опавшей листве, забившей сточные канавы Бэйлор-стрит, и взял курс на восток, к центру городка. Снова поднялся ветер — сонно, лениво, тяжело; сырой туман колыхнулся, и Брэд разглядел, что небо залито кровавым багрянцем. Позади, точно нагоняющие его шаги, грохотал гром. По щекам Брэда струились слезы ужаса.

Мне холодно, прошептала прошлой ночью Сара. *Мне холодно*. Это Смерть коснулась ее костлявым пальцем и, прозевав Брэда, отправилась скитаться в ночи. *Мне холодно*, сказала Сара. Больше ей никогда уже не согреться.

Брэд выбежал к двум столкнувшимся на мостовой автомобилям. За баранками лежали одетые скелеты. Чуть поодаль из-под листьев едва виднелся остов крупного пса. Над головой застонали, заскрипели деревья — пропарывая в густом тумане дыры, в которые заглядывало кровавое небо, налетел ветер.

Конец света, подумал Брэд. Судный День. Нынче ночью и грешники, и праведники равно обратились в кости. В живых остался я один. Я один, и Смерть знает, что я на Бэйлор-стрит.

— *Мама!*

Плачущий детский голос пронзил Брэда. Поскользнувшись на листьях, он остановился, как вкопанный.

— Мамочка! — повторил искаженный низко залегшим над землей туманом голосок. Ему вторило эхо. — Папочка! Кто-нибудь... помогите!

Голос принадлежал маленькой девочке. Она плакала где-то неподалеку. Брэд прислушался, пытаясь засечь, откуда он доносится. Сперва ему подумалось, что плач раздается где-то слева, потом — что справа. Впереди, сзади... его одолевали сомнения.

— Я здесь! — громко крикнул он. — Где ты?

Ребенок не ответил, но Брэд все еще слышал его плач.

— Я тебя не обижу! — окликнул он девочку. — Я стою прямо посреди улицы! Если можешь, иди ко мне!

Он подождал. Сверху налетел шквал бурых, уже тронутых тленом листьев... а потом Брэд увидел, что справа из тумана к нему медленно приближается маленькая фигурка. У девочки были светлые волосы, завязанные нежно-голубыми лентами в два крысиных хвостика, а на мертвенно-бледном, искаженном ужасом лице блестели промытые слезами дорожки. Девочке было лет пять, может быть, шесть. На ней была розовая пижамка, а в объятиях она крепко сжимала куклу. Примерно в пятнадцати футах от Брэда она остановилась — красные опухшие глаза... может быть, и безумные тоже.

— Папа? — прошептала она.

— Ты откуда? — спросил Брэд, все еще не оправившись от потрясения: в Последний день услышать чужой голос, увидеть живым кого-то еще. — Из какого дома?

— Из нашего, — ответила она. Нижняя губа у нее дрожала, личико было таким, словно вот-вот сморщится, съежится. — Оттуда. — Она ткнула пальцем в туман, где маячил какой-то увенчанный крышей силуэт, потом опять перевела взгляд на Брэда.

— А еще кто-нибудь жив? Твоя мама? Или папа?

Девочка лишь неподвижно смотрела на него.

— Как тебя зовут?

— Келли Бэрч, — ответила она как во сне. — Телефон 633-6949. Пожалуйста... помогите мне... найти полисмена.

Как легко было бы, подумал Брэд, свернуться клубком в устилающих Бэйлор-стрит листьях и поддаться безумию... но коль скоро в живых осталась одна девчушка, могут быть и другие. Возможно, этот ужас постиг только Бэйлор-стрит... или только эту часть городка; может быть, произошел химический или радиационный выброс, или в молнии было что-то страшное, или какое-нибудь оружие дало осечку. Что бы это ни было, возможно, его действие ограничилось лишь небольшой частью города. «Конечно», — подумал Брэд, усмехнулся, и девочка тут же быстро отступила на два шага.

— Все будет хорошо, — пообещал он ей. — Я тебя не обижу. Я иду на Главную улицу. Хочешь пойти со мной?

Келли не отвечала, и Брэд подумал, что девчонка и впрямь свихнулась, но тут губы девочки шевельнулись, и она сказала:

— Я ищу... ищу мамочку и папочку. Они пропали. — Она сдержала всхлип, но по щекам сызнова побежали слезы. — Просто... просто оставили в кровати кости и... пропали.

— Пошли. — Он протянул ей руку. — Идем со мной, хорошо? Давай посмотрим, вдруг найдем кого-нибудь еще.

Келли не сделала к нему ни шага. Костяшки пальчиков, вцепившихся в улыбающуюся синюю зверушку, побелели. Откуда-то с юга доносились блуждающие раскаты грома, по алому небу, как трещина во времени, змеилась ослепительно голубая молния. Брэд больше не мог ждать; он зашагал было дальше, остановился и оглянулся. Келли тоже остановилась. К волосам пристали сухие листья.

— Все будет хорошо, — еще раз пообещал ей Брэд и услышал, как в высшей степени несуразно прозвучали эти слова. Сара умерла, красавица Сара умерла. Возможно, его жизнь тоже кончена. Но нет, нет — нельзя останавливаться, нужно хотя бы *попытаться* найти во всем этом какой-то смысл. Он опять зашагал на восток, в сторону Главной улицы, не оглядываясь, но зная, что Келли идет следом, держась на расстоянии пятнадцати—двадцати футов.

На пересечении улиц Бэйлор и Эшли стояла врезавшаяся в дуб полицейская машина. Ветровое стекло покрывали слои листьев, но Брэд разглядел сидевшее за рулем сгорбленное костлявое существо в форме полицейского. Самым ужасным было то, что руки — руки скелета — продолжали сжимать руль, пытаясь вести машину. Какая бы напасть ни обрушилась на город — радиация, химикалии или Дьявол, размашисто прошагавший по улицам, — это случилось в один миг, человеческие кости обнажились в мгновение ока, и Брэд снова почувствовал, что опасно балансирует на грани безумия.

— Попросите полисмена найти маму и папу! — крикнула Келли у него за спиной.

— На Главной улице есть отделение полиции, туда мы и пойдем, — объяснил он. — Договорились?

Она не ответила, и Брэд тронулся в путь.

Они шли мимо скованных молчанием и неподвижностью домов. У пересечения Бэйлор и Хиллард, где все еще послушно моргал желтый глаз светофора, на земле распростерся скелет в спортивном костюме. Его «найки» были малы Брэду и слишком велики Келли. Не останавливаясь, они прошли мимо. Келли поплакала, но потом

крепче обхватила куклу и уставилась прямо перед собой глазами, опухшими настолько, что они почти закрылись.

А потом Брэд услышал — и от страха его сердце вновь тяжело забилося.

Где-то далеко в тумане.

Звонок телефона.

Брэд остановился. Телефон продолжал звонить — тоненько, настойчиво.

— Кто-то звонит, — сказала Келли, и Брэд понял, что девочка стоит совсем рядом. — Мой телефон 633-6949.

Он сделал шаг вперед. Еще один, и еще. Впереди, в тумане, на углу Дэйтон-стрит он разглядел очертания таксофона.

Телефон звонил, требуя ответа.

Брэд медленно приблизился к таксофону и впился взглядом в трубку, словно та могла оказаться коброй, вставшей на хвост, чтобы нанести удар. Ему не хотелось отвечать на звонок, но его рука сама собой поднялась, пальцы потянулись к трубке. Брэд понял: если на другом конце провода он услышит все то же шелестящее дыхание и жестяной, записанный на пленку голос, то может случиться так, что он начнет кричать и не сумеет остановиться.

Пальцы Брэда обхватили трубку. Поднесли ее к уху.

— Эй, дружище! — сказал кто-то. — На твоём месте я не стал бы отвечать.

Перепуганный до полусмерти, Брэд круто обернулся.

Через дорогу на бровке тротуара сидел, вытянув перед собой ноги и дымя сигаретой, незнакомый молодой человек.

— Я бы не стал, — предостерег он.

Вид человека из плоти и крови странным образом потряс Брэда, словно он забыл, как выглядят люди. Молодому человеку, одетому в неопрятные джинсы и темно-зеленую рубашу с закатанными рукавами, было лет двадцать с небольшим. Русые волосы свисали до плеч, щеки заросли щетиной примерно двухдневной давности. Молодой человек потянулся и сказал:

— Не бери, приятель. Город гибели.

— Что?

— Город Гибели, говорю...

— Парень поднялся и оказался тощим и долговязым — около шести футов ростом. Он перешел через дорогу, с хрустом ступая по сухим листьям рабочими башмаками, и Брэд заметил на нагрудном кармане парня нашивку, удостоверяющую, что это сотрудник санитарного департамента. Когда молодой человек подошел поближе, Келли прижалась к ногам Брэда и попыталась спрятаться за куклу.

— Пусть звонит, — сказал парень. Глаза у него были бледнозеленые, глубоко посаженные и изумленные. — Если ты поднял бы эту штуку, пропади она пропадом... Город Гибели.

— Что ты заладил одно и то же?

— Потому, что так оно и есть. Кто-то пытается разыскать всех отбившихся от стада. Настичь их и закончить работу. Смахнуть всех нас метлой в канаву, приятель. Ликвидировать вселенную над нашими головами. — Он выпустил в неподвижно зависший между ними воздух продолговатое облачко дыма.

— Кто ты? Откуда?

— Звать меня Нийл Спенсер. Ребята кличут Спенсом. Я... — Парень на секунду умолк, уставясь в ту сторону, куда уходила Бэйлор-стрит. — Я был мусорщиком. До сегодняшнего дня, такое дело. Потом пришел на работу и нашел сидящие в мусоровозах скелеты. Часа так три назад. Я уж тут ходил-ходил, совал повсюду нос. — Его пристальный взгляд задержался на девушке, потом вернулся к Брэду. Таксофон все еще звонил, и Брэд почувствовал, что о стиснутые зубы колотится крик. — Кроме вас двоих никого с кожей я еще не видел — вы первые, — продолжал Спенс. — А последние минут двадцать или около того я просидел тут. Наверное, попросту ждал конца света.

— Что... случилось? — спросил Брэд. Глаза жгли слезы. — Боже... Боже мой... *что* произошло?

— Что-то разорвалось, — невыразительно откликнулся Спенс. — Распоролось. Кто-то выиграл битву и, сдается мне, не тот, кому прочили победу проповедники. Не знаю. Может быть, Смерть устала ждать. То же самое случилось с динозаврами. Может быть, теперь это происходит с людьми.

— Но где-то тут *должны* быть другие люди! — крикнул Брэд. — Не можем же мы быть единственными!

— Чего не знаю, того не знаю. — Спенс в последний раз затащился и выкинул окурки на мостовую. — Знаю одно: ночью что-то явилось и устроило пир, а когда закончилось, начисто вылизало тарелку. Вот только оно еще хочет жрать. — Он кивнул на звонящий телефон. — Хочет обсосать еще косточку-другую. Я ж сказал, корешок... Город Гибели. Здесь, там, везде. Город Гибели.

Телефон издал последний пронзительный визг и умолк.

Брэд услышал, что девочка опять заплакала и погладил ее по голове, чтобы успокоить. И понял: он делает это окровавленной рукой.

— Мы... нам надо куда-нибудь пойти... *что-нибудь сделать...*

— Что? И куда? — лаконично поинтересовался Спенс. — Готов принимать предложения, мужик.

Из соседнего квартала донесся далекий телефонный звонок. Брэд стоял, держа окровавленную руку на голове Келли, и не знал, что сказать.

— Хочу кой-куда отвести вас, дружище, — сказал ему Спенс. — Показать вам кое-что по-настоящему интересное. Лады?

Брэд кивнул, и они с девчушкой направились следом за Нийлом Спенсером на север, мимо молчащих домов и строений Дэйтон-стрит.

Спенс отвел их примерно на четыре квартала, к большому магазину «Семь-Одиннадцать». За кассой, развалясь, сидел скелет в желтом платье с голубыми и пурпурными цветами. На торчащих коленях лежал раскрытый номер «Нэшнл Инквайер».

— Вот, прошу, — негромко проговорил Спенс. Он схватил с полки пачку «Лакки Страйк» и кивнул в сторону маленького телевизора на прилавке. — Взгляните и объясните мне, что мы должны делать.

Телевизор работал — цветной телевизор. Спустя долгую, заполненную молчанием минуту Брэд понял, что канал настроен на одну из тех программ новостей, что выходят в эфир круглосуточно. На экране два скелета — один в сером костюме, второй в винно-красном платье — неловко склонились над столом напротив центральной камеры; женщина успела положить руку мужчине на плечо; по столешнице были рассыпаны желтые листки с вечерними новостями. Позади этих двух фигур виднелись три или четыре скелета, тоже навеки застывшие за своими рабочими столами.

Спенс закурил еще одну сигарету. По неподвижному изображению на телевизионном экране проскочила случайная искра.

— Город Гибели, — сказал Спенс. — Не только тут, приятель. Везде. Видишь?

Телефон за прилавком вдруг зазвонил, и Брэд, закрыв уши руками, пронзительно завизжал.

Звонок оборвался.

Брэд опустил руки. Его дыхание было жестким и хриплым, как у попавшего в ловушку зверя.

Он поглядел вниз, на Келли Бэрч, и увидел, что она улыбается.

— Ничего страшного, — сказала она. — Отвечать было необязательно. Я ведь нашла вас, правда?

Брэд прошептал:

— Что...

Девчушка захихикала. Ее смех постепенно менялся, он становился все энергичнее, мрачнее, набирал мощь и злобу и наконец превратился в торжествующий рев, от которого затряслись витрины магазина «Семь-Одиннадцать».

— ГОРОД ГИБЕЛИ! — провизжало существо с хвостиками, и, когда его рот растянулся, глаза стали серебряными, холодными и мертвыми, а из жуткого кратера пасти вылетела слепящая стрела бело-голубой молнии, ударила в Нийла Спенсера, закрутила его волчком, сшибла с ног и бросила головой вперед в стекло витрины. Нийл грянулся животом на мостовую. Когда он снова попытался подняться, Брэд Форбс увидел, что плоть на костях парня растворяется, облетая хлопьями, будто иссохшая древесная кора.

Спенс застонал не своим голосом, и Брэд стремглав вылетел из дверей магазина, да так, что чуть не сорвал их с петель. В ступни впились стеклянные занозы. Брэд пробежал мимо Спенса: тело Нийла в корчах дергалось на мостовой, а запрокинутый череп ухмылялся.

— Не уйдешь! — прокричало позади него существо. — Нет! Нет! Не уйдешь!

Брэд оглянулся и увидел, как из распяленного рта твари вырвалась и сквозь разбитую витрину ринулась к нему молния. Кинувшись на мостовую, он попытался заползти под припаркованную машину.

Что-то угодило в него, накрыло, точно океанская волна, и Брэд услышал раскатившийся ударом грома крик чудовища. На несколько секунд он ослеп и оглох, но боли не было... только колючая щекотка, угнездившаяся глубоко в костях.

Брэд поднялся, опять побежал и тут заметил, что с рук у него слезает плоть; вниз, медленно покачиваясь,плыли кусочки, отделившиеся от лица. По ногам Брэда побежали трещины, плоть отпала; он увидел свои кости.

— ГОРОД ГИБЕЛИ! — услышал он крик чудовища. — ГОРОД ГИБЕЛИ!

Брэд споткнулся. Плоть его ступней осталась лежать на мостовой, теперь на бегу он отталкивался от асфальта голыми костями. Он упал, задрожал, скрючился.

— Мне холодно, — услышал он свой стон. — Мне холодно...

Она проснулась с памятью о громе, прокатившемся по каждой ее косточке.

Дом был погружен в тишину. Будильник не прозвонил. Суббота, поняла она. Сегодня работы нет. Выходной. Но, Господи, что за кошмар ей приснился! Теперь сон таял — спутанный, невнятный. Прошлой ночью была гроза — Сара помнила, что проснулась и увидела вспышку молнии. Но, каков бы ни был кошмар, сейчас она не могла воскресить его в памяти; Сара подумала, что еще она помнит, как Брэд что-то говорил — но что именно, она теперь не могла сообразить...

Какой... странный свет. Он не похож на июньский. Больше напоминает... да, свет зимнего дня.

Сара вылезла из кровати и пересекла комнату. Отдернув белую занавеску, она выглянула и прищурилась.

В кронах деревьев и над крышами домов Бэйлор-стрит висел плотный серый туман. Где-то далеко гремел гром, и Сара Форбс сказала:

— Брэд? Милый! Погляди-ка!

Он не ответил, не пошевелился. Сара взглянула на мужа, увидела на простыне, которой он укрылся, точно саваном, волну темных волос.

— Брэд? — снова сказала она и шагнула к кровати.

И вдруг вспомнила, что он говорил прошлой ночью, когда она, не вполне очнувшись от сна, села и увидела трескучую молнию.

Мне холодно, мне холодно.

Сара ухватила край простыни и потянула.

**ЧТО-ТО
ПРОИСХОДИТ**

Джонни Джеймс сидел на крыльце жарким декабрьским днем, попивая бензин из стакана, когда появился пророк. Конечно, в этом не было ничего необычного; пророков в эти дни развелось больше, чем синих падальных мух. Этот выглядел, как все остальные: тощий, с безумными глазами и пыльной черной бородой. На нем были выцветшая зеленая рубашка, армейские штаны и сандалии, вырезанные из покрышек с еще сохранившейся эмблемой «Мишелин». Джонни отпил свой «Эксон-Супер» и подумал, что речь проповедника будет обычным хипповским вариантом библейских угроз.

— Готовьтесь к концу! Встречайте вашего Создателя! — голос пророка, как колокол, разносился по пустой улице городка, стоящего на границе кукурузных полей Небраски. Он проплыл над Грант-стрит, где стояли статуи отцов города, над викторианскими домами Кингз-лейн, что так хорошо горели, над пустой школой Блоха, над парком Бредбери с облупившимися карусельными лошадками, над Кунц-стрит, где вершились городские дела, над Эллисон-филд, где биты больше не стучали по мячу. Голос пророка заполнил весь город, и его слышали все, кто еще остался.

Скрипнула дверь. Сосед Джонни из белого дома напротив вышел на крыльцо, заряжая ружье.

— Эй, Гордон! Ты что?

Гордон Мэйфилд продолжал деловито загонять пули в ствол. Воздух между ними струился жаром.

— Практика в стрельбе! — крикнул Гордон; его руки тряслись. Он был толстым мужчиной с бритой головой, в одних голубых джинсах. Голые плечи и грудь лоснились от пота. — Надо же мне практиковаться! — он щелкнул затвором.

Джонни отпил глоток и качнулся в кресле.

— Готовьтесь! — завопил пророк, приближаясь к месту своего конца. Он остановился перед пустым домом, где жила семья Кар-

майл, сбежавшая с бродячим евангелистом в Калифорнию. — Готовьтесь! О вы, грешники, готов...

Его голос дрогнул. Он посмотрел вниз, на свои сандалии, проваливающиеся в мостовую.

Пророк тихо вскрикнул. Он сам оказался не готов. Вот он уже по лодыжки провалился в серый бетон, образовавший вокруг него искрящуюся воронку. Скоро он завяз уже по талию, раскрыв рот в беззвучном крике.

Гордон, уже поднявший ружье, чтобы разнести пророку череп, осознал, что не стоит тратить силы и идти на риск взорваться вместе с винтовкой. Ствол медленно опустился.

— Помогите! — завопил пророк, увидев Джонни. — Помогите мне, брат! — глаза его выпучились, как у куклы, пока бетонный аллигатор жадно заглатывал его. — Умоляю тебя!

Джонни, не помня как, очутился на ногах и, отставив стакан с бензином, сошел с крыльца. Он хотел подать руку пророку, но хорошо знал, как опасно подходить к зыбучему бетону. Никогда не знаешь, насколько тверда почва, на которую ты становишься.

— Помогите! — пророк погрузился уже по подбородок. — Ради Бога, по... — бетон сомкнулся над его головой. На поверхности остались только простертые руки, и улица внезапно затвердела опять. Бетон окружил руки пророка, сделав их похожими на выросшие в центре улицы цветы. Пальцы несколько раз дернулись, потом застыли.

Гордон сошел с крыльца и осторожно приблизился к рукам, пробую дорогу перед собой стволом винтовки. Когда он убедился, что улица не имеет намерения поглотить и его, он сел на тротуар и начал смотреть.

— Что? Что там такое? — из дома вышла Бренда Джеймс с мокрыми от пота каштановыми волосами. — О, Боже! — прошептала она, когда муж указал ей на руки.

— Часы хорошие, — заметил Гордон, придвинувшись ближе к рукам. — «Ролекс». Тебе надо, Джонни?

— Да нет. Не надо.

— Бренда, не хочешь? Похоже, они показывают время.

Она покачала головой и сжала руку Джонни.

— Не стоит их тут оставлять. Кто-нибудь проедет — и нет часиков, — Гордон оглядел улицу. По ней давно уже не проезжала ни одна машина, но кто знает?

Решившись, он снял «ролекс» с запястья мертвеца. Стекло треснуло, и на него налили брызги бетона, но все равно часы хорошие. Он надел их и встал.

— Все случилось так быстро. Ничего нельзя было сделать. Правда, Джонни?

— Точно. Очень быстро, — в горле у Джонни пересохло, и он допил последний бензин. Из рта у него пахло, как от бензоколонки на станции «Эксон» на Делинт-стрит.

Гордон пошел прочь.

— Ты... ты хочешь это здесь оставить? — спросила Бренда.

Гордон, нахмурившись, посмотрел на нее:

— У меня в гараже есть топор.

— Ладно, оставь пока, — сказал Джонни, и Гордон пошел обратно, по-прежнему прощупывая мостовую стволом ружья. Добравшись до своего крыльца, он с облегчением вздохнул.

— Сегодня вечером покер у Рэя, — сказал он. — Вы придете?

— Да. Во всяком случае, собираемся.

— Отлично, — он воровато взглянул на белые стебли рук и тут же отвел глаза. — Выиграете немного денег, и это отвлечет вас от грустных мыслей.

— Да, только вот все деньги выигрываешь ты.

— Я везучий, — Гордон пожал плечами.

— Думаю, нужно взять с собой Джея, — сказала Бренда высоким, просящим голосом. Ему нужно иногда гулять. И он любит общество.

Гордон и Джонни переглянулись.

— О... конечно, — сказал Гордон. — Рэй будет рад. — Ладно, увидимся, — он еще раз взглянул на руки, торчащие из улицы, и скрылся в доме.

Бренда тихо запела древнюю колыбельную, которую пела Джею, когда тот бы маленьким: «Спи, мой малыш, а когда проснешься, я дам тебе пирога и покатаю на маленьком пони...»

— Бренда, мне кажется, этого не надо делать.

— Что? — она повернулась к нему, улыбаясь. — Чего «этого», милый?

— Выносить Джея из комнаты. Ты же знаешь...

Улыбка Бренды исчезла.

— Так вот ты о чем! Тебе лишь бы обижать меня! Почему я не могу вывести Джея из комнаты? Посидеть с ним на крыльце, как другие матери? Почему, Джонни? Ответь мне! — ее лицо побагровело от гнева.

Джонни оставался спокойным. Этот разговор они вели уже много раз.

— Спроси его сама, — сказал он и увидел, что голубые льдинки ее глаз растекаются и тают.

Бренда вышла в коридор и остановилась перед закрытой дверью комнаты Джея. На стене рядом с дверью висели оранжевый баллон с кислородом и пластиковая маска. Бренда легко справилась с баллоном — сказывалась долгая практика. Надев маску, она открыла засов и толкнула дверь, обитую по краям мехом. Дверь не поддавалась.

— Сейчас помогу, — Джонни пошел к ней.

— Нет! Я сама! — Бренда изо всех сил налегла на дверь, и раздался звук, всегда напоминавший Джонни свист воздуха при вскрытии вакуумной упаковки с теннисными мячиками.

Порыв ветра промчался по коридору, пошатнув Джонни и Бренду, и дверь открылась. Бренда вошла, предусмотрительно выдвинув засов, чтобы не дать двери захлопнуться.

Она села на кровать Джея. На обоях комнаты были изображены самолеты, но без воздуха клей высох, и обои вместе с самолетами падали вниз.

— Джей! Проснись, Джей, — она тронула мальчика за плечо. Он свернулся под простыней в долгом крепком сне. — Джей, это я, мама, — Бренда нагнулась и отвела прядь волос с высохшего, мумифицированного лица.

Джонни ждал в коридоре. Он слушал, как она говорит с мертвым сыном, хотя слова заглушались кислородной маской. Он уже знал все, что она будет делать: прижмет его к себе — осторожно, ведь даже в своем безумии она понимала, насколько он хрупок, — и, может быть, сплет ему колыбельную. Остаться в комнате больше трех минут было опасно; воздух из нее уносился в какое-то неведомое измерение, и понемногу вы начинали чувствовать, что стены тянут вас к себе, как бы пытаясь утащить туда же. Ученые придумали для этого название: «эффект фараона». Эти ученые для всего находили имя, будь то «зыбучий бетон», «гравитационные ловушки», «взаимопереход вещества». Умники, черт бы их побрал. Он слышал, как Бренда поет сквозь маску:

«Спи, мой малыш, а когда проснешься, я дам тебе пирога...»

Это случилось два месяца назад, когда Джей было четыре года. Конечно, все началось уже тогда, и Джонни с Брендой слышали об «эффекте фараона» по телевизору, но никогда не веришь, что такие вещи могут происходить у тебя дома. Джей пошел спать, как обычно, и за ночь весь воздух из его комнаты исчез. Просто исчез и все. Унесся неведомо куда. Они были слишком потрясены, чтобы похоронить Джея, и Джонни первым понял, что тело мальчика мумифицировалось. Поэтому они оставили его в доме, но никуда не выносили — под действием кислорода мумия могла разложиться в считанные часы.

Джонни чувствовал, как воздух проносится мимо него, всасываясь в комнату Джея.

— Бренда, пора выходить! — позвал он.

Пение умолкло, и он услышал ее тихий плач.

Воздух начал свистеть — опасный звук. Волосы и одежда Бренды плясали в воздухе, охваченные невидимыми пальцами. Она смотрела на лицо Джея, зачарованная его белыми зубами на коричневом сморщенном лице — лице египетского принца.

— Бренда, выходи! — голос Джонни стал тверже.

Она натянула на Джея простыню, шуршащую, как сухие листья, и пошла к двери, пошатываясь от безумного притяжения стен.

Им пришлось вдвоем открывать засов. Потом Джонни удерживал дверь, пока Бренда протискивалась в отверстие. Когда он отпустил дверь, она захлопнулась с силой, сотрясшей дом. Послышался всасывающий звук, потом наступила тишина.

Бренда, согнувшись, стояла в тусклом свете. Джонни снял с нее баллон с кислородом и маску и повесил их у двери. Баллон придется

скоро менять. Из-под двери доносилось шипение, и он заткнул щель полотенцем.

Бренда выпрямила спину.

— Джей говорит, что он в порядке, — она опять улыбалась, и глаза ее светились безумным счастьем. — Он сказал, что не хочет идти к Рэю. Но говорит, что мы можем идти. Он не обидится.

— Вот и хорошо, — Джонни пошел в гостиную. Оглянувшись, он увидел, что жена все еще стоит возле двери. — Хочешь посмотреть телевизор?

— Что? А-а, телевизор. Да, Конечно.

Они уселись на диван, и Джонни включил «Сони». Большинство каналов не работало, но некоторые еще показывали старые шоу вроде «Гавайского глаза» и «Матушкиного авто». Телесеть на земле вышла из строя месяц назад, и Джонни думал, что эти шоу передаются со спутников или, может быть, из другого измерения — почему-то изображение в них было негативным. Что касается радио, то там уцелела лишь одна станция, вновь и вновь проигрывающая на малой скорости песни «Битлз».

Между очередным шоу и рекламой шампуня Бренда начала плакать. Джонни обнял ее, и она уткнулась лицом в его плечо. От нее пахло Джейм: запах высушенных солнцем кукурузных початков. Обычный запах в Небраске, но не в канун Рождества, ха-ха-ха.

«Что-то происходит», — в который раз подумал Джонни. То же самое сказали ученые полгода назад.

Что-то происходит. Это писали все газеты и журналы, продававшиеся в киоске на Грешэм-стрит. Но что именно происходит, ученые не знали. Конечно, у них были предположения: магнитная буря, черная дыра, газовое облако, разрыв во времени. Один тип в Орегоне предположил, что Вселенная прекратила расширяться и начала сжатие. Еще кто-то сказал, что космос умирает от старости. Этаким космический рак или болезнь Альцгеймера. Фактом оставалось то, что мир перестал быть таким, каким был полгода назад, и никто не знал, каким он станет.

Что-то происходит. Два слова. Смертный приговор. На маленькой планете по имени Земля многое изменилось. Вода вдруг стала взрываться, как нитроглицерин, и это стоило жизни сотням тысяч людей, прежде чем было признано учеными. Бензин, напротив, стало можно пить, как и машинное масло, мебельный лак и крысиный яд. Бетон вдруг стал зыбким, из туч падали камни... было много вещей и похуже, как тогда, когда Джонни зашел в бар на Монтелеоне-стрит, где сидели Марти Чизли и Бо Дагген. Бо жаловался на головную боль, и вдруг мозги полились у него из ушей, как серый суп.

Что-то происходит. И поэтому может случиться все. Мы кого-то здорово допекли, думал Джонни, глядя на мелькающие на экране негативные фигурки комиков. Сунулись куда-то не туда. Сорвали плод не с того дерева и...

Помоги нам Бог, думал он. Бренда тихо плакала. Позже из прерий напоззли зловещие багровые тучи и без грома и молнии разразились дождем. По стеклу гостиной потекли красные струйки. По крыше застучали куски мяса и внутренностей. Они шлепались на камни двора и лежали там, дымясь и разлагаясь. Следом налетели тучи мух.

2

— Прошу убедиться, — Гордон раскрыл свой «флеш-рояль». Когда он пододвинул к себе тарелку с мелочью, остальные мужчины за столом завистливо вздохнули. — Я же говорил, что мне везет.

— Слишком уж везет, — Говард Кернс бросил карты на стол и налил себе из кувшина стакан высокооктанового.

— Так вот я и говорю, — сказал Рэй Барнетт, пока Гордон сдавал карты. — Что толку уезжать? В других местах то же самое. Все съехало, весь мир, — он сунул в рот плитку жевательного табака и предложил Джонни.

Тот покачал головой.

— Я слышал, где-то в Бразилии есть место, где все в порядке, — заметил Ник Глисон. — И вода там нормальная.

— Вранье, — Айк Маккорд взял карты, стараясь не показывать их соседям. — Вся Амазонка взорвалась. До сих пор горит. Это сказали по Си-Би-Эс, когда новости еще работали. Так что везде одно и то же.

— Ты ничего не знаешь! — толстые щеки Ника покрылись румянцем. — Должно же быть хоть где-то все нормально! Хотя бы на Северном полюсе.

— На полюсе? — Рэй рассмеялся. — А кто захочет там жить?

— Мы с Терри, — ответил Ник. — Если у нас будут теплые вещи и палатка.

— Не думаю, что Терри захочет ходить с сосулькой на носу, — сказал Джонни.

— Ага, и представляю себе Ника с сосулькой кое на чем, только не на носу — усмехнулся Гордон. Все рассмеялись, кроме Ника, который, набычившись, уставился в свои карты.

Из гостиной, где сидели женщины, тоже доносились взрывы натужного, истерического смеха. Там собрались Бренда, Терри Глисон, Джейн Маккорд с двумя детьми и Ронда Кернс с четырнадцатилетней дочерью Кэти, которая лежала на полу, слушая на плэйере «Бон Джови». Старая миссис Маккорд, мать Айка, вязала в кресле, то и дело поправляя очки.

— Так вот, Дэнни сказал, что поедет с Полой на запад, — сказал Рэй. — Ставлю четвертак, — он положил монету на тарелку. — Дэнни сказал, что всегда мечтал побывать в Сан-Франциско.

— А я не хочу на Запад, — Говард тоже положил четвертак. — Лучше сяду в лодку и поплыву на какой-нибудь остров вроде Таити. Где бабы танцуют с голым животом.

— Представляю Ронду в травяной юбочке! Ставлю четвертак, джентльмены, Гордон протянул руку к тарелке. — А Говард в это время будет пить из этого гребаного коко...

Его прервало отдаленное «Ба-бах!» Смех и разговоры смолкли. Миссис Маккорд пропустила стежок, а Кэти Кернс села и сняла наушники.

Новое «ба-бах», теперь уже ближе. Пол дома задрожал. Мужчины молча смотрели в карты; только стучали сердца да отсчитывал секунды новый «ролекс» Гордона.

— Кончилась, — подала голос миссис Маккорд. — Больше не будет, — она опять взялась за вязанье.

— Я не поеду на запад, — повторил Говард дрожащим голосом. — Дайте мне три карты.

— Держи, — Гордон раздал всем карты. — Одну мне.

Джонни посмотрел в окно. Далеко за кукурузными полями что-то вспыхнуло. Через секунду прогремел мощный взрыв.

— Давайте, давайте! — торопил Гордон. — Я выиграл всего пятьдесят центов.

Айк Маккорд спасовал, Джонни тоже. Говард, ухмыльнувшись, — показал своих королей и валетов.

— погоди, Говард, — Гордон выложил на стол четыре десятки и двойку. — Прошу убедиться, господа. Опять повезло, — он пододвинул монеты к себе.

Лицо Говарда стало белым. Еще один взрыв расколол ночь.

— Ты жулишь, сволочь!

Гордон смотрел на него, раскрыв рот. На лице его блестели капельки пота.

— погоди, Говард, — начал Айк. — Незачем обвинять человека в таких...

— А ты что, заодно с ним? — голос Говарда стал громче и заглушил женские голоса из гостиной. — Ясно же, что он жульничает! Никому не может так везти!

— Перестаньте оба! — воззвал Джонни. — Давайте успокоимся и...

— Я не жульничаю! — крикнул Гордон. — Я играю честно! — взрыв сотряс стены, и небо полыхнуло красным.

— Ты всегда срываешь банк! — разорвался Говард. — Почему так получается?

Ронда Кернс, Джейн Маккорд и Бренда с испуганными лицами заглядывали в комнату.

— А ну тише! — закричала старая миссис Маккорд. — Дети, замолчите!

— Никто не смеет обвинять меня! — Гордон смотрел на Говарда, сжав кулаки. — Я играю честно и, клянусь Богом... — не договорив, он схватил Говарда за воротник.

В этот момент Гордон Мэйфилд вспыхнул.

— Боже! — вскрикнул Рэй, отшатнувшись. Джейн Маккорд завыжала. Джонни рванулся к выходу, опрокинув стол и рассыпав карты. Гордон пылал от бритой макушки до подметок, громко крича и извиваясь. Из рукава его выпали две двойки и полетели в лицо Говарду. Он вцепился ногтями в грудь, пытаясь погасить пламя, пожирающее его изнутри.

— Помогите ему! — крикнула Бренда. — Кто-нибудь!

Гордон отшатнулся к стене и начал сползать. Потолок над его головой задымился и почернел. «Ролекс» лопнул с тихим шелком. Укрываясь от жара, находящиеся в комнате пригнулись за перевернутый стол. Когда Гордон осел на пол массой желтых огоньков, Джонни подбежал к жене и схватил ее за руку.

— Бежим! Скорее отсюда!

Они выбежали в ночь и побежали на юг по Страуб-стрит. Обернувшись, он увидел еще несколько человек, покинувших дом, но не мог разглядеть их. Потом глаза его обожгло белое пламя, и дом Рэя Барнетта взорвался, рассыпая вокруг куски дерева и черепицы. Ударная волна швырнула Джонни и Бренду на мостовую. Она закричала, и он зажал ей рот рукой, чтобы не кричать самому.

Кругом падали горящие обломки дома и части человеческих тел. С кровоточащими коленями они встали и побежали опять.

Они пробежали по Страуб-стрит мимо центра, мимо кинотеатра «Спектр» и книжного магазина Скиппа. В ночи раздавались крики и стоны, и новые красные вспышки прорезали ночь. Джонни старался не обращать на это внимания. Они должны были попасть домой и надеялись только, что земля не разверзнется у них под ногами.

Они миновали кладбище на Макдауэлл-хилл, и новый взрыв опять бросил их на землю. Вверху полыхнула молния, и запахло чем-то сладким. Когда подняли головы, кладбищенский холм исчез, словно раздавленный гигантским кулаком. Врытую землю, в которой двести лет хоронили усопших, усеивали обломки гробов и могильных плит, торчащие, как гнилые зубы. «Гравитационная ловушка», — подумал Джонни; он рывком поставил Бренду на ноги, и они побрели по Олсон-лейн, мимо развалин баптистской церкви.

Когда они пробегали мимо кирпичного дома на Райт-стрит, он взорвался облаком клокочущей пыли, повинувшись чудовищной силе спятившего тяготения. Взрывы грохотали по всему городу, от шоу-стрит на западе до Баркер-стрит на востоке. Молнии сверкали непрерывно, щелкая по воздуху, как плетки-семихвостки. Спотыкаясь, они добрались, наконец, до Штрайбер-серкл на окраине, откуда открывался вид на окрестные поля, и откуда дети раньше любили смотреть на небо, пытаясь увидеть НЛО.

Сегодня НЛО не было. Даже звезды померкли, застланные дымом пожаров. При свете молний Джонни и Бренда увидели, что очередная «гравитационная ловушка» вырвала огромный кусок кукурузного поля, нагромоздив вокруг груды земли, смешанной с кукурузой.

Кулак Господа, подумал Джонни. На соседней улице взлетел в воздух еще один дом. Какой-либо системы в появлении «гравитационных ловушек» не было, и Джонни видел, что осталось от Стэна Хейнса, который попал в одну из таких ловушек. Он был похож на красный раздавленный гриб.

Ловушки разгуливали взад-вперед по полям. Взорвались еще два или три дома, на этот раз на северной окраине города. Потом внезапно все кончилось. Кричали люди, лаяли собаки; эти звуки слабо отличались друг от друга.

Джонни и Бренда сидели на траве, обнявшись и дрожа с головы до ног. Впереди была долгая ночь.

3

Солнце становилось фиолетовым. Огромный пурпурный шар висел в белом безжизненном небе. Воздух был просто раскаленным, хотя само по себе солнце не казалось горячим. Первый *новый* год прошел, и пылающая зима сменялась весной.

Впервые Джонни заметил это по рукам Бренды. Коричневые веснушки. Старческие пятна, подумал он. С каждым днем ее кожа менялась все больше. Она становилась жестче, и глубокие морщины начали прорезать ее лицо. На двадцать седьмом году жизни ее волосы начали терять свой цвет и становиться серыми.

Несколько позже, наслаждаясь своим бензином, он заметил в зеркале свое собственное лицо: маленькие линии вокруг глаз совсем исчезли. Его лицо стало мягким и гладким. И его одежда: казалось, она принадлежит кому-то другому. Она внезапно стала как будто больше, и майка как балахон болталась на теле.

Конечно, Бренда также видела, что происходит. Она просто не могла этого не сделать, хотя предпочла бы не замечать ничего. Ее кости ломило. Пальцы болели, и, что самое плохое, она начала терять контроль над руками и поэтому не смогла удержать Джея — он упал на пол и раскололся на куски как пересохлая глина. Однажды в марте она все поняла: взглянув в зеркало, она увидела морщинистое лицо старой женщины; тридцатилетний же Джонни выглядел как девятнадцатилетний юнец.

Они вместе сидели на крыльце. Джонни не мог спокойно усидеть на месте, как это обычно бывает с детьми в присутствии своих седовласых предков. Бренда сидела неподвижно и молча, глядя прямо перед собой слезящимися выцветшими голубыми глазами.

— Мы движемся в противоположные стороны, — сказал Джонни голосом, который становился выше и писклявей с каждым днем. — Я не знаю *что* происходит или *почему*. Но... это происходит.

Он потянулся и взял одну из ее морщинистых рук. Ее косточки казались хрупкими как у птички.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Бренда улыбнулась.

— Я люблю тебя, — ответила она со старческой дрожью в голосе.

Они немного посидели в этом странном фиолетовом мареве, потом Бренда задремала, а Джонни набрал камней и начал бросать их в сторону пустого дома Гордона Майфилда.

«Что-то происходит», — думала она в клетке своего сна. *Что-то происходит*. Что же? И к чему это все приведет?

Джонни подружился с бродячим псом, но Бренда не позволила держать его дома. Джонни клялся, что будет чистить собаку, и ухаживать за ней, и все что там нужно делать; но Бренда твердо сказала «нет», объясняя, что пес погрызет всю мебель в доме. Джонни поплакал, но быстро успокоился, найдя бейсбольный мяч. Он проводил целые дни, гоня мяч вверх-вниз по улице и кидая его об стену пустого дома. Бренда попыталась поиграть с ним, но ее пальцы не смогли даже ухватить мяч.

«Пришли наши последние дни», — думала она, сидя на скамейке и наблюдая как ее мальчуган гоняет мяч. Библия постоянно лежала у нее на коленях, и Бренда перечитывала ее своими воспаленными слезящимися глазами. *Последние дни* подходили к своему концу, и никто был не в силах остановить течение их часов.

День пришел, когда Джонни не смог сам взобраться к ней на колени, и ей пришлось поднимать его своими больными руками, потому что Бренда хотела, чтобы он был рядом с ней. Он теребил ее пальцы, и она рассказывала ему о рае. Джонни спросил, во что же он будет там играть, и Бренда улыбнулась своей беззубой улыбкой и потрепала его по голове.

Что-то происходило, и Бренда знала что: проходит время. Старые часы замедляли свой ход. Старые планеты останавливались на орбите. Старые сердца бились с трудом. Гигантская машина двигалась к своему концу. И кто мог сказать, что это неправильно?

Она взяла Джонни на руки и, укачивая, запела старую колыбельную: «Спи, мой малыш, а когда проснешься...»

Она прервалась и украдкой взглянула в поле.

Огромная волна радужно-зеленого и фиолетового вздымалась над землей. Она двигалась с неторопливой, почти... — Бренде показалось — ...почти чарующей грацией. Волна медленно перекачивалась через поля, оставляя за собой серую пустоту, как будто вытирая вчерашнее задание со школьной доски. Она уже почти докатилась до города, до их улицы, ее дома и крыльца.

Она и ее чудесное дитя узнают ответ на все загадки.

Волна приближалась с неумолимой силой.

У Бренды еще оставался кусочек времени чтобы допеть: «...я дам тебе пирога и покатаю на маленьком пони...»

Волна поглотила их. Младенец на ее руках смотрел на Бренду светящимися глазами. Она улыбнулась ему и замерла, чтобы встретить тайну.

СИНИЙ МИР

Его ковбойские сапоги стучали по мокрому тротуару, где, как адские реки, струились неоновые огни.

Над Сан-Франциско плыл затмевающий звезды туман. Он принес с собой мелкий дождь, и в песочных, коротко стриженных волосах мужчины блестели капельки воды. Он прошел по Бродвею и свернул на восток к кричащим вывескам Тендерлойн, проходя мимо японских бизнесменов и других туристов, жаждущих опуститься на городское дно.

Пляшущие неоновые рекламы окружали его, как ворота в темные глубины другого мира. Мужчина в ковбойских сапогах остановился, запахивая полы коричневого брезентового плаща. Его карие глубоко сидящие глаза изучали вывески: *«Тайная жизнь девушки на сцене!»*, *«Женщины-владычицы в черной коже!»*, *«Все размеры, все цвета!»*

В углах глаз у него были вытатуированы красные капли, очевидно, изображающие слезы.

Он прошел мимо открытых дверей, откуда гремели барабаны, и протолкался сквозь толпу любопытных японцев. Он замедлил шаг, засунув большие пальцы за отделанный серебром брючный ремень.

Сразу же за *«Голой правдой жизни»* он нашел вывеску, которую искал. Она гласила: «Королевы порно жаждут встречи с вами» — и сопровождалась фотографиями привлекательных, хотя и чересчур густо намазанных, молодых женщин. Фотографии сопровождалась подписями с экзотическими именами типа «Таша Нотти», «Китти Кэттин», «Изи Бриз» и «Пола Баньян». Мужчина, которому на вид было около тридцати, несколько минут изучал подписи. Потом поглядел на подоконник, где лапками вверх лежали дохлые мухи.

То самое место.

Он вошел и оказался в коридоре, где сидел толстый мексиканец с книжкой комиксов.

— Десять баксов, — сказал он скужающим голосом. — Есть какие-нибудь пожелания?

— Да, — тихо, почти беззвучно, сказал ковбой. — Изи Бриз.

Этот голос, похожий на шипение змеи, заставил мексиканца поднять голову. Он увидел красные капли в углах глаз незнакомца и заморгал.

— Что-нибудь не нравится, *амиго*?

— Нет-нет, — мексиканец покачал головой. Посетитель выглядел человеком, с которым лучше не связываться.

— Изи здесь. Хотите встретиться?

— Возможно. Это ведь она играла в «Суперплоти»?

— Она много где играла, парень. Она *звезда*!

— Я знаю. Но я смотрел «Супер...», — он отпнулся на красную дверь в конце коридора, за которой грохотала музыка. — Я хочу ее видеть.

— Заходи, парень, посмотри шоу. Если Изи на сцене, нажми кнопку с ее номером. Если ее нет, значит, скоро будет. Десять баксов. Лады? — он нервно забарабанил по прилавку.

Ковбой достал из плаща бумажник, извлек из него десятидолларовую купюру и протянул мексиканцу. На его костистом лице заблестели бисеринки пота.

— Придется доплатить, парень. Изи — дорогая штучка.

— Я тоже, — ковбой холодно улыбнулся. Мексиканец отпер дверь, и он вошел внутрь. Дверь тут же с лязгом закрылась.

В обитых красным бархатом стенах укрывались репродукторы, из которых доносилась медленная барабанная дробь. На трех рядах потертых стульев расположились четверо мужчин, всматривающихся в большое стеклянное окно.

За ним дефилировали три обнаженных женщины с номерами между грудей. Изи Бриз среди них не было, и ковбой сел в первом ряду и стал ждать.

Немного погодя один из мужчин нажал на кнопку в подлокотнике своего кресла. Раздалось пять звонков, и рыжая худышка с номером 5 улыбнулась фальшивой улыбкой, больше похожей на оскал смерти, и выбежала в дверь. Ухмыляющийся «жених» уже поджидал ее у входа, и она повела его куда-то по коридору.

— Желаю удачи! — крикнул ковбой им вслед.

Пляска возобновилась. В зал вошли еще двое парней — совсем молодые, похожие на старшеклассников, — и сели на свободные места, перешептываясь и нервно хихикая.

Ковбой не обратил на них внимания; он просто сидел, равнодушно глядя на трясущиеся груди и ляжки, и ждал. Из дверей появились еще две девушки, но они тоже не заинтересовали ковбоя. От мерного ритма и тусклого освещения ему хотелось спать.

К танцующим присоединилась хорошенькая стройная блондинка с номером 2 на шее. Ковбой вскинул голову и хотел уже нажать кнопку, когда в зале прозвучали два звонка. Оглянувшись, ковбой увидел, как один из парней с идиотской улыбкой встает со своего места.

Он перехватил соперника у двери до того, как Изи Бриз успела выйти.

— Она моя невеста, мужик, — он положил руку парню на плечо. — Отвали.

Парень, побледнев, плюхнулся обратно на стул, а ковбой с улыбкой повернулся к Изи Бриз.

Не касаясь его, она зазывно улыбнулась и поманила его за собой. Они вошли в узкий коридор, освещенный красным. По бокам тянулись двери в комнаты-пеналы, за которыми раздавались стоны и чмокающие звуки. По коридору протопал лысый толстяк со связкой ключей.

Двенадцать и тринадцать, — сказал он, отпирая дверь.

— Послушай, — Изи повернулась к ковбою. Достав откуда-то тюбик помады, она быстро подкрасила губы. — Имей в виду, я очень устала. Челюсти совсем не двигаются.

— Мне жаль тебя, Изи, — сочувственно сказал ковбой. Ее бледно-голубые глаза были кокаиново-стеклянными, как у заводной куклы. На таком же бледном лице выделялись кроваво-красные губы.

— Давай половину нормы. Пятьдесят долларов за три минуты. Идет?

— Идет, — ковбой отсчитал пятьдесят долларов и отдал их лысому.

— Отлично. Больше я просто не смогу. Как тебя зовут?

Он оглянулся на лысого, который уже шел к своему месту в конце коридора.

— Трэвис. Как героя Аламо.

— А что это — Аламо? — он не ответил. — Классная у тебя татуировка.

— Точно.

Она завела его в двенадцатый номер, закрыла дверь и вошла в соседнюю кабинку.

Между ними была фанерная перегородка с дыркой прорезанной на уровне живота.

— Возбудить тебя? — спросила она. С ее стороны в комнате находились пластиковое ведро для мусора, секундомер на цепочке и коробочка «Клинекса».

— Нет. Я готов, — ковбой спустил штаны и подошел к дырке. Изи стала на колени и начала, одновременно сосредоточенно разглядывая лак на своих ногтях.

— Видел мои фильмы, Трэвис? — спросила она, оторвавшись от его члена.

— Видел «Суперплоть». Ты хорошо сыграла.

— Спасибо, — она вернулась к своему занятию. А что тебе больше всего понравилось?

— Когда ты была с тремя мужиками. Это было круто.

— По-моему, тоже. Трэвис, тебе нравится то, что я сейчас делаю?

— Конечно, — он улыбнулся, прижавшись щекой к фанерной стене. — Продолжай.

Она поглядела на секундомер. Черт, как медленно идет время! Ладно, скоро все кончится. В пятницу она уезжает обратно в Эл-Эй. Агент устроил ей три дня съемок, а потом она летит на Гавайи, где встречается с богатым арабом. Эти арабы пахнут как-то странно, зато любят порно, потому что у них в Аравии его запрещают. Кроме того, у них полно денег, и она даже знала двух актрис, которые вышли замуж за шейхов. Интересно, каково жить на большом пляже и все время трахаться с арабом?

— Укуси его, — потребовал Трэвис. — Укуси. Сильнее, Изи.

Она работала языком, нетерпеливо поглядывая на часы.

— Я твой поклонник, Изи. В прошлом месяце я видел тебя в журнале. Сильнее! Разве это укусы? Так вот, я видел твои фото. Это здорово. Хотел бы я там работать.

Она хмыкнула.

— И еще я видел тебя в Эл-Эй, у кинотеатра. Ты раздавала автографы. Мне тоже дала.

С часами что-то неладно, подумала она. Потом почувствовала, как он напрягся и достала таблетку «Клинекса».

— Я люблю тебя, Изи, — сказал Трэвис. — Подожди немного. — Я люблю тебя. Ты слышишь?

— Конечно, — она приблизила губы к отверстию. — Давай, Трэвис. Закончим вечер.

— Сейчас. Погоди немного.

Он достал из-за пояса «кольт» 45-го калибра с рукояткой, отделанной жемчугом. Сзади на ремне были петли, вмещающие по меньшей мере тридцать пуль.

— Ты мне снилась. Все время.

— Ну, давай же! — она услышала металлический щелк. Что он делает. — Давай!

— Открой пошире, он вложил в отверстие ствол «кольта». — Чери Дэйн я тоже любил.

Он нажал на курок.

Раздался стук упавшего тела. Ствол «кольта», когда он достал его, был красным и скользким.

Трэвис быстро застегнул молнию на брюках и пинком растворил дверь кабинки.

Лысый в конце коридора вскочил, растерянно озираясь. Раскрылась дверь одной из соседних кабинок; оттуда выглянула китаянка в прозрачном белье и, увидев пистолет, завизжала. Из другой двери показался мужчина с выпученными от страха глазами.

Трэвис выстрелил в него. Пуля пробила мужчине ключицу и отбросила его назад. Фанерные стены кабинок сотрясались, как картонный домик. Трэвис быстрым шагом пошел к выходу, стреляя

наугад в закрытые двери. Помещение наполнилось криками и мольбами о пощаде. Лысый полез в карман и достал бритву.

— Нет, — только и сказал Трэвис и выстрелил ему в горло. Лысый захрипел и упал навзничь; бритва выпала из его рук, слабо звякнув об пол. Трэвис уже открывал дверь, когда в волосы ему вцепилась чья-то рука.

— Ублюдок! — прохрипел мужской голос. — Я убью тебя, чертов ублю...

Трэвис нажал на потайную кнопку в рукоятке «кольта». Из нее выскочили четыре дюйма вороненой стали и вонзились в жирную щеку мужчины.

Он вскрикнул и упал на колени.

Трэвис вышел на улицу. Запах крови и порохового дыма приятно щекотал ноздри, как наркотик. Он вытер лезвие о сумку и спрятал его в укрытие. Потом крутанул револьвер на пальце с грацией опытного стрелка, сунул его в кобуру и застегнул плащ.

Он побежал прочь от криков и стонов. Лицо его было бледным, но глаза смотрели удовлетворенно-лениво. Ночь и туман поглотили его.

Иисус плакал «Вечное состояние», подумал худощавый светлослый мужчина, читая хрестоматию по философии. Иисус плакал две тысячи лет назад и, конечно, заплакал бы и в наши дни. Но одними слезами ничего не сделать. Если бы он, поплавав, опустил руки и предоставил человечество самому себе, мир оказался бы поглощенным адской тьмой. Нет, кроме слез, нужна еще и сила.

Закончив абзац, он отложил хрестоматию в сторону. Полуденное солнце освещало бежевую стену с висящим на ней распятием. На книжной полке стояли ученые труды на такие темы, как воскрешение, логика религии и католицизм в странах «третьего мира». Рядом на «лапе» был укреплен маленький видеоманитофон с коллекцией кассет, названия которых говорили за себя: «Победа над грехом», «Путь священника в городе», «Рыцари духа».

Он встал с кресла, поставил книгу на полку и взглянул на часы. Без двенадцати три. В три он должен принимать исповедь. Он пошел на кухню, налил себе чашку холодного крепкого кофе из кофейника и вернулся с ней в комнату. На каминной полке тихо, но настойчиво тикали часы; в углу стоял десятискоростной велосипед, укрепленный на станине. Он подошел к окну, открыл ставни и посмотрел на Валледжо-стрит, подставив лицо солнечным лучам.

У него были мягкие черты церковного певчего, внимательные голубые глаза, чуточку длинноватые светлые волосы, зачесанные назад с высокого лба. Ему исполнилось тридцать три, но выглядел он лет на пять моложе. В углах глаз и вокруг рта начали уже собираться небольшие морщинки. Прямой нос и сильный, резко очерченный подбородок делали его похожим на аристократа. Кожа его была белой, поскольку он почти не показывался на солнце, но постоянная езда на велосипеде и пробежки по утрам укрепили его мускулы. Он с детства любил дисциплину и порядок и сердцем чувствовал страх перед хаотичным внешним миром. Он был рожден для церковной жизни с ее строго размеренным ритуалом. Он учился в теологическом колледже, а потом, вот уже двенадцать лет, работал священником.

За квадратным серым зданием на Бродвее виднелось огненно-красное Х. Рядом с ним — часть рекламы «Мальчики и девочки». Монсиньор Макдауэлл утром говорил, что где-то там ночью случилась перестрелка, были жертвы, но подробностей молодой священник не знал. Он никогда не ступал на ту улицу, всего в квартале от собора святого Франциска, и при мысли об этой цитадели греха у него подступал комок к горлу.

Что ж, у каждого в жизни есть выбор. Это часть Божьего промысла в отношении своих созданий. Но священник не раз думал, как мог Господь допустить такой разгул порока. Если бы эти места сровняли с землей, человечеству стало бы лучше. Он еще минуту посмотрел на красное перекрестье, покачал головой и отвернулся.

Отпив кофе, он взглянул на разложенную на столике мозаику-головоломку. Она состояла из тысяч многоцветных кусочков, и он работал над ней уже две недели. Даже в этот краткий миг он увидел место для двух недостающих кусочков и вставил их в пазы.

Пора. Он почистил зубы, прополоскал рот и, подойдя к шкафу, надел черную рубашку, белый крахмальный воротничок и черную сутану. На верхней полке шкафа лежали десятки головоломок, некоторые еще нераспакованные. Он поцеловал четки, произнес краткую молитву и вышел. На груди его была прикреплена пластиковая карточка: «Отец Джон Ланкастер».

Бесшумно ступая по покрытому ковром коридору, он дошел до лестницы, спустился вниз и направился в административный отдел, где находился его кабинет. По дороге ему встретился отец Дэррил Стаффорд, темноволосый человек лет сорока пяти.

— Здравствуй, Джон. Что, уже пора?

— Пора, — Джон взглянул на часы, было без двух три. — Я опаздываю.

— Ты? Никогда не поверю, — Стаффорд снял очки и протер их белым носовым платком. — Я почти закончил отчет. Если хочешь завтра взглянуть на него, милости просим.

— Отлично. В девять утра ты свободен?

— Конечно, — Стаффорд опять закрыл свои умные совиные глаза очками. — Слышал о происшествии?

— Слышал, — Джон пошел к двери, торопясь на исповедь. Но отцу Стаффорду явно хотелось поговорить.

— Я говорил утром с Джеком, — полицейский Джек Клейтон патрулировал в их районе. — Двое убиты, один ранен. Безумец открыл пальбу в доме свиданий и сбежал через заднюю дверь. Джек оставил нам его приметы. Он считает, что мы должны быть в курсе, — отец Стаффорд тонко улыбнулся. — В углах глаз у него вытатуированы красные слезы. У убийцы, я имею в виду.

— Да, у Джека я такого не видел, — согласился Джон и поспешил к выходу.

Колокол зазвонил к исповеди. Ботинки Джона простучали по белому мрамору церкви, когда он быстро прошел мимо нескольких человек, сидящих на скамьях, не глядя на них. Войдя в исповедальню, он закрыл за собой дверь и сел на скамеечку, обтянутую красным бархатом. Потом он открыл маленькое окошечко в стене, сунул в рот мятную таблетку и подождал, пока умолкнет звон.

Сняв часы, он положил их на полочку перед собой. Исповедь должна закончиться в полпятого, а в полшестого он приглашен на встречу в городском совете по проблемам бездомных.

В кабинку вошел первый посетитель. К отверстию прижались губы, обрамленные черной бородой, и голос с испанским акцентом прогнусавил:

— Простите меня, отче, ибо я грешен.

Начало было привычным, как и продолжение. Этот человек, алкоголик, забирал у жены деньги на выпивку и бил ее, когда она жаловалась.

— Идите с миром, — сказал Джон, нетерпеливо глядя на часы. Быстро прошла пожилая женщина, и за ней вошел мужчина, от которого ужасно несло потом. Джон сунул под язык еще одну таблетку. Потом наступила блаженная пауза, но пришел еще один посетитель, опять мужчина. Стараясь не думать о том, успеет ли он до половины шестого забрать из чистки костюм, Джон сосредоточился на длинном повествовании о неверности и беззаконных страстях. Он должен был — нет, он *хотел* слушать, хотя скамейка была жесткой, а в желудке неприятно плескался холодный кофе. Ему казалось, что каждый кающийся, если его не остановить, способен длить список своих грехов до бесконечности. Казалось, что дьявол полностью завладел этим миром, и даже стены церкви рушатся под его могучим натиском. Мотнув головой, Джон проглотил таблетку и сказал:

— Идите с миром.

— Я еще не закончил, отец, — мужчина вздохнул, будто исповедь сняла с него тяжесть футов в пятьдесят.

— Отпускаю вас грехи. Идите.

Люди входили и выходили. Часы показывали четыре шестнадцать. Джон думал о предстоящем выступлении на городском совете. Надо бы отредактировать текст. Прошло две минуты. Никто не входил, и Джон нетерпеливо заерзал по скамейке. Можно было найти более удобный способ...

Дверь кабинки открылась. Кто-то вошел и преклонил колени.

Джон почуял резкий запах духов — корица с мускусом, — изгнавший последние остатки вони третьего посетителя. Он глубоко вдохнул непривычный, приятный аромат.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил молодой женский голос. Длинный лакированный ноготь постучал в окошечко.

— Да, продолжайте.

Наступила пауза.

— Продолжать? Черт, я еще не *начала!*

— Прошу вас, не богохульствуйте, — голос Джона стал резким.

— Кто из нас богохульствует? — женщина помолчала. — Дебби, ну с чего ты взяла, что тебе здесь помогут? Ни черта из этого не выйдет.

Она говорила сама с собой. Опять чертыхнулась, но отец Дэррил и даже сам монсиньор тоже нередко употребляли это выражение.

— Может быть, и выйдет. Если вы будете искренни.

— Искренни? — она рассмеялась. Ее голос был чутьчку хриплым, со странным акцентом.

— Я слушаю, — напомнил Джон.

— Да, но слушает ли Бог?

— Я верю, что слушает.

— Хорошо вам.

Джон подождал. Молодая посетительница опять молчала. Собирается с мыслями? Она казалась расстроенной и явно нуждалась в исповеди. По акценту он заключил, что она откуда-то с Юга, из Джорджии или из Луизианы. Во всяком случае, издалека.

— Мне не в чем каяться, — сказала она внезапно. — Со мной все в порядке. Просто... тьфу ты, это гораздо трудней, чем казалось.

— Соберитесь с мыслями, — посоветовал он, одновременно поглядывая на часы.

— Так... ладно. Мою подругу убили.

Джон не отвечал, давая ей возможность продолжить.

— Убили. Я говорила ей не идти работать в это заведение. Говорила! Джени никогда не слушала ничьих советов. Скажи ей что-нибудь, назло сделает наоборот, — она горько усмехнулась. — Тьфу, как будто *правда* кому-то исповедуюсь!

— Продолжайте, — сказал Джон.

— Джени была не просто так. Звезда! Она сделала пять фильмов за две недели, это рекорд. В прошлом году мы с ней ездили в Акапулько и встретили там двух мексиканских телохранителей. И Джени сказала мне: «Дебби, давай-ка изобразим двойной сэндвич по-мексикански».

Глаза у Джона расширились. Женщина снова засмеялась, будто вспомнив о чем-то приятном.

— Джени любила жизнь. Она даже стихи писала. Все больше ерунду, но от некоторых я просто тащила. О Боже...

Что-то в ней сломалось — будто лопнула чересчур туго натянутая струна. Она начала всхлипывать, горько, как потерявшийся ребенок. Ему хотелось успокоить ее, выйти из-за перегородки и погладить по голове, но он не мог это сделать. Он услышал звук открываемой сумочки и шорох обложки «Клинекса».

— Черт, вся косметика слезла. Я испачкала эту белую тряпку.

— Все в порядке.

— Похоже, она дорогая. Вы, святоши, знаете, как тратить деньги.

Джон услышал, как она опять сдерживает рыдания.

— Зря вы называете меня святошей.

— Бросьте! У вас ведь прямая связь с Богом. Если это не так, значит вы не на той работе.

Он промолчал. На часы он давно уже не смотрел.

— Какой-то ублюдок убил мою подругу, — сказала она уже спокойнее. — Я звонила родителям Джени в Миннесоту. Знаете, что сказал мне ее папаша? «У меня нет дочери», — и швырнул трубку. Я звонила вечером, по дороговому тарифу, — теперь в ее голосе слышался гнев. — И это все, что он сказал! Ее будут хоронить за казенный счет. Эта дрянь, ее агент, назвал ее «зря потерянными деньгами». Слышали вы что-нибудь подобное?

— Нет. Не слышал.

Она шмыгнула носом.

— Дрянь, — прорыдала она. — Паршивая дрянь.

— Когда умерла ваша подруга? Я могу организовать отпевание.

— Джени терпеть не могла католиков. Она считала, что вы не даете людям жить свободно, контролировать рождаемость и все такое. Так что лучше не надо, — она опять шмыгнула носом. — Это случилось прошлым вечером на Бродвее. Джени была на работе, и этот тип ее застрелил. Вот и все, что я знаю.

— О, — он понял, что смерть Джени как-то связана со стрельбой в доме свиданий. И если Джени там работала, значит эта женщина тоже вовлечена в этот грязный бизнес. Его сердце забилося сильнее.

— Я никогда там не был.

— Сходите как-нибудь. Узнаете много нового.

— Не думаю, что мне это понравится.

— Черт, но ведь вы *мужчина*! В конце концов, на сексе держится мир.

— Не мой мир — у него появилось ощущение, что ситуация выходит из-под контроля. Из нижней части живота вверх поползла какая-то влажная теплота.

— Любой мир. Почему священники тогда не отрывают головы от книг и по десять раз на дню принимают холодный душ? Бог создал мир, значит он создал и секс.

— Мисс, — начал он, но не знал, что сказать дальше. Он просто хотел остановить ее. — Пора заканчивать.

Она снова усмехнулась.

— Жарко, святой отец? Думаю, такие, как вы, очень быстро кончают..

Неужели она услышала что-то в его голосе? Черт, наверное, это ее духи опьянили его. Мозги совсем не работают.

Она придвинулась к окошечку. Он мог видеть ее полные, слегка раздвинутые губы.

— Если вас спросят, — прошептала она своим хриплым голосом, — можете сказать, что к вам приходила исповедоваться кино-

звезда. Дебра Рокс. Я снимаюсь в порнофильмах. Можете похвастаться своим друзьям, — он посмотрел на ее язык, медленно облизывающий нижнюю губу, и ощутил, что его бьет дрожь. Это его рассердило, но часовой механизм завелся, и его не могли остановить ни молитвы, ни душеполезное чтение, ни философские рассуждения. В паху у него начало ныть.

Она отодвинулась от отверстия.

— Извините, — ее голос опять сделался мягче. — У меня это, должно быть, в крови. Послушайте... все, что я прошу... помолитесь, пожалуйста, за Джени.

— Хорошо, — простонал Джон. Его голос звучал так, будто он жевал стекло.

— Мне уже легче, — сказала Дебра Рокс и встала. Джон услышал, как скрипнула дверь. Потом ее высокие каблуки зацокали по мраморному полу. Шла она быстро, торопясь куда-то — или просто спеша уйти из церкви. Колокол прозвонил окончание исповеди.

Лицо Джона было залито потом; внутренности будто жгло огнем. Она должна быть уже возле самой двери. Он не мог выходить из исповедальни, пока колокол не замолчит ровно в четыре тридцать. Но его рука сама потянулась к двери и отодвинула засов. Жжение в паху сделалось почти невыносимым.

Он посмотрел на часы. Колокол продолжал звонить.

Джон встал и вышел.

Стройная женщина с длинными черными волосами, в обтягивающем красном платье как раз открывала дверь. Луч солнечного света на миг заключил ее в объятия, и дверь закрылась.

Колокол прозвонил еще два раза и умолк.

Джон глубоко вдохнул, все еще чувствуя запах ее духов. Ладони его были влажными от пота. Ему казалось что он вот-вот упадет. Сутана в нижней части топорщилась, и он знал, что ему как можно скорее нужно принять холодный душ.

— Господи, помоги, — прошептал он, покидая исповедальню.

Три

Ее запах не оставлял его нигде. В морском ресторане Скапарелли на Норз-Бич, сидя между монсиньором Макдауэллом и старшим помощником мэра, он чувствовал его в чесночном соусе. Впервые он понял это во время чтения своего отчета о положении бездомных в районе и он, притворившись, что чешет нос, быстро понюхал пальцы. Ее запах был везде и нигде, как будто впечатался ему в мозги.

К помощнику мэра подошла темноволосая женщина в красном платье и заговорила с ним. Джон смотрел на нее, держащуюся за руки со своим мужем или любовником. Она что-то сказала голосом, ничуть не похожим на голос Дебры Рокс.

— Вы меня поняли? — спросил помощник, угрюмый человек по фамилии Вандервольк. Джон кивнул, по-прежнему ничего не понимая.

— Нет, мы вас не поняли, — сказал Макдауэлл, сердито наморщив лоб. — Или мы получим требуемые средства, или вынуждены будем закрыть половину того, что содержим сейчас. Это наша позиция, — он устремил холодные голубые глаза на Джона Ланкастера.

Разговор приближался к точке кипения, но Джон почти этого не замечал. Он мелкими глотками пил красное вино и внюхивался в ее запах. Услыхав женский смех, он обернулся так быстро, что Макдауэлл спросил:

— Джон, что за *чертовня* с вами происходит?

— Ничего. Извините. Я просто задумался, — упаси Боже иметь дело с монсиньором, когда он сердит.

— Извольте думать о деле! — рявкнул Макдауэлл и опять повернулся к Вандервольку и трем его спутникам.

Джон попытался исполнить наказ, но это оказалось нелегко. Углом глаза он продолжал видеть красное платье, и все полетело к черту. Он принял уже три холодных душа, один за другим. Петом сел и попытался сосредоточиться на головоломке, засунул четыре кусочка не туда и бросил. Как лунатик, он, сам того не создавая,

подошел к окну и, еще дрожащий после душа, полуголый, воззрился на огненное Х в небе над Бродвеем.

«Я снимаюсь в порнофильмах», — сказала она.

— Так, отец Ланкастер?

Джон вскинул голову. Монсиньор смотрел прямо на него.

— Так? — в глазах Макдауэлла притаился гнев.

— Да, сэр, конечно.

— Мы занимаемся проблемой порнографии, — сказал Вандервольк. Как вам, должно быть, известно, сам мэр уделяет большое внимание этому вопросу. Но у этих людей ловкие адвокаты, которые чуть что прикрываются первой поправкой к конституции.

— Так наймите еще лучших адвокатов! — прогремел Макдауэлл. — Платите им больше! Я уже двадцать пять лет смотрю, как эта мерзость расползается подобно раковой опухоли! Прошлой ночью кто-то убил там людей. Должно быть, его свела с ума какая-нибудь шлюха с моралью крысы. Когда мэр соизволит убрать этот рассадник из моего прихода?

Джон поднес ко рту кусок рыбы, но остановился. Он долгим взглядом посмотрел на лицо монсиньора, и ему впервые почудилось, что за этим лицом скрывается другое, хитрое и лживое. Макдауэлл стукнул кулаком по столу так, что задребезжала серебряная посуда.

— Она была человеком, — вдруг сказал Джон.

— Что? Кто? — Макдауэлл непонимающе уставился на него.

Джон отложил вилку с недоеденной рыбой.

— Я говорю... все-таки она была человеком. Та убитая девушка.

— Вы что, ее знали?

Вот тут-то и рассказать бы ему про Дебру Рокс. Но Джон, как утопающий за соломинку, ухватился за свой бокал с вином, и желание пропало.

— Погрузить бы их всех на баржу и утопить в море! — вновь загромычал Макдауэлл. Может, хоть рыбы станет больше!

Джона подташнивало. Это от вина, подумал он. Запах Дебры Рокс вернулся снова — кто-то в двух столах от него распахнул красную обложку меню. Джон, казалось, истекал потом, воротничок вдруг стал слишком тесным и душил его. Внезапно в его сознание ворвался образ безликой Дебры Рокс и той, другой, девушки с двумя мексиканскими телохранителями. «Я схожу с ума», — беспомощно подумал он.

— Что вы говорите? — спросил Вандервольк.

— Я говорю... что-то от этого вина мне не по себе, — он не понимал, что говорит, и его пугало это новое, непривычное для него состояние. Рот его заполнил привкус чеснока, и он вдруг осознал, до чего это все нелепо: люди, рассуждающие о выделении средств на жидкий суп для бездомных за двадцатидолларовым обедом на китайском фарфоре. В этом было что-то глубоко порочное, и мысль об этом в сочетании с тающим образом обнаженной Дебры Рокс на пляже сводила его с ума.

— Куда они денутся? — спросил он, судорожно сглотнув слюну.

— Кто? — монсиньор подчищает свою тарелку корочкой.

— Эти женщины из домов свиданий. Куда они денутся, если мы все закроем?

— Не *если*, а *когда*, — Макдауэлл нахмурился. — Станный вопрос, Джон.

— Может быть. Но он возникает сам собой. Что с ними будет?

— Их заставят заняться чем-нибудь достойным. Важно то, что эту мерзость уберут с глаз долой.

— Я знаю, но... — он прервался, пытаясь найти нужные слова. — Мне кажется... следует понять тех женщин... и мужчин тоже... которые там работают. Одно дело сказать, что они займутся чем-то достойным, а другое — в самом деле найти им работу. Не думаю, что город выделит средства на переобучение проституток и стриптизерок, многие из которых, к тому же, наркоманки, — он встретил каменный взгляд Вандервольфа и повернулся к Макдауэллу, который застыл с куском хлеба у рта. — Они не станут католиками в одночасье, — он попытался улыбнуться, но лицо не двигалось. — Я хочу сказать, сэр... кто займется этими людьми, когда мы выбросим их вон?

Наступила тишина. Макдауэлл проглотил хлеб и запил его большим глотком вина.

— Ваш вопрос, — сказал он, — не к месту сейчас. Они сами выбрали свою судьбу, и мы за них не отвечаем.

— Не отвечаем? — в голосе Джона слышалось глубокое удивление, но в душе его оно было еще больше.

— Нет, — Макдауэлл поставил на стол бокал. — И вообще мы говорили о бездомных. Зачем касаться этой темы?

Никто не напомнил ему, что он сам ее коснулся. Разговор продолжался, но Джону никаких вопросов больше не задавали. И хорошо, потому что он всецело сосредоточился на изгнании образа Дебры Рокс из своего воспаленного воображения.

Я снимаюсь в порнофильмах.

Четыре

Джон проснулся в два ночи в холодном поту.

Он лежал, боясь пошевелиться, будто тело перестало слушаться его. Он попытался молиться, но тут где-то на Бродвее завывала полицейская сирена.

Молитвы не помогали.

Он попробовал вспомнить текст из хрестоматии. Иисус плакал. Иисус плакал. Иисус...

Святое Писание — жестокая вещь.

Он смотрел на отсвет на потолке, оставляемый проезжавшими по Валледжо машинами. Да, Библия — великая революционная книга, но до чего же жестокая!

Сексуальная жизнь Иисуса тщательно обходилась. Писали только о том времени, когда он узнал свое предназначение и последовал ему. Ничего не говорилось о том, что Иисус сомневался, каковы были его отношения с женщинами, интересовался ли он чем-либо, кроме спасения душ.

И это было странно, потому что Иисус — Бог, но ведь он и человек и, значит, сталкивался с теми же проблемами, что и любой человек.

Конечно, Джон знал, что во имя Христа было убито и замучено больше людей, чем во имя любой другой религии. Знал он и то, что христианство строго ограничивает сексуальную жизнь. Ветхий Завет писал о сексе в идиллических тонах, но вряд ли это имеет отношение к реальному миру, где люди вожделеют, и страдают, и жаждут по ночам прикосновения запретной плоти. «Терпи до брака», — требует Библия. Никаких прелюбодеяний. Веруй, будь крепок, не желай жены ближнего своего.

Джон отлично все это знал.

Но что говорит Библия о желании тела порнозвезды?

Он был девственником. Поначалу противиться желанию было трудно, но он преодолевал все соблазны чтением, молитвой, головоломками. Казалось, дверь порока закрыта, но теперь он подкрался с другой стороны — запретный и невероятно сладкий.

— О Господи, — прошептал он, — отгони эти мысли. Прошу Тебя... отгони их, — он знал, что Бог вряд ли ответит ему. Он пытался читать, но в памяти снова и снова возникала одна и та же картина: полные красные губы и медленно скользящий по ним язык.

Он не мог спать. Не мог даже постараться уснуть. Он встал, подошел к укрепленному на стойке велосипеду и начал бешено крутить педали.

На груди его заблестел пот. Почему ему так жарко? Он задвигал ногами быстрее, глядя на встающее на горизонте огненно-красное Х.

— Господи, — прошептал он и снова начал молиться, обращаясь к Богородице.

Но когда он опять поднял голову, огненный крест по-прежнему был там.

Он никогда раньше не знал, что он такой большой и такой яркий. Может быть, когда он смотрел на него раньше, в его душе закрывалась какая-то дверца, предохраняя его от темных страстей. Но теперь дверь была взломана, и внутрь его хлынули совсем не священнические мысли и чувства. Он закрыл глаза и продолжал крутить педали, пока не заболели легкие.

В полтретьего Джон мерил комнату шагами, как тигр в клетке. Самоудовлетворение, безусловно, было запретным. Онанов грех — один из худших. Он пытался сесть за головоломку, но вскочил через две минуты. Книги, телевизор — все было чужим. Его охватили стыд за свою похоть и гнев на то, что он не мог ей противиться. «Я же священник!» — подумал он в ужасе. А потом: «Но я мужчина». Нет, в первую очередь священник. Нет, мужчина. Священник... мужчина...

Что сделал бы Иисус в подобной ситуации?

На этот вопрос было не так просто ответить. Ближе к трем Джон решил пройтись. На свежий воздух, прочь от этой удушающей жары.

Он натянул черную рубашку, брюки и белый воротничок. Подумав, добавил теплый синий свитер и бежевую куртку. Прогулка освежит его и даст время подумать.

Может быть, он выпьет где-нибудь кофе. Джон вышел из комнаты, прошел мимо библиотеки, конференц-зала и квартиры Дэррила и отпер дверь на улицу. Выйдя, он осторожно, стараясь не шуметь, запер дверь на ключ.

Утренний ветер был зябким. Джон сунул руки в карманы и, опустив голову, пошел прочь от белой громады собора.

Он шел на восток по Валледжо, стуча ботинками по влажному тротуару. Сначала он хотел пойти в круглосуточную кофейню, но потом решил, что пить кофе рано. Сначала надо пройтись.

В уголке глаза у него мелькнуло что-то ярко-красное. Он сразу понял, что это.

И понял, куда он направляется.

Он свернул на Грант-авеню, горбясь от порывов ветра, и оказался у входа на Бродвей с его неоновыми рекламами и открытыми дверями,

с уже полусонной дробью барабанов. Он долго стоял на углу, глядя на эту враждебную территорию, куда не ступала нога слуг Божьих.

Потом он увидел среди множества вывесок одну, привлекающую его внимание. «Пасифика, кино для взрослых» оповещало огромными буквами: *«Животный жар. В ролях Дебра Рокс, Эрик Берк, Лайза Делав. Впервые на экране!»*

— Иди домой, — сказал он себе. — Ради Христа и святой Матери Его, иди скорее домой.

Ноги сами понесли его через улицу. У витрин прохаживались несколько человек. Один из них, увидев воротничок Джона, быстро ушел. Двое парней в кожаных куртках захихикали, но Джон не обратил на них внимания.

У кассы спал мужчина средних лет. С облегчением Джон понял, что нет нужды входить в зал — над кассой висел рекламный плакат фильма, позволяющий рассмотреть Дебру Рокс во всех подробностях. После этого он может идти домой. Ведь он хотел только утолить любопытство. Он взмолился, чтобы у Дебры оказалось уродливое лицо.

Но лица на плакате не было. Он изображал стройную черноволосую женщину спиной к камере. На ней был купальник цвета леопардовой шкуры, открывающий почти все. У ног ее в приступе страсти корчились трое мужчин.

Как я, подумал Джон. Он узнал Дебру Рокс: когда она выходила из церкви, у нее так же мягко изгибалась талия. Она напоминала статуэтку, вырезанную из дерева искусным мастером. Впечатление усиливал ее густой загар. И те же черные волосы. Он долго смотрел на плакат, потом перевел взгляд на окошечко кассы. Билет стоил пять долларов.

Он посмотрел на дверь. С виду она была самой обычной, но он знал, что если он войдет в нее, то будет проклят навеки. Прошло пять минут... десять. Он изнывал от желания увидеть лицо Дебры Рокс, чтобы поместить на него те кроваво-красные губы, что не давали ему покоя. И ее голос: *«Бог создал мир, значит, он создал и секс»*.

Может, все не так уж и страшно. Может быть, это самый обычный фильм... разве что немного откровенней.

Ему нужно посмотреть.

Он достал из кошелька пять долларов и постучал в стекло.

Мужчина вскинул голову и уставился на воротничок Джона:

— В чем дело?

— Один билет, — сказал Джон дрожащим голосом.

— Вы правда священник? Или это маскарад?

— Билет, пожалуйста.

— Это что, прикол? Как в «Скрытой камере?» — мужчина подозрительно оглянулся, ожидая увидеть операторов с камерой.

— Мне нужен билет, — его охватил ужас. К нему подошел какой-то человек в сером пальто, и Джон испугался, что его сейчас узнают. — Скорее, прощу вас.

Мужчина хмыкнул:

— Вот те раз! Ну что ж, папу я пустил бы бесплатно, значит, пушу и вас. Проходите, падре!

Джон положил деньги на окошко кассы и, дрожа от ветра, вошел в кино «Пасифика».

От самого входа он услышал стоны. В зале было темно и пахло попкорном. Он замер у порога, как вкопанный: на экране было что-то похожее на вскрытую брюшную полость. «Фильм про медицину!» — подумал он с удивлением, но тут камера отодвинулась, и он увидел голую женщину, оседлавшую такого же голого мужчину и медленно выгибающуюся в приступе сладострастия.

— Прошу прощения, — сказал мужчина в сером пальто, и Джон едва не упал, пропуская его.

Постепенно его глаза привыкли к темноте, и он разглядел в зале семь или восемь мужчин, явно поглощенных тем, что происходило на экране. Он ощупью отыскал свободное сиденье и присоединился к ним.

Женщина — у нее были черные волосы до плеч, густой загар и точеная фигура статуэтки, — продолжала двигаться вверх-вниз. Она была обращена к камере спиной, и лица Джон не видел. Его сердце громко стучало, по спине стекал пот. Откуда-то справа в кадр вошел еще один мужчина, растиравший в руках что-то вроде куска масла. Пока женщина продолжала стонать и ерзать, он зашел к ней со спины.

Мужчина, сидящий впереди Джона, повернул к нему улыбающееся лицо:

— Горячее чем в аду, правда?

Нервы Джона не выдержали. Он встал и выскочил вон. Вдогонку ему Дебра Рокс испустила такой протяжный стон, что у него желудок подкатил к самому горлу.

— Что, падре, не понравился фильм? — крикнул ему вслед билетер, но он даже не обернулся.

Щеки Джона пылали. Ужасная правда состояла в том, что фильм ему *понравился*.

Остановился он только через квартал. Мозг его был так воспален, что и сотня холодных душей не могла восстановить прежнее состояние. Ему хотелось плакать, но проклятая пульсация в паху не утихала, и с этим надо было что-то делать.

Внезапно он резко остановился. Слева от него был магазинчик с окнами, закрытыми алюминиевой фольгой. Вывеска гласила: «Книги для взрослых. Все фильмы на VHS и «Бета». Принимаем кредитные карты».

Опять неведомая сила подхватила его и толкнула в магазин.

Тут же он понял, что ад находится не в горящих пещерах под землей. Ад был здесь, в «Книгах для взрослых», в квартале от собора святого Франциска.

Шеренги журнальных обложек демонстрировали все возможные виды и позы секса — некоторые из них, как смятенно подумал Джон, были просто физически невозможны.

За прилавком, у которого сидел толстяк, курящий сигару, расположились... видимо, это были искусственные органы всех размеров и цветов. Джон смотрел на них, широко раскрыв глаза; у него не укладывалось в голове, как можно использовать эти вещи. Повернувшись, он увидел стеллаж, заполненный видеокассетами.

— Что угодно? — толстяк оторвался от портативного телевизора. Он заметил белый воротничок Джона, но на него это никак не подействовало. — Решили поразвлечься, святой отец?

— Нет, я... — он покачал головой. Все, что он видел, было грешно, но он сам пришел сюда и должен испить чашу до конца.

Он подошел к видеокассетам. Вот она, четвертая в третьем ряду «Неограниченные алмазы», в ролях Пам Эшли и Дебра Рокс».

Его пальцы сами взяли кассету с полки. На обложке была изображена улыбающаяся рыжая красotka, держащая в горсти алмазы. Ее обнаженные груди поразили Джона своими размерами. На кассете стояла цена 39.95. У него осталось всего тридцать долларов, а пользоваться картой со своей фамилией он никогда бы не посмел. — Сегодня торгуем за полцены, — сказал толстяк. — Распродажа.

О Господи. Джон провел рукой по мокрому лбу.

— Могу даже уступить за пятнадцать. Отличный фильм.

— Только заверните, прошу вас, — беспомощно сказал Джон.

— О чем речь? — толстяк взял у него двадцатку и выдал пять долларов сдачи. Он уложил кассету в пакет с надписью «Книги для взрослых у Вика». — Может, вас заинтересует? — Вик отодвинулся, чтобы Джон мог прочесть объявление: «В субботу, с 14.30 до 15.00! Встреча с Деброй Рокс!»

— Она играет в этом фильме. Настоящая звезда. Только что в «Пасифике» вышел ее новый фильм. Знаете, она ведь живет здесь, в Сан-Франциско! Только не знаю где. Если бы знал, я бы здесь не сидел, — он рассмеялся, роняя пепел с сигары.

Джон трясущимися руками взял пакет и вышел. Только шагах в десяти от магазина он осмелился вдохнуть полной грудью.

Вик тем временем встречал нового клиента. Это был светловолосый мужчина в ковбойских сапогах и длинном коричневом плаще.

— Не поверишь, парень! — сообщил Вик. — Только что отсюда ушел настоящий священник!

Вошедший облокотился на прилавок. Он, как замороженный, смотрел на объявление о встрече с Деброй Рокс.

— Я видел ее в «Суперплоти», — сказал он, глядя на Вика глубоко посаженными глазами, в углах которых были вытатуированы красные слезы. — Я люблю ее.

— Ага. Ты и еще десять тысяч таких же.

— Есть разница, — тихо, но убежденно заявил Трэвис. — Она тоже меня любит, — с этими словами он повернулся и вышел.

— Маньяк, — пробормотал Вик себе под нос и включил телевизор погромче.

Пять

Одержимость.

Вот что это такое, думал Джон, вынимая кассету из пакета. Пакет сам по себе был уликой, и его следовало разорвать на мелкие кусочки, а потом выбросить. Руки его продолжали трястись, пока он открывал крышку.

Одержимость.

Нет, просто это любопытство. Ему хочется увидеть лицо Дебры Рокс, а потом он выбросит эту кассету. И все, с этим будет покончено.

Он включил видеомэгнитофон и вставил в него кассету. Фильм начался без всяких титров, и на экране появилась уже знакомая рыжеволосая красотка, танцующая в набедренной повязке. Если бы ему сказали еще недавно, что в его телевизоре будет нечто подобное, он решил бы, что эти люди сошли с ума. Но вот оно, во всей красе, хотя пленка в фильме была зернистой и тусклой.

Джон пододвинул к телеэкрану стул и начал смотреть. Сюжета в фильме не было. Что-то про торговцев алмазами, но в чем суть, понять было невозможно из-за отвратительного освещения и еще худшего звука. Рыжая демонстрировала свои прелести трем торговцам, а потом все они вдруг набросились на нее и стали насиловать.

Сначала Джону казалось, что через пятнадцать минут такого зрелища он вскочит и с воплем бросится в храм каяться. Но понемногу им овладела странная сонливость. Совокупление человеческих существ превратилось в трение друг о друга кусков мяса. Ему почудилось, что все участники этой сцены тоже спят; глаза у них были закрыты, и бедра двигались с вялым автоматизмом. Заснул и оператор, потому что камера дергалась, а один раз даже уехала куда-то вбок.

Джон продолжал смотреть на экран, полуоткрыв рот. К счастью, трое мужчин закончили свой нелегкий труд. Рыжая легко вскочила, улыбаясь так, будто только что познала райское блаженство, и Джон увидел, что она не бреет волосы под мышками.

Ему наскучила эта пакость, и он уже хотел нажать на «стоп», когда сцена сменилась другой.

Женщина с густым загаром, черными волосами и телом, способным свести с ума ангела, лежала в постели с обнаженным мужчиной. Лицо ее отворачивалось от камеры, но она говорила, и Джон подпрыгнул на стуле. Это был тот самый хриплый голос Дебры Рокс.

Она начала спускаться к паху мужчины и повернулась к зрителям лицом.

Верхняя часть ее лица была закрыта карнавальной маской из перьев, но Джон увидел цвет ее глаз: угольно-серые. Ее волосы черными волнами вились по голым плечам, а груди... О Боже, ее груди были именно такими, как Джон надеялся — и боялся.

Однако маска мешала ему как следует разглядеть ее черты, потом ее полные губы потянулись к паху мужчины, и Джон подумал, что сейчас молния пройдет сквозь потолок и испепелит его на месте. Но все оставалось по-прежнему.

Губы Дебры Рокс двигались все быстрее, и мужчина довольно ухмыльнулся. Джон от всей души пожелал встретить его как-нибудь на улице, чтобы разбить ему голову кирпичом. Нет, конечно, он этого не сделает. Но почему этот мерзавец так улыбается?

Джон пододвинул стул ближе. Рот Дебры Рокс заполнил весь экран.

Я сейчас умру, подумал он. Прямо здесь. Утром они найдут вместо меня большую вонючую лужу и...

Дебра Рокс подняла голову и сказал мужчине:

— Я хочу побрить тебя.

Джон почувствовал, как по шее у него текут крупные капли пота. Дебра Рокс взяла бритву.

Воздух стал невыразимо горячим, будто его обожгло огненное дыхание Сатаны. Джон несколько раз судорожно втянул в себя воздух.

Дебра Рокс, не будь она порнозвездой, могла бы стать отличным парикмахером.

Когда сцена кончилась, Джон перемотал ее назад. Потом еще раз. Потом остановил кадр на ее лице в маске.

Ее прекрасные серые глаза смотрели прямо на него, влажные губы были слегка приоткрыты. Джон долго смотрел на ее лицо, утопая в липком поту.

Потом пришла дикая мысль: *«Я люблю ее»*.

Конечно, глупо. Он не знал ее. Нет, знал — быть может, куда лучше, чем этот ухмыляющийся свежевыбритый ублюдок. *«Я люблю ее»*, — думал он, прижав ладони к вискам и зная, что нужно как-то захлопнуть эту дверцу, пока он не сошел с ума. Он прокрутил фильм до конца на повышенной скорости. Дебра Рокс больше не появлялась.

Он перемотал пленку и выключил магнитофон. Пурпурные лучи рассвета пронизывали облака.

Он стоял у окна, глядя на красное Х.

Он чувствовал себя вымотанным, как будто сотню миль гнал на велосипеде по чужой, глухой местности. Хуже всего, что эта местность, оказывается, всегда была здесь, в квартале от его дома. Всего в квартале — и на неизмеримо далеком расстоянии.

Если монсieur Макдауэлл когда-нибудь узнает об этом, дыба и Железная Дева покажутся ему детскими игрушками. Но Джон добился своего — увидел лицо Дебры Рокс.

Он вспомнил объявление о субботней встрече, которое видел у Вика. С полтретьего до трех дня. Не может быть и речи о том, чтобы появиться там днем. Все кончено. В субботу Дебра Рокс будет у Вика, в двух шагах отсюда, но все кончено.

Джон упал в постель, не в силах раздеться. В мозгу его продолжало кружиться видение губ Дебры Рокс. О, касаться ее кожи, перебирать пальцами ее черные волосы, лежать в этих теплых объятиях... это, должно быть, небесное наслаждение.

С этими мыслями он уснул.

Шесть

Вскочив в кровати, он понял, что проспал.

Солнце палило во всю мочь. Уже часов десять или даже одиннадцать. В девять он должен был встретиться с отцом Стаффордом! Тряхнув головой, он посмотрел на часы. Десять сорок восемь. Он выпрыгнул из постели и побежал в ванную, ударившись плечом о дверной косяк. Небритый, и глаза как яйца в глазунье. Он наскоро почистил зубы, плеснул водой в лицо и поспешил в контору. По пути он вспомнил, что забыл запереть дверь. Ну и ладно; маловероятно, что у него что-то украдут.

Секретарша Дэррила, миссис О'Мерс, известила его, что отец Стаффорд пятнадцать минут назад ушел на собрание Католического клуба Норз-Бич в конференц-зал. Он должен был вернуться в половине двенадцатого.

Конференц-зал номер два находился на первом этаже. Джону нужно было как-то объяснить свое отсутствие, но миссис О'Мерс и так странно смотрела на него. Он знал, что нужно принять душ, побриться и сменить одежду, пока его не заметил монсиньор. Пробормотав слова благодарности, он поспешил к себе.

По пути в ванную он бросил взгляд на видеомагнитофон — свидетельство своего греха — и остолбенел. Магнитофона не было; на его месте белела какая-то записка.

Слова расплывались у него перед глазами. Почерк Дэррила.

«Привет, соня! Твой магнитофон в зале №2. Я хочу показать тридцати восьми старым девам фильм о крокусах. У тебя было не заперто, и я решил не дожидаться. С меня гамбургер».

Бумажка выпала из рук Джона. Он вспомнил, что забыл вытащить кассету. Теперь тридцать восемь старых дев увидят такие луковицы и клубни, что им и не снились...

— Боже! — прошептал он. В который уже раз за сутки ноги сами понесли его вниз. По пути, едва не упав с лестницы, он в полной мере понял поговорку «от дурной головы ногам покою нет».

Поскользнувшись на линолеуме, он влетел в дверь конференц-зала, и к нему повернулись тридцать восемь седых, пегих и рыжих голов.

У стены отец Стаффорд прилаживал видео к большому цветному телевизору. Телевизор был включен, и палец Дэррила тянулся к кнопке «пуск».

— Стой! — крикнул Джон так, что все пожилые леди подпрыгнули.

Палец Дэррила остановился в дюйме от кнопки.

— Что-нибудь срочное, отец Ланкастер?

— Да, то есть... нет, — он слабо улыбнулся дамам, многих из которых видел в церкви. — Доброе утро.

— Доброе утро, отец Ланкастер! — ответили они хором.

— Ты прочел мою записку? Не возражаешь?

— Нет! Нисколько! — Джон изобразил фальшивую улыбку.

— Вы пришли посмотреть фильм? — приветливо спросила старушка с голубыми волосами.

— Я думаю, отец Ланкастер уже его видел, — Дэррил нажал на кнопку.

На экране появились титры: «Крокус. Лучшее украшение весны. Текст Перси Веллингтона».

Джон уставился в телевизор, ничего не понимая.

— Думаю, мне надо кое-что тебе вернуть, — тихо сказал Дэррил. — Прошу вас, леди, смотрите, — с этими словами он вывел Джона в холл.

Отец Стаффорд распахнул плащ и достал из внутреннего кармана кассету под названием «Неограненные алмазы». Он держал ее двумя пальцами, как дохлую крысу.

Первым побуждением Джона было сказать, что он в первый раз видит эту пакость. Но от этого на душе у него стало бы еще тяжелее. Он взял кассету из пальцев Дэррила.

— Слава Богу, что ты не включил ее в клубе.

— Это оживило бы заседание, — хохотнул Дэррил, но глаза его оставались серьезными. — Хочешь сказать что-нибудь, Джон?

— Я... — с чего начать? Он прервался, сделав глубокий вдох. — Я утром ходил на Бродвей и купил там это.

— Продолжай.

— Еще я заходил в кино. Для взрослых.

— Я понимаю, что не на диснеевский мультфильм.

— Но я смотрел его только минуты две. Потом ушел. — Минуты две? Но ты видел... ты понимаешь?

— Да. И на этой пленке тоже. Мне и не снилось, что такое возможно! Можешь считать меня наивным, но... зачем там продают искусственные члены длиной в два фута?

— Не знаю, — Дэррил пожал плечами с невинным выражением лица. — Но ты был возмущен?

— Конечно! Но это... это ведь совсем другой мир! Мир, где все продается, абсолютно все. Я не могу поверить, что такое возможно.

— Тебе понравилось?

— Что?

— Понравилось? — повторил Дэррил. — Тебе хочется сходить туда еще раз?

— О Боже, конечно, нет! — Джон потер лоб. Нужно сказать правду, каковы бы ни были последствия. — Да. Мне понравилось. И я хочу туда вернуться.

— Это уже хуже, — серьезно сказал Дэррил.

Сейчас Джон опять мог рассказать про Дебру Рокс. Он уже начал, но что-то его остановило. Она ведь исповедалась ему. Он не может раскрыть тайну исповеди.

— Что бы ты сделал на моем месте? — спросил он.

Дэррил задумался:

— Видишь ли, я мог бы пойти в эти кинотеатры и магазины с распятием, чтобы изгнать оттуда злых духов, но я не сделаю этого. Я священник, но я и мужчина, и я знаю свой предел. Поэтому я стараюсь не поддаваться искушению.

— Ты имеешь в виду, что эти места побеждают твою силу воли?

— Не обязательно. Просто... Я провожу жизнь в трудах Божьих и учусь доверяться душе, а не, извини за грубость, требухе. Зов пола — коварная штука, и он просыпается в самое неподходящее время. Поэтому я учусь, и молюсь, и стараюсь не открывать себя искушениям.

— Но это в нашем приходе. Я подумал... что мы должны знать, что там происходит.

— И что мы там будем делать? Раздавать Библии? Молиться у входа в бордели? Нет. Эти люди зашли слишком далеко, чтобы услышать нас. Там властвуют два бога — Доллар и Наркотик, и Христа там не ждут.

— Нужно попытаться. Я имею в виду... — но он не знал, что он имеет в виду.

— И нас самих пожрет грех. Сатана знает, что эти люди принадлежат ему, и что мы, если придем туда, окажемся в страшной опасности.

— Ты считаешь, что я в страшной опасности?

— Да, — ровным голосом произнес Дэррил.

Джон знал, что его друг прав.

— И что же мне делать?

— Во-первых, выкинь эту кассету. А еще лучше сожги. И ради Бога, ничего не говори монсиньору. А потом прими холодный душ и начинай переписывать Библию от руки.

— Зачем?

Дэррил пожал плечами:

— Не знаю, но монахам это обычно помогает.

Джон вышел из здания и подошел к зеленому мусорному баку. Он вырвал пленку из кассеты с яростью убежденного дьяволоборца. Ему пришло в голову, что он уничтожает единственное изображение Дебры Рокс, но это замедлило его работу лишь ненадолго. Разорвав пленку, он вдавил ее в кучу мусора.

И увидел там, рядом с жестянкой из-под бобов голубенький буклет магазина для взрослых Вика. «Распродажа за полцены! Лучшие фильмы года! Эротическая звезда Дебра Рокс встретится с вами в субботу с 14.30 до 15.00!»

Эротическая звезда. Это лучше, чем «королева порно».

Его рука испачкалась бобами. Он вытер ее о буклет и захлопнул крышку бака.

Семь

Пришла суббота. В минувшие двое суток в квартире Джона Ланкастера часто шумел холодный душ. Да, он уничтожил кассету, но выкинуть соблазнительные образы из памяти оказалось не так легко.

Он обедал с монсиньором Макдауэллом и отцом Стаффордом. Потом монсиньор уехал на рыбалку, а Дэррил — к своей матери в Окленд. Джон остался у себя читать главу о Божественном провидении; он пережевывал каждую фразу, как жесткий кусок мяса, но знал, что ни себя, ни тем более Бога одурачить не удастся. Каждые несколько минут он поднимал голову и смотрел на часы на каминной полке.

В два пятнадцать он закрыл книгу и начал молиться.

Потом его взгляд упал на велосипед. Вот оно! Снять его со станины и проехаться. Недалеко — всего-навсего до книжного магазина Вика. Да! Именно это ему и нужно!

Джон почистил зубы и оделся для велосипедной прогулки. Теперь на нем были линялые джинсы, рубашка навыпуск и коричневый шерстяной свитер. Воротничок лучше не надевать. Он управится за час, даже раньше. Он надеялся, что Господь поймет и простит ему эту маленькую разрядку. Дэррил вернется минут через сорок, так что будет кому остаться в церкви. Джон надел старые кроссовки и отверткой вывернул шурупы, удерживавшие велосипед. Потом надел ветровку и вместе с велосипедом спустился вниз.

Часы показывали два двадцать семь.

Он поехал на запад, потом на север и опять на запад. День был солнечным и прохладным, но на улице хватало и пешеходов, и машин. Обезжая пробки, Джон ехал вперед, где ждала его Дебра Рокс.

Он поглядел на часы. Два сорок. Она уже там. Говорит с мужчинами своим хриплым голосом с южным акцентом. Улыбается им. Он быстрее закрутил педалями. Должно быть, на ней то самое красное платье в обтяжку, и она так же облизывает нижнюю губу,

чтобы завести еще какого-нибудь болвана. О Боже! Он надеялся, что Вик хотя бы убрал со стены эти громадные члены. Это может ее шокировать.

Он невесело усмехнулся своим мыслям. Конечно же, это глупо. Такие штуки наверняка не в новинку для Дебры Рокс. Она... она знает, для чего их используют.

Он нажимал на педали, а часы между тем показывали уже два сорок пять.

День был отличный. Особенно для велосипедной прогулки. Такой свежий воздух...

Он почуял ее запах и едва не врезался в обочину. Тише, дурак, ты же убьешься!

Внезапно ему в голову пришла пугающая своей четкостью мысль: если он не увидит Дебру Рокс до трех часов, он не увидит ее уже никогда. И всю оставшуюся жизнь будет просыпаться по ночам и мучительно думать о том, как же все-таки выглядит ее лицо.

Глаза его наполнились слезами. Он промчался мимо какого-то прохожего, едва не сбив его с ног.

Его сила воли не просто разбилась на куски — она исчезла, как и не было.

Без десяти три.

Велосипед выехал на Бродвей.

Его легкие мучительно ныли. По спине текли струйки пота. Ноги крутили педали все быстрее и быстрее. На перекрестке он проскочил на красный свет и услышал позади пронзительный свисток полицейского.

Без семи три.

Он свернул в переулок, выехал с другого конца на Филберт-стрит и понесся на юг, лавируя между машинами и пешеходами.

Без четырех три.

Не успею, подумал он в панике. Я слишком поздно выехал. Слишком поздно...

Он выехал на Бродвей и поспешил дальше к востоку, уже видя в небе над собой огненное X. Он быстро поглядел на часы: без двух минут три.

Прямо перед ним возникла женщина с продуктовыми сумками.

— Осторожнее! — крикнул он, свернул и тут же изо всех сил надавил на тормоза, чтобы не въехать в стеклянную витрину китайского рестораника. Чудом он не оказался среди выставленных в витрине жирных уток по-пекински, но скорость была потеряна. Еще немного — и он увидел толпу людей у магазина Вика.

Он тяжело дышал. Если бы не ежедневные тренировки, ему бы ни за что не доехать так быстро. Но где же она? Было без одной минуты три.

Внезапно толпа расступилась и освободила дорогу молодой черноволосой женщине в белом платье с блестками и в солнечных очках.

Джон затаил дыхание.

По тому, как она шла, было видно, что она знает, что на нее смотрят, и наслаждается этим. Ее черные волосы волнами падали на плечи, оттеняя белизну платья. Она была полногрудой, с тонкой талией и стройными длинными ногами. Даже с такого расстояния Джон видел ее ярко накрашенные губы.

Она переходит улицу, подумал Джон.

Но тут на обочину выехал белый «роллс-ройс». Один из мужчин открыл ей дверцу, и, помахав собравшимся рукой, она села на заднее сиденье. Мужчина — смуглый, в коричневой кожаной куртке тоже сел в машину вместе с другим, в хлопчатобумажном пиджаке.

«Роллс-ройс» отъехал и влился в поток движения, направляясь на восток. Мужчины у магазина махали ей вслед, восхищенно улыбаясь, как дети. Потом они начали расходиться. Дебра Рокс исчезла.

Еще нет, подумал Джон. Еще нет.

Он видел впереди белый автомобиль, скованный субботним потоком машин. В голове Джона не было никаких мыслей, кроме одной: ехать за ней и еще хоть раз взглянуть в ее лицо.

«Роллс-ройс» свернул на Монтгомери-стрит и поехал к Койт-тауэр. Джон потерял его из виду, но через два квартала догнал в новой пробке. «Роллс» повернул на запад, неотступно преследуемый Джоном.

На Юнион-стрит «роллс» остановился. Джон свернул в тень и слез с велосипеда.

Двое мужчин и Дебра Рокс вышли. Они подошли к другой машине: темно-зеленому старенькому «фиату», стоящему неподалеку. Мужчина в пиджаке зажег сигарету и дал ей. Потом другой отсчитал несколько купюр из кошелька и вложил их в ладонь женщины. Она взяла их, и тогда он, улыбаясь, потрепал ее по щеке.

«Убери руку, ублюдок», — подумал Джон.

Дебра Рокс стряхнула его руку и сказала что-то, от чего все рассмеялись. Она отомкнула дверцу «фиата» и села за руль, сверкнув на мгновение загорелым бедром в вырезе платья. Заработал двигатель, и машина Дебры тронулась с места и поехала прочь.

Джон отчаянно нажал на педали.

Она ехала быстро и хорошо знала эти кривые узкие улицы. Он совсем уже потерял ее в скопище административных зданий и контор на Норз-Бич, но она остановилась у обочины купить «Кроникл». Дальше она поехала медленнее, явно приближаясь к цели.

Наконец «фиат» остановился возле старого темно-красного дома. Джон слез с велосипеда и притворился, что проверяет шину. Дебра Рокс вышла из машины, заперла ее и вошла в дом.

Вот где она живет. Всего в двух милях от собора святого Франциска, но ноги его ныли, как будто он проехал миль двадцать пять. Он поднял голову и начал разглядывать здание. Внезапно в одном из окон третьего этажа поднялись бамбуковые жалюзи.

На подоконнике стояли горшки с чахлыми кактусами.

С бьющимся сердцем Джон отступил в тень, продолжая наблюдать за окном. С места, где он стоял, были видны залив и разноцветные паруса яхт на его глади. Пахло морем, и он подумал, что в таком месте и должна жить Дебра Рокс.

Он вошел в подъезд. В маленьком вестибюле висели почтовые ящики с фамилиями жильцов: шесть ящиков, шесть квартир. Его взгляд скользнул по ним: Р.Риджли, Дуг и Сьюзен Макнабб, Дж. Мейер, Дуэйн Младенч, К. и Т. Канди, Д. Стоунер.

Д. Стоунер.

Дебра Рокс?

Д. Стоунер жила в квартире 6. Возможно, это именно та квартира на третьем этаже.

Пока он думал об этом, сверху раздался чьи-то шаги. Он быстро вышел на улицу и вместе с велосипедом укрылся в подворотне. Это была она. Уже не в белом платье с блестками, а в линялых джинсах, кроссовках и красном мохнатом свитере. Волосы ее были стянуты сзади в хвост, и от прежнего облика остались только темные очки. Он ожидал, что она сядет в «фиат», но она сунула руки в карманы свитера и быстро пошла куда-то вниз к Заливу.

Он подождал, пока она отойдет подальше, сел на велосипед и поехал следом.

Она свернула на Бейли-стрит. Гуляет или идет куда-то по делам? На плече у нее была потрепанная сумка с кожаной лямкой, и Джон заметил, что походка у нее изменилась: все еще сексуальная, она стала более скромной, естественной. Шла она уверенно, широкими шагами: походка женщины, привыкшей заботиться о себе самостоятельно.

На углу расположился маленький магазинчик с простым названием «У Гиро на углу». Женщина вошла внутрь, и дверь захлопнулась.

Он понял, что момент настал. Может быть, это его единственная возможность оказаться с ней рядом. Он хотел всего лишь бросить взгляд на ее лицо и вдохнуть в последний раз ее запах. Потом он уйдет, и все будет кончено. Он просто пройдет мимо, и она никогда не узнает, что исповедовалась ему и плакала по убитой подруге.

Он поставил велосипед возле магазина и вошел.

Внутри выстроились в ряд полки с бакалеей. Пахло итальянской сдобой — похоже, в здании размещалась и пекарня. Деревянные половицы поскрипывали под ногами Джона.

— Прощу вас! — сказала седая голубоглазая женщина с приветливой улыбкой.

— Благодарю, — он огляделся, не видя женщины. Над кассой висело объявление: «Ежемесячная лотерея у Гиро! Это можете выиграть Вы!» И крупно, красным фломастером: «Номер 764!»

Джон прошел вглубь магазина, протиснувшись мимо толстой тетки в зеленом плаще. Двое бритых наголо панков в кожаных

куртках топтались у секции вин; один из них вблизи оказался девушкой, но Джон искал другую. Наконец он разглядел за полками ее хвост и устремился туда.

— Марша! — позвал кого-то невидимого лысый мужчина в грубом свитере. Я нашел рыбные палочки!

Джон обогнул ряд полок и увидел ее у корзины с персиками. Она поглядела в его сторону, и он схватил первое, что попало ему под руку: громадный огурец. Отбросив его, он в замешательстве начал изучать коробку с кормом для попугаев. Дебра Рокс положила в пакет четыре персика и направилась к пирамиде ячеек с яйцами.

Джон глубоко вдохнул. От нее так же пахло корицей, как тогда в исповедальне. А может, пахла настоящая корица, палочки которой лежали на полке рядом с ним. Когда он осмелился снова поднять глаза, ее уже не было.

Ее кроссовки простучали по направлению к кассе. Он бросился следом, столкнувшись по дороге с уже знакомыми панками. Между полком мелькнул красный свитер, и голос женщины у кассы сказал:

— Все взяла, Дебби?

Она ответила голосом, от которого у него внутри все перевернулось:

— Да. Хотя подождите. Нужно взять немного отрубей.

И тут, когда Джон быстрыми шагами подходил к кассе, он и вступил впервые в непосредственный контакт с Деброй Рокс.

Восемь

Он врезался в нее, и от неожиданности они оба отшатнулись.

— Черт! — воскликнула женщина, роняя картонку с яйцами. Сверху в яичное месиво шлепнулись бутылка подсолнечного масла и коробка с печеньем.

Джон Ланкастер налетел на полку с книгами, и они полетели во все стороны. Пытаясь удержаться от падения, он ухватился за блоки сигарет и уронил их в общую кучу. Сам он сел на задницу рядом, весь красный от стыда.

— Ты... чертов идиот! — закричала Дебра Рокс. — Смотри, что ты наделал! Разбил все яйца!

— Простите... Мне очень жаль, — забормотал Джон. — Я не хотел...

— К черту! — она нетерпеливо махнула рукой, оглядываясь на кассу, где панки пробивали шесть бутылок вина. Сзади них встала толстуха с большой сумкой. — Из-за тебя пропустила очередь! — он не видел ее глаз за стеклами очков и, может быть, к лучшему: их гневное выражение могло разбить его сердце.

— Позвольте, я вам помогу, — он поднял картонку с яйцами, из которой текла желтая жидкость.

— Отстань! — она подняла масло и печенье и пошла за новой картонкой.

Джон остался сидеть среди сигарет и разбитых яиц. Оглянувшись, он увидел вокруг десять—двенадцать блоков «Лаки страйк». Лаки... счастливый. Да уж, счастливый денек! Он увязался за порнозвездой, разбил ее яйца и сидит здесь, выслушивая ее проклятия. Он почувствовал отвращение к себе. Самое время встать и отправиться домой. Увидел Дебру Рокс и довольно.

Парень-латиноамериканец, сердито глядя на Джона, начал убирать грязь на полу. Джон встал, отряхнулся и подошел к кассе, где стояла Дебра. Он не поднимал глаз, но тут она окликнула его:

— Эй, у тебя на заднице яйца!

Не отвечая ей, он быстро вышел.

— Видали? — она обращалась к Анне, жене Гиро. — Изгадил весь магазин и ничего даже не купил!

— Похоже, он под кайфом. Пускай лучше уходит.

— Да, таких тут все больше, — согласилась она, глядя, как Джон медленно садится на велосипед. Она достала кошелек и начала отсчитывать деньги.

— Как работа? — спросила Анна.

— О... отлично. Получила роль в мыльной опере. Может быть, придется ехать в Нью-Йорк. И еще снялась в рекламе.

— Правда? И в какой же?

— Да так, ерунда. Я просто сижу за столом, а муж и дети расписывают, как я прекрасно готовлю. Вы даже и не заметите эту рекламу. К тому же, это сплошное вранье, — она кивнула на полдюжины готовых обедов, которые Анна укладывала для нее в пакет.

— Знаешь, в следующий уик-энд приезжает племянник Гиро из Сакраменто. Помнишь, я показывала тебе его фото?

— Помню. Красивый молодой человек.

— Если хочешь, я вас познакомлю.

Она нахмурилась:

— В следующий уик-энд? Я должна быть на автошоу в Анагейме. Договорилась еще два месяца назад. Мне очень жаль.

— Ну все равно я тебя с ним обязательно познакомлю. Такой молодой красивой девушке нужен постоянный кавалер.

— Да-да, — согласилась она, забирая пакет. — Всего хорошего, — выходя, она толкнула металлический рычажок, присоединенный к счетчику на прилавке. Счетчик, показывавший до того 763, сдвинулся на одно деление — и зазвонил звонок.

Дебби подпрыгнула, едва не подумав: «Что за херня?» Но она уже знала, хотя никогда не выигрывала в этой лотерее и не надеялась выиграть.

— Эгей! Посмотри-ка! — радостно воскликнула Анна. — Знаешь, Гиро, кто выиграл на этот раз? Наша красавица Дебби Стоунер!

— Я... никогда в жизни ничего не выигрывала! — Дебби была ошарашена.

— Значит, это твой счастливый день! — Анна открыла кассу и выдала ее выигрыш: сто пятьдесят долларов. Гиро, худощавый мужчина с седой шевелюрой, вышел вперед с «полароидом»:

— Дебби, стань-ка сюда! — он указал на висящую на стене белую простыню с надписью «У Гиро на углу» и прикрепленными снимками прежних победителей. — Давай, красивый будет снимок.

Дебби выглянула в окно. Человек, который толкнул ее, был уже на вершине храма. Она увидела, как он слез с велосипеда и начал растирать ноги. А ведь если бы не он, она бы ничего не выиграла!

— Становись, Дебби, — Гиро показал на красный крест на полу перед простыней. — Иними свои очки.

Она заколебалась:

— От вспышки у меня заболят глаза.
— Да нет здесь никакой вспышки! Давай-давай, ты же такая красивая!

Она медленно сняла очки. На ее загорелом, широкоскулом лице выделялись большие темно-серые глаза с синими искорками, горящие напряженным внутренним огнем.

— Теперь улыбнись, — потребовал Гиро.

Ее губы, с которых была теперь смыта помада, изобразили слабую улыбку.

— Пошире, — настаивала Анна.

«Я могу так улыбнуться, что ваш аппарат разорвет», — подумала Дебби. Но ей нравились эти люди, и она меньше всего хотела так шутить с ними. Она послушно улыбнулась, и Гиро нажал на кнопку.

— Джулиус влюбится в тебя, как только увидит это фото! — приговаривала Анна.

Дебби опять выглянула в окно. Велосипедист скрылся из виду. У нее защемило сердце.

— Ладно, мне пора. Большое спасибо, — подхватив деньги и сумки, она быстрым шагом пошла к двери.

— Не клади все деньги в одно место! — крикнул ей вслед Гиро, но она уже бежала по Рафаэль-стрит.

— Какая милая, — вздохнула Анна. — Хорошая достанется кому-то жена.

— Надеюсь, что Джулиусу. Ладно, посмотрим, что тут у нас, — Гиро раскрыл поступившую уже час назад пачку журналов и просмотрел. Обычный набор: «Ридерз дайджест», «Атлантик манзли», «Лук».

— А эта дрянь зачем? — Анна ткнула пальцем в один из журналов.

— Затем, что их покупают, — Гиро отложил в сторону шесть номеров «Обзора фильмов категории X». На обложке одного из них было написано: «Звезды сезона! Санни Ханикат! Дебра Рокс! Гизела Пэрис!»

Дебби пять раз в неделю посещала занятия по аэробике. Добежав до вершины холма, она увидела светловолосого человека на велосипеде в шестидесяти футах внизу.

Ноги Джона все еще болели. Он разминал икры, пока боль немного не утихла. Предстояла долгая и тяжелая дорога домой. Может быть, он заслужил эту боль. Может, это Господь напоминал ему о пути, который он избрал и с которого чуть не сошел. Он едва не заплакал.

— Эй, подожди!

Ее голос. Он узнал бы его где угодно. Он оглянулся и увидел, что она бежит к нему мимо викторианских особняков Рафаэль-стрит.

— Я? — все, что он смог сказать.

— Кто же еще? — резонно спросила она, потряхнув волосами.

Время, казалось, замерло. Живи он еще хоть сотню лет, он не забыл бы, как Дебра Рокс медленно двигалась к нему в лучах октябрьского солнца.

— Хочешь палец с маслом? — спросила она.

— *Что?*

— «Баттерфингер», — она порылась в сумке и протянула ему конфету.

Он не знал, покраснел он или побелел, но у него хватило сил сказать «спасибо».

— Это мои любимые. Раньше я еще любила «Элмонд Джойс», но теперь они что-то добавляют в кокосы, и вкус уже не тот.

Все казалось ему нереальным. Голова кружилась, а ноги ныли так, что он сомневался, сможет ли он добраться до собора. Она молча смотрела, как он дрожащими пальцами разворачивает конфету.

— Как тебя зовут?

— Джон, — ответил он, не успев подумать.

— О, редкое имя! — она улыбнулась. Улыбка ее была совершенной, словно выведенной кистью художника. — А дальше?

— Что? — в замешательстве он вдруг вспомнил блоки сигарет в магазине. — А-а. Лаки.

Ее улыбка сделалась шире:

— Врешь.

— Почему? Разве это плохая фамилия?

— Джон Лаки, — повторила она, покачив головой. — Странный сегодня день.

— Для меня тоже.

— Лаки. А что, неплохо. И тебе подходит, правда?

Джон пожал плечами, не в силах отделаться от ощущения, что ее глаза за темными очками разбирают его на кусочки. В любой момент она могла спросить: «Ты ведь тот святоша из церкви?»

Но вместо этого Дебра Рокс сказала:

— Я живу в квартале отсюда, — и просто повернулась и пошла по улице. Джон остался стоять рядом со своим велосипедом, когда она обернулась:

— Ну, ты идешь... Лаки?

Он знал, что настал момент для решительного шага. Иногда к таким шагам готовишься и можешь легко ими управлять. Но чаще они приходят без предупреждения, в ситуациях, которые никогда больше не повторяются. Вопрос повис в воздухе, как созревший плод. Он подумал: «А ведь я видел ее половые органы», — и почувствовал себя каким-то вуайеристом, подглядывающим в замочную скважину. Да он и есть вуайерист. Гнусный, мерзкий.

— Если хочешь, я буду рада, — просто сказала она и опять пошла прочь.

Через пару секунд она услышала то, что ожидала — шуршание велосипедных колес.

Девять

Дебра Рокс отперла дверь своей квартиры на третьем этаже, и Джон переступил порог.

В квартире не было ни грязно, ни захлавлено. В маленькой комнате стояли диван, пара стульев и кофейный столик. На стенах — не плакаты порнозвезд, а вставленные в рамочки фото восходов и закатов. Из окна был виден кусочек залива; море в лучах вечернего солнца отливало медью. В комнате пахло специями или ароматическими свечами. Больше всего Джона удивило обилие кактусов — кроме тех, что он видел на подоконнике, по комнате было расставлено не менее пятнадцати зеленых уродцев в горшках.

Она отнесла пакеты с провизией на кухню и вернулась. — Видишь, как я люблю кактусы?

Он кивнул.

— Они крутые. Растут, даже когда о них никто не заботится. Тебе нужна цепь?

— Извините?

— Цепь. Для велосипеда, — Джон оставил его внизу. — Привяжи его, иначе сопрут, — она сняла очки, и Джон с бьющимся сердцем уставился на ее лицо. Она мельком поглядела на него и достала из шкафа цепочку с замком. — И лучше сделай это побыстрее.

— Да. Сейчас, — он взял цепочку и почувствовал, как между пальцев их встретившихся рук пробежал электрический разряд.

— Ты живешь где-то неподалеку? — спросила она, доставая из пакета готовые обеды.

— В общем, да.

Ответ, казалось, удовлетворил ее. Джон на негнущихся ногах спустился по лестнице и подошел к велосипеду, держа в руке цепочку. На улице начинало темнеть. Он вспомнил, что утром месса, и он должен молиться и готовиться к совершению таинства. Настал момент — последний момент, — уйти отсюда и вернуться в собор.

Она была наверху. Ждала его. Да, его одного. Больше этим вечером на ее диване не было никого: только он, и она, и фильм, который они снимут вместе.

Он оборвал эти мысли. Если он посмеет провести ночь с этой женщиной, он свергнет их обоих в вечный адский костер!

Но внезапно ему показалось, что и сама жизнь является адом — страданием по безлюдным, холодным пустыням. Они с Деброй Рокс уже живут в аду.

Джон приковал велосипед к лестнице и твердым шагом снова поднялся наверх.

Она открыла банку тунца и выкладывала куски в коричневую мисочку.

— У вас есть кот?

— Нет. Ненавижу кошек. От них у меня болит голова.

— Эй, Единорог! — позвала она кого-то из другой комнаты — по-видимому, из спальни. — Обед готов! — она поставила миску на пол кухни. Никто не появлялся. — Ладно, придет, когда проголодается. Тебе ветчину или индейку? В микроволновке сготовится в две минуты.

— Дебр... — он осекся, вспомнив, что в магазине женщина у кассы называла ее «Дебби». — Дебби, почему вы пригласили меня к себе?

Она вдруг напряглась. Глаза ее стали похожи на горячие асфальтовые озера.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Та женщина у Гиро... называла вас по имени.

Она несколько секунд смотрела на него в упор. Потом ее лицо смягчилось, но осталась настороженность зверя, учуявшего ловушку.

— Ладно. Поверим. Ты ведь не сделаешь мне ничего плохого.

— Нет! Что вы? — воскликнул он, расширив глаза.

— Вот и отлично, — похоже, он говорил искренне. Лицо у нее расслабилось окончательно, и она отступила от того отделения шкафа, где хранились ножи.

— Вы не ответили. Зачем вы пригласили меня? Я имею в виду... вы даже меня не знаете.

Дебра открыла ветчину для себя и для него, пожав плечами:

— Наверное, это интуиция.

— Интуиция?

— Я выиграла лотерею у Гиро, — объяснила она. — Гиро каждый месяц вытаскивает из барабана номер, и тот покупатель, которому этот номер достанется, выигрывает сто пятьдесят баксов. Я хожу к Гиро уже четыре года, а выиграла только сегодня.

— А я тут при чем?

— Видишь ли, — начиная говорить, она сняла свои темные очки и распустила волосы, которые темной волной хлынули ей на плечи с такой внезапностью, что Джон едва не вскрикнул. — Если бы ты

не толкнул меня, я не пропустила бы очередь. А тогда счастливый номер достался бы кому-то другому. Понимаешь? — ее белозубая улыбка сверкнула на фоне загара.

— Кажется, да.

— И потом, тебя зовут Лаки. Я подумала, что это знак.

— Знак чего?

Она удивленно поглядела на него:

— Знак, что теперь у меня все будет хорошо. Я уже так подумала, когда выиграла. А потом ты назвал мне свою фамилию.

— Понятно, — новая тяжесть легла ему на душу. Зачем он солгал ей?

Она открыла холодильник, чтобы убедиться в наличии там бутылки белого вина.

— Я родилась третьего ноября. А ты?

— Одиннадцатого марта, — он подошел к окну, думая о том, что же все-таки происходит в этой комнате с сумасшедшей скоростью.

— Вот! Я так и знала, что это не простое совпадение!

— Что?

— Мы из одного тригона! — торжествующе заявила она. — Скорпион и Рыбы! — увидев его непонимающее лицо, она нахмурилась. — Ты что, не читал свой гороскоп?

— Нет.

— Ладно, я говорю тебе, что мы из одного тригона. Стихия воды, — она достала из буфета два лучших бокала.

Нужно было что-то сказать, и он задал вопрос, о котором тут же пожалел:

— Лебби, чем вы занимаетесь?

— Это в смысле работы?

— Да.

— Я артистка. Реклама и все такое. Иногда снимаюсь в кино, но чаще для телевидения. Недавно рекламировала вот это вино, потому мы сейчас его и пьем.

Его сердце болело сильнее, чем когда-либо раньше. От наигранного подъема в ее голосе ему захотелось плакать.

— Бери, — сказала она. Он взял бокал и отпил из него, стараясь не встречаться с ней глазами. Он боялся того, что мог увидеть. — Знаешь, я прямо сейчас снимаюсь в одном фильме! — Джону показалось, что теперь ее воодушевление сделалось искренним. По крайней мере, отчасти.

— Мой агент, Солли Сапперстайн, сейчас в Эл-Эй и должен вот-вот вызвать меня на пробы. Это судия «Брайт Стар», они снимают обалденные фильмы. Смотрел «Разрушенную дорогу»?

— Я мало хожу в кино.

— Парень, ты, похоже, с другой планеты! — она рассмеялась; звук напомнил Джону журчание ручья по нагретым солнцем камням. А чем ты занимаешься?

— Я... — он замялся. Скажи ей правду, сукин сын! — Я занимаюсь связями с общественностью.

— Что ж, я тоже... в своем роде. Хочешь есть?

— Да. Это было бы кстати.

— Извини, что ничего не приготовила. Сама питаюсь этими гребаными замороженными обедами. Вкус у них дерьмовый, но...

— Прошу вас, не богохульствуйте.

Дебби застыла с упаковками ветчины в обеих руках. Что-то в том, что он говорил, казалось ей знакомым. Кто-то уже говорил ей такие вещи, но кто, она не помнила. А-а, к черту! Она посмотрела на его тень на полу в мягком золотистом свете.

— Странный ты какой-то.

Откуда-то снизу раздался шуршащий звук. Поглядев вниз, Джон увидел краба величиной с тарелку, проворно бегущего по линолеуму к миске с тунцом.

— Это мой Единорог, — сказала Дебби. Отложив ветчину, она нежно погладила краба по шипастому панцирю. — Я его так зову, потому что он храбрый и благородный. Правда, здорово?

Она рассмеялась, и Джон был вынужден присоединиться к ней, хотя его не так восхищала мысль о крабе в роли домашнего животного. Ветчина разогрелась, и они сели за круглый стол в кухне. Она ела быстро, будто боялась, что у нее отберут тарелку. При виде еедвигающихся губ у него заныло в паху; он вспомнил ее лицо в фильме. Поерзав на месте, он спросил, откуда она родом.

— Из Луизианы. Городок Де Риддер, между Мерривиллом и Шугартауном, — то, как она это сказала, свидетельствовало о ее нежелании говорить на эту тему.

Он сдвинулся на стуле и поморщился от боли. Ноги снова начали болеть.

— Вставай, — сказала она, закончив есть. — Нужно с этим разобраться.

— С чем?

— С твоими ногами. Вижу, ты перекатался на велосипеде. Давай, вставай.

Он встал.

— Спусти-ка штаны, — она направилась на кухню.

— Нет. Эй, подождите! — он увидел, как она возвращается с бутылкой оливкового масла. — Что вы хотите делать?

— Небольшой массаж. Снимай штаны и ложись на ковер, — она сняла с дивана подушку и дала ему. — Вот, подложи под голову.

— Не надо. Со мной все в порядке.

— Нет. Тебе больно, я же вижу.

Он взглянул на ее сильные загорелые руки, потом на бутылку с маслом. Бежать отсюда! Немедленно! Но он остался стоять, где стоял.

— Вы не должны этого делать.

— А мне хочется, — прежде чем Джон успел ей помешать, она нагнулась и расстегнула молнию на его брюках. Он подпрыгнул от огня, опалившего его пах. Дебра усмехнулась.

— Какой ты застенчивый!

— Слушайте... это не то. Я хотел сказать...

— А я говорю, что это именно *то*, — сказала она твердо и принялась расстегивать его ремень. Он стоял, зажмурив глаза, пока она спускала брюки ему на колени. Теперь от полного и окончательного падения его охраняли только длинные жокейские трусы.

— Вот, клади сюда голову, — Дебби кивнула на подушку и, открыв бутылку, вылила немного масла себе на ладони. Джон почувствовал, как остатки его силы воли окончательно испаряются, соединившись с ее огнем. В конце концов, у него действительно болят ноги. Небольшой массаж не помешает. Он сможет контролировать свои эмоции. Он надеялся на это.

— Расслабься, — услышал он ее голос, лежа лицом вниз на жестком коврик. Ее теплые, скользкие пальцы начали разминать его мускулы, глубоко погружаясь в тело. В первую минуту было больно, но потом боль ушла и сменилась удовольствием.

Она почувствовала, как Лаки дрожит под ее руками. Станный тип. Приятный, но чересчур стыдливый. И не голубой; этих она отличала сразу. Ей понравилось, как он переспросил «Извините?» вместо «Чего?» — когда не понял про цепочку. Он был... глупо, но он был джентльменом, она немного видела таких, но чувствовала это.

— Лаки! Сними с меня свитер. Не хочу запачкать его маслом.

Джон медленно сел. Свитер обжигал ему пальцы, и он поторопился снять его, чувствуя, как пылает у него пах.

Под свитером у нее был только черный кожаный лифчик. Загорелая кожа на плечах и животе слегка блестела от пота.

— Спасибо, — сказала она и снова начала работать пальцами. — Эй, расслабься! Что ты такой напряженный?

О Боже, подумал Джон. Боже. Боже.

Дебби уселась ему на ноги, ее пальцы скользнули выше.

Джон закрыл глаза. Он не мог больше этого выносить. Но, Господи, как же это приятно! Если это не рай, то наверняка его преддверие. Из памяти исчезли даже сцены из фильма, осталось только удивительное ощущение теплых рук, ласкающих его.

Он открыл глаза. Руки исчезли.

Открыв глаза, он увидел перед собой морду — вернее, то, что можно было считать мордой, — краба Единорога. Джон подскочил, и краб с удивительным проворством укрылся под диваном.

Джон поглядел в окно. Уже стемнело, и на улице зажглись фонари. В комнате горела лампа, и были зажжены несколько ароматических свечей, распространявших аромат ванили. Он взглянул на часы. Без семнадцати десять. Он проспал почти четыре часа!

Он встал и, запутавшись в спущенных брюках, снова упал на пол.

— Лаки? — донесся ее голос из другой комнаты. — Ты в порядке?

— Да. Все хорошо, — трясушимися руками он застегнул молнию и ремень. Это безумие! Скорей, скорей отсюда!

Он огляделся. На ковре рядом со свитером Дебби лежали ее джинсы, носки и кроссовки.

— Лаки, пойдй сюда! — позвала она.

Он провел рукой по лицу. Мимо прошмыгнул краб, направляясь на кухню к недоеденному тунцу.

— Лаки?

Он находился между ее спальней и выходом. Сделав два нерешительных шага к двери, он замер, охваченный огнем желаний. В крайнем случае, он должен попрощаться. Нельзя же убегать, как вор. Он подошел к дверям спальни и осторожно заглянул внутрь.

Дебби сидела у туалетного столика и красилась. На ней были только черные лифчик и трусики и темные чулки с черно-красными цветами. Губы алели свежей помадой.

— Привет, — она улыбнулась ему. — Тебя сморило.

— Точно.

— Я дала тебе выспаться. Теперь ты в порядке?

— Да. Спасибо, — он покраснел, старательно отводя взгляд от ее груди.

— Хочешь потанцевать?

— Простите?

Ее губы сжались:

— Танец. На твоей планете знают такое слово?

— Да, но... я не танцую.

— Плевать. Я хочу отвести тебя в клуб. Здесь недалеко.

— Ночной клуб? Нет... я не хожу...

— Лаки, ты голубой?

— Нет! Что вы?

Что ж, ответ достаточно прямой.

— Бисексуал?

— Нет.

Оставалась худшая возможность.

— Импотент?

Он задумался.

— Может быть.

— Не ври. Такой приятный парень не может быть импотентом, — она подвела глаза и принялась расчесывать свои роскошные черные волосы. Джон смотрел завороженно: ее лицо становилось лицом Дебры Рокс, но в нем осталась какая-то мягкость, которой не было в замаскированном лице из «Неограниченных алмазов». Она встала, взяла с кровати короткую кожаную юбку и натянула ее на бедра.

— Что-то я располнела, — объявила она, хотя Джону ее тело казалось совершенным. — Лаки, можешь достать мне жакет из шкафа?

Джон открыл дверцу и увидел множество жакетов — кожаных, вельветовых, из искусственного меха.

— Который?

— Подумай сам.

Он знал. Взяв жакет с леопардовым мехом, он заметил висящий рядом мужской синий пиджак с галстуком.

— Видишь? Я же говорила, что мы родственные души, — она скользнула внутрь жакета, который был словно шит на нее.

Перехватив его взгляд, она истолковала его по-своему.

— Не бойся, он не настоящий. Ни за что не стала бы носить настоящий мех. К тому же это подарок.

Чей? Того мужчины в синем пиджаке?

Дебби натянула на ноги черные сапожки и вышла из комнаты. Джон волей-неволей последовал за ней.

— Тебе понравится. Отличный клуб. Там можно просто потанцевать, и ни одна сволочь к тебе не пристанет, — она заглянула в хлебницу на кухне, сделанную в форме яблока, и достала из нее пачку ванильных вафель. — А не хочешь танцевать — просто сиди. Никто не будет тебя заставлять, — сунув руку вглубь шкафа, она извлекла пакетик с белым порошком, зеркальце, бритву и короткую соломинку. С быстротой рожденной долгим опытом, она насыпала порошок на стекло и лезвием бритвы разделила его на две тонкие линии. — И люди там хорошие. Всегда оставляют тебя в покое, когда это нужно, она наклонилась к тому, что, как в ужасе понял Джон, было кокаином.

— Дебби, прошу вас... не делайте этого.

— Чего? — она подняла голову. В одной ее ноздре искрился серебристый порошок. Не бойся. Я тебе оставляю, — она предложила ему соломинку.

— Я не употребляю наркотики.

Дебби изумленно поглядела на него:

— Господи, как же ты живешь? — она вдохнула вторую белую полоску, достала из сумочки маленькую золоченую коробочку и насыпала туда немного кокаина из пакета. Остатки она убрала назад в шкаф.

— Готова! — ее глаза блестели искусственным огнем.

Они сошли вниз, и Джон направился было к своему велосипеду, но рука Дебби потянулась к нему, пронизав его электрическим разрядом. Они сели в ее «фиат» и поехали.

Через несколько секунд на дорогу вырулил старенький серый «фольксваген» с оклахомским номером и на почтительном расстоянии последовал за «фиатом».

Десять

Клуб «Золотая миля» был настоящим адом. В пещере с выкрашенными черной краской стенами с потолка свисали сотни пластиковых моделей самолетов. В потоках воздуха, поднятых танцующими, модели подпрыгивали, и Джон не сразу увидел, что все они обожжены и покорежены. На огромных экранах, окружавших зал, вновь и вновь повторялись сцены крушения самолетов, взятые из новостей. Глядя на огонь и обломки, Джон почувствовал руку Дебби на своем плече.

— Хочу тебя кое с кем познакомить! — крикнула она ему сквозь грохочущую музыку и ввинтилась в водоворот тел. Наверху мигали разноцветные огни, складываясь в причудливые узоры, которые тут же рассыпались.

Джон весь дрожал. Он смотрел на коротко стриженных женщин с мускулами Кинг-Конга. на танцующих в обнимку мужчин в розовых панталонах. На черную и белую девушек, сплетающих языки в долгом влажном поцелуе.

Его колени подгибались, но он знал — если он упадет, эти солдатские ботинки и туфли со шпильками затопчут его без жалости. Дебби твердой рукой вела его сквозь мельтешение лиц и фигур к кому-то невидимому.

— Эй, Большая Джорджия! Познакомься, это мой друг Лаки.

Джон оказался лицом к лицу с громадной женщиной с рыжими волосами и губами, подкрашенными черным. Большая Джорджия осмотрела его снизу вверх и пристально заглянула в глаза.

— Похоже, ему нравится страдать, — заключила она.

Голос у нее был мужским, с мягким южным акцентом.

— Лаки в порядке, — обиженно сказала Дебби. — Он — мой талисман.

— Что ж, друзья Дебби — мои друзья, — Большая Джорджия, похоже, исчерпала свой интерес к Джону. — Дорогая, ты *таааа* потрясно выглядишь? Пила мои пилюли?

— Да. Клевая вещь.

— Остался лишний вес?

— Немного вот здесь, Дебби провела рукой по абсолютно плоскому, на взгляд Джона, животу.

— Тогда попробуй вот это, — Большая Джорджия полезла в сумку и рукой с черными ногтями протянула Дебби пузырек. — Это как раз для тебя.

Будто сквозь туман Джон смотрел, как Дебби тут же сунула в рот белую пилюлю и запила ее глотком шабли. Мужчина, сидящий рядом, поднес к груди руку, на которой был вытатуирован большой паук.

— Как работа, дорогая? — спросила Большая Джорджия.

— Реклама, — быстро ответила Дебби. Ты помнишь? То же, что и раньше.

— О, — Большая Джорджия поглядела на Джона, и ее подведенные черным глаза понимающе сузились. — Хотела бы и я сняться в такой рекламе.

Джон понял, что Дебби не хочет, чтобы он знал ее истинное занятие, хотя для Большой Джорджии это, конечно, не было тайной. Они заговорили о какой-то женской чепухе, и тут Джон испытал новое неприятное чувство.

За ним явно кто-то следил.

Оглянувшись по сторонам, он увидел на краю зала высокого мужчину. Лицо его скрывали световые пятна, но Джон был уверен, что смотрит именно он. Можно было разглядеть короткие светлые волосы и длинный плащ. Это еще кто-то из друзей Дебби? Джон искренне надеялся, что нет.

Когда он снова взглянул на Дебби, она прятала в сумку золоченую коробочку.

— Потанцуем? — под носом у нее снова было белое.

— Нет. Я не... — но она уже тащила его к центру зала. Мужчина в плаще исчез.

— Растрясси его, Дебби! — крикнула им вслед Большая Джорджия.

Они протолкались сквозь сплетение потных тел. Дебби что-то говорила, но в грохоте музыки он не слышал ни единого слова. Потом она расчистила локтями себе место, положила руки на бедра и заплясала в таком бешеном ритме, что заставил бы и Лазаря встать из гроба. Джону оставалось стоять и смотреть на движения ее рук, бедер, груди.

Он чувствовал себя в центре безумия. Огни на потолке мигали в такт конвульсиям танцоров. Дебби схватила его за бока и попыталась увлечь за собой, но он еле двигался.

Кто-то отодвинул его в сторону и энергично завертел задом вместе с Дебби. Джон увидел мужчину с черными курчавыми волосами и точеным лицом итальянской статуи, одетого в обтягивающие джинсы и белый свитер.

Дебби оглянулась на Джона, потом перевела взгляд на нового партнера — и Джон увидел в мигающем свете, как изменилось ее лицо. Оно стало жестким, зажглось бездушной, животной похотью. Изогнувшись, она вцепилась руками в черные кудри мужчины. Глаза ее зажглись огнем, который, как подумал Джон, мог бы испепелить его, если бы был обращен к нему. Из кожи Дебби Стоунер возникала Дебра Рокс.

Итальянец завращал бедрами с новой силой, и Дебби стала тереться об него, как кошка.

Луч прожектора застыл на них. Другие танцоры расступились, образовав круг, в котором Дебра Рокс демонстрировала свое искусство обольщения.

Она спускалась все ниже, пока не легла на пол, содрогаясь в похоти. Итальянец склонился к ней и тут она рванулась вверх и обхватила бедрами его голову. Он рывком поднял ее, и они слились в едином порыве страсти под восторженный рев зала. Музыка свелась к примитивному, зовущему бою барабанов. Дебра Рокс облизывала лицо мужчины; ее глаза пылали жаром, ослепляющим Джона, как атомный взрыв.

Люди кругом кричали, стучали ногами и аплодировали. Теперь уже итальянец сполз к ногам Дебры, и его язык устремился к черным цветам ее чулок. Лица у обоих блестели от пота.

Джон почувствовал тошноту. Кто-то оттолкнул его в сторону, и он очутился у стены с нарисованной стрелкой и надписью «Туалет». Подумав, что его сейчас вырвет, он поспешил по темному коридору к грязному закутку, где стояли писсуары. Он нагнулся над одним и увидел окурки, плавающие в желтой воде. В ожидании неизбежного он закрыл глаза, слушая грохот барабанов.

Он услышал, как хлопнула дверь. Ковбойские сапоги простучали по линолеуму и остановились.

Трэвис достал из кобуры пистолет. Его глаза, похожие на остывшие угли, уставились в дверь кабинки. Дуло «кольта» нацелилось в дверь, на уровне груди. Щелкнул затвор.

Этот звук заставил Джона поднять голову. Что там происходит?

— Черт, вот это сучка! — рявкнул кто-то из-за двери. Его спутник, громко рыгнув, отозвался:

— Эх, оттянул бы я ее раком! — еще не дойдя по писсуара, он принялся расстегивать штаны.

Придется убивать всех троих, подумал Трэвис. Есть ли здесь черный ход? И где он? На решение у него оставались доли секунды, и он решил.

Пистолет с выложенной жемчугом рукояткой крутанулся у него на пальце и исчез в кобуре. Двое вошедших ничего не заметили.

Трэвис знал, что будет другой раз.

Джон подождал еще немного. Тошнота отступила. Он пару раз глубоко вдохнул, пытаясь прояснить голову, но туалетный воздух не

способствовал этому. Потом протер лицо туалетной бумагой и вернулся в грохочущий ад.

Дебби нигде не было видно. итальянца тоже. С нарастающей тревогой Джон оглядел зал, опять заполненный содрогающимися телами. На глаза ему попала Большая Джорджия.

— Где Дебби? — спросил он.

— Она тебя искала. Решила, что ты ушел, и тоже ушла. Не одна, — транссвеститка заговорщически улыбнулась.

— О! Я выходил всего на несколько минут.

— Ты не знаешь, что может сделать Дебби за несколько минут? — Большая Джорджия наклонилась к нему, демонстрируя необъятные груди. — Что, понравилась южная девка, чертов янки?

Джон решил, что пора уходить. На улице он долго стоял, уставившись на место, где был «фиат» Дебби. Тупая боль ножом ковырялась в его животе.

А чего же ты ждал, кретин? Любви до гроба? Даже воздух вокруг «Золотой мили» казался ему гнилым. Вдохнуть еще хотя бы глоток его значило отравить душу.

Шатаясь, он отправился на поиски такси. Когда остановившийся шофер спросил, куда ехать, он назвал адрес Дебби. Все, что он хотел — забрать свой велосипед и вернуться домой, в собор.

Он полез в карман. Ключа не было. Он мог выронить его в клубе, но возвращаться в это проклятое место было выше его сил. Он порылся во всех карманах, но так ничего и не нашел.

— Потерял что? — спросил водитель.

— Только не кошелек, — успокоил его Джон, раздумывая, что ему делать. Подняться к ней он не мог. Если дверь ему откроет эта итальянская рожа, он вряд ли сможет сохранить христианское смирение. Но он же клал ключ в карман!

— Погодите, — сказал он. Водитель притормозил. — Поезжайте в собор святого Франциска на Валледжо.

— Знаю. Красивое место, — такси свернуло на юг.

Джон решил, что подумает об этом завтра. О Господи, завтра воскресенье! Он забыл об этом, поскольку обычно проводил субботний вечер в молитвах. Он посмотрел на свое отражение в стекле. Хорош, нечего сказать.

Я одержим, подумал он с пугающей ясностью. Одержим демоном, и сегодня ночью моя постель будет раскачиваться.

Вздохнув, он покачал головой. Он еще чувствовал под коленями остатки оливкового масла.

Одиннадцать

— Можешь теперь рассказать подругам, что трахалась с лучшим мужиком в мире, — сказал обнаженный итальянец, садясь на край смятой постели и закуривая. — Пауло д'Антонио, итальянский жеребец, горячий и крутой!

— Ты имешь в виду, «вонючий и тупой»?

— Чего? Что ты несешь, детка?

— О, Пааауло! — она быстро вернулась к своей роли.

— А-а. Я так и подумал, — он затянулся сигаретой и выдохнул густой клуб дыма. — Детка, ты здорово это делаешь. Но я могу тебя еще многому научить. Только держись за меня, — он встал и немного враскорячку направился в ванную. Не закрыв двери, он начал мочиться. Дебби села. Ее вещи валялись на полу, раскиданные в приливе страсти. Или того, что казалось ей страстью этой наркотической субботней ночью. Черт, что за пилюли подсунула ей Большая Джорджия? Уж не от них ли она настолько спятила, что поехала домой к этому макароннику? Конечно, он отлично танцует, и у него дорогой «мерседес», но...

Почему он ушел?

Большая Джорджия сказала, что видела, как он уходил. А она осталась и улеглась в постель с этим куском пиццы. Нужно уходить отсюда, иначе она не сможет заснуть. Она встала, надела лифчик и трусы. Чулки все рваные, ну их к черту. Макаронник что-то булькал в ванной, словно пытался исполнить оперную арию. Она натянула юбку, блузку... и почуяла его запах.

Может быть, от рук. Они все еще пахли его кожей. Пахло чем-то неопределенным, но чистым — ей почему-то вспомнилось, как пахнет только что распечатанный номер «Космополитена».

Когда этот цезаренок трудился над ней, в памяти у нее вихрем проносилась длинная череда лиц и имен. Много мужчин, мало времени; это могло бы стать ее девизом. Она любила секс. Ей нравились его запах, жар объятий, пульсирующий огонь и то, как потом она лежала без сил на обнаженном мужском теле, словно

королева на троне из плоти. Но лиц было слишком много, и большинство без имен или с дурацкими кличками.

Глупо, конечно. Сегодня, пока Макаронник шептал ей в ухо какую-то чушь, она вспоминала лицо Лаки, когда он уснул после массажа. Он выглядел таким... мирным. Поэтому она не разбудила его, а только сидела, гладила его волосы и вспоминала о доме.

Воспоминания эти были черно-белыми, как старое кино. Она сидела на травяном склоне, наверху неслись облака, и она рвала одуванчики и сдувала с них белый пух. Пух летел на запад, из Луизианы к холмам Калифорнии. Она не знала, где они опустятся, но в ее родном городе для них не было места. Там слишком много железа, а одуванчики не растут на железе. Им нужно калифорнийское солнце. Может быть, она поняла именно это, перебирая волосы Лаки. Ее занесло ветром в Калифорнию, как пух одуванчика, но душа ее осталась в родном железе.

Почему же он ушел? — спрашивала она себя. Никто никогда сам не уходил от Дебры Рокс; *никто*.

И, может быть, именно злость на него привела ее в эту постель. Он вернется, она знала это. Вернется!

Если ему нужен велосипед, конечно. Пока он спал, она вытащила у него из кармана ключ. Она не в первый раз начинала вечер с одним мужиком, а заканчивала с другим, но Лаки ей хотелось сохранить.

Из ванной загрела музыка, и Пауло вышел на порог в черных плавках, гордо демонстрируя свои мускулы.

— Двойные бицепсы! — заорал он. — Ты погляди на это, детка! А вот еще! — он заставил мышцы на животе напрячься, отчего они стали похожи на стиральную доску.

— Ох! — Дебби не смогла сдержаться и разразилась истерическим смехом. Пауло, пока позировал перед ней, строил такие смешные рожи, что казалось, будто он страдает от геморроя.

— Прекрати! — кричала она, держась за живот от смеха. — Прекрати, я сейчас умру!

Он успел принять еще одну горделивую позу, прежде чем понял, что она смеется.

— Эй, сучка! Я показываю тебе свои мускулы! Изволь относиться ко мне уважительно!

Ее смех оборвался:

— Не смей называть меня сучкой, урод! И прекрати корчить рожи, я не в зоопарк пришла! — она встала, уже всерьез рассердившись на себя, на него и на Лаки.

— А куда ты пришла, дрянь? — он угрожающе двинулся к ней.

— Не тронь меня! Я иду домой, — она сунула руку в сумочку.

— Пойдешь, когда я тебе разрешу. Я, Пауло д'Антонио! — он схватил ее за локоть.

Ее рука вырвалась из сумочки, и в горло итальянца уперлось стальное лезвие.

— О! — Пауло расширил глаза. — Так ты уходишь?

— Выключи эту чертову музыку.

Пауло с опаской отодвинулся от ножа и пошел к ванной. Все его мускулы вдруг обмякли. Выключив магнитофон, он прошипел из-за двери:

— Я знаю, что с тобой такое. Я тебя так оттрахал, что ты озверела.

— Ха-ха, — Дебби убрала нож в сумочку и, подпернув юбку, пошла к двери. Пауло шел за ней на почтительном расстоянии, как щенок.

— Не уходи, детка, — заскулил он. — Хочешь денег? Я тебе дам.

— Нет, спасибо.

— Тогда кокаин. У меня связи. Я достану тебе любую дурь, какую захочешь.

— У меня свой дилер, — она подобрала с пола жакет из леопарда.

— Черт! — воскликнул он с горечью. — Ты теряешь такого мужика!

— Вижу, — она влезла в рукава жакета.

— Не уходи, детка, — голос Пауло стал совсем слабым.

— Ты милый мальчик. Будь здоров, сжав в руке ключи от машины, она выскочила в дверь.

Он вышел за ней, по-прежнему в плавках. Лицо его исказилось от гнева.

— Хуесоска! — крикнул он, не заботясь о сне соседей — было уже полчетвертого ночи. — Проклятая сучка!

Уже войдя в лифт, она повернулась к нему, удерживая двери руками. Ярость в ее серых глазах заставила Пауло замолчать.

— Лучше попроси маму выдавить прыщи у тебя на заднице, — тихо, но отчетливо, сказала она, и дверь закрылась. Он еще долго смотрел на дверь лифта. Ему хотелось догнать ее, но толку в этом не было. Такая женщина не подчинится никому. Что ж, она не знает, что теряет. Пожав плечами, он вернулся в квартиру, громко хлопнув дверью.

В конце коридора тень отделилась от других теней и направилась к квартире Пауло.

Итальянец открыл холодильник, достал банку пива и одним глотком осушил половину. Зазвонил звонок. Господи, кто там еще? Наверное, какой-нибудь идиот услышал шум и вызвал копов.

Пауло выглянул в глазок и увидел незнакомого парня с короткой стрижкой.

— В чем дело?

Парень холодно улыбнулся:

— Ты меня видишь?

— Я тебя вижу, — что у него за дурацкие татуировки? — Что тебе нужно?

— Она моя.

— Кто? — парень поднял что-то металлическое. Что-то закрыло глазок. — Эй, что ты де...

Пуля пробила глазок и левый глаз Пауло. Задняя часть его головы разлетелась дождем крови и мозгов. Пауло рухнул на спину, продолжая двигаться, хотя его сознание уже отключилось.

Ковбой через три ступеньки слетел вниз.

Дебби села в зеленый «фиат» и включила зажигание. Ей почудился выстрел. Похоже, у кого-то рядом барахлит мотор. Плевать. Ей нужно помыться и спать.

Через пару минут серый «фольксваген» выкатил из-за угла и поехал за ней. С этажа, где жил Пауло, уже раздавались крики соседей.

Двенадцать

Пришло мучительное воскресенье.

Джон весь день провел в церкви, а вечером пришел домой и стал читать об искушениях Христа. Он не прочел ничего, что помогло бы ему. Потом поискал Д.Стоунер в телефонном справочнике и, конечно, не нашел. Он включил видео и в восьмой раз сел смотреть «Рыцари духа». Это был его любимый фильм, но сейчас он не мог видеть и его. Он подошел к окну и уставился на красное X над Бродвеем. Ему хотелось видеть Дебби.

Не Дебру. Она пугала его и доводила до сумасшествия. Перед его глазами еще стоял ее образ в «Золотой миле». Между тем, когда он смотрел на нее, и началом утренней службы прошло не больше трех часов. Он чувствовал, что колесики у него в мозгу перегрелись и цепляются друг за друга.

Ночью он спал часа четыре. Каждые минут десять он просыпался от ее хриплого голоса, повторяющего его имя. Не «Джон», а «Лаки».

В понедельник утром он встречался с монсиньором Макдауэллом. Тот отметил, что у него усталый вид, и презентовал коробочку витаминов. За ланчем он провел беседу с мистером Ричардсоном и миссис Лерандовски, отвечающими за выделениями дополнительных фондов. Записывая свой телефон для них, он поймал себя на том, что едва не написал «Лаки».

Уже в три часа он освободился. В исповедальне эту неделю был отец Стаффорд. Джон пошел к себе и переделался в джинсы, зеленую фланелевую рубашку и серый пуловер. Он прокрался на улицу, молясь, чтобы его не заметил монсиньор. В двух кварталах от церкви он поймал такси и назвал шоферу ее адрес.

Он твердил себе, что хочет только забрать велосипед.

«Фиата» Дебби возле дома не было. Велосипед по-прежнему стоял у лестницы. Джон поднялся по лестнице вверх.

К двери был прикреплен конверт с надписью «Лаки».

Он сел на ступеньку и начал читать.

«Лаки, я знаю, что ты вернешься. По крайней мере, надеюсь. Ключ внутри, в хлебнице. Надеюсь, ты не сердишься. Ха-ха.

Я на съемках, вернусь до шести. Если хочешь, подожди. Почему ты сбежал?»

«Это я сбежал?» — подумал он, но искра гнева — или ревности — быстро погасла. И продолжал читать.

«Мне нужно с тобой поговорить. Это очень важно. Приходи к шести, пожалуйста. Я отдам тебе велосипед».

Подписано: «Родственная душа».

Он смотрел на слова «на съемках», хорошо понимая, что это значит.

Он думал, что ему делать два часа, когда услышал, как кто-то поднимается по лестнице. Снизу показался седой лысеющий мужчина в темно-синем костюме, с грустными глазами бассет хаунда. На нем были черные очки в роговой оправе. Увидев Джона, он остановился.

— Что вам здесь нужно?

— Жду кое-кого.

— Из шестой квартиры?

— Да.

— Вы Лаки? — густые брови мужчины нахмурились.

— Да. Откуда вы знаете?

— Дебра мне сказала, — не «Дебби», отметил Джон. — Она говорила, что вы можете быть здесь. Я пришел покормить краба, — он отпер дверь. — Входите, если хотите.

Джон вошел. Мужчина направился на кухню, где стояли банки с тунцом.

— У вас преимущество, — сказал Джон. — Вы меня знаете, а я вас нет.

— Джой Синклер, — представился мужчина, открывая консервы. — Я менеджер Дебры.

Джон кивнул, глядя на краба, вылезающего из-за горшков с кактусами.

— «Джой Синклер и сыновья», — добавил седой. — Семейный бизнес, — он вилкой вытаскил из банки кусок тунца.

Джон подумал, что, должно быть, это его пиджак висел в шкафу, а его сыновья сопровождали Дебби на белом «роллс-ройсе».

— Гниль, — сказал Синклер, вытирая руки о тряпку. — Этот тунец пахнет как морская гниль. Наверное, поэтому краб так его любит.

— Я не встречал раньше никого, кто держал бы дома краба.

— Я тоже, — Синклер улыбнулся, но улыбка на его тяжелом морщинистом лице выглядела неестественно. — Дебра необычная девушка. Она сказала, что вы работаете в связях с общественностью.

— Да.

— А где?

Джон знал, что один из его прихожан по фамилии Пальма работает в рекламной компании «Чэмберс, Маклейн и Шелл». Поэтому он назвал ее.

— Ага, — Синклер взял с полки телефонный справочник. — Посмотрим. Так, «Чэмберс, Маклейн и Шелл». На Пайн-стрит. Дорогое место, — он снял трубку и начал набирать номер.

Когда он набрал уже четыре цифры, Джон сказал:

— Подождите.

Рука Синклера замерла над телефоном:

— Хотите мне что-то сказать?

— Да. Я... не работаю в офисе. Я на договоре.

— Но они знают ваше имя? Джон Лаки? — он нажал пятую цифру.

— Нет. Не знают.

— О, очень жаль, — Синклер положил трубку и медленно повернулся к Джону. Глаза его были похожи на два револьверных ствола. — Черт, еще сильнее пахнет гнилью, — он обошел Джона кругом. — Где вы живете, Джон Лаки?

Джон не отвечал. Старика не одурачишь, это ясно.

— Я понял, что дело нечисто, сразу, когда Дебра рассказала про тебя. Обычно она хорошо разбирается в людях, я удивлен, что на этот раз она прокололась. Думаешь, ты самый умный? — Синклер встал между Джоном и дверью.

— Я знаю, кто ты.

— Да?

— Да. Священник...

Джон подумал, что сейчас у него разорвется сердце.

— ...вот кто тебе сейчас понадобится, негодяй. Чтобы отпеть тебя.

Он католик, понял Джон.

— А потом я спущусь и позову сына, и мы устроим тебе хорошую трепку, мистер коп! — Синклер сгреб Джона за шиворот. Мимо ноги Джона быстро просеменил краб.

— Подождите... Я не коп.

— Ага, — Синклер толкнул его, и он отлетел к стене кухни. — И не сделаешь ничего плохого Дебре и мне. У меня чистое рекламное агентство, и вот я прихожу сюда и вижу какого-то типа, который шпионит за моей знакомой. Нет, правильно я взял с собой пушку, — он распахнул пиджак и достал из кобуры револьвер 38-го калибра. Джон отступил назад, едва не сбив на пол хлебницу.

— Разнести бы сейчас твою полицейскую башку, — мечтательно сказал Синклер, беря на прицел голову Джона. Щелкнул затвор. «Я где-то слышал этот звук», — подумал Джон.

— Прошу вас... я хочу только взять велосипед и уйти, — Джон подхватил хлебницу. Внутри только печенье, никакого ключа. Он перевернул хлебницу, и из нее вывалились три пакета с белым порошком.

— Ох, черт, — прошептал Синклер.

В наступившем молчании Джон отыскал ключ и, взяв его, пошел к двери.

— Хорошо я пошутил? — теперь голос Синклера дрожал.

Он улыбнулся, обнажив ряд белых коронок. — Смотри, тут ничего нет, — он открыл барабан и показал, что он пустой. — Сыновья не позволяют мне его зарядить. Боятся, что их глупый старик прострелит себе башку.

Джон изумленно смотрел, как Джой Синклер кладет пистолет на стол и извиняюще разводит руками.

— Я же совсем из ума выжил, спроси кого хочешь, — он перевел взгляд с кокаина на Джона, который стоял, не шевелясь. — Заключим сделку, а? Ведь если Дебру упекут, она уже не будет такой хорошенькой, правда?

До Джона, наконец, дошло, о чем он говорит.

— Я не полицейский, — сказал он беспомощно.

— А кто? — Синклер непонимающе поглядел на него. — Отдел по борьбе с наркотиками?

— Я... я вообще не оттуда.

Синклер опустил руки. Движение его челюстей выдавало усиленную работу мысли. Наконец он поднял револьвер:

— Дошло! Ты от Рио! Этот ублюдок давно мне пакостит. Но дудки! Рио не снимет ни одного фильма, даже если сам Сесил Демилль встанет из гроба и возьмется ему помогать! — он упер в грудь Джона палец. — И Дебру вам у меня не переманить, так и знайте!

— Не знаю я никакого Рио, — сказал Джон устало. Ключ был у него в руке. Оставалось встать и уйти.

Джой Синклер опять замолчал.

— Ну что ж, остается предположить, что ты или газетный сплетник или просто маньячок, которому нравится подглядывать. Я думаю, второе. Дебра сейчас не трахается ни с каким знаменитым мужем, значит, газеты вряд ли будут ее искать. Я должен был сразу догадаться, что ты маньяк, — он сунул пистолет в кобуру. — Да, наверное, я правда выжил из ума.

Джон не собирался обсуждать эту тему. Он направился к двери.

— Куда ты?

— Подальше отсюда. Сейчас возьму велосипед и...

— Никуда ты не уйдешь до прихода Дебры, — сказал Синклер. — Будь ты из полиции или из шайки Рио, я бы вышиб из тебя мозги. Но раз ты маньяк, то... Знаешь, Дебра думает, что ты ее талисман.

— Что?

— Что слышал, Лаки, — он перешагнул через краба, вернувшегося к трапезе, открыл холодильник и достал две бутылки пива. Открыв одну, протянул ее Джону. — Дебра верит в сверхъестественное. Она вообще такая... впечатлительная. В среду она улетает на съемки в Эл-Эй. Ты полетишь с ней.

Челюсть у Джона отвисла:

— Я... не могу!

— Я знаю, что тебе нечем заплатить за билет. У тебя, должно быть, нет за душой и десяти баксов. Я заплачу за тебя и дам денег, чтобы ты мог сводить ее в ресторан. У тебя хоть костюм есть? — Джон промолчал. — Вот болван! Ладно, я и костюм закажу. Какой у тебя размер?

— Я... сороковой. Третий рост.

— А воротничок?

— Воротничок?

— Да, черт побери, это такая вещь, которую носят на шее! Какой у тебя размер воротничка?

— Пятнадцатый.

— Вот так-то лучше. Костюм будет синий. Заберешь во вторник утром. И не вздумай надеть эти дурацкие тапочки. Черные туфли, и не забудь почистить. Самолет в десять утра в среду.

— Зачем... — Джон прервался. — Зачем вы это делаете?

— Затем, что хочу Дебре удачи. Она собирается сниматься в легальном кино. Мой помощник Солли Сапперстайн подыскал для нее фильм. Конечно, там не знают о ее... ну, прошлых ролях. Она проходит под именем Дебби Стоунер. Если у нее получится, то все будет хорошо. А у нее получится, если она будет верить, что ты принесешь ей удачу. А если она получит работу, то, может быть, и я смогу пристроиться где-нибудь рядом. Кто знает?

— А у нее... есть шанс?

— Ну, они вызвали ее на пробы. Это хороший знак, — он одним глотком допил пиво и громко рыгнул. — Я встретил Дебру в Эл-Эй шесть лет назад. Она тогда работала в стриптиз-клубе и сидела на игле. Я ее отучил от этого.

— Вы хорошо сделали.

— Я окупил расходы. Да, над ней пришлось поработать. Моя жена показала ей как обращаться с косметикой.

— Ваша жена?

— Да. Она почти одних лет с Деброй. Третья жена, — объяснил он, увидев удивление Джона. — Не мать моих детей, — он опять открыл холодильник, нашел морковку и сжевал ее. — Дебра работала как лошадь. Она заслужила хорошее будущее. Верно?

— Верно, — сказал Джон.

— Хороший мальчик. Слушай дальше, — Джой Синклер подошел к Джону и заглянул ему в глаза. — У Дебры есть талант. Может, не такой большой как она думает, но есть. И я хочу, чтобы это принесло ей пользу. Понял, для чего ты мне нужен?

— Понял.

— Ты не такой дурак, каким ты кажешься. Значит, в девять в среду. Будь здесь, а я пришлю машину, — Джой Синклер подошел к двери и вышел, не оглянувшись.

Тринадцать

Джон стоял у окна комнаты на коленях в золотистом полуденном свете.

Он знал, что может тысячу раз молиться Господу или Деве Марии, и они не пошлют ему облегчения. Как он мог, бессильный и слабый духом оказаться в картине порнозвезды? О господи... как он мог?..

Заметив сбоку движение, он обернулся. Краб подполз к нему и замер рядом, не двигаясь.

Джон закрыл глаза и подставил лицо солнцу. Он начал молиться за избавление души от паутины, в которой запутался, за то, чтобы прекратилась эта бешеная пульсация крови у него в венах, за...

В замке повернулся ключ. Это была она.

Он повернул голову, но не успел встать. На Дебби были джинсы и голубой свитер. Лицо ее выглядело усталым, будто она не спала несколько ночей. Волосы мокрые — после душа? — и снова собраны в пучок.

Она улыбнулась — как луч света во мраке ночи.

— Я видела, что записки нет! Тебя ведь впустил дядя Джой? Лаки, я так рада, что ты вернулся! — она захлопнула дверь.

Джон застыл на месте, все еще пытаясь молиться.

Она склонилась над ним и поцеловала в лоб. Потом встала на колени рядом с ним, лицом к солнцу. Их руки встретились.

— Я тоже люблю медитировать, — она закрыла глаза и начала тянуть: «О-о-о-о-о-о-ммм»...

Я сейчас закричу, подумал Джон. Закричу так, что вылетят все стекла.

— Ты веришь в переселение душ? — спросила она внезапно.

— Я...

— Я прочитала все книги Ширли Маклин. Однажды мне снилось, что я египетская принцесса и смотрю, как строят пирамиды. Это было так... реально. Поэтому я и стала читать эти книги, — она повернулась к нему и взяла его руки в свои. Золотой свет обтекал их, соединяя их тени воедино. — Знаешь, что она пишет? Что те, кто

любил друг друга в прошлых жизнях, обязательно встретятся снова! Но иногда можно потерять свою любовь, и тогда человек живет несчастливо. Тогда лучше покончить с этим и попытаться снова найти свою любовь в следующей жизни. Ты веришь в это?

Он не мог солгать.

— Нет, — тихо сказал он и увидел в ее глазах тень разочарования.

Но эта тень тут же исчезла, как облачко под солнцем.

— Да и я тоже, — сказала она. — Но это¹ было бы здорово, правда? — она приняла его молчание за согласие. — Во всяком случае, я нашла родственную душу уже в этой жизни. Ох, Лаки, я так рада, что ты вернулся!

— Я не мог не прийти, — сказал он прежде чем пожалел об этом. — И у тебя был ключ.

— Да. Ты на меня не сердишься?

— Нет.

Она встала и потянулась всем телом:

— Уфф, ну и денек! Эй, Единорог! — она увидела куски тунца, а потом пакетики с кокаином на столе. — Это ты сделал?

— Извини. Я искал ключ. Сейчас уберу.

— Я сама, — она убрала все в хлебницу, оставив только один пакетик кокаина.

Когда Джон поднялся, она уже выложила лезвием две линии на зеркале и наклонилась, держа в руке соломинку.

Прежде чем она успела вдохнуть, Джон вырвал у нее трубочку.

— Эй! Ты что...

— Я не хочу, чтобы ты продолжала это делать, — сказал он твердо и сломал соломинку пополам. — Это дерь... эта вещь погубит тебя.

— Да нет. Это отличная вещь, — она поднесла зеркальце к носу и вдохнула сперва одну линию, потом вторую, жадно облизав остатки.

Безнадежно, подумал Джон.

— Почему ты ушел тогда? — спросила она. — Почему ты ушел из клуба?

— Я не ушел. Я пошел в туалет, а когда вернулся, этот транс... Большая Джорджия сказала, что ты ушла. С тем парнем, с которым танцевала.

— А-а, — ей все стало ясно. Старушка Джорджия попыталась заполучить ее Лаки! — Да нет, это так, ничего особенного. Он просто хорошо танцевал, — поморщившись, она потрогала себя между ног. — Черт, болит! — потом она сообразила, что Лаки не знает, чем она занимается. — Понимаешь, я снималась в гимнастическом зале. Пришлось покрутиться.

О да! — горько подумал Джон.

Дебби взяла краба и отнесла его в ящик с песком, стоящий в ванной. По пути она посмотрела на себя в зеркало. Помада стерлась, под глазами залегли тени.

Нужно сказать ему, подумала она. Не могу больше лгать.

Она попыталась отогнать эту мысль, но та жгла ее, словно огонь. Если он поймет... он же родственная душа. Но какой мужчина может выдержать то, что она расскажет, и не уйти? Если такой и есть, то она до сих пор его не встречала. Она потрогала пальцем распухшие губы.

Сейчас или никогда.

Она подошла к шкафу в спальне и, встав на цыпочки, заглянула на верхнюю полку. Ее тело казалось ей похожим на старую, много раз использованную резиновую перчатку. Она взяла с полки фотоальбом в черном кожаном переплете.

Лаки сидел в кресле лицом к окну. У него тоже вид был усталый. Когда она незаметно подошла и тронула его за плечо, он подпрыгнул.

— Не знал, что ты здесь.

— Ты опять такой напряженный. Что-то не так?

— О да, — в основном это было связано с Джоем Синклером. Он почувствовал, как ее пальцы массируют ему плечи.

— Мне нужно кое-что рассказать тебе, — сказала она, помолчав. — Я говорила тебе, что я актриса, помнишь? Так вот, у меня есть другое имя. Артистическое.

Его глаза открылись, но он ничего не сказал.

— Дебра, — она помолчала, не решаясь продолжить. — Рокс. Понимаешь? Дебби Стоунер — Дебра Рокс?

— Понимаю, — тихо сказал Джон.

— Я сама придумала, — ее пальцы продолжали разминать его плечи, и он потихоньку расслабился. — Ты... когда-нибудь слышал это имя?

— Нет, — Джон услышал, как она вздохнула с облегчением.

Она раскрыла было альбом, потом сходила на кухню и налила себе бокал белого вина.

Джон потянулся к альбому, чувствуя, что открывает потайную дверцу, за которой прячутся чудовища.

На первой странице было прикреплено фото рекламного плаката размером с почтовую открытку. Фильм назывался «Карнавальные девушки»; фото изображало мужчину и женщину, страстно целующихся на фоне неоновых огней карнавала. Подпись внизу гласила: «В ролях Тауни Уэллс, Дебра Рокс и Синди Фанн».

Джон перевернул страницу.

Следующий плакат. «Близкое знакомство». «В ролях Пола Энджел, Хэзер Скотт и Дебра Рокс».

Еще одна страница.

«Влажная жара». «В ролях Чери Дэйн и Джина Альварado, а также специально приглашенная Дебра Рокс».

Еще одна.

«Чернее Африки». «В ролях Дебра Рокс и Черная Венера».

О Боже, подумал Джон.

Он чувствовал навалившуюся на него адскую тяжесть.

Дальше шла «Суперплоть». «В ролях Чери Дэйн, Дебра Рокс и Изи Бриз».

На плакатах не было изображения половых актов, но позы, зовущие взгляды, влажные приоткрытые рты выглядели достаточно откровенно. Загорелые тела женщин казались безупречными, но в них чувствовался какой-то автоматизм, словно они смотрели не в камеру, а в глаза заморожившей их кобры. Даже в лице Дебры Рокс была та же пустота.

Следующий плакат. «Хитрый лис». «В ролях Рэйвен Ксавье и Дебра Рокс».

Его сердце подпрыгнуло в груди. Дебра Рокс — Дебби Стоунер — вошла в комнату и встала позади него. Он не осмеливался поднять на нее глаза.

Он быстро полистал страницы. «Она хочет», «Золото Акапулько», «Медовая влага», «Калифорнийские пляжные девушки»...

— Ты... должно быть сильно устаешь, — сказал Джон хрипло.

— Я не имею дела больше чем с тремя мужчинами, — она говорила сухо, будто перечисляя условия контракта. — Я не снимаюсь с животными, с детьми и не мажусь едой. И насчет места я довольно привередлива. Всегда отказывалась сниматься в гаражах и в лесу. На траву у меня вообще аллергия.

Последний плакат — всего их было двадцать пять или тридцать, — гласил: «Животный жар».

— Это мой последний. Только что вышел.

Он захлопнул альбом и сел, не в силах вымолвить ни слова.

Ее руки — о Боже, что приходилось делать этим прекрасным рукам! — взяли у него альбом. Он услышал, как она прошла в спальню, как открылся и закрылся шкаф.

— Что ты хочешь на обед? — в ее голосе проскальзывали нервные нотки. — Ветчину или индейку?

Он встал, уже не в силах больше скрывать омерзение. Но перед ним стояла не королева порно, не женщина, продающая фальшивые ласки. Конечно, он мог зажмуриться, вообразить ее такой и призвать на ее голову небесные кары. Нет, не мог.

Он видел только Дебби Стоунер с волосами, связанными в пучок. В глазах ее были усталость и страх.

— Ты ведь пообедаешь со мной, Лаки? — робко спросила она.

«Я люблю тебя, — подумал он. — О господи, я люблю тебя».

— Ветчину, — сказал он.

Она быстро повернулась и пошла на кухню.

— Некоторые придают этому слишком большое значение, — сказала Дебби, когда они сели за стол. Она зажгла свечи, и комната благоухала ванилью. — Тому, что я тебе показала. Я имею в виду... это ведь просто работа, как любая другая. А ничего другого я не умею, — она пожала плечами и откусила кусок индейки. — А в

клубе... она немного сходит с ума, когда видит прожекторы и все такое.

— Кто «она»? — он поднял голову от безвкусовой ветчины.

— Дебра Рокс. Мое второе «я». Видишь ли, иногда я могу взять и отключить ее, как рубильник. Но когда директор говорит: «Мотор!» — и на тебя направлены прожекторы, и время — деньги... — она опять пожала плечами. — Я ведь звезда.

— Как ты... — он прервался, стараясь, чтобы его вопрос не прозвучал слишком уж обвинительно. — Как ты пришла к этому занятию?

— Ну... я люблю секс. Конечно, не двадцать раз в день, но вообще-то это здорово.

Он не мог не улыбнуться.

— Ну вот. Ты такой красивый, когда улыбаешься. И мочки у тебя симпатичные.

— Что?

— Мочки ушей. Такие сексуальные. Тебе нужно носить серьгу. Хочешь, прокалю тебе ухо?

— Нет, лучше не надо. (Монсиньору было достаточно увидеть одно это.)

— Как я пришла к этому занятию? — повторила она. — Я всегда любила внимание, стремилась к нему. В школе я была мажореткой. Когда я проходила на параде, все смотрели на меня. Особенно парни. Я всегда знала, что у меня красивое тело. Но я никогда не была красивой.

— А по-моему, ты очень красивая, — искренне сказал Джон.

— Операция носа. А тогда у меня еще были короткие волосы и порядочно лишнего жира. Но все равно за мной бегали. В таком возрасте всегда делаешь глупости, — она яростно вонзила вилку в кусок индейки. — Я вышла замуж в семнадцать лет. Два выкидыша. Один из-за мужа. Сломал мне нос и два ребра. Этот ублюдок был шофером и как-то под Рождество сиганул с моста.

Вот я и осталась вдовой.

— А твои родители?

— Я жила с мамой и бабушкой. Отец от нас ушел, а мама... ей тоже нравилось внимание. Она до сих пор живет там, но я с ней не виделась. Я приезжала туда на похороны бабушки, но никто меня не узнал. Бабушку я любила. Она говорила: «Дебби, кончай читать эти журналы про кино! Ты что, хочешь сбежать в Калифорнию?» Но я всегда думала, что Калифорния — это место, где можно найти любовь. Понимаешь? Тут все улыбаются, и так хорошо одеты, и все выглядят богатыми и имеющими кучу друзей, — она отпила вина. — Но тут я ошиблась.

— Не всем же быть звездами, — сказал Джон.

Дебби рассмеялась, но смех был невеселым.

— Скажи это девятнадцатилетней девчонке из Луизианы, которая стоит на автобусной остановке с десятью долларами в сумочке. Я

правда могла танцевать и петь, но вид у меня был совсем деревенский. С тех пор мне многому пришлось научиться. И делать многое такое, о чем противно вспоминать. Что поделать? Это жестокий мир.

— А матери ты посылаешь деньги?

— Черт, нет! Она же их пропьет! Она не это вот белое вино, а самогонку! — Дебби заглянула в глаза Джону и увидела в них боль. — Сколько, по-твоему, мне лет?

Он пожал плечами.

— Двадцать шесть. Для этого бизнеса я уже старая. С каждым днем теснят молодые. Они начинают в восемнадцать. Но, как и я, не умеют делать ничего другого, — она рассеянно вертела в руках свой бокал. — Иногда я кажусь себе старухой. А старухам не дают хороших ролей. Поэтому я еду в среду в Эл-Эй.

— Джон Синклер сказал мне о пробах. И о... о работе, которой ты занимаешься.

— Так ты уже знал? Дядя Джой сказал тебе?

— Да. Но без подробностей.

Она не знала, сердиться ли на него за то, что он солгал ей, что никогда не слышал имени Дебры Рокс, или радоваться, что он узнал обо всем и не ушел. Подумав, она выбрала второе.

— Так ты поедешь со мной в Эл-Эй? Принесешь мне удачу?

— Поеду. А насчет удачи не знаю.

— Отлично! — она захлопала в ладоши. — Значит, я получу роль!

Он не стал ее разубеждать. Дико, конечно: священник в роли живого талисмана.

— Хочешь принять ванну? — спросила она неожиданно.

— О... нет. Не надо.

— Тут отличная ванна. Пошли покажу. — Дебби взяла его за руку и потащила за собой.

Ванна оказалась старой, с ножками в виде львиных лап. Она включила воду и налила немного пены со знакомым ему запахом корицы. Потом потрогала его напряженные плечи.

— Ты еще не успокоился? Помойся. Хорошая ванна делает чудеса.

— Лучше не надо, — он смотрел на пенящуюся струю воды и пытался вспомнить, когда в последний раз нежился в ванне. В его квартире хватало места только для душа.

— Я пойду вымою бокалы, а ты мойся, — она поцеловала его в щеку и вышла. Он остался один, не считая Единорога, восседавшего в своей коробке с песком.

Джон вздохнул с облегчением. Она не собирается мыться с ним. Одна мысль об этом вызвала у него привычную уже боль в паху. Он снял свитер, потом расстегнул рубашку. *Нет! Не делай этого!* Расстегнув ремень, он знал, что переступил опасную черту.

Он залез в горячую воду и лег, облокотясь головой о фаянсовый край и чувствуя, как приятная истома потихоньку охватывает все его мышцы.

Тут дверь открылась и вошла она — обнаженная.

Он резко сел, всколыхнув воду в ванне. Дебби распустила волосы, и они волной спускались ей на плечи. Ее загорелое тело на фоне белого кафеля было ослепительным. В руке она держала бритву и крем.

— Я хочу побрить тебя.

— Нет! — крикнул он. — Ради Бога, не надо!

— Тебе надо побриться. Я чувствовала щетину, когда поцеловала тебя.

— Что? — он потрогал щетину. Действительно, утром он забыл побриться. Совсем выбился из графика.

— Глупый, — сказала Дебби и шагнула в ванну к нему.

Четырнадцать

Она сидела у него на ногах, прижав к его бокам гладкие бедра.

— Слушай, я не кусаюсь, — вид у него был такой, будто он сейчас прыгнет на потолок и повиснет там, как кот. — Какой ты все-таки застенчивый, — она выдавила на ладонь струйку крема и медленно, сосредоточенно принялась намазывать его щеки и подбородок. — Не бойся. Мне приходилось работать парикмахером в Эл-Эй. Правда, — она наклонилась к нему, и ее груди коснулись волос на его груди.

Он не осмелился пошевелиться, даже когда груди прижались к нему плотнее.

— Ты женат, Лаки? — спросила она, точными движениями выбривая его левую щеку.

— Нет.

— А подружка у тебя есть?

— Нет. То есть... была, но мы быстро расстались.

— Странно. Ты не голубой, не бисексуал, и я вижу, что не импотент. И без подружки. А она была красивая?

— Кто?

— Черт, твоя подружка! О чем ты думаешь?

Он честно попытался сосредоточиться.

— Да, — сказал он наконец. — Очень красивая.

— На кого похожа?

— На тебя.

Лезвие остановилось.

— Ты такой милый. Я никогда раньше не встречала таких.

Он промолчал

— Ну, во всяком случае, мы встретились. Лучше поздно, чем никогда.

Он пристально смотрел ей в глаза, чтобы отвлечься от ощущения влажной теплоты ее бедер и грудей. Огонь в глазах еще спал, но уже начал разгораться. Дебра Рокс пока не проснулась.

Закончив бритье, Дебби вымыла бритву, положила ее на раковину и села прямо, глядя на Джона.

— Можешь меня трахнуть, — сказала она.
— Прошу... не говори так.
— Как?
— Это слово.
— Какое? Трах... — он поднес ей палей к губам, и она поцеловала его. — Ладно. Только для вас, мистер Стыд.

Ее рука скользнула вниз, под пенный слой и замерла.

— Слушай, а почему ты в трусах?
— Мытье закончено, — Джон отстранил ее и встал в ванне, схватив полотенце. С его жокейских трусов ручьем текла вода.

— Подожди, — она нахмурилась. — Ты отказываешься от меня?

— Нет, просто... (думай быстрее идиот!) ...просто я еще не забыл свою подружку.

— И из-за этого ты не хочешь тра... не хочешь быть со мной?

— Да, — он натянул джинсы прямо на мокрые трусы, стараясь не смотреть на ее обнаженное тело.

Дебби рассмеялась.

— Ну ты даешь! Я подношу тебе на блюдечке то, за что тысяча мужиков отдали бы все. Я была права — ты из другого мира.

— Я не тысяча мужиков, — сказал он тихо. — Я — это я.

— Кто спорит?

— Ты сказала, что тебе больно, когда пришла с... со своей работы. Думаю, ты хочешь заняться со мной любовью сейчас только затем, чтобы я прехал с тобой в Лос-Анджелес. Но я и так поеду, обещаю тебе.

Она помолчала, потом так же молча вылезла из ванны. Джон подал ей полотенце, и она одним грациозным движением завернулась в него.

— Прости, — сказала она. — Это опять Дебра, — она смотрела, как он, присев на край ванны, надевает носки и кроссовки. — Я никогда не встречала такого, как ты. Ты знаешь, чего я хочу. Но чего *ты* хочешь?

Вопрос обрушился на Джона, как удар бейсбольной биты.

— Не знаю, — сказал он честно. — Знаешь, я лучше пойду. Спасибо за обед. И за бритье, — он потрогал свой гладкий подбородок.

Дебби подошла с ним к двери.

— Слушай... может, оставишь мне свой телефон? Что, если я захочу тебе позвонить?

Джон задумался. Конечно, его телефон не прослушивался, но что, если Дебби, услышав его голос в трубке, вспомнит священника на исповеди?

— Я редко бываю дома, — сказал он наконец. — Вряд ли ты меня застанешь.

— Ладно, — снова в ее глазах мелькнула боль. Она не привыкла к тому, что мужчины ей отказывают. — Тогда запиши мой номер и звони... если понадобится.

Она достала из шкафа маленькую карточку и дала ему. Просто «Д.Стоунер» и номер телефона.

Когда он уходил, она схватила его за руку:

— Лаки, ведь я... нравлюсь тебе хоть немного?

Джон заглянул в ее прекрасные серые глаза и подумал: «Лучше тебе этого не знать».

— Очень нравишься, — сказал он, и она улыбнулась и отпустила его.

Внизу он отомкнул замок, взял велосипед и намотал цепочку на перила лестницы. Потом вывел велосипед на темную улицу, сел на него — мокрые штаны не прибавляли приятных ощущений, — и поехал на Валледжо.

Из-за угла выехал старенький «фольксваген».

Джон ехал по ключьям тумана, поднимающегося от залива, смотрел на огни Золотых ворот и думал, как он объяснит в церкви свое отсутствие в среду.

Рядом с ним промчалась машина. Джон едва успел свернуть и вылетел меж двух припаркованных автомобилей на тротуар.

— Осторожнее! — крикнул он вслед, но «фольксваген» уже уехал.

Пьяный, решил он. Опасность всегда ходит рядом. Он проехал по тротуару мимо разноцветных викторианских домов и опять выехал на мостовую.

«Фольксваген» опять показался из-за угла и последовал за ним.

Джон представил себе лицо монсиньора, если бы тот узнал о том, что он делал этим вечером. О том, что он *почти* сделал. Он объехал несколько ям — улицы здесь были в плохом состоянии, — и обернулся, услышав за спиной какой-то шум.

Прямо на него надвигались три машины.

С криком он свернул вправо, едва не врезавшись в стоящую у обочины «тойоту». Его подбросило на кромке тротуара так, что лязгнули зубы. Велосипед проехал еще немного и остановился в нескольких дюймах от железной ограды.

Машина замерла на середине улицы, выжидая.

Сердце Джона бешено стучало. Опять этот «фольксваген». Водитель или пьяный, или сумасшедший. В обоих случаях незачем рисковать головой. Он увидел впереди узкий переулок и свернул туда.

В машине Трэвис загнал в барабан «кольта» три патрона. Положив револьвер рядом с собой на сиденье, он быстро поехал вперед, на другую улицу.

Едва Джон выехал из переулка, как впереди зарокотал мотор машины.

Его первой мыслью было: «О Господи!» Он поехал по тротуару, изо всех сил крутя педали. Мотор рывкал и хрипел позади, как голодный зверь, почуявший добычу.

Джон, наклонив голову, несясь вперед. Сзади раздался треск и звон разбитой фары; он понял, что машина толкнула его. Быть может, он

обмочился. Проверить это он не мог — штаны еще не высохли. Заметив справа еще переулок, он на полной скорости свернул туда.

Выехав с другого конца, он почувствовал, что глаза ему заливают холодный пот. О боже, зачем кому-то его убивать?

Взревел мотор. «Фольксваген», вылетев из-за угла, устремился к нему.

Нога Джона соскользнула с педали, и велосипед опять свернул на обочину. Там он врезался в мусорные баки и вытряхнул своего седока в груды отбросов.

Трэвис притормозил и высунул в окно руку с «кольгом». Гаденыш, пытающийся украсть его невесту, шарил вокруг, пытаясь найти велосипед. Потом он поднял голову, и Трэвис ухмыльнулся. Отличная цель — прямо между глаз.

Он нажал на спуск.

В этот момент колесо машины попало в выбоину.

Джон увидел вспышку выстрела и услышал, как что-то металлическое ударило в фонарный столб в метре от него.

Заскрежетали тормоза.

— Черт! — крикнул Трэвис и потянулся к поясу за новыми патронами.

Джон кое-как вскарабкался на велосипед и помчался вниз по холму, прочь от остановившейся машины.

Трэвис прицелился ему в спину, но велосипед уже съехал под уклон и исчез в полосе тумана. Трэвис начал разворачиваться, но тут сзади, нетерпеливо гудя, подъехала другая машина. Можно было пристрелить непрошеного свидетеля, но это означало потерю времени. Пресекая все сомнения, где-то неподалеку завывала полицейская сирена.

Трэвис поехал прочь, в безопасное место. Если этот сын Сатаны еще попадется ему, он присыпет его пылью, как говорят у них в Оклахоме.

Пятнадцать

— Вы не пьете витамины, — сурово сказал монсиньор. — Вам явно не хватает железа.

— Нет, сэр, — ответил Джон. — Я в порядке.

— Я отлично знаю, когда кому-то не хватает железа, — Макдауэлл открыл ящик стола и достал оттуда таблетки. — Возьмите. Я их постоянно пью. В определенном возрасте человек нуждается в железе

— Да, сэр, — Джон сунул пузырек в карман.

— А теперь к делу. Я и отец Стаффорд в субботу утром отбываем на католическую конференцию в Сан-Диего. Вернемся в четверг.

— Но... Я думал, что тоже поеду.

— Нет. Я решил взять с собой отца Стаффорда. Непохоже, чтобы вы были в хорошей форме. Это так?

— Да, сэр, — он до сих пор дрожал, вспоминая события прошлого вечера, и поспать ему удалось всего часа три.

— Отлично. Поэтому я оставляю вас за старшего.

Джон кивнул, слабо понимая, о чем идет речь. «За старшего» означало, что ему придется наблюдать за всеми церковными делами с субботы до четверга. Он не сможет увидеть Дебби.

Рука Господа, наконец, возвращала его к реальности.

— Не кивайте. Скажите «да».

— Да, сэр.

— Хорошо. Возьмите вот это, — он вручил Джону расписание обязанностей с субботы до четверга. — В среду у меня будет для вас еще информация. Будьте здесь в десять утра.

— Да, сэр, — он уже встал, когда его осенило. В десять в среду?

— Какие-то вопросы?

Стены, казалось, поплыли вокруг него. Джон ухватился за массивный стол монсиньора, чтобы удержаться на ногах.

— Нет. Никаких.

— Хорошо. Тогда до свидания.

Джон отправился прямо к себе и выпил таблетку с железом. Весь день он провел в чтении и молитвах. Он ни разу не взглянул на

красное X за окном, хотя все время помнил, что оно там. И еще о двух вещах: о мягких грудях Дебби, бреющей его в ванне, и о вспышке выстрела.

Вернувшись домой, он хотел позвонить в полицию. Но тогда его неизбежно допросили бы, и монсиньор пожелал бы узнать, откуда он возвращался на велосипеде так поздно.

Во всяком случае, он остался жив, хотя пуля прошла настолько близко, что он обнаружил в свитере осколки стекла. Кто мог стрелять в него? У него было только два предположения: пьяный или сумасшедший.

Во вторник днем, закончив дела, он переоделся и поехал на велосипеде, куда глаза глядят. К Дебби он не собирался, но колеса сами привели его к знакомому дому. Ее «фиата» не было. Он проехал мимо магазина Гиро, около часа мотался по окрестностям и вернулся назад. «Фиата» все еще не было. Рабочий день, подумал он с горечью.

В среду он проснулся в шесть утра от звона будильника. В десять монсиньор ждет его в офисе, но в это время он уже должен лететь в Лос-Анджелес как талисман порнозвезды. Он встал, принял витамины, умылся и тщательно начистил свои черные туфли.

Без четверти восемь он уже вывел велосипед на улицу. До Дебби можно было доехать минут за пятнадцать, но он хотел избежать встречи с Дэррилом или монсиньором.

Оставив велосипед внизу, он взлетел по ступенькам.

— Лаки! — она бросилась ему на шею и прижала к себе с изумившей его силой. — Хорошо, что ты рано пришел. Поможешь мне успокоиться. Хочешь кофе? Только черный.

— С удовольствием.

Она принесла ему кофе. Чашка по пути дребезжала о блюдечко.

— Прости, я психую. Дядя Джой привезет тебе костюм. Он сказал, что вы с ним достигли... как это... взаимопонимания.

— Да, — сказал Джон. — Мы поняли друг друга.

Он смотрел, как Дебби выпила кофе и проглотила две каких-то пилюли, после чего в ней пробудилась бешеная энергия. Она убежала в спальню и через пару секунд появилась без халата, только в чулках и комбинации.

— Слушай, я не охрипла? Черт, только этого не хватало! Если я простужусь, я же просто умру!

— Все нормально, — успокоил он ее, отводя взгляд от ее грудей. Она боролась с застегивкой черного лифчика.

— Лаки, который час?

— Восемь двадцать пять.

— Черт, я не могу его застегнуть! — ее голос задрожал. — Я... ничего не могу сделать как надо!

Он встал, подошел к ней и осторожно застегнул лифчик.

— Тсс, — прошептал он, обнимая ее за плечи. — Сядь и успокойся.

Вся дрожа, она прижалась к нему. Волна ее черных волос закрыла ему лицо, и он почувствовал, как испуганной птицей бьется ее сердце.

— Подержи меня еще, — попросила она.

Он сжал ее крепче и поцеловал в основание шеи, чувствуя восхитительный запах ее тела.

— Надо собираться! — она вырвалась из его рук и опять понеслась в спальню.

Единорог прополз мимо Джона к одному из горшков с кактусами, где принялся зарываться в песок.

Без семи девять зазвенел звонок. Джон открыл дверь, поскольку Дебби все еще не могла выбрать между юбкой со свитером и своим красным платьем. В дверях стоял темноволосый парень с такими же холодными глазами, что у его отца.

— Ты Лаки? — Джон кивнул. — Это тебе, — он протянул темно-синий костюм, белую рубашку и узкий темный галстук. — Не насовсем. Эй, Дебра, давай быстрее! — он с неприязнью посмотрел на Джона. — Ну давай, одевайся. Хватит стоять столбом. Никто тебя ждать не будет.

Джон с трудом влез в костюм, который оказался на размер меньше. Галстук вообще отказался завязываться.

— Черт, вот урод! — Синклер-младший грубо подтащил Джона к себе, развязал галстук и завязал как надо. — Эй, Дебра! Папа поставил машину в неположенном месте!

— Я готова, — раздался голос из спальни.

Джон и молодой человек устали на Дебби.

Она все же выбрала красное платье, в котором была на исповеди. Черные волосы мягкой волной спускались на загорелые плечи. Лицо горело энергией, а серые глаза смотрели ясно и сосредоточенно.

Она накинула легкий красный жакет, взяла сумочку и вышла. Синклер-младший и Джон поспешили за ней.

В белом «роллс-ройсе», пропахшем сигаретами, сидели сам Джой Синклер и второй его сын.

— Дебра, ты восхитительна, — старик поцеловал ей руку. — Привет, Лаки! Похоже, ты похудел? Джон мрачно улыбнулся, а Джой и его сын захохотали, как гиены.

— Солли ждет вас в Эл-Эй, — объяснил Джой по дороге. — Обед у Спаго в час тридцать. Это классное место, — пояснил он для Джона. — В полчетвертого прослушивание. Солли вас отвезет туда и назад в аэропорт. Самолет в восемь сорок, — он взял руки Дебры в свои. — Так, посмотри на меня. Открой рот. Зубы чистила? Чак, дай ей мятную таблетку.

Молодой человек протянул ей пачку «Клоретс».

— Руки холодные, как лед. Боишься?

— Немного.

— Хорошо. Будешь внимательнее, — внезапно Синклер повернул голову и уставился на Джона. — А ты чего пялишься, говнюк?

— Джой! — резко сказала Дебби. — Лаки — мой друг.

— О, я знаю, что ему нужно, — он раскрыл кошелек, где лежала пачка долларов, и выдал Джону четыре сотенные бумажки. — Это для Дебры. Купишь ей все, что она захочет.

— Спасибо, дядя Джой, — сказала она, не глядя на него.

Через двадцать минут Джон и Дебби уже сидели в самолете. Когда он покати по полю, она схватила Джона за руку.

— Не бойся, — сказал он и поглядел на часы. Ровно десять. Он знал, что монсиньор Макдауэлл тоже смотрит в эту секунду на часы. Самолет взлетел и взял курс на юг.

По пути Дебби взялась рассказывать ему про фильм, в котором собиралась сниматься.

— Называется «Дети радиации». Это фантастика, как после атомной войны все мутировали и приобрели всякие сверхъестественные силы. И вот плохие мутанты борются с хорошими. Я должна играть хорошую мутантку Тони. У нее сиськи светятся в темноте.

Он не смог сдержать улыбку.

— И вот она охраняет хороших — это они и есть Дети радиации — от плохих. Она настоящая героиня!

Джон предпочел промолчать.

У трапа их встретил Солли Сапперстайн — тощий желчного вида мужчина лет сорока в дорогом сером костюме. Он говорил громко, с режущим слух северным акцентом, и избегал при разговоре смотреть на Дебби.

Джону он вообще не уделил внимания. Они сели в черный «кадиллак» Солли и поехали на Сансет-бульвар, к Спаго.

Это оказалась простая пиццерия, хоть и с запредельными ценами. В пиццу здесь клали такие вещи, как козий сыр и кроличьи потроха. Дебби заказала только салат и ела, не снимая темных очков. Джон присоединился к ней, а Солли отважился на пиццу с утятинной и чесноком.

— Дебра, поздравляю! — сказал он, широко улыбаясь. — Посмотрел «Животный жар». Ты горячая, как атомная бомба.

— Спасибо, — Дебби чуть сдвинулась на стуле.

— Ты видел? — прежде чем Джон решил, что ответить, Солли продолжил. — Там у парня такой хер! Был бы у меня такой — держись, детка!

— Прошу вас, тише, — Джону показалось, будто в желудке у него лежит камень.

— Нет, ты молодец! — не успокаивался Солли. — Хоть немного этого жара сегодня на пробах, и дело в шляпе.

Дебби сняла очки. Глаза ее заблестели; в них опять пробуждалась Дебра Рокс.

— Может, переспать с ними?

— Нет, детка. Они в такие игры не играют. Они вкладывают миллионы, и им нужны актрисы, а не... — он осекся и откусил кусок пиццы. — Короче, и не пытайся.

Дебби опять надела очки и отвернулась к окну.

— Успокойся, — Джон взял ее за руку.

— Точно. Послушай своего приятеля, — усмехнулся Солли.

Потом они долго ехали, и Джон держал руку у нее на плече, чувствуя, как она дрожит. Он забыл уже про церковь и думал только о том, как успокоить ее.

Киностудия «Яркая звезда» больше всего напоминала облезлый склад, но стоянка перед ней была переполнена БМВ, «мерседесами» и «ягуарами» последних моделей.

— Не уходи, — шепнула Дебби, и они быстро пошли к зданию вслед за Солли Сапперстайном.

Шестнадцать

Здесь было тихо, как в центре тайфуна. Солли сказал секретарше, что привез мисс Дебби Стоунер на встречу с мистером Кармином. Она повторила сообщение в трубку.

— Не беспокойся, детка, — шепнул Солли. — Я расхвалил тебя им, как мог.

— Спасибо.

— Мистер Сапперстайн и мисс Стоунер? — окликнула секретарша. — Мистер Кармин ждет вас в комнате Е по коридору направо.

— Спасибо, — Дебби встала и пошла в указанном направлении, держа за руку Джона.

— Простите, мистер Сапперстайн. Только вы и мисс Стоунер.

— Что это значит? — улыбаясь, спросил Солли. — Вы же видите, нас трое.

— Записаны только двое.

— Но это друг мисс Стоунер.

— Видите ли, у нас правило, — голос женщины был холодно-профессиональным. — На пробах не присутствуют никакие друзья, подруги, родители. Только агент.

— Извини, детка. Правила есть правила, — обратился Солли к Дебби. — Лаки останется здесь.

— Нет! — в ее глазах за стеклами очков вспыхнула паника. — Он должен идти со мной!

— Чего ради? Посидит здесь, а потом ты вернешься и сообщишь ему хорошую новость.

— Нет! Он пойдет со мной.

— Решайте быстрее, — вмешалась секретарша. — Мистер Кармин ждет.

— Иди. Я подожду.

— Нет, Лаки! Я не могу без тебя!

Джон снял с нее очки — страх в ее глазах разрывал ему сердце, — и положил ей руки на плечи.

— Послушай. Ты же актриса. Так иди и играй. Играй так хорошо, как только сможешь. Представь, что я с тобой.

— Я... не могу...

— Ты *должна*.

— Дебби, пошли, — сказал Солли.

Она заглянула ему в глаза, будто он был единственной соломинкой в бурном море, за которую она могла ухватиться. Потом Солли схватил ее за руку и потащил.

Джон сел в кресло и взял со столика «Тайм». Ладони у него были потными.

Комната Е представляла собой сцену, окруженную серыми стенами и опутанную проводами. За длинным столом сидели трое мужчин. Средний из них — молодой, розовощекий, в гавайской рубашке — встал при их появлении.

— Мистер Сапперстайн. Мисс Стоунер. Рад вас видеть. С мистером Катценвейтом вы уже знакомы, — он указал на седого толстяка справа. — А это мистер Ройер, — бородач слева. — Мистер Сапперстайн, пожалуйста, сюда, — жест в конец комнаты. — А вы сюда, — он указал Дебби на стул в центре.

— Держись, — прошептал Солли, отходя.

На стуле Дебби лежала табличка «Дети радиации». Она сняла ее и села на негнущихся ногах. Удары сердца отдавались во всем ее теле.

— Не волнуйтесь, мисс Стоунер, — сказал Кармин. — Нам требуется от вас ясное понимание стоящих перед вами задач. Предварительная проба оставила у нас весьма неплохое впечатление. Похоже, вы хорошо чувствуете роль Тони, — он взглянул на Ройера, изучающего анкету Дебби, по которой она снялась в трех итальянских исторических фильмах и сотрудничала с впечатляющим количеством рекламных компаний. — Начнем?

Дебби не переставала дрожать. «Эх, сейчас бы кокаину!» — подумала она в отчаянии.

— Успокойтесь, — Кармин передал ей текст сценария с отмеченным фломастером местом. — Читайте сцену восемь, где Гато встречает Тони. За Гато читаю я. Готовы?

— Готова, — сказала она хрипло. «Соберись же, чертова дура! Ты же профессионалка!»

— С верха страницы, — Кармин уселся в кресло. — «Так что это значит, красотка?»

— «Это значит, мальчик, что... что Страшилы этого так не оставят. Они придут за тобой со всеми своими бластерами, а потом...»

— Пойдите. Мисс Стоунер... Дебби... Мы хотим, чтобы вы подчеркивали ваш южный акцент, а не смягчали. Еще раз сначала.

Она кивнула.

— «Это значит, мальчик, Страшилы этого так не оставят. Они...»

— Не могли бы вы встать? — попросил Катценвейт. — Мы хотим взглянуть, как вы держитесь.

Она встала.

— «Это значит, мальчик, что Страшили этого так не оставят. Они придут за тобой со всеми своими бластами...»

— Бластерами, — сказал Кармин. — Пожалуйста, читайте, как там написано.

— Извините, — она прокашлялась и начала снова.

— «...будь я тобой, я бы нашла чудную маленькую дырочку, где можно спрятаться».

— «Это что, предложение?» — прочитал Кармин.

— «Если у тебя есть деньги, у меня найдется товар».

— Кто там? — раздраженно спросил Кармин.

Она подняла голову, ожидая увидеть Лаки, но это оказался незнакомый мужчина в черной рубашке.

— Билл, я принес тебе кое-что любопытное, — в руке он держал пакет.

— Кейт, у нас пробы. Подожди. Мисс Стоунер, прошу вас.

— «...товар, — продолжила она, старательно подчеркивая южный акцент. — Я покажу тебе такое, что тебе и не снилось, мальчик. Я могу дать тебе», — подняв глаза, она увидела, что Кейт выкладывает на стол какие-то журналы.

— «...все», — прошептала она, и слово повисло в наступившей тишине.

Кармин отложил сценарий и смотрел теперь на журналы. Это были «Сплетник», «Эротическое кино» и дешевка, где она снималась пару лет назад, под названием «Крутые телки».

Кармин показал двум другим фото на обложке «Эротического кино», и они начали шептаться. Дебби подпрыгнула, когда на плечо ей легла рука. Это был Солли.

— Тихо, — шепнул он.

— Проба закончена, — тихо сказал Кармин, поглядев на нее.

Дебби смогла только тихо простонать.

— Эй, послушайте! Вы не можете просто так нас выгнать! — сказал Солли с замороженной улыбкой.

— Именно это я и сделаю, мистер Сапперстайн. У вас железные нервы. В апреле вы пытались пропихнуть в «Висту» стриптизерку на роль в семейном фильме. Поэтому мы обратились в исследовательский центр. Не зря же они получают деньги!

— Послушайте, Билл... Посмотрите на нее, — Солли широким жестом указал на Дебби. — Она же звезда! Конечно, неотшлифованная, но вложите время и деньги, и она...

— Мы не финансируем потребности порнозвезд в кокаине, — отрезал Ройер. — Мы работаем с миллионерами, понятно? Как у вас хватило наглости вообще привести сюда эту, — он заглянул в журнал, — Дебру Рокс?

В голове у нее пульсировала боль. Рука Солли давила на плечо невыносимой тяжестью. Сжав кулаки, она с ненавистью смотрела на этих людей, говоривших о ней так, будто она была *вещью*.

— Вы можете использовать ее, — настаивал Солли. — Дайте ей шанс, и вы будете грести деньги лопатой.

— Да, и разрушим нашу репутацию, — вставил Катценвейт.

— Проба закончена! — громко повторил Кармин.

— Нет, не закончена! — хлестнул по стенам ее хриплый голос.

Все они — Кармин, Катценвейт, Ройер, Кейт — уставились на то, что вдруг возникло перед ними.

Это была Дебра Рокс, и исходящий от нее жар опалил их лица. Испуганная маленькая южанка исчезла; ее сменила женщина, полная такой грозной силы, что даже Солли отступил на шаг. Она швырнула на пол сценарий, и они испуганно отшатнулись. Поступью тигрицы она подошла к столу.

Она взяла номер «Сплетника», раскрыла его на своей фотографии и ткнула в лицо Кармину.

— Нравится, Билли? — голос ее был сталью, обернутой в шелк. — Пошли, ты мне скажешь, как тебе это нравится.

— Мисс Стоунер, вы...

— Моя фамилия *Рокс*. Запомни это, Билли, — облизав палец, она провела им по его нижней губе. Он обмяк в кресле, и она перешла к Ройеру. Она двумя пальцами взяла его за ноздри. — Ты нюхаешь кокаин? А полизать не откажешься? Я могу показать тебе, как лижут кокаин из таких мест, о каких ты и не мечтал, — еще шаг, и она оказалась перед Катценвейтом. — Поговорим о репутации, Катци? Посмотри на это, — она медленно, широким движением, повела бедрами. — Как тебе? Ты подошел близко к огню, Катци. Сунь в него свою деревяшку, и она сгорит... о-о-ох, как сгорит, — следующим был Кейт. Она раскрыла «Крутых телок» на фото, которое, как она знала, было там. — Видишь этого парня на мне, мальчик? У него прибор двенадцать дюймов, и он вошел в меня ве-е-есь. Весь, — она медленно облизала палец. — До. Последнего. Дюйма.

Кейт тихо застонал. Рука Кармина потянулась к паху.

Дебра Рокс пошла к двери, маня их за собой. Они сидели с приоткрытыми ртами, не двигаясь. Солли с белым лицом прижался к стене.

— Я тут снялась в новом фильме «Животный жар». Я сейчас уйду и думаю, что оч-чень скоро вы побежите туда, где его показывают. Запомните мое имя и позвоните, если соскучитесь. Понятно? — с убийственной улыбкой добавила она. — Вот *теперь* проба закончена, — и хлопнула дверью.

— Да, детка! — воскликнул Солли, семена следом за ней. — Вот это игра!

С упрямо сжатыми губами она мерила шагами длинный угрюмый коридор.

— Я художница, — бросила она ему. — Только моя кисть — это хер.

Джон встал, сразу увидев, что что-то не так. Дебби прошла мимо секретарши, показав ей «козу» и вышла.

— Хочешь выпить? — спросил Джон. У тебя такой...

— Ты должен был пойти со мной! — крикнула она. — Тогда все было бы хорошо.

— Они все равно узнали про Дебру Рокс, — пояснил Солли. — Должно быть, обошли все секс-шопы.

Дебби дрожащими руками достала из сумочки золоченую коробочку и соломинку.

— Черт с ними! Черт с ними со всеми!

Джон не мог больше сидеть и смотреть, как она травится. Он вырвал у нее коробочку и, открыв дверцу, выбросил ее на дорогу. Взялось белое облачко, и все исчезло. Дебби смотрела на него, раскрыв рот.

— Ты убиваешь себя этой дрянью! — крикнул он. — Я не хочу смо...

— Ах ты ублюдок! — она набросилась на него.

Джон отлетел к двери.

— Эй, кончайте! — прикрикнул на них Солли.

Но она уже ничего не слышала. Одной рукой вцепившись в волосы Джона, она молотила его головой об машину, а другой била его по лицу, не переставая обзывать его последними словами. Джон рванул ее на себя и обхватил руками. Она оказалась на нем, и прямо в лицо ему заглянули ее глаза, искаженные злостью. Потом она схватила его за воротник и принялась бить его головой о крышу.

— Дебби, прекрати! — прохрипел он.

Он не понял, как и когда это случилось, но вдруг ее руки обвисли вокруг его шеи, и губы прошептали, все еще задыхаясь от слез:

— Лаки, миленький, ударь меня! Ну, прошу тебя, ударь!

Джон отпустил ее, и она села рядом, продолжая твердить, чтобы он ее ударил.

— Да не хочу я тебя бить! Я люблю тебя!

Вот оно. Это запретное слово.

Ее лицо застыло, руки перестали цепляться за его костюм. Она замолчала, и он увидел, как из ее глаза, дрожа, катится единственная слеза.

— Ты... должен был пойти со мной, — прошептала она.

И тут она зарыдала в голос. Он прижал ее к себе, чувствуя, как промокает его костюм.

— Лаки, куда ехать? — спросил спереди Солли. — Город большой.

— В какое-нибудь тихое место.

Пока Дебби продолжала рыдать, Джон делал такое, чего раньше не мог представить даже в страшном сне — гладил ее волосы, крепко

прижимал ее к себе, баюкал в своих объятиях. Наконец она затихла и без сил легла на его плечо.

— Малибу! — объявил Солли с видом заправского гида.

Джон никогда раньше не видел Малибу, но много слышал о нем. Однако в вечернем свете пляжи казались серыми, а здания вокруг напоминали огромные бараки.

— Я тут жила, — слабым голосом сказала Дебби, указав на один из барачков, и снова упала на Джона, захваченная воспоминаниями.

Солли доехал до конца пляжа и развернул машину.

— Куда теперь, босс?

— Форест-Лаун, — сказала Дебби.

— Это же кладбище.

— Я знаю, болван, — ее голос был еще слабым, но в нем слышались повелительные нотки. — Вези нас туда.

— Ладно, ладно. Только не груби, — Солли нажал на газ.

Семнадцать

Пока они искали указанное Дебби место на громадном кладбище Форест-Лаун, солнце склонилось к закату. Оранжевый свет сделался пурпурным, потом синим.

— Останови, — попросила Дебби. Она вышла и направилась к одной из могил мимо пышных и скромных памятников и надгробных плит. Там она и стояла, пока Джон не подошел к ней. Он увидел бронзовую табличку с надписью «Линн Филлипс». Умерла в середине августа прошлого года, в возрасте двадцати трех лет.

— Мы с ней жили вместе. Были подругами. Безо всякого там секса, просто... подругами. Я придумала ей псевдоним: Чери Дэйн. Знаешь, почему? Она обожала пироги с вишней. Знали бы все парни, которые сходили по ней с ума, что ее называли в честь пирогов с вишней!

— А что с ней случилось? Наркотики?

— Нет! — почти крикнула Дебби. — Она не кололась! Просто кто-то пришел в ее квартиру в Санта-Монике... связал ее и утопил в ванне. Копы никого не нашли да, похоже, и не искали. Знаешь, как они нас называют? Двуногая приманка! Я начинаю уже в это верить.

— Почему?

— О... на этой неделе убили еще одну мою подругу. Джени Маккулло. Мы с ней играли в «Суперплоти». Этот фильм крутили везде, он сделал самые большие сборы. Кто-то разбогател на этом, но только не мы, — она поглядела на табличку. — Эх, Линн, сколько я тебе говорила — не пускай к себе незнакомых людей! Но она могла одолжить дьяволу тысячу и ждать, когда он отдаст, — она горько усмехнулась. Увидев поблизости чью-то свежую могилу, украшенную цветами, она взяла один из букетов и положила на могилу Линн. — Это тебе, дорогая. Чтобы ты была нарядной.

Джон поглядел на часы:

— Нам нужно перекусить где-нибудь до самолета.

Дебби отошла, но вдруг остановилась и повернулась к нему.

— Смотри, синий мир!

— Что?

— Тише, — она приложила палец к губам. — Смотри.

На кладбище было тихо. У подножия плит и надгробий залегли глубокие синие тени, и даже воздух казался индиговым. Ветерок шелестел пальмовыми листьями. По одной из близлежащих улиц проехал автомобиль, осветив все вокруг синим светом фар.

— Видишь? Это синий мир. Мы с бабушкой в такие минуты любили сидеть на крыльце, и она пела мне старые песни, которые ей пела ее мама. Песни, которым очень много лет, — она улыбнулась, и Джон увидел, что она смотрит на юго-восток.

— Бабушка говорила, что из синего мира приходит ночь, но бояться ее не надо. Еще она говорила, что синий мир — это утешение Господа нам. Он означает, что завтра наступит новый день. Глупо, правда?

Джон ничего не сказал. Он только слушал и смотрел на ее лицо в сумеречном свете.

— Странно, правда? — она подошла к памятнику и потрогала холодную мраморную поверхность. — Люди каждый день рождаются и умирают, и никому до этого нет дела. Все заняты своими делами, — она подняла на него глаза. — Знаешь, я хочу уйти из этого дела. Что-то не так, а я не знаю, что. Но что-то очень сильно не так.

Она опустила голову, и Джон услышал рыдания — те же безутешные рыдания потерявшегося ребенка, что тогда в церкви. Он пошел к ней, чтобы сказать, что он не Джон Лаки, а Джон Ланкастер, католический священник...

— Подожди, — сказала она. — Не трогай меня.

Он остановился. Момент прошел. Ничего он ей не скажет.

— Извини, — она взяла его за руку и заглянула в лицо. — Похоже, я наставила тебе синяков. Может, мне переключиться на женский бокс?

— Я бы не удивился.

— Послушай, не сердись. Может, это из-за того, что ты меня не трахнул. Но ты все равно мой Лаки, правда? Родственная душа?

— Конечно.

Она кивнула. Синий мир исчезал, и все вокруг затягивалось темнотой.

— Пошли, — она потянула его к машине. — Съедем по бургеру.

В десять вечера они уже катили по Приморскому шоссе в белом «роллс-ройсе» Джоя Синклера.

Синклер курил сигару. Вид у него был подавленный.

— Солли мне уже позвонил, — сказал он. — Вот козел! Не смог сделать такую малость.

— Солли ни при чем, — отозвалась Дебби. Она сняла очки и задумчиво глядела на красный огонек сигары. — Просто они навели справки.

— Да, — Синклер замолчал и откинулся на сиденье. Впереди засветились огни Сан-Франциско. Джон увидел, как старик ласково гладит колено Дебби. — Ничего, девочка. Ты звезда. Твои фильмы идут в трех сотнях киношек. Что еще нужно для счастья?

Она молчала.

— Чак, отведи наших друзей наверх, — сказал Синклер сыну, когда они приехали к дому Дебби. Дождик поливал улицу, делая ее похожей на черное стекло. Дебби вышла, но Джона Синклер придержал за рукав.

— Слушай, Лаки, ты не педик?

— Нет.

— Может, у тебя СПИД?

— Нет.

— Это хорошо. Дебра по тебе сохнет, я это вижу. Ты когда-нибудь снимался в кино?

— Нет, — выдавил из себя Джон.

— Неважно. Как тебе идея: снять вас вместе? Мы выпустим еще отдельные фото, а потом сообщим, что вы и по-настоящему любовники. Правда, здорово?

Джон встал, раскрыв рот. Хорошо, что в темноте Синклер не видел отвращения на его лице.

— Подумай над этим. Костюм отдай, а деньги можешь оставить себе. Плата за услуги, — хохотнув, «дядя Джой» уехал.

Наверху Джона уже ждал Чак:

— Снимай костюм! — Джон направился в ванную, но Чак схватил его за рукав. — Ты что, глухой? Снимай здесь да поживее.

Джон снял костюм и остался стоять в белье.

— Пока, Дебра! До завтра! — Чак хлопнул дверь.

— Завтра? — он побрел в ванную и увидел, что она уже разделась и ожесточенно чистит зубы. — Что будет завтра?

— Работа. Съемки в китайском квартале. Хочешь, поедem, посмотришь?

— Нет, — он встал у двери, глядя на Единорога, сидящего в своей коробке, как сфинкс. — Я сейчас оденусь и у...

— Нет! — глаза Дебби расширились, и она выплюнула остатки пасты. — Лаки, Останься со мной!

— Я не могу. Моя... другая подружка...

— Лаки, ты мне нужен. Я не хочу спать сегодня одна. Понимаешь? Дебби, я...

— У меня есть чистые простыни. Пойдем покажу, — она взяла его за руку и потащила в спальню, где продемонстрировала хрустящие белые простыни. — Мы должны отпраздновать.

— А есть что праздновать?

Она задумалась:

— Есть! Наш самолет не разбился.

Он засмеялся, и она крепко обняла его.

— Если ты не хочешь тра... изменять своей подружке, то я тебя не неволю. Мне это не нравится, но я тебя пойму. Просто ложись рядом и обними меня. Ладно?

Джон так и сделал, и на этот раз ничто в его душе не восставало против такого решения.

Они лежали рядом, и она тихонько гладила его грудь.

— Знаешь, я хочу проколоть тебе ухо, — сказала она наконец.

— Нет, спасибо.

— Это будет так сексуально! Я принесу льда...

— *Hem!*

— Дай мне сделать это, или я пойду нюхать кокаин.

Он поглядел на нее. Она не шутила. Он закрыл глаза, потом открыл — она по-прежнему ждала его ответа.

— А это больно?

— Немного. Но я приложу лед, и все быстро пройдет, — она пошла на кухню, и Джон услышал, как она высыпает лед в миску. Единорог подобрался к кровати, словно предвкушая интересное зрелище.

Дебби вернулась с миской льда, влажной тряпкой и иглой, которую тут же накалила на спичке.

— Наклони голову. Потерпи секунду, и все будет готово.

Он помнил, как то же говорил ему дантист, а потом боль заставляла его кричать.

Игла вонзилась в его плоть.

Из глаз у него брызнули слезы, и он схватил Дебби за руку.

— Тихе, тихе. Почти готово, — она продела иглу сквозь мочку уха, выдернула и стерла тряпкой капельки крови.

— Еще раз, — она снова ввела иглу и оставила ее в ухе. — Я знаю парня с пятью дырками. Хочешь, сделаю тебе две?

— Нет! — быстро сказал он. — Хватит одной.

— Тогда все. Только знаешь что, дырка быстро зарастет, если ты ничего туда не вставишь, — она откинула волосы со своего левого уха и вынула одну из сережек — всего их было три. — Вот, возьми. Это настоящий бриллиант.

Она вставила сережку ему в ухо — новый приступ боли, — и застегнула ее.

— Готово.

О Господи, подумал он, слава Тебе. Я не закричал.

Она подцепила пальцем одну из его слез и облизала ее. Потом отнесла на кухню орудия пыток и опять легла рядом с ним.

Ночью Джон проснулся от звука ее рыданий. Он осторожно повернулся, и рыдания тут же перешли в сдавленное сопение.

Так он лежал еще долго, слушая, как Дебби Стоунер выплакивает свою боль.

Восемнадцать

В дверь нетерпеливо постучали.

— О, блудный сын вернулся! — на пороге стоял отец Стаффорд. — Джон, ради всего святого, где ты был вчера весь день? Макдауэлл тебя обыскался, — глаза его расширились, и Джон знал, почему. — Что это у тебя в ухе?

— Бриллиант, — он пошел в ванную. Было восемь часов утра, и он вернулся от Дебби всего полчаса назад.

— А-а. Прекрасно! Может, объяснишь что-нибудь? Ты пропадаешь на весь день и ночь и возвращаешься с серьгой в ухе. Что... — он прервался, глядя в сторону двери. По выражению ужаса на его лице Джон понял, кого он там видит.

— Отец Ланкастер, — тихо сказал монсиньор, отодвигая потерявшего дар речи Дэррила. — Вы пропустили вчерашнюю встречу. Я постучал к вам, а потом попросил сторожа открыть дверь. Странно, но вас там не было. Не было вас и в других местах. Не будете ли вы так любезны объяснить, где же вы все-таки были?

— Я... я был у больного друга.

— О! — монсиньор с циничной усмешкой обернулся к Дэррилу. — Джон весь день и всю ночь провел с больным другом, не позвонив ни разу нам. Какая забота о ближнем! — за его спиной Дэррил сокрушенно провел ребром ладони по горлу.

— Мой друг во мне нуждался.

— А что если мы тоже в вас нуждались? Разве у вас нет обя... *что это?*

— Где?

— У вас в ухе!

Голос Макдауэлла прогремел в тесном пространстве ванной, как раскат грома.

— Снимите это. Немедленно!

Это был голос, лишенный каких-либо признаков разума или души, больше всего похожий на рев разъяренного быка. Джон почувствовал, как лицо его заливают краска гнева.

— Нет, сэр, — тихо сказал он. — Не сниму.

Макдауэлл задохнулся, беззвучно разевая рот. На носу у него вздулись багровые прожилки, при виде которых Джон вспомнил упорные слухи, что монсиньор много пьет.

— Снимите! Иначе я сам это сделаю!

— Если проколотое ухо лишает меня священства, — сказал Джон, — то не лишает вас его ваш нос?

Макдауэлл разинул рот. У Дэррила был такой вид, будто его сейчас хватит удар.

— Вы без спроса проникли в мою квартиру, — он знал, что лучше остановиться, но его понесло. — Я провел с другом весь день и ночь. Сожалею, что не смог вас известить, но вряд ли это такое уж преступление. Разве я не могу иметь друзей? Разве я не *свободен*?

— Вы сошли с ума, — выдавил Макдауэлл.

— Нет, сэр. Я выздоровел. Поглядите на нас! Три ворона в золотой клетке! Мы сидим здесь, молимся, читаем и ничего не видим! — он вышел из ванной и подошел к огню — Там реальный, грешный мир. Конечно, мы заботимся о нем... клеймим раскаленным железом средневековых проклятий! Мы забыли о людях, о реальных людях из плоти и крови, а не строчках в вашей чертовой ведомости!

— О Господи, — выдохнул монсиньор. — Похоже, нам нужен экзорсист.

— Я и об этом! Мы валим все на Сатану и не видим, почему *люди* творят зло. Встречаясь с Сатаной лицом к лицу, мы запираемся от него в церкви! У нас не хватает пороку спуститься к нему в ад и там сразиться с ним. Если не мы сделаем это, то кто?

Дэррил опустил голову. Он понял, что вдохновило эту тираду: визит Джона на Бродвей.

— Сожалею, — сказал Джон, но тут же поправился. — Нет. Боюсь, мне не о чем сожалеть.

— А мне есть о чем, — подал голос монсиньор. — Вы в серьезной опасности, Джон. В серьезнейшей. В десять часов я вручу вам график дел на наше отсутствие. Когда мы вернемся, мы с вами вплотную обсудим ваше будущее в соборе святого Франциска, — он пошел к выходу, потом остановился. — Могу я доверить вам дела или мне лучше известить епископа Хагена?

— Можете доверить их мне, — прошептал Дэррил.

— Прежний я умер. И слава Богу. Я был слеп, глух и нем.

— А теперь прозрел?

— Теперь я не боюсь смотреть.

Дэррил хотел сказать еще что-то, но только махнул рукой и тоже вышел.

Джон закрыл дверь и вернулся в ванную. Глаза у него были красные, как у кролика. Он всю ночь слушал, как плачет Дебби. Он не сможет увидеться с ней сегодня. И завтра, и дальше до самого четверга. А потом он пойдет к ней и признается во всем. Конечно,

это будет шок, но он должен это сделать. И не по телефону, а лично. Хотя... она еще не готова к этому. А когда она будет готова? И будет ли вообще?

Он подошел к окну и поглядел на мокрую улицу. Как проследить за Дебби, удержать ее от безумных шагов? Для этого ему нужно находиться в двух местах одновременно. Или иметь две пары глаз.

Вот оно! Глаза. Присмотр.

Он взял «Желтые страницы» и отыскал раздел детективных агентств. В длинном списке нашел ближайшее к собору. «Хосс-Босс. Розыски пропавших, расследования, слежка и охрана».

Джон набрал номер.

Только на третьем звонке хриплый голос прогнусавил в трубку:

— Агентство «Все виды расследований» Хосс-Босс.

— Я хотел бы сделать заявку. Если можно, на сегодняшний день.

— Погодите, узнаю у секретарши, — молчание в рубке. — Можете подъехать через полчаса?

— Боюсь, что нет. Только днем. Скажем в полпервого.

— Отлично. Жду вас в полпервого. Ваше имя?

— Отец Джон Ланкастер.

— О-о. А я Хосс Тигартен. Жду вас, отец.

Джон повесил трубку, думая, чем будет расплачиваться. Что ж, у него осталось триста шестьдесят два доллара из денег Джоя Синклера. По крайней мере, они пойдут на благое дело. Потом он позвонил в цветочный магазин и попросил послать дюжину красных роз по адресу мисс Дебби Стоунер.

Девятнадцать

Скрипучий лифт доставил Джона на пятый этаж дома на Гринвич-стрит, такого ветхого, что оставалось удивляться, как он пережил последнее землетрясение.

За матовой стеклянной дверью, напомнившей Джону «Мальтийского сокола», он увидел кабинет, заваленный папками, газетами и другими бумагами. В пепельнице дымила недокуренная сигарета. Оглядевшись, Джон обнаружил и хозяина — лысеющий толстяк в клетчатой рубашке развалился в кресле. Из наушников на его голове неслись звуки «Илущих в грозу». При виде Джона он энергично вскочил и дернул наушники:

— Садитесь, святой отец. Сюда, сюда, за мой стол.

Джон нерешительно сел. Стол напоминал гнездо сумасшедшей крысы. Тигартен без церемоний смахнул разбросанные бумаги в корзину.

— Что-то вы рано. Я думал, вы придете позже.

— Без десяти час, — напомнил ему Джон.

— А-а! Вот дерьмовые часы!

— Простите. Я, похоже, не туда попал, — Джон начал вставать.

— Подождите минутку, святой отец! Только скажите, на кого я похож? — он снял со стены позади себя ковбойскую шляпу и нахлобучил себе на голову.

«На придурка», — подумал Джон, но тактично промолчал.

— Хосс! Помните Дэна Блокера из «Бонанцы»? Все говорят, что я похож на него!

— Я лучше пойду в церковь, — Джон встал.

— Собор святого Франциска? Да, вы служите там четыре года, а до этого были священником в Сан-Матео и в церкви святого Марка во Фресно? Так?

Джон медленно повернулся к Хоссу Тигартену.

Электрически-синие глаза толстяка глядели на него с торжеством.

— Родились вы в Медфорде, штат Орегон, но, когда вам было двенадцать, ваши родители переехали во Фресно. Нейл и Элен Ланкастер до сих пор живут там.

— Да.

— Ваш отец работает в отделе сбыта у «Форда». Вроде все.

— Как... вы об этом узнали?

— Все очень просто, когда есть телефон и немного навыка. Я позвонил вашему епископу. Хаген, правильно? Говорил с его секретаршей. Бьюсь об заклад, вы не догадываетесь, что имеете дело со старым миллионером, который хочет пожертвовать молодому священнику крупную сумму за то, что тот помог его жене перейти улицу.

— Но зачем это все?

Тигартен хрипло рассмеялся:

— Святой отец, у меня мало клиентов. Я хотел, чтобы вы убедились, что со мной можно работать.

Джон промолчал.

— Так что вы хотели?

Джон вернулся к столу и сел.

— Я хотел, чтобы вы проследили за одним человеком. Точнее, чтобы вы его охраняли. Вы ведь занимаетесь охраной?

— А как же!

Джон не очень-то в это верил, но отступить было поздно.

— Это девушка. Ее зовут Дебби Стоунер, — он назвал адрес. — Она... актриса.

— О! И где она играет?

— Она... она снимается в эротических фильмах.

— Это называется «порнуха», — поучительно заметил Тигартен.

— Я хочу, чтобы вы следили за ней. Охраняли. Не знаю точно, но...

— Вы хотите, чтобы я стал ее ангелом-хранителем? Отлично!

Они договорились, что Тигартен будет наблюдать за Дебби и извещать Джона о ее местонахождении. Если же она попадет в беду... «Мне не задаром дали коричневый пояс», — слегка обиженно ответил толстяк.

Он с радостью принял триста шестьдесят два доллара в качестве задатка.

В то же время, когда немного успокоившийся Джон выходил из дверей агентства «Хосс-Босс», жена Гиро Анна показывала племяннику — тощему черноволосому юноше, — фотографию Дебби Стоунер.

— Взгляни, Джулиус! Правда, ты не видел такой красавицы больше нигде?

— Да, хороша, — согласился Джулиус. Он слегка скучал в обществе родственников, хотя они хорошо его угощали. Дядя Гиро храпел по ночам, а тетя Анна надоела ему повторением одной и той же

сан-францисской шутки: что мост Золотых Ворот скрипит всякий раз, когда по нему проходит девственница.

Джулиус немного знал женскую половину города и не без оснований считал, что мосту вряд ли грозит опасность обрушиться.

— Отличная девушка! — трещала Анна. — Ты обязательно должен с ней познакомиться.

— Анна! — воскликнул Гиро. — Смотри-ка, у него заблестели глаза!

Тут их отвлекли покупатели, а Джулиус принялся рассеянно рассматривать магазинные полки.

Его внимание привлекли глянцевые обложки журналов. Особенно одного из них. Он взял «Обозрение фильмов категории X» и начал листать. Господи, и где они таких берут! Он жадно ел глазами загорелые тела, изогнувшиеся в приступе похоти. А имена — Синди Фанн, Пола Энджел, Дебра Рокс...

Стоп! Это лицо он где-то видел!

Через пару минут Джулиус подошел к прилавку. В руке он держал два фото — для сравнения.

— Тетя Анна, не могли бы вы подойти на минутку?

Двадцать

Без десяти пять зеленый «фиат» Дебби подъехал к ее дому. Она вышла, чувствуя легкую усталость. Парень был худой, но... пожалуй, интересный.

Ее кожа, казалось, еще горела от света юпитеров. Съёмки всегда забавляли ее: заниматься этим при ярком свете, под команды оператора и соленые шуточки съемочной группы! Но сегодня она была мрачна и делала все автоматически: поездка в Лос-Анджелес укрепила ее в мысли, что все скоро кончится.

Вечером придет Лаки. Он не говорил, что придет, но он должен прийти. Она отведет его в другой клуб — «Золотую шпагу» на Полк-стрит. Там ему уж точно должно понравиться.

Она решила пополнить запасы провизии и купить еще белого вина. Наскоро переодевшись, она побежала к Гиро: милая девушка в джинсах и белом свитере, с волосами, связанными в пучок.

— Добрый день, Анна! — сказала она и быстро вошла в зал. Выбирая вино, она увидела неподалеку Гиро.

— Добрый день! — он не отвечал. — Эй, это я, Дебби Стоунер! Я выиграла в лотерею!

Гиро повернулся к ней спиной. Сзади кто-то подошел; это была Анна, лицо которой превратилось в пылающую гневом маску.

— Анна, что...

Анна взяла банку лизола и молча принялась поливать свитер Дебби.

Дебби отшатнулась и налетела на полку. Раздался звон бутылок.

— Анна, прекратите! Пре...

Анна брызнула лизолом в лицо Дебби, в ее раскрытый рот.

— Ах ты шлюха! Проваливай! Катись отсюда, дрянь! — она схватила Дебби за волосы и поволокла к выходу. — Ты издевалась над нами все это время! Вон отсюда, сука! Убирайся в ад!

Покупатели расступились, увидев, как милая хозяйка магазина колотит упавшую девушку шваброй.

— Убирайся, тварь! Мы видели твои фото! Мы знаем теперь, кто ты! Увертываясь от ударов, Дебби поняла, что случилось. Каким-то непостижимым образом Гиро и Анна узнали, что Дебра Рокс и Дебби Стоунер — одно и то же.

— Вон! — закричала Анна и снова ударила ее шваброй.

Шатаясь, Дебби поднялась на ноги и выбежала в дверь.

— Держись отсюда подальше, маленький кусок дерьма! — крикнула Анна ей вслед. — Мало ей! От этих фото порядочного человека просто тошнит. — Анну и стошнило — потому у нее такое опухшее лицо.

Гиро осторожно взял у нее швабру и прижал к себе.

— Все, Анна. Все. Она ушла.

Анна уткнулась ему в плечо, сотрясаясь в рыданиях.

Дебби бежала домой. Она миновала медленно ехавший мимо серый «фольксваген», споткнулась и упала, ободрав ладони. Она сидела на тротуаре и плакала; перед ней, как в калейдоскопе, пронесли ужасные слова, которыми ее наградили.

Шлюха.

Тварь.

Маленький кусок дерьма.

На лестнице она еще раз упала и подвернула ногу. Колоссальным усилием воли она втащила себя в квартиру и захлопнула дверь.

Самообладание покинуло ее. Она лежала на ковре и плакала, плакала так, что разрывалось сердце. Единорог прополз мимо, шевеля черными бусинками глаз.

Шлюха.

Тварь.

Маленький кусок дерьма.

И над всем этим — ледяной голос Кармина: «Проба закончена».

Нет. Ты же звезда. Ты — Дебра Рокс!

Но с безжалостной ясностью пришел ответ: Дебра Рокс выдумана. Маска с фальшивой улыбкой; загорелый станок для совокупления, из которого кто-то выжимает деньги. Пара бесстыдных бедер. Пара грудей, тоскующих по укусам. Дебра Рокс — не Дебби Стоунер, но что такое Дебби Стоунер без Дебры Рокс?

Все против нее. Но где же Лаки? Он ей так нужен!

Позвонить кому-нибудь! Она подползла к телефону. Джой с сыновьями улетел в Вегас по делам. Кэти Креншоу, она же Синди Фанн, в Майами с дружкой. Майк Лейкер с семьей на Гавайях. Бобби Барта в тюрьме за наркотики. Она снова поискала в справочнике Джона Лаки и не нашла.

Она отшвырнула справочник, и он упал в ящик с песком. Единорог тут же спрятался под диван.

Дебби пошла на кухню, к заветной хлебнице. Но даже кокаин в этот раз не принес облегчения. В голове у нее звенело. Можно пойти в клуб, подумала она. Танцевать не смогу, так хотя бы развеюсь.

Она вдруг очутилась в ванной у зеркала. Лицо опухло от слез, волосы испачканы лизолом. Уродина. Из глубины души вдруг поднялась темная жуткая мысль.

Все кончено.

Она взяла с полки бритву. Чистое холодное лезвие казалось ей выходом, билетом в обратную сторону.

Она знала, что будет дальше: старость, лишний вес, одышка. И каждый день толпа молодых девчонок в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе садится в автобусы и едет навстречу славе. Каждую минуту в спальнях номеров отелей делаются новые звезды. А у нее будут мужчины с животами и плохими зубами, и рано или поздно она скажет одному из них «да».

Она включила горячую воду в ванной. В аптечке есть пилюли, которые отключают чувствительность. В следующей жизни она не будет Дебби Стоунер. Она будет... кем-нибудь прекрасным. И опять встретит родственную душу. Только на этот раз у Лаки не будет другой подружки. Он будет весь ее, и она тоже будет ему верна.

Она сняла свитер и начала расстегивать джинсы.

Прозвенел звонок.

Это Лаки! Но она не спешила открывать. Лаки пришел, но он опять уйдет, и все начнется снова. Скорее!

Еще один звонок.

Дебби со слезами на глазах положила бритву и подошла к двери. Заглянув в глазок, она увидела черного мальчишку.

— Чего тебе? — прохрипела она.

— Мисс Дебби Стоунер? Вам цветы из магазина «Норз-бич», — он поднял большую белую коробку.

Она открыла дверь, взяла коробку и дала ему пять долларов — меньше у нее не было. Мальчишка ушел, а она села на пол в комнате и стала смотреть на розы.

В коробке была записка от Лаки.

«Дебби! Извини, что не могу прийти, но я помню о тебе. Я должен сообщить тебе что-то очень важное. Надеюсь, ты меня поймешь. Береги себя. Я тебя люблю. До встречи».

Она подняла розы и уткнулась в них лицом, не обращая внимания на шипы.

Ночью ей приснился сон, черно-белый, как старое кино. Они с Лаки стояли на холме, наверху неслись облака, а она держала одуванчик, и белый пух с него летел к зеленым зарослям Луизианы.

Она знала: одуванчики не растут на бетоне.

Пока Дебби спала, Хосс Тигартен сидел в своем старом «чеви» напротив ее дома и от скуки целился в разные стороны объективом фотоаппарата.

Двадцать один

— Отец Ланкастер!

Джон, разговаривавший с четой Уинтропов в центре собора, повернулся и увидел Хосса Тигартена в его клетчатой рубашке и черной мотоциклетной кепке.

— Добрый день, — сказал Тигартен, и строгий образ священника, надетый Джоном по случаю мессы, растаял, как воск. Кое-как он закончил разговор с Уинтропами, даже не заметив, как они смотрят на серьгу у него в ухе, и отпустил их. Они с сыщиком остались вдвоем.

— Принес кое-что. Хотите взглянуть? — не дожидаясь ответа, толстяк плюхнулся на скамью и достал из конверта пачку черно-белых фотографий.

— Может, пойдем в мой офис?

— В чем дело, святой отец? Вы стесняетесь?

— Нет, — поспешно ответил Джон и сид рядом. От Тигартена исходил резкий запах пота.

— Я решил сообщить вам это поскорее, потому и пришел сюда, — объяснил детектив. — Узнаете дом? — Он протянул Джону фото двери в подъезд Дебби, сделанное, по видимости, инфракрасным объективом.

— Да. Это ее дом.

— Ага. Эти два дня она почти не выходила. Вечером в пятницу ходила в магазин на Монтгомеги-стрит. Вернулась с покупками около восьми.

Странно, подумал Джон. Зачем ей ходить так далеко, когда рядом Гиро?

— Вчера спала до трех. Потом поехала к верфи и там пообедала. Час гуляла в парке Гираделли и там же зашла в кафе. Ела шоколадный торт.

Джон опять удивился. Шоколадный торт при ее страхе перед каждой лишней унцией?

— Она очень красива. Не знаю, чего я ожидал, но она совсем другая. Одобряю ваш вкус, святой отец. Не беспокойтесь, шучу. А теперь посмотрите на это.

Другое фото той же двери, окутанной ключьями тумана.

— Ничего не вижу.

— Приглядитесь получше. Видите его?

Тут Джон увидел: еле заметная в тумане фигура у крыльца.

— Это суббота, около двух ночи. А это час ночи в воскресенье, — Тигартен протянул следующую фотографию.

Здесь человек был виден лучше. Высокий молодой мужчина. Джон подумал, что это мужчина: его волосы были коротко подстрижены.

— Это мужчина, — Тигартен будто читал его мысли. Он показал еще одно фото: тот же мужчина стоял у подъезда, задрал голову вверх. — Да. Похоже, он смотрит именно в окно шестой квартиры.

Еще несколько фото. На последнем из них светловолосый мужчина стоит у самого входа, и его лицо, все еще неразличимое в зыбком свете, повернуто к объективу.

— Я хотел снять его яснее, — пояснил Тигартен, — но тут он повернулся и убежал. Я не смог бы его догнать.

— Он вас заметил?

— Меня? Если Хосс хочет, чтобы его не заметили, то так оно и будет! Машина проехала, — должно быть, это его и спугнуло.

— И как долго он стоял там? — спросил Джон, глядя на фото. В фигуре этого человека, в его одежде, было что-то странно знакомое.

— Минуты по три, не больше. Но этого вполне достаточно. Он не хотел, чтобы его видели.

— Вы думаете, он следил за Дебби?

— Прямое попадание, святой отец. Похоже не вы один его интересуетесь.

Джон поднял голову, глядя на изображение распятого Христа.

— Сегодня я опять буду там с моим верным «Никоном» и постараюсь разглядеть его получше.

— А потом?

— Предоставьте это мне. Если только он зайдет внутрь, я живо с ним разберусь. В крайнем случае, можно будет вызвать копов. Вы только не волнуйтесь.

Он повернулся и вышел из собора в серое воскресное утро.

Джон остался сидеть на скамье. «Не волнуйтесь». Легко сказать! Кто-то следит за Дебби. Нет, за Деброй Рокс.

Он вспомнил ее слова на кладбище: *«Копы никого не нашли, да, похоже, и не искали. Знаешь, как они нас называют? Двуногая приманка».*

В дверь кто-то вошел. Это был сторож Гарсиа.

— Святой отец, закрывать двери?

После мессы двери собора обычно запирались — из-за дорогих подсвечников, окладов и утвари.

— Нет, — сказал Джон твердо. — Оставьте их открытыми.

Если кто-то и возьмет пару канделябров, церковь вряд ли сильно обеднеет от этого. Он вышел, оставив в соборе изумленного сторожа.

Двадцать два

В половине первого дня Хосс Тигартен сидел в своем «чеви» и смотрел на окна дома Дебби Стоунер. Ее «фиат» стоял у обочины, в окне горел свет. Хосс подремывал, укрывшись за скомканным газетным листом.

Дождь барабанил в стекло. Проехало несколько машин, но ни одна из них не остановилась. Блондин не появлялся.

Дебби выходила в полседьмого утра и ездила в китайский ресторан. Там она села у окна, и он сделал хороший снимок ее лица. И как такую красавицу угораздило сниматься в порно? Впрочем, в молодости чего только не сделаешь? Он сам в двадцать лет раскатывал с «Ангелами ада».

Тигартен выставил в окно свой «Никон» и нажал кнопку — просто так, чтобы не скучать.

Раздался металлический щелчок, но это был не фотоаппарат.

В щеку детектива уперся ствол «кольта».

— Тихо, — прошептал светловолосый мужчина, притаившийся за крылом «чеви».

— Я же только снимаю, — прошептал Тигартен. — Я сижу здесь...

— ...глубоко в дерьме. Ты заснял меня, верно?

В углах глаз ковбоя были вытатуированы красные слезы.

— Что вы! Я никогда вас не видел! — голос Тигартена дрожал, и он уже понял, что ковбой все знает.

— Руки на руль. Быстрее, — он обошел машину и сел на пассажирское сиденье, по-прежнему целясь в голову детектива. — Поехали.

— Послушай, — «О Боже, он не шутит!» — подумал Тигартен. Со лба его стекла струйка пота. — Я просто частный сыщик. Отпусти меня.

— Отпущу. А сейчас поехали.

— А... куда? — Покажу. Заверни за угол.

Тигартен подчинился. Он подумал, что может врезаться в какую-нибудь машину или въехать в витрину. Может закричать. Но он не делает этого потому, что он хочет жить.

— Я Хосс Тигартен, — робко начал он. — Помнишь «Бонанцу»? А тебя как зовут?

— Смерть, — последовал ответ.

Подчиняясь командам Трэвиса, они доехали до пакгаузов Китайской бухты и проехали еще три квартала.

— Сюда, — Трэвис указал стволом «кольта» в переулок. — Останови машину и выходи.

Тигартен липкими от пота руками выключил зажигание.

— Ключи мне. Заходи сюда.

Они вошли в подъезд, где пахло гнилью и ржавчиной.

Было темно, Но Трэвис знал, где спрятан фонарик. Луч света уперся в спину сыщика.

— Вперед.

— Я... не вижу. Тут темно.

Но выбора у него не было. Он пошел по коридору здания, похожего на пустой склад с черными провалами комнат.

— Налево и вниз.

— Не на...

Рука толкнула его вниз, и он едва успел ухватиться за перила.

— У меня есть деньги в банке. Я отдам тебе все.

— Иди.

Внизу из проржавевших труб капала вода. Тигартен шлепал по лужам и один раз наступил на что-то запищавшее.

— Сюда.

Фонарик осветил проход в стене. На полу валялась собака со снесенной выстрелом головой, над которой вилась туча мух. Пахло падалью.

Тигартен остановился, но Трэвис стволом «кольта» втолкнул его в комнату. Он пошел по мягким трупикам крыс, разнесенных выстрелами на куски, споткнулся и упал на что-то большое.

Это оказался труп мужчины в изодранном красном свитере. Вокруг пулевых ран у него на груди деловито кружились мухи.

— К стене, — скомандовал Трэвис. — Шевелись, Моби Дик.

Тигартен с выпученными глазами поднялся и подошел к кирпичной стене. Возле нее стоял стул, усеянный бурыми пятнами.

— Садись.

Тигартен сел лицом к стене. Чем больше он дрожал, тем жалобнее скрипел стул.

Чиркнула спичка. Ковбой зажег несколько свечей, расставленных вокруг на бумажных тарелочках.

— Не убивай меня, — прошептал Тигартен.

— Меня зовут Трэвис, сказал ковбой. — Я из Оклахомы. Бывал там?

— Нет. Прошу...

— Тише. Оклахома такая большая. Я там участвовал в родео. Хочешь сигарету, Моби Дик?

— Я... хочу домой.

В рот Тигартену воткнулась незажженная сигарета. Ковбой отошел в центр комнаты.

— Смотри. Это мой лучший номер.

Раздался выстрел. Пуля ударилась о кирпич над головой детектива и зажгла по пути сигарету. Сквозь стиснутые зубы в легкие Тигартена пополз дым.

Трэвис крутанул револьвер на пальце.

— А теперь говори, Моби: что ты делал под окном у моей подружки? Сигарету можешь вытащить.

— Я... я ничего не знаю. Один человек... священник... просил меня за ней последить. Такой странный священник, ездит на велосипеде. Он...

— Постой-ка. На велосипеде?

— Да. Он хотел, чтобы я последил за девушкой из шестой квартиры. Ее зовут...

— Дебра Рокс. Она моя подружка.

«Вот черт», — подумал Тигартен.

— Священник? Вот здорово! И как его имя?

— Его имя... отец Мерфи. Из церкви святого Николая.

— А улица?

— Валле... Джонс-стрит. Такое большое белое здание.

— Святой Николай? Это что, Санта-Клаус?

Клянусь Бо...

— Сунь-ка сигарету в рот, Моби.

Тигартен, чуть не плача, засунул в рот обмусоленный фильтр. Новый выстрел — и сигарета разлетелась пополам. В лицо ему брызнули осколки кирпича.

— А теперь говори правду. Неужели ты думаешь, что я поверю этой херне про Санта-Клауса?

— Собор святого Франциска! На Валледжо-стрит!

— Так. А как его зовут? Быстрее.

Тигартен услышал, как щелкнул затвор.

— Отец Джон Ланкастер.

— Отлично, — Трэвис нажал курок.

Пуля ударилась в мясистую помидорину носа Тигартена. Он упал со стула, рыдая и зажав руками окровавленное лицо.

— Кончай реветь. Ненавижу этот звук. Сейчас я расскажу тебе историю. Жил-был ковбой, у которого было столько любви, что она распирала ему сердце. Вот этот чертов доктор Филд — знаешь его? — и запер ковбоя, чтобы он не мог больше никого любить. Его кололи всякой дрянью, и он чуть не сошел с ума. Но у нас свободная страна, и в ней найдется место даже для сумасшедшего ковбоя. Как ты думаешь?

Тигартен, подвывая, попытался отползти в угол.

— Обожаю блондинок. Но и брюнетки не хуже. А вот ради рыжих и пальцем не шевельну. Чери Дэйн и Изи Бриз были блондинками, а Дебра Рокс — брюнетка. Смотрел «Суперплоть»?

Тигартен бессмысленно уставился на него.

— Там есть сцена, где все они, все трое, смотрят прямо на меня. Когда я увидел это, я понял, что должен ехать в Калифорнию. Сперва я поехал в Лос-Анджелес и нашел Чери Дэйн. Она представляла новый фильм «Девичье горе», но он похуже «Суперплоти». Они все скрываются, меняют машины, но старину Трэвиса не так легко провести, — он поднял «кольт» и прострелил правую ногу детектива.

— Изи Бриз я нашел в Сан-Франциско. Я любил ее. И Чери Дэйн. И Дебру Рокс. И они меня любят, — он прицелился. — Знаешь, что они говорят? «Трэвис, приходи и убей нас!»

«Кольт» выплюнул огонь, и Хосс Тигартен упал с пробитым черепом.

— Вот и вся история, — Трэвис сунул револьвер в карман, — он погасил свечи, но прежде достал из-под изголовья своего спального мешка в углу моток веревки.

Двадцать три

Джона разбудил телефон.

— Алло, сказал он сонным голосом.

— Отец Джон Ланкастер?

— Я слушаю. Кто это?

— Мне нужно с вами поговорить.

Джон поглядел на часы. Было без трех минут два.

— Поздновато для шуток, вам не кажется?

— Это не шутка, у меня для вас послание от вашей подружки.

— От моей... Кто это говорит?

— Я передам его вам, если хотите.

— Скажите сейчас.

— Не могу, сэр, — казалось, что неизвестный смеется. — Назначьте место встречи.

— Через десять минут в святилище.

— Святилище, — повторил голос. — Красиво звучит. Скажите, вы католик?

— Я священник!

— У вас, католиков, есть такой ящик, куда вы заходите и слушаете, как люди говорят вам про свои грехи.

— Да, исповедальня.

— Встретимся там.

— Что?

Через десять минут. Оставьте дверь открытой, и я войду. Хорошо?

— Хорошо, сердце Джона отчаянно стучало.

— Только я не приду, если там будет кто-то еще. И вы не узнаете, что хочет передать вам ваша подружка из шестой квартиры. Только вы и я, — он повесил трубку.

Кто это? Неужели Тигартен проболтался? Джону захотелось вызвать полицию, но в желании исповедаться, пусть даже среди ночи, не было ничего странного. А если это послание от Дебби, то что она хочет ему сказать?

Теряясь в догадках, он быстро надел джинсы, черную рубашку с воротничком и бежевый свитер.

Пройдя через храм, все еще стоящий незапертым, он направился к исповедальне, вошел и сел на скамеечку.

Два восемь.

Два девять.

Два десять.

С каждой секундой он все больше убеждался в том, что его разыграли.

Скрипнула дверь.

— Где вы? — спросил мужской голос.

— Здесь, — он хотел выйти, но мужчина сказал:

— Оставайтесь там. Сейчас я вам кое-что скажу.

Сапоги простучали по мрамору. Где он слышал этот звук?

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу исповедаться, — мужчина вошел в кабину. В отверстии показались его бледные губы.

— Я все знаю про вашу подружку. Толстяк мне рассказал.

— Что все это значит?

— То, что вам ее не видеть, святой отец. Она моя невеста.

— Дебра.

«Он не сказал Дебби!» — пронеслось в голове у Джона, и тут раздался выстрел.

В последний момент Джон успел вскинуть руку, и пуля пробила ему ладонь. Он упал на пол, когда прогремел второй выстрел. На этот раз пуля прочертила кровавый след на его горле. Третья пуля ударилась в стену над его головой, рассыпав дождь щепок.

Трэвис заглянул в окошечко и увидел, что ублюдок валяется на полу, истекая кровью. Воротничок его стал алым. Судя по всему, жить ему оставалось недолго.

— Она моя невеста, — повторил Трэвис и быстро вышел, направляясь к коричневому «чеви» Моби Дика.

Через две минуты, Джон, спотыкаясь, вышел из исповедальни. Раненую ладонь он зажимал рукой, но кровь все равно текла на мрамор.

О Господи. О Божья Матерь.

Боль волнами накатывала на него. Руку будто засунули в холодильник, но лицо горело огнем. Он хотел позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

«Она моя невеста», — сказал маньяк.

О Господи.

Он следил за Дебби... нет, за Деброй Рокс. Но ведь это одно и то же. Надо предупредить ее!

Телефон. Ему нужен телефон. Офис был заперт, и ему пришлось карабкаться по лестнице, оставляя кровавые следы. У себя в комнате он поднял трубку и локтем нажал кнопку вызова.

— Алло, — ответил оператор.

— По... — он хотел вызвать полицию, но не смог ничего сказать. — По... по...

Оператор повесил трубку.

Джон поглядел на велосипед у двери. Он знал, что только он может спасти Дебби. Пока он вызовет полицию, ее могут изнасиловать... или еще хуже. Гораздо хуже.

Остается ехать. Он вытащил из брюк ремень и как можно туже перетянул правое запястье. Потом потряхнул головой отгоняя туман и взялся за велосипед.

Двадцать четыре

Дебби открыла глаза, услышав звонок в дверь. Сначала она не поверила своим ушам, но звонок повторился.

Лаки. Это мог быть только Лаки.

Джон ехал быстро, раздвигая грудью вдруг сгустившийся воздух. На повороте мир вдруг завертелся вокруг, и велосипед влетел в груды мешков с мусором.

Дебби накинула халат и включила свет, наступив по пути на Единорога. На кухонном столе лежал билет на самолет. Хорошо, что Лаки пришел — ей многое нужно ему сказать.

Щурясь со сна, она заглянула в глазок. За дверью стоял незнакомый мужчина с мокрым от дождя мешком.

— Что вам надо? — спросила она.

Мужчина улыбнулся, и она увидела странные татуировки в углах его глаз.

Он встал и поехал дальше.

Быстрее, быстрее! Забудь про бо...

Когда голова опять начала кружиться, он схватился зубами за ремень, стягивающий раненую руку, и изо всех сил дернул.

— Привет, сказал Трэвис. Какая же она красивая!

— Вызвать полицию?

— Нет, что вы! У меня для вас послание от вашего друга.

— Какого друга?

— От от... Джона.

— Джон? — Что она помнит всех своих знакомых Джонов? Но тут до нее дошло. — Лаки?

Он решил, что это все-таки священник.

— Лаки. Конечно Лаки.

— А откуда вы его знаете?

Что-то здесь было не так. Дебби это чувствовала.

— О, мы старые друзья.

Дебби не открывала дверь. Твердое правило: не впускать незнакомых людей.

— Что он просил передать?

— Впустите меня, и я все скажу.

— Нет. Говорите так.

— Я не хочу, чтобы это слышали ваши соседи.

— Они спят крепко. Говорите, как вас там.

— Трэвис, — сказал он, улыбаясь. — Трэвис из Оклахомы.

— Ну, Трэвис. Говорите.

Он долго молчал, потом прошептал в замочную скважину:

— Ваш приятель священник.

— Вы с ума сошли!

— Отец Джон Ланкастер. Собор святого Франциска на Валледжо. Большое белое здание.

— Нет, — прошептала она. И уже громче. — Нет, черт возьми! Что за шутки?

— Он высокий, со светлыми волосами. Ездит на велосипеде.

Дебби молчала, разрываясь между слезами и истерическим смехом. В этот собор она ходила исповедаться после смерти Джени. И священник в исповедальне...

Она вспомнила его: «Прошу вас, не богохульствуйте». Он сказал это в исповедальне и повторил потом у нее дома.

— Откройте. Я все вам расскажу.

Ее руки потянулись к задвижке.

Впереди вырос холм. Казалось, он никогда еще не был таким высоким и крутым. До ее дома оставался всего один квартал, но расстояние казалось непреодолимым.

«Помоги, Господи!» — взмолился он со слезами на глазах.

— Священник, — прошептала Дебби. — Да. Он говорил со мной на исповеди. Как я не догадалась?

— Теперь ты знаешь. Хочешь пива?

— Пива? Нет. У меня есть вино. Я думаю, мне нужно немного выпить, — она повернулась к холодильнику, и в этот момент он набросил веревку ей на шею.

— Я люблю тебя, Дебра. Еще сильнее, чем Чери и Изи.

Ее крик оборвался, когда веревка сдавила ей горло. Отчаянным движением она потянулась к ножу, лежащему в мойке, но тут ее ударили по голове, и пол стремительно понесся ей навстречу.

Когда Джон добрался до вершины холма, мимо пронесся полицейский автомобиль. Он попытался поднять руку, но не смог. Он ехал дальше, пока на спуске не налетел на кромку тротуара. Поднимая

велосипед, он увидел, что с него соскочила цепь. Без колебаний он бросил его у китайского ресторана и побежал по Рафаэль-стрит.

Когда Дебби открыла глаза, все вокруг было белым. С трудом подняв голову, она обнаружила, что лежит в ванне, связанная по рукам и ногам. Халат был еще на ней, но задранный на живот.

Она замычала. Ее рот оказался заткнутым тряпкой.

— Вот, все готово, — сказал Трэвис, наклоняясь над ванной. — Помнишь «Суперплоть»? Вы с Чери были в ванне с двумя парнями. Это было здорово. Не могу даже передать как здорово. Поэтому я и Чери уложил в ванну. Я вроде режиссера, правда?

Она попыталась освободить руки, но они были крепко связаны за спиной.

— А лучшая сцена Изи была, когда она лизала у черномазого. Я попытался повторить и это, — его рука потянулась к ручке крана. — Я люблю тебя. Я любил вас всех, — и он открыл горячую воду, потом холодную, и ванна стала быстро наполняться. Вода лилась ей прямо в лицо, и она с трудом отклонилась от струи, бьющей в глаза и ноздри. Боже, он хочет утопить ее! Она забилась, хватая ртом воздух, но вода уже заливали ей лицо.

— Вот. Теперь подождем пару минут, — сказал Трэвис.

Прозвенел звонок. Потом еще раз.

— Не нравится мне это, — сообщил он барахтающейся в ванне Дебби и вышел, держа руку на кобуре.

Джон позвонил еще. Ее «фиат» стоял возле дома. Значит, она не может открыть. Господи, помощи! Он разбежался и ударил в дверь плечом.

Со вторым ударом дверь подалась, и Джон влетел внутрь. Перед ним стоял светловолосый мужчина, целящийся в него из «кольта». Пуля пролетела у плеча Джона, угодив в оконную раму, и тут он вцепился в правую руку стрелявшего и повалил его на пол.

Трэвис вцепился ему в лицо ногтями, но Джон успел заехать ему в живот. Трэвис обмяк, и Джон попытался вырвать револьвер из его судорожно сжатых пальцев. С замиранием сердца он услышал из ванной шум льющейся воды. Там Дебби!

Кулак ударил его в нос, и он выпустил руку с оружием. Трэвис с искаженным от гнева лицом поднял «кольт» и нажал курок. Изловчившись, Джон ударил его по локтю. Пуля разнесла горшок с кактусом, и револьвер отлетел к стене.

Джон схватил Трэвиса за горло, не давая ему вновь завладеть «кольтом». Трэвис, извиваясь, царапал ногтями ковер, борясь за последние дюймы, отделяющие его от победы.

Боролась и Дебби. Ее голова уже скрылась под водой, но она еще рвалась на поверхность, отчаянно пытаясь выплунуть воду.

Трэвис локтем ударил Джона по ребрам и, дернувшись вперед, схватил «кольт» за рукоятку. Джон выпустил горло врага и, собрав

все силы, ударил его кулаком в лицо. У Трэвиса вылетели два зуба, но он не выпустил оружия. Джон рванулся в сторону, и пуля просвистела у его уха, ударившись в стену рядом с фотографией Малибу.

Трэвис попытался ткнуть Джона в лицо лезвием, выпущенным из рукоятки. Джон увернулся, но лезвие неотвратимо приближалось к его окровавленному горлу. Он подсунул колено под грудь маньяка, и его оскаленное лицо оказалось совсем рядом. Нагнув голову Джон боднул его головой в нос.

Застонав, Трэвис мотнул головой, разбрызгивая кровь. Рука с револьвером блуждала вокруг, ища цель.

Джон оглянулся и увидел рядом горшок с кактусом.

«Кольт» почти нащупал Джона, когда он ткнул колючим растением в лицо Трэвису. Дико завопив, тот упал на пол, выстрелив наугад. Из его лба и щек торчали колючки.

— Где ты? Где? — он, шатаясь поднялся и наступил на краба. «Кольт» выстрелил еще раз, а потом ослепленный Трэвис налетел на окно.

Стекло треснуло. В панике он ухватился за стекла, оставив на них кровавые следы, и полетел вниз с пятого этажа. Он все еще сжимал револьвер.

В домах вокруг загорался свет. Из окон выглядывали люди. В дверь квартиры заглянул мужчина в халате, из-за спины выглядывала женщина.

«Дебби!» — вспомнил Джон.

Он побежал в ванную. Она еще боролась, и он рывком выдернул ее из ванны. Она кашляла и отплевывалась от воды. Ее налитые кровью глаза нашли его и расширились, увидев его окровавленный воротничок.

— Тихо, Дебби, — прохрипел он, сжимая в объятиях ее дрожащее тело. — Все хорошо. Тише. Все уже кончилось, дорогая.

Он держал ее, пока не приехала полиция.

Двадцать пять

Часто случаются дни, когда Сан-Франциско можно назвать красивейшим городом на земле, и это был один из таких дней. Залив искрился в лучах октябрьского солнца. В небе летели самолеты, развозя людей по делам.

Отец Джон Ланкастер провожал Дебби Стоунер в Нью-Орлеан. Они сидели рядом на скамеечке в зале ожидания аэропорта. На ней были джинсы, палевая блузка и белый легкий свитер. Темных очков она больше не носила.

Белый воротничок Джона был чист и накрахмален. На правой руке белел бинт; другой, поменьше, закрывал раненую шею.

Дебби вздохнула. Это был первый звук, который она издала за пять минут.

— Не знаю, как к этому отнесется дядя Джей, — сказала она. — Я оставила ему записку, но боюсь, он будет недоволен.

— Дядя Джей как-нибудь переживет, — голос у него был все еще хриплым.

— У тебя голос как у лягушки, — она нервно улыбнулась, и они долгим взглядом поглядели друг на друга.

— Так далеко, — прошептала она.

— Не так уж далеко. Долетишь до Нью-Орлеана, возьмешь машину до...

— Ты знаешь, о чем я. Не знаю, хватит ли у меня сил на такую длинную дорогу.

— Не знаешь, пока не попробуешь.

— Да. Но я все равно не уверена. Конечно, мать была рада и сказала, что попытается бросить пить, но... я не знаю.

Джон смотрел на ее прекрасное лицо. На нем он прочитал десятки невысказанных вопросов; вопросов, которые Дебра Рокс никогда бы не задавала.

— Я попробую отвыкнуть от кокаина, — сказала она, помолчав. — В Нью-Орлеане есть клиника...

— Я знаю, — какое у нее лицо! Как ему больно на нее смотреть! — Но их труда мало. Ты должна это сделать сама.

— Я всегда все делала сама, — Дебби улыбнулась; похоже часть ее уже летела на юго-восток, из синего мира к границе дня.

Металлический голос объявил: «Пассажиры рейса 1714 на Нью-Орлеан приглашаются на посадку».

— Это меня, — она встала и посмотрела на него, но тут же отвела глаза, боясь заплакать. — Знаешь, я не могу оставаться там. Дома. Это маленький городок, и я переросла его. Но я должна туда съездить, чтобы понять, что же случилось с Дебби Стоунер.

— Я понимаю, — сказал он.

— Ладно. Я...

— Эй, идиот! — загремел сзади голос Джоя Синклера. — Лаки, я к тебе обращаюсь! Дебра, что вы тут учудили? Это...

Внезапно взгляд Джоя упал на воротничок Джона. Старик как будто съехал между двух гигантов-сыновей. Лицо его приобрело оттенок несвежего сыра.

— Ты... священник, — прошептал он. — С каких это пор?

— Всегда им был.

— Всегда? — Джону показалось, что у него на глазах этот человек сейчас превратится в карлика. — Господи... Я предлагал священнику трах...

— Мисс Стоунер едет домой, — Джон положил руку ему на плечо. — С вами все в порядке?

— Да... да! Билет уже есть? А то я куплю первый класс.

— Лучше поэкономь, — сказала Дебби.

Взгляд Синклера, все еще испуганный, обратился к ней:

— Дебра, ты же звезда! Зачем все это?

— Звезды сгорают. Я хочу побыть просто человеком.

— Человеком! — он перевел взгляд с Дебби на Джона и обратно. — Ну что ж, помни о том, что у тебя есть здесь друзья. Поняла?

Она, улынувшись, кивнула.

— Не могу понять, — он опять посмотрел на Джона. — Священник?

— Я служу в соборе святого Франциска. На Валледжо.

— Что ж. Может, мы с вами увидимся, святой отец.

— Может быть, — сказал Джон.

Синклер поцеловал Дебби, и по-прежнему невозмутимые сыновья увели его прочь.

— Пассажиры рейса 1714 на Нью-Орлеан...

Они были уже у выхода на поле. Мимо спешили люди с чемоданами и кейсами.

— Джон... святой отец, она хочет с вами попрощаться.

— Кто?

— Дебра Рокс.

Он увидел, как это происходит. Ее глаза зажгли страстью, и внезапно ее руки сомкнулись у него на шее. Он почувствовал запах корицы и ощутил на губах ее горячий, мягкий поцелуй.

Ее язык скользнул между его губ и начал облизывать их изнутри.

Она запустила руку ему в волосы и, подняв ногу, обвила ею его бок. Несколько минут они целовались со всей страстью юных любовников.

— Пассажиры рейса 1714! — загремел металлический голос.

Она отступила от него. Теперь это снова была Дебби в ее скромной одежде, с ненакрашенными губами.

— Это прощальный привет Дебры, — сказала она хрипло и прижалась к его плечу. До конца своих дней он будет помнить шелковистую нежность ее черных волос и их аромат.

— Спасибо, святой отец, — прошептала она. — Спасибо за то... что вы любили меня.

Она сделала несколько шагов и остановилась.

— Родственные души? — в ее голосе слышались слезы.

— Конечно.

— Молитесь за меня.

Какая-то женщина средних лет поглядела на него с отвращением:

— И вы считаете себя священником?

— Да, мэм, — ответил он. — Считаю.

Он подождал, пока самолет взлетел и, поблескивая крыльями, взял курс на Нью-Орлеан. Что ж, это не так далеко. Есть телефон... почта... Посмотрим.

Дома он уселся за новую мозаику. Это был зеленый южный ландшафт, и он воображал себе там ее.

Может быть, он когда-нибудь получит письмо, в котором будет написано, что с ней все в порядке и что она наконец встретила очень хорошего человека.

В этот день ему будет немного тяжело.

Но он выдержит.

В дверь постучали. Это был Дэррил.

— Джон, тебя ждут в святылище, — он неприязненно поглядел на краба в коробке с песком.

— Спасибо, — Джон встал и вышел.

Она сидела рядом с монсиньором Макдауэллом. Худенькая блондинка лет двадцати с испуганными глазами.

— Вы... отец Лаки?

— Можете звать меня так.

— Меня зовут... Кэти Креншоу, — она дрожала, и Джон увидел у нее на руке следы укусов. — Дебби рассказала мне про вас. Можете ли вы... помочь мне?

— Посмотрим, — сказал он, и они сели на скамью. Потом она говорила, а отец Лаки слушал, и лучи солнца играли на его сереге.

Монсиньор постоял немного рядом с ними, а после подошел к дверям и широко раскрыл их.

**НОЧЬ ЗОВЕТ
ЗЕЛЕНОГО
СОКОЛА**

Серия первая:

НИКОГДА НЕ ГОВОРИ «ПОЗДНО»

Он снова летел в самолете, падающем теперь навстречу огням Голливуда.

Несколько секунд назад машина скользила по небу серебряной красавицей с двумя зелеными пропеллерами, а теперь обвисла, как мокрая тряпка. Рычаги управления словно взбесились, высота стремительно падала, и он, взявшись за кольцо парашюта, попытался открыть брезентовый верх кабины. Но ржавые петли не поддавались, сколько он ни дергал ручку. Из мотора повалил черный дым. Носом вниз самолет устремился к неуклюжим квадратным зданиям Голливудского бульвара под вой ветра, свистящего в фюзеляж.

Он не сдавался так легко. Он продолжал дергать за ручку, но верх заклинило намертво. Здания неслись навстречу, и он не мог даже свернуть — руль и элероны тоже вышли из строя. Он вспотел в своем зеленом костюме; сердце его билось так сильно, что заглушало ветер. Его глаза — прорези в зеленой маске, — метались от панели управления к заклинившим петлям, к дымящему мотору, к быстро приближающейся земле.

Самолет вошел в штопор; левый двигатель оторвался от крыла. Его зеленые сапоги в последний раз пнули бесполезный руль. Еще один рывок рычага — и он окончательно понял, что удача от него отвернулась. Все было кончено.

Теперь начали отрываться крылья. На бульваре внизу горели огни реклам, возвещавшие очередную премьеру. Он знал уже, куда рухнет самолет: на горчично-желтое пятиэтажное кирпичное здание в восьми домах к востоку от китайского театра. Он влетит прямо к кому-то в квартиру. Его руки в зеленых перчатках судорожно сжали рычаги. Нет выхода... нет выхода...

Он не очень цеплялся за жизнь, но не мог вынести мысли, что погибнут невинные люди. В этой квартире может оказаться ребенок, а он ничего не сумеет сделать, кроме как беспомощно дергать за ручки. Нет, он не может убить ребенка! Еще одного ребенка. Сценарий необходимо переписать. Это непорядок — никто не пре-

дупредил его, как заканчивается эта Сцена. Нужно немедленно сообщить директору.

— Стоп! — крикнул он, когда горчично-желтое здание заполнило горизонт. — Стоп! — на этот раз громче.

Самолет врезался в пятый этаж дома, и все исчезло в огненной вспышке.

Серия вторая:

СТАРАЯ РАЗВАЛИНА

Он проснулся в поту от ночного кошмара. Последние языки пожара лизали изнутри его желудок.

Он лежал в темноте, чувствуя, как пружины матраса впиваются в спину, и смотрел, как на облупившемся потолке мечутся отблески света с бульвара. На шкафу шелестел вентилятор, а снизу, из холла, доносились телевизионные вопли. Подняв голову от мокрой подушки, он поглядел на будильник у изголовья; еще только половина первого, а ночь для него уже кончилась.

Его мочевой пузырь ныл. Последние дни он работал исправно, но иногда давал сбой, и тогда он просыпался с мокрыми штанами. Слава Богу, сегодня этого не случилось — прачечная-автомат на Космо-стрит не то место, где стоит проводить субботнюю ночь. Он выкарабкался из постели, скрипя суставами, снова и снова прокручивая в мозгу ночной кошмар. Он узнал его: первая серия фильма «Ночь зовет Зеленого Сокола», студия РКО, 1949 год. Он вспомнил, как испугался, когда заклинило верх кабины — он терпеть не мог замкнутого пространства. Директор сказал: «Стоп!» Петли смазали, и со второго раза верх открылся, как миленький.

Кошмар мог повториться, а мог смениться другим. Их было много — автокатастрофы, падения с крыш, перестрелки, взрывы, даже схватка со львом. Он пережил их все, но они пытались добраться до него теперь, много лет спустя. Мистер Тэтчер и Гамбургер говорили, что ему нужно сходить к психиатру, и, может, это и так. Но Мистер Тэтчер еще молод; он родился, когда Зеленый Сокол давно уже умер.

Он встал. Сунул ноги в тапочки. Снял со стула халат и надел его на пижаму. Взгляд его упал на выцветший плакат на стене. «Ночь, зовет Зеленого Сокола», — гласил аршинный заголовок, окруженный сценами всевозможных катастроф. — «В десяти захватывающих сериях. В главной роли Зеленый Сокол — Крейтон Флинт».

— Зеленый Сокол идет писать, — сказал он вслух, отпер дверь и вышел в коридор.

Туалет находился в другом конце здания. Он прошел мимо лифта и миновал дверь, за которой снова ссорились супруги Престо. Кто-то сверху вопил, чтобы они заткнулись, но за звоном бьющейся посуды ничего не было слышно. Мимо прошмыгнул кот сторожа, охотящийся на крыс. Старик постучал в дверь туалета и, не дождавшись ответа, вошел. Он помочился, отводя глаза от валявшихся на полу иголок от шприцев. Закончив, он собрал иголки с пола и аккуратно опустил в мусорный бак. Затем сполоснул руки в ржавой раковине и вышел.

Лифт открылся, когда он проходил мимо. Оттуда вышли его соседка Джулия Софли и незнакомый парень с коротко стриженными светлыми волосами.

Она едва не столкнулась с ним.

— О, Крей! Привет. Что-то ты припозднился.

— Да так, — Крей искоса поглядел на парня. У нового кадра Джулии были странная в солнечной Калифорнии белая кожа и темные, глубоко посаженные глаза.

«Пожоже на нациста в каком-нибудь фильме», — подумал он и перевел взгляд на Джулию. Ее темно-каштановые волосы были коротко подстрижены и украшены пурпурной заколкой. Блузка и короткая кожаная юбка так туго обтягивали ее юное тело, что он удивился, как ей удастся дышать.

— Ходил в туалет, — объяснил он. Вот старый дурак! Лет сорок назад разве он мог сказать такое хорошенькой девушке?

— Крей был кинозвездой, — сказала Джулия. — Снимался в этих... как их там называли?

— Сериалах, — он слегка улыбнулся. — Я играл...

— Я платил тебе не за экскурсию в музей восковых фигур, — голос парня, хриплый и напряженный, почему-то напомнил Крею ржавую проволоку. Он зажег сигарету, и в свете короткой вспышки его глаза блеснули, как два кусочка эбонита. — Пошли займемся тем, для чего мы пришли, — он выпустил клуб дыма прямо в лицо Крея.

— Пошли, — Джулия пожала плечами. — Я думала, тебе будет интересно.

— Я возьму у него автограф позже. Пойдем, — длинные белые пальцы подхватили ее за локоть и утащили прочь.

Крей мог сказать, чтобы он отпустил ее, но что толку? В мире не осталось джентльменов, а он слишком стар и потрепан, чтобы защитить чью-то честь, даже свою собственную.

— Будь осторожнее, Джулия! — крикнул он ей вслед.

— На этой неделе я Кристал, — напомнила она, доставая ключ. — Будешь кофе утром?

— Конечно, — ее спутник пропустил ее вперед и захлопнул дверь. Крей вернулся к себе в комнату и сел на стул у окна. По стенам пробегали красные отблески неоновых вспышек. Внизу в темноте прогуливались проститутки. Так они будут гулять до утра, и не раз

их спугнет проезжающая полицейская машина, но они вернутся. Ночь зовет их, и им приходится подчиниться. Такой была и Джулия. Она жила здесь четыре месяца, ей было двадцать лет, и Крей поневоле испытывал к ней почти родительские чувства. Может быть, и не только, но что с того? Во всяком случае, он пытался отговорить ее лопать, как конфеты, противозачаточные таблетки и заставлял писать родителям в Миннесоту. На прошлой неделе она называла себя Эмбер; такова власть Голливуда, города иллюзий.

Крей нагнулся и подобрал с пола небольшой альбом в кожаной обложке. За тонкой стеной Джулия что-то шептала, потом послышался отрывистый голос ее гостя. С заднего конца бульвара раздалась полицейская сирена. За стеной ритмично скрипел матрас. В углу запищала крыса. Вечно этот чертов кот где-то ходит, когда он нужен. Крей открыл альбом. На первой странице красовалась пожелтевшая вырезка из газеты «Знамя», издававшейся в Бельведере, штат Индиана, за 21 марта 1946 года. Заголовок гласил: «Местный футбольный герой отправляется в Голливуд». На фото — он сам, молодой, с густой шевелюрой. Другие вырезки — их сохранила его мать, — относились к его школьным годам и имели заголовки наподобие «Бумер выиграл медаль на состязаниях по гимнастике» и «Бумер побил городской рекорд».

Это была его настоящая фамилия: Бумершайн, Крейтон Бумершайн. С фотографий смотрел молодой длинноногий парень с широкой ухмылкой и ясными глазами мечтателя.

Как давно, подумал Крей. Как давно это было.

Он пережил краткий миг славы. Солнце едва не сожгло его, но одарило своим дивным сиянием. Теперь он старая развалина — в мае исполнилось шестьдесят три. Голливуд поклоняется алтарю молодости. Да и кому теперь нужны его фильмы? Четыре сериала за четыре года, а потом...

«Стоп! — подумал он. — Незачем опять будоражить раны. Нужно лечь — утром ему предстоит мести полы у Гамбургера в трех кварталах отсюда, а Мистер Тэтчер любит чистые полы».

Он закрыл альбом и отложил его в сторону. На полу лежала вчерашняя «Лос-Анджелес таймс», и он еще раз поглядел на жирный заголовок «Резатель до сих пор не пойман». Внизу помещалась статья с восемью фотографиями проституток, зверски убитых неизвестным в последние два месяца. Крей знал одну из них: женщину средних лет по кличке Солнышко, которая разъезжала по бульвару на роликах, громко распевая песни «Битлз». Да, она была чокнутой, но никому не делала зла. На прошлой неделе ее нашли в мусорном баке на Сьерра-Бонита с перерезанным горлом.

Плохие времена, мрачно подумал Крей. Худших и не упомнишь. Конечно, полиция может сцапать Резателя прежде чем он убьет еще кого-нибудь, но никакой гарантии не было. Большинство знакомых ему обитателей улицы в это не верили. У Джулии что-то ударилось

в стену. Похоже на кулак. Пружины взвыли, как кот, с которого заживо сдирали кожу. Он не знал, зачем она продает свое тело, но давно усвоил, что люди делают то, что считают нужным, как бы глупо это ни было.

Еще удар о стену. С грохотом упал стул.

Крей встал. Что бы там ни происходило, ему это явно не нравилось. Никаких голосов, только этот отвратительный скрип пружин. Он постучал в стену.

— Джулия, ты в порядке?

Ответа не было. Прижав ухо к стене, он услышал нечто похожее на всхлипывание.

Скрип прекратился. Теперь он слышал только удары своего сердца.

— Джулия? — он опять постучал в стену. — Джулия, ответь мне! — она молчала, и он понял, что случилось нечто страшное. Он выскочил в коридор, рванул на себя ручку двери Джулии и услышал скрежет. Он узнал этот звук — в комнате открывали окно.

Окно Джулии выходило во двор. Пожарная лестница! Клиент Джулии хочет удрать по пожарной лестнице.

— Джулия! — он пнул дверь ногой, но только потерял тапочек. Тогда он ударил в дверь плечом. Она жалобно заскрипела, но не поддавалась. Только с четвертым ударом петли соскочили, и Крей вместе с дверью влетел внутрь.

Он упал на четвереньки, ощущая тупую боль в плече.

Парень все еще боролся с неподатливым окном и не обратил внимание на гостя. Но Крей поначалу даже не видел его. Он встал и усталился на кровать, где лежала обнаженная Джулия.

Из багрового месива на ее горле все еще текла кровь. Красные брызги причудливыми иероглифами запятнали желтую стену. Широко раскрытые глаза Джулии были устремлены в потолок, а руки последним усилием вцепились в железные прутья кровати. Без одежды ее тело выглядело совсем детским — молочно-белое, с узкими бедрами. Кровь была повсюду. Глядя на это расширенными глазами, Крей слышал, как отворилось окно. Медленно повернувшись, он успел увидеть, как светловолосый парень ступил на пожарную лестницу.

О, Боже. Крей, шатаясь, поднялся на ноги, боясь, что вот-вот упадет в обморок. Джулия привела к себе Резателя. О Боже.

Он хотел позвать на помощь; но не сделал этого. Крики отняли бы у него последние силы, а они были ему сейчас нужны. Супруги Престо все еще воевали. Ему их все равно не перекричать. Он подтащился к окну и с порядком заржавевшей сноровкой выбрался на пожарную лестницу.

Резатель уже почти спустился. Крей, нагнувшись, ухватил его веснушчатой рукой за ворот рубашки.

— Нет, — хрипло прошептал он.

Парень повернулся к нему. Эбонитовые глаза вперились в Крея бесчувственным взглядом маньяка. На лице и одежде у него почти не было крови — опыт научил его не оставлять следов. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом правая рука убийцы рванулась вперед, и в ней блеснул металл.

Нож метил Крею в лицо, но старик угадал движение и отклонился назад, выпустив рубаху Резателя.

Убийца направился к нему, занеся нож. Лицо его было холодно-бесстрастным, словно он резал кусок мяса. Но тут где-то наверху закричала женщина. Убийца взглянул вверх, и тогда Крей схватил его за руку с ножом и крикнул:

— Зовите по...

В лицо ему врезался кулак, в кровь разбив нос и губы. Он качнулся назад и рухнул с пожарной лестницы в пустоту.

Серия третья:

КРАСНЫЙ КОРОБОК

Его халат зацепился за ржавые перила. Три ужасных мгновения он балансировал на высоте пяти этажей, потом подтянулся и смог поймать рукой лестницу.

Резатель уже спустился вниз. Женщина — миссис Саргенца, благослови ее Господь, — продолжала кричать, и к ней присоединился еще кто-то из другого окна. Убийца прыгнул на землю и пустился бежать со всех ног.

Крей на негнущихся ногах спустился вниз и без сил опустился на колени. Он чувствовал тошноту, но желудок милосердно сдержался. На губах ощущался привкус крови, передние зубы шатались. Он встал и осмотрелся — Резателя нигде не было видно.

— Вызовите полицию, — сказал он хрипло, но миссис Саргенца уже захлопнула окно. Он постоял еще немного и поднялся в комнату, где произошло убийство.

Он взял Джулию за руку, пытаясь нащупать пульс. Никаких признаков. В глубине раны виднелась белая кость позвоночника. Сколько раз убийца наносил удар, и что придавало ему такую маниакальную силу?

— Вставай, Джулия, — промямлил Крей, дергая ее за руку. — Прощу тебя, вставай.

— О Боже! — в дверях показалось бледное лицо соседа справа, мистера Майерса. Издав булькающий звук, он поспешно отпрянул, но из-за его спины уже выглядывали другие жильцы.

— Ей нужен врач, — сказал Крей, хотя он уже знал, что она мертва, и врач может только накрыть ее окровавленной простыней. Он все еще держал ее руку, в которой было что-то зажато. Осторожно разжав пальцы Джулии, он увидел красный спичечный коробок.

На нем было отпечатано «Гриндерсвитч-бар» — и адрес. В трех кварталах отсюда, на самом краю Голливуда.

Он открыл коробок. Двух спичек не было. Одной из них Резатель зажег сигарету у него на глазах. Значит, он бывал в «Гриндерсвитч». Крей не раз проходил мимо этого заведения, но внутри не заглядывал.

— Копы уже едут, — объявил мистер Гомес, входя в комнату. Его жена с лицом, вымазанным синим кремом, осталась стоять у дверей. — Что здесь случилось, Флинт?

Крей раскрыл рот, но не смог ничего сказать. Внезапно пропитанная кровью и страхом комната сделалась тесной для него. Он почувствовал, что задыхается, и поспешил к себе. Там он встал у окна, глядя на пляшущий неон реклам. В руке его все еще был сжат красный коробок.

Приедет полиция и начнет задавать вопросы. «Скорая» с выключенной сиреной отвезет тело Джулии в морг. Завтра ее фото с подписью: «Девятая жертва Резателя» — появится в «Таймс». «Вот и сбылись мечты о славе», — подумал он и едва не заплакал.

«Я видел его. Видел Резателя. Держал ублюдка за руку». И в руке его остался коробок. Может быть, бармен в «Гриндерсвитч» знает Резателя. Может быть, он и есть Резатель. Коробок — важная улика, но если его отдать полиции, он наверняка затеряется в горах улик и письменных показаний. Полиции нет дела до Джулии Софли, как и до других уличных жертв Резателя.

Джулия, умирая, подарила ему эту улику. Быть может, она боролась за нее, думала о ней свою последнюю мысль. Что ему теперь с ней делать?

Он уже знал. Это было инстинктивным, как когда-то ежедневные занятия гимнастикой и боксом. То, что усвоено как следует, никогда не исчезает бесследно.

Он открыл шкаф.

Оттуда пахло пылью и нафталином. И там висел он, среди дешевых рубашек и штанов бедняка.

Когда-то он был изумрудно-зеленым, но время выцветило его до тускло-оливкового. Капюшон покрывали белесые пятна, происхождение которых Крей успел забыть. Он всегда был аккуратным; все дыры зашиты, и заметен только большой, небрежно сшитый разрез на левом бедре. Маска с похожими на крылья складками по бокам и прорезами для глаз сохранилась просто отлично. Пара зеленых ботинок отыскалась внизу, а зеленые перчатки лежали на полке.

Костюм Зеленого Сокола состарился, как и его владелец. Студия оставила его Крею, когда он вышел из клиники в 54-ом. К тому времени сериал все равно уже умер, а кому нужен зеленый костюм с крылатым капюшоном? В реальном мире Зеленому Соколу места не было.

Он потрогал материю. Она была легче, чем казалось и таинственно шуршала. Зеленый Сокол побеждал легион убийц и грабителей. Каждую субботу в черно-белых храмах по всей Америке. Почему бы ему не победить и Резателя?

Потому что Зеленый Сокол мертв, сказал себе Крей. Забудь о нем. Сиди дома и оставь все полиции.

Но он не остался дома. Глубоко в душе он знал, что Зеленый Сокол не умер. Он только спит и жаждет пробуждения.

Он сходит с ума. Он ясно понимал это, как если бы ему плеснули в лицо ледяной водой. Но он полез в шкаф и достал оттуда костюм.

Полицейская сирена звучала все ближе. Крей Флинт начал натягивать костюм прямо на пижаму. За годы он похудел, и костюм висел на нем. Хотя грудь еще заполняла зеленую ткань, руки и ноги потеряли юношескую мускулистость. Он застегнул молнию, сунул ноги в ботинки и надел капюшон. Сухие крылышки моли отсвечивали золотом на зелени. Он взял с полки перчатки, но обнаружил, что моль отпраздновала над ними победу, и решил оставить их в шкафу. Его сердце стучало все сильнее. Сирена завывала где-то совсем рядом. Крей потрогал плащ, который еще слегка светился, совсем как в былые дни.

«Я не сделаю этого, — сказал он себе. — Я опять схожу с ума и забываю, что я всего-навсего парень из Индианы, который был актером».

Он набросил плащ и затянул завязки капюшона. Теперь он видел мир сквозь осторожные щелки, воздух проникал в его ноздри через маленькие отверстия, пахнувшие нафталином и... да, чем-то еще. Чем-то неопределенным, может быть, молодым потом, жаром молодого мужского тела, кровью из губ, разбитых в драке. У него по коже пробежали мурашки. «Ходи гордо и думай гордо», — вспомнил он слова директора. Сколько раз в этом костюме он выходил на бой со всякой нечистью? Сколько раз заглядывал в лицо смерти сквозь эти прорези для глаз?

«Я — Крейтон Флинт», — подумал он и взглянул на плакат. «В главной роли — Крейтон Флинт, Зеленый Сокол».

Первый и единственный.

Вой сирен оборвался.

Пора идти, иначе будет поздно.

Зеленый Сокол поднес коробок к глазам. До «Гриндерсвитча» недалеко. Если Резатель был там вечером, кто-то должен был его видеть.

Он знал, что если он выйдет в дверь в этом зеленом наряде, возврата назад не будет. Скорее всего, его упекут в психушку. Но кто, кроме Зеленого Сокола, способен выследить убийцу?

Никто.

Он глубоко вдохнул в себя воздух и вышел в коридор.

Жильцы, столпившиеся у дверей комнаты Джулии Софли, отпрянули, как будто увидели марсианина. Он, не колеблясь, прошел мимо них к лифту. Светящиеся цифры ползли вверх; полицейские ехали на место преступления. Вряд ли стоит показываться им в таком виде.

— Эй! — окликнул его мистер Гомес. — Эй, кто вы?

— Он спятил! — взвизгнула миссис Престо, и ее супруг — исключительный случай! — согласился с ней.

Но Крей уже спешил к двери с надписью «выход».

Капюшон царапал ему шею, маска мешала дышать; он не замечал раньше, что костюм такой неудобный. Но он спустился по

лестнице, сжимая в руке коробок и чувствуя в ноздрях запах крови Джулии.

Запахавшись, он пересек маленький холл, толкнул вращающуюся дверь и вышел на Голливудский бульвар, где было шумно и светло, как в добром старом цирке. Но он хорошо знал, что на обочине этого света лежит тень, в которой прячется опасность. Он пошел на запад, к Вайн-стрит. Мимо проехали двое мальчишек на скейтах, и один из них так сильно дернул его за капюшон, что едва не задушил. Машины гудели, а дежурившие на углах проститутки прыскали в кулак. Какой-то панк с ярко-красными волосами уставился на Крея:

— Эй, парень, ты настоящий?

Зеленый Сокол продолжал идти вперед. Даже пустые глаза группы кришнаитов, проходивших мимо под уханье барабанов, расширились при виде его. Он шел и шел, обходя пьяных, подколотых и хулиганов в кожаных куртках.

Вот и «Гриндерсвитч», нечто среднее между стриптиз-баром и клубом наркоманов. Его неоновая вывеска отливала багровым, а перед входом выстроились шесть больших «Харлеев-Дэвидсонов». Крей остановился, чувствуя, как страх сдавливает ему желудок. «Гриндерсвитч» — опасное место, он знал это. Иди домой, болван. Забудь про это. Просто иди домой и...

И что? Сидеть в кресле, как овощ, разглядывать старые вырезки и радоваться выгодной работе у Гамбургера?

Нет. Он надел доспехи Зеленого Сокола, и чего ему бояться? Но он не спешил войти. Идти сюда — все равно, что входить в клетку ко льву. В конце концов, кто ему была Джулия Софли? Соседка, может быть, подруга, но теперь она мертва. Иди домой. Повесь костюм обратно в шкаф и забудь обо всем. Он смотрел на дверь и знал, что за ней его ждут монстры. Иди домой, не то будет поздно.

Серия четвертая:

ОДНОГЛАЗЫЕ ЧЕРЕПА

Он сглотнул слюну. Ходи гордо и думай гордо, сказал он себе. Если он не войдет, имя Зеленого Сокола будет покрыто позором. Боль он мог вынести, позор — нет.

Он повернул ручку и вошел в «Гриндерсвитч».

Шестеро мотоциклистов, бородатые молодчики в кожаных куртках с эмблемами группировки «Одноглазые Черепа», подняли головы от пивных кружек. Один из них рассмеялся, другой слегка присвистнул.

Зеленый Сокол не обратил на них внимания. Из динамиков гроыхала музыка, в такт которой на эстраде посреди зала дергалась молодая худосочная девица в набедренной повязке. Другие девицы, тоже полуголые, скользили по залу с подносами, натянуто улыбаясь. Зеленый Сокол подошел к стойке, и толстый бармен оторвался от шейкера и выпучил на него глаза.

— Я ищу одного мужчину, — сказал Крей.

— Не по адресу, Зеленый. Иди лучше в «Сельму», голубые тусуются там.

— Нет, вы не поняли, — он покраснел под маской. Говорить в таком грохоте было почти невозможно. — Я ищу мужчину, который мог быть здесь этим вечером.

— Я бармен, а не служба знакомств. Так что вали отсюда.

Крей поглядел налево. На стойке стояла большая ваза с красными спичечными коробками.

— Этот мужчина — блондин, лет двадцати пяти. Кожа у него бледная, а глаза очень темные. Видели вы кого-нибудь, кто...

— А какого черта ты разгуливаешь в таком виде? — спросил бармен. — Сегодня не День Святого Патрика. Ты что, сбежал из дурдома?

— Нет. Прошу вас, подумайте. Вы не видели мужчину, которого я описал?

— Видел. И не одну сотню. А теперь вали отсюда и не заставляй меня повторять.

— Он взял один из этих коробков, — настаивал Крей. — Может быть, он сидел на этом стуле. Вы уверены, что...

Рука схватила его за плечо и повернула. Перед ним стояли трое рокеров, а еще трое следили за потехой со своих мест. Музыка ревела так, что подпрыгивали стаканы на стойке. На Крея смотрело широкое бородатое лицо со злыми голубыми глазками. На шее у рокера висело ожерелье из ржавых бритвенных лезвий.

— Ох ты, Псина. А это чучело живое!

Рокер, которого называли Псиной, тот самый, что присвистнул при появлении Крея, выступил вперед. Его прищуренные глаза на вытянутом бультерьерском лице уставились на Крея, как ружейные стволы.

— Эй, мужик, у тебя что, крыша съехала?

— Со мной все в порядке, — Крея затрясло, когда он почуял запах пива и потных подмышек.

— Нет, не все, — сказал Псина. — Иначе ты не врывался бы в уважаемое заведение разукрашенным, как хэллуинская тыква.

— Он уходит, — вмешался бармен. — Простите его, ладно? — увидев грозный взгляд рокера, он поспешно отступил назад, виновато улыбаясь.

— Нет, неладно, — Псина одной рукой сгрел Крея за капюшон. — Что тебе здесь нужно?

— Я... ищу кое-кого. Молодого парня, блондина, лет двадцати—двадцати пяти. С белой кожей и очень темными глазами. Он носит синие джинсы и рубашку с коротким рукавом. Мог быть здесь этим вечером.

— И зачем он тебе? Он спер твой космический корабль? — рокеры рассмеялись, но лицо Псины осталось серьезным. — Эй, это шутка! Почему ты не смеешься? — он тряхнул Крея за шиворот.

— Прошу вас, не делайте этого больше.

— Чего? Вот этого? — Псина опять тряхнул его, на этот раз сильнее.

— Да. Не надо этого делать.

— А-а. Ну ладно, — Псина ухмыльнулся. — А как насчет этого? — и он выплеснул полную кружку пива Крею в лицо. Жидкость на миг ослепила его, потом вытекла из маски и полилась вниз по шее. Рокеры зашлись от смеха, и один из них поощрительно хлопнул Псину по спине.

— Я лучше пойду, — Крей начал вставать, но Псина с униженной легкостью придавил его к стулу.

— Ты что думаешь, мужик? — рокер явно входил во вкус. — Что ты охренительный супергерой или что?

— Ни... — он прервался. Поглядел на ощерившую зубы стаю вокруг него и, расправив плечи, выпалил: — Я — Зеленый Сокол.

На мгновение показалось, что наступила тишина, несмотря на грохочущую музыку. Потом раздался новый взрыв смеха. Но Псина не смеялся. Подождав, пока его дружки замолчат, он сказал:

— Ладно, мистер Зеленый Сокол. Тогда снимите вашу маску и покажитесь почтеннейшей публике. Вы слышите меня? Ну, давайте. Быстро.

Крей дрожал с головы до ног. Он сжал кулаки. — Извините, я не могу.

Псина зловеще ухмыльнулся:

— Что ж, тогда я сам это сделаю. Подними руки. — Крей покачал головой. Дальше в сценарии вполне могла значиться его смерть.

— Нет. Я не сделаю этого.

— Очень жаль, — сказал Псина тихо и, одним движением оторвав Крея от стула, швырнул его на стол футах в восьми от них. Крей налетел на стол и рухнул на пол, сшибив по пути пару стульев. В голове его вспыхивали звезды, и он едва видел приближающийся ботинок Псины, целящий ему в лицо.

Серия пятая:

ЗВЕЗДА И ЗНАК ВОПРОСА

Тут из репродуктора раздался вопль, какой могли бы издать черти в Аду, подражающие группе «Бести Бойз». Псина с проклятием зажал уши и повернулся, и то же сделали остальные «Черепи».

У сцены рядом с регулятором громкости стояла высокая фигура, спокойно поворачивая ручку взад-вперед. Зеленый Сокол, шатаясь, поднялся на ноги, когда провыл последний аккорд и наступила тишина.

— Оставьте его в покое, — сказал бархатный голос.

Глаза Зеленого Сокола прояснились, и он мог теперь ясно разглядеть того, кто это говорил. Женщина была высокой, выше шести футов, и ее стройную фигуру обтягивал тигрового цвета купальник. Ее рыжие волосы были коротко острижены, а на ногах она носила черные лаковые сапожки. Она улыбнулась, и белые зубы ярко сверкнули на фоне ее эбенового тела.

— Чего тебе, сука? — хрипло поинтересовался Псина.

— Грейси, не суйся в это дело, — предупредил бармен, но она не обратила на него внимания.

— Оставьте его. Он ничего не сделал.

О Боже! — Псина саркастически покачал головой. — Смотрите-ка, говорящая обезьяна! Ты почему не танцуешь? Иди на сцену и потряси своей черной задницей!

— Иди в другую песочницу, — сказала Грейси. — Время игр кончилось.

— Чертовски верно, — Псина угрожающе шагнул к ней. — А ну давай на сцену!

Она не двинулась с места.

Псина подошел к ней вплотную. Тогда Зеленый Сокол, пробормотав «извините», взял со стола какого-то пьяного полупустую пивную банку.

— Мистер Псина! — окликнул он.

Рокер повернулся к нему, и Зеленый Сокол бросил банку так же точно, как когда-то в Индиане забивал мячи. Псина поднял руку, но

опоздал. Банка ударилась ему прямо между глаз, от чего раздался характерный гулкий звук. Он сделал шаг вперед, глаза его закатились, показав налитые кровью белки, и он тяжело рухнул, как подрубленная секвойя.

— Сука! — рывкнул Бородатый скорее от удивления, чем от гнева. Потом, нахмутив брови, он двинулся на Зеленого Сокола вместе с остальными.

Зеленый Сокол не побежал. Стариковские ноги все равно не могли унести его далеко. Он остался на месте и, когда нападающие подошли ближе, спросил ясным и спокойным голосом:

— Твоя мать знает, где ты сейчас, парень?

Бородатый замер, словно натолкнувшись на невидимую стену.

— Что?

— Твоя мать, — повторил Зеленый Сокол. — Знает она, чем ты занимаешься?

— Что ты несешь, мужик?

— Она родила тебя и вырастила. Знает ли она, до чего ты дошел? — сердце Зеленого Сокола стучало, как колокол, но Бородатый молчал. — Как ты думаешь, обрадовалась бы она, если бы увидела тебя сейчас?

— А ей плевать, — объявил кто-то из «Черепов». — Она в психушке в Окснарде.

— Заткнись! — рывкнул Бородатый, повернувшись к своему приятелю. — Она нормальная! Просто... просто немного больна. Я заберу ее оттуда, вот увидишь.

— Эй, кончайте, — вмешался третий рокер. — Мы будем снимать с него эти тряпки или нет?

Зеленый Сокол шагнул вперед, еще не зная, что он скажет, но слова из старых ролей уже прогрызали его память, как моль. — Всякий сын, любящий свою мать, — истинный американец, и я рад назвать его другом, — он протянул Бородатому руку.

— Да кто ты такой? — воскликнул тот в недоумении.

— Я Зеленый Сокол. Защитник обиженных и борец за справедливость. «Это не я говорю, — понял он. — Это из «Ночь зовет», серия пятая». Но он понял и то, что говорит это чужим голосом — молодым, сильным, с металлическими нотками. Это был голос героя, и он требовал уважения.

Никто не засмеялся.

И рокер с бородой протянул свою руку, и Зеленый Сокол крепко пожал ее, сказав:

— Ходи гордо и думай гордо, сын.

Хотя бы на несколько секунд они были в его власти. Они были зачарованы, как те дети, что пришли на первую встречу с ним после триумфального успеха сериала летом 51-го. Тогда он пожимал им руки и учил слушаться старших, беречь игрушки и вести себя хорошо. Дети хотели верить в него, и теперь та же жажда веры, пусть

глубоко запрятанная, мелькнула в глазах рокера. Перед ним стоял мальчишка, запрятанный в грубое взрослое обличье. Зеленый Сокол отпустил его руку, но рокер продолжал стоять перед ним.

— Я ишу человека, который может быть Резателем, — объявил Зеленый Сокол и еще раз описал блондина, выбравшегося по лестнице из окна Джулии. — Вы видели кого-нибудь похожего на него?

Бородатый покачал головой. Остальные молчали. В это время Псина начал подниматься с пола.

— Где он? — простонал рокер. — Я ему башку откручу!

— Эй, здесь весело, как на балу гробовщиков, — сказал один из «Черепов». — И бабы страшные. Пошли лучше поездим.

— Точно, — согласился другой. — Тут ловить нечего.

Подняв ошалело ворочающего глазами Псину, они направились к двери. Но Бородатый оставался на месте.

— Я мог про тебя слышать где-нибудь? — спросил он.

— Да. Наверное, мог.

Рокер кивнул. Он понизил голос, чтобы не слышали остальные:

— У меня в детстве были все комиксы про Бэтмена. Я их все время читал и мечтал стать таким, как он. Правда, глупо?

— Не так уж глупо, — сказал Зеленый Сокол.

Бородатый улыбнулся:

— Ладно, желаю удачи. Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь. Бывай, — и он поспешил вслед за своими приятелями.

За дверью проревели отъезжающие мотоциклы. Зеленый Сокол оглянулся на бармена, все еще надеясь получить от него какую-нибудь информацию, но тот молчал.

— Хочешь пива, Зеленый? — спросил кто-то. Зеленый Сокол повернулся и увидел черную танцовщицу.

— Нет, спасибо. Я должен идти. — Куда, он не знал, но в «Гриндерсвитче» явно делать было нечего.

Он уже сделал шаг к двери, когда Грейси сказала: — Я видела его. Этого парня, про которого ты говорил, — Зеленый Сокол застыл на месте. — Он был здесь часа два или три назад.

— Ты знаешь его?

— Нет. Но я знаю, где он живет.

Его сердце подпрыгнуло:

— Где?

— Ну... может, он живет там, а может, и нет, — она подошла ближе. Ей было лет двадцать восемь, но из-за грима точный возраст определить было трудно. — Мотель «Пальметто» на Стрипе. Я там... ну, в общем, работала. — Она оглянулась на бармена, словно предупреждая, чтобы он не сболтнул лишнего. Потом снова посмотрела на Зеленого Сокола, — Я видела его там. А здесь он появляется раза два-три в неделю. Один раз пробовал меня снять, но я не пошла.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Дивная Грейс не ходит с каждым. Она сама выбирает друзей.

— Но вы точно видели его в «Пальметто»?

— Да. Его или чертовски похожего на него. На Стрипе полно психов, и все они чем-то похожи, — она облизала губы, и в глазах ее блеснуло возбуждение. — Так ты думаешь, это Резатель?

— Да. Спасибо, что вы это рассказали, мисс, — он пошел к двери, но ее бархатный голос вновь остановил его:

— Эй, постой. До «Пальметто» кварталов десять. У тебя есть машина?

— Нет.

— У меня тоже, но здесь недалеко стоянка такси. Я как раз собиралась уходить. Правда, Тони?

— Ты же звезда, — махнул рукой бармен.

— Хочешь, я тебя провожу, Зеленый? Хотя... — глаза ее сузились. — Ты сам-то нормальный? — она сама рассмеялась над своим вопросом. — Что это я? Конечно же, нормальный! Так как, показать тебе это место за бесплатно?

— Почему вы хотите помочь мне? — спросил он.

— Ну, у меня же есть сознательность! Если я трясу тут задницей пять дней в неделю, это еще не значит, что я не человек!

Подумав, Зеленый Сокол кивнул. Дивная Грейс выглядела достаточно храброй и смысленной. Он сейчас не может пренебрегать ничьей помощью.

— Хорошо. Я подожду, пока вы оденетесь.

Она прыснула.

— Я одета, дурачок! Пошли скорее.

Они вышли из бара и пошли по бульвару на восток. Грейси шла быстро, и он едва поспевал за ее гибкой фигурой в своем неуклюжем одеянии. Впереди уже виднелась стоянка, на которой гудело мотором такси. Водитель в кожаной куртке курил, облокотившись на капот. Голова его была выбрита, кроме пучка волос, образующего знак вопроса.

— Тебе повезло, парень, — сказала Грейси, втискивая в салон свои невероятной длины ноги. — Поехали.

— Эй, я жду...

— Считай, что твое ожидание кончилось, — прервала его Грейси. — Скорее, у нас мало времени.

Парень пожал плечами и сел за руль. Как только Зеленый Сокол присоединился к ним, машина рванулась с места.

— Нам нужно в мотель «Пальметто», — сказала Грейси. — Знаешь, где это?

— Конечно.

— Тогда давай. И включи счетчик, не Рокфеллеров везешь.

— Конечно, — парень включил счетчик и без предупреждения надавил на газ. Такси со скрежетом развернулось на встречной полосе, чудом избежав столкновения с БМВ. Оставляя позади воз-

мущенные гудки, парень срезал угол по газону возле маленького кафе. Из его дверей, крича что-то и жестикулируя, выбежал толстый испанец. Сзади Зеленый Сокол увидел полицейскую «мигалку».

— Да, кофеин делает людей нервными, — философски заметила Грейси. — Кстати, парень, у тебя на хвосте синяя муха.

Водитель рассмеялся. Зеленому Соколу все это не нравилось — он уже успел разглядеть на личной карточке таксиста испанское лицо.

— Мужик попросил меня постеречь тачку, пока он выпьет кофе, — объяснил парень, пожав плечами. — За бакс, — он оглянулся: полицейский мотоцикл приближался. — И что мне было делать?

Зеленый Сокол соображал быстро. Если полиция задержит его, могут возникнуть вопросы — почему он покинул место преступления в таком странном виде. Они могут подумать, что у него не все в порядке с головой, и принять меры.

И тогда никто не сможет поймать Резателя.

— Отрывайся от них, — сказал он.

— Бу сделано, сэр, — парень ослабился, хотя глаза его были расширены от страха.

Он надавил на акселератор, и машина понеслась со скоростью, вдавившей Зеленого Сокола с Грейси в спинки сидений. Проехав по тротуару под вопли разбегающихся пешеходов, такси зацепило крылом витрину мелочной лавки. Посыпались осколки.

Испуганно взвизгнув, Грейси вцепилась в руку Зеленого Сокола так, что он подпрыгнул от боли.

Серия шестая:

ИГОЛКА В СТОГЕ СЕНА

Парень вывернул руль влево, и крыло машины высекло искры из кирпичной стены. Он поспешно повернул вправо, сшибив два счетчика на стоянке, и такси весело вырвалось на простор Эль-Сентро-авеню.

— Выпусти меня, — крикнула Грейси, хватаясь за ручку дверцы, но стрелка спидометра уже перевалила за сорок. Она решила не вступать в слишком близкое соприкосновение с асфальтом, тем более, что Зеленый Сокол схватил ее за руку и потянул назад.

Коп на мотоцикле продолжал ехать за ними; вдобавок где-то сзади завывала сирена. Парень проскочил перед носом бензовоза, свернул в переулок и вынырнул на Эль-Сентро с другой стороны. Но мотоцикл по-прежнему висел у них на хвосте.

— Как тебя зовут? — спросил Зеленый Сокол.

— Вопрос. Из-за...

— Я вижу, из-за чего. Это очень важно, Вопрос, — Зеленый Сокол подался вперед. — Я не хочу, чтобы полиция нас остановила. Я... — в голове у него снова всплыли слова из роли. — Я выполняю миссию. У меня нет времени объясняться с полицией. Понимаешь?

Вопрос кивнул:

— Вообще-то не очень, но рад задать копам жару, — стрелка спидометра уже перевалила за шестьдесят, и машина виляла вдоль полосы движения, как пьяная. — Держитесь.

Грейси взвизгнула.

Вопрос внезапно вильнул вправо, едва не зацепив машины у светофора на углу Эль-Сентро и Фаунтэн-авеню. Снова загудели гудки, но машина уже уносила прочь. Вопрос пронесся по Гордон-стрит, опять свернул влево на Лексингтон и юркнул в переулок за Тако-Белл, въехав по пути в мусорный бак. Только тогда машина остановилась.

— Где тебя учили водить? — слабым голосом спросила Грейси. — На гонках истребителей машин?

Вопрос обернулся к пассажирам и улыбнулся. Он был довольно красивым парнем.

— Почти что так. Я снимался в «Копках из Беверли-Хиллс» как каскадер. Три машины разгрохал.

— Как хотите, а я выхожу, — предупредила Грейси. — И запомните оба: вы меня не видели.

— Подождите, — Зеленый Сокол придержал ее за локоть. Коп на мотоцикле свернул на восток по Лексингтон. Сирены тоже не было слышно.

— Еще не все, — предупредил Вопрос. — Легавые нас будут искать. Лучше переждать здесь. Правда, здорово?

— Ага, как трахаться в репейнике, — Грейси открыла дверцу. — Я выхожу.

— Прошу вас, не уходите, — сказал Зеленый Сокол. — Вы мне нужны.

— Тебе нужно в психушку! Господи, да я сама чокнутая, раз с вами связалась! Ты думаешь, что сможешь поймать Резателя? — она фыркнула. — Зеленый Сокол, подумать только!

— Вы мне нужны, — повторил он твердо. — Если у вас знакомые в «Пальметто», вы можете найти кого-нибудь, кто его видел.

— Резатель? — спросил Вопрос. — А он-то тут при чем?

— Я видел его сегодня. Он убил мою подругу, и Грейси знает, где его можно найти.

— Я ничего такого не говорила. Я только сказала, что видела здесь парня, похожего на того, что заходил в «Гриндерсвитч». Это большая разница.

— Останьтесь, пожалуйста. Помогите мне. Это единственный след, который у меня есть.

Грейси отвернулась. Одна ее нога уже была на асфальте.

— В этом городе всем на всех наплевать. Почему я должна из-за тебя рисковать своей задницей? Нас могут забрать в полицию... а то и похуже.

— Я не дам вас в обиду.

Она рассмеялась:

— Да, конечно! Мужик в лягушачьем костюме не даст меня в обиду! Я просто счастлива. Все, ухожу, — но прошла секунда, другая, а она все еще сидела в машине — одной ногой. — Я ведь живу на Олимпик-бульваре. Черт, так далеко заехала!

— Зеленый Сокол — это вы? — спросил Вопрос. Похоже, он оправдывал свое прозвище.

— Да.

— Если у вас есть сведения о Резателе, почему вы не передадите их полиции?

— Потому... — «а в самом деле, почему?» — подумал он. — Потому что он убил уже девять человек, и будет убивать еще. Может быть, даже сегодня. Полиция до сих пор не нашла его. А мы найдем.

— Нет, не найдем! — взорвалась Грейси. — Если я видела похожего парня, это не значит, что он Резатель. Ты ищешь иголку в стоге сена.

— Может быть. Но все равно нужно съездить в «Пальметто».

— Ты просто боишься, что копы упрячут тебя в дурдом, — сказала Грейси и по тому, как Зеленый Сокол сжался на сиденье, поняла, что попала в точку. — Правильно я угадала?

— Да. Я... — он поколебался, но потом решил, что им лучше знать, как оно было. — Я уже был в лечебнице. Давно, еще в начале пятидесятых. Нервный срыв.

— А что вы тогда делали? — осведомился Вопрос.

— Играл в сериалах. Зеленый Сокол — это мой герой, — судя по лицу парня, он вряд ли знал об этом что-нибудь. — Их показывали по субботам, серия за серией. Вы оба вряд ли это помните, — он согнулся на сиденье, обхватив руками колени. — Их смотрела вся страна.

— А как ты дошел до такой жизни? — спросила Грейси. — Если ты был звездой и все такое?

Он только вздохнул:

— Когда я был молодым, то думал, что весь мир — это просто большая Индиана. Я оттуда родом. Когда-то через наш городок проезжали искатели талантов, и кто-то рассказал им про меня. Я был спортсмен, получал все медали. «Идеальный молодой американец», — так они сказали, — на губах его появилась горькая усмешка. — Может быть, так оно и было. Во всяком случае, меня взяли в Голливуд, и я начал сниматься. У меня было мало таланта, но мне нравилось здесь. Я никогда не вернулся в Индиану. Все покатилося так быстро... я работал, старался и получал кучу денег, но Крей Бумершайн умирал. Умирал каждый день. Я хотел вернуть его, но он был всего-навсего парень из Индианы, а я — звезда. Крей Флинт, Зеленый Сокол. Понимаете?

— Не очень, — сказала Грейси. — Ты что, не хотел быть звездой?

Он сцепил пальцы в замок так, что побелели костяшки.

— Они отправили меня в рекламный тур по всей стране. Вот в этом костюме. Везде меня окружали дети, и трогали меня, и просили автограф, и говорили, что хотят быть похожими на меня. У них были такие светлые, невинные лица, — он сделал глубокий вдох и продолжал — пути назад не было. — Это случилось в Уотертауне, штат Южная Дакота, 26 апреля 1951 года. Я вышел на сцену в кинотеатре сразу после последней серии «Ночь зовет Зеленого Сокола». Там было полно детей, и все были счастливы. И тут вспыхнул пожар в кладовке за сценой, — он закрыл глаза. Он чувствовал на лице жар и вдыхал едкий дым. — Огонь распространялся так быстро... некоторые дети даже подумали, что это часть шоу. О Господи... стены были в огне, и они пытались выбраться и падали прямо в огонь... и кричали: «Зеленый Сокол! Зеленый Сокол!» Но Зеленый Сокол не мог их спасти, и четырнадцать детей сгорели. Он не мог спасти их, вы понимаете? — он открыл глаза и посмотрел на Грейси и Вопроса. Глаза в прорезях маски были мокрыми от слез. — Когда я вышел из

лечебницы, мне отдали этот костюм. «За хорошую работу», — сказали они. Но все понимали, что сериалов про Зеленого Сокола больше не будет.

Воцарилось молчание. Потом Грейси сказала:

— Тебя нужно отвезти домой. Где ты живешь?

— Прошу вас, не надо. Я должен найти Резателя.

— Ты не можешь его найти. Брось это все.

— А что такого? — вмешался Вопрос. — Почему бы не съездить в тот мотель? Может, он и прав. Съездим, выясним там все, а потом отвезем его домой. Как насчет этого?

— Вы спятели, — сказала она. — И я спятила. Ладно, попробуем, — она убрала ногу в машину и захлопнула дверцу.

Мотель «Пальметто» оказался обшарпанным строением в самом конце Голливудского бульвара. Вопрос подрулил к замусоренной стоянке и выключил мотор.

— Не нравится мне здесь, — сказал он, поглядев вокруг. Из-за закрытых шторами окон второго этажа на них смотрели любопытные лица. — Вот там, в двери, дырки от пуль. Нужно быть поосторожнее.

— Точно, здесь одни наркоманы, — подтвердила Грейси. — Когда работала здесь, сто раз пожалела, — невдалеке стоял остов грузовика, который явно недавно горел. — Ладно, пошли посмотрим, — они с Зеленым Соколом вылезли из машины, но Вопрос остался за рулем. Грейси кивком позвала его, но он помотал головой. — Идите. Я окажу вам моральную поддержку.

— Спасибо, засанец. Эй, постой! — Зеленый Сокол уже подошел к двери с надписью «Офис» и повернул ручку. Дверь открылась, и он вошел в темное помещение, где пахло марихуаной, грязным тряпьем и чем-то еще.

Падалью, понял он.

Тут из темноты раздалось рычание.

Зеленый Сокол остановился. На него надвигался черно-белый бультерьер с горящими в предвкушении крови глазками.

— Черт, — прошептала Грейси.

Бультерьер молча прыгнул на Зеленого Сокола.

Серия седьмая:

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Зеленый Сокол отпрянул, наткнувшись на Грейси. Зубы собаки щелкнули там, где секунду назад был его жизненно важный орган. Цепь отбросила бультерьера назад. Но он мгновенно снова кинулся вперед. Зеленый Сокол схватил стул, но цепь опять удержала зверюгу на безопасном расстоянии. Пока бультерьер хрипел и рвался на волю, из-за стола в глубине комнаты поднялась высокая фигура, и в лицо Зеленому Соколу уставилось дуло двухстволки.

— Поставь стул, — сказал человек. — Быстро, не то, клянусь Богом, я прострелю тебе башку. — Зеленый Сокол подчинился. — Я не позволю больше себя грабить. Вам пора преподать урок, чертовы панки, — на худом лице мужчины блеснул пот.

— Лестер? — испуганный взгляд хозяина метнулся к Грейси. — Лестер Дент, это я, — она осторожно подошла ближе, чтобы ее можно было разглядеть. — Я, Сабра Джонс. Помнишь меня?

— Сабра? Это правда ты? — мужчина полез в стол и извлек оттуда круглые очки. Когда он их надел, напряжение ушло с его лица. — Что же ты сразу не сказала? Бакси, фу! — псина отошла в угол, продолжая пожирать Зеленого Сокола голодными глазами.

— Это мой друг, Лестер. Зеленый Сокол.

— Очень рад, — Лестер отложил ружье в сторону. — Извините за такой прием. С тех пор, как ты ушла, Сабра, здесь все изменилось. Веришь, теперь я все время сижу здесь с оружием.

— А почему не уйдешь с этого места? — спросила Грейси, поглядев на пулевые отверстия в двери. Над остатками гамбургера в миске Бакси с жужжанием кружились мухи.

— Наверное, люблю опасность, — пожал плечами Лестер. Это был щуплый мужчина в футболке с изображением Капитана Америка. Он одобительно оглядел Грейси с ног до головы. — А ты, я вижу, процветаешь.

— Не жалуюсь. Слушай, Лестер, мы ищем одного типа, — она описала приметы. — Ты его видел?

— Может быть, но тут столько народу. Всех не упомянешь.

— Я знаю, но это очень важно. Попробуй вспомнить, не знаешь ли ты его имени или кого-нибудь, кто с ним общается. Помню, он ходил к Долли Уинслоу.

— Нет, имени я не знаю, но могу сказать. Джон Смит, — он хихикнул. — Они все здесь Джоны Смиты. Как вы дышите внутри этой штуки? — спросил он, поглядев на Зеленого Сокола.

— Мы ищем Резателя, — сказал тот, и улыбка Лестера вмиг исчезла. — Где нам найти Долли Уинслоу?

— Она уехала в Вегас, — сказала Грейси. — Сменила имя и уехала. Никто про нее ничего не знает.

— Так вы ищете Резателя? Вы из полиции?

— Нет. У меня... свой интерес в этом деле.

Лестер задумался, барабанив пальцами по столу.

— Резатель, говорите? Серьезный тип. Не хотел бы я с ним встретиться.

— Кто-нибудь из старожиллов еще здесь? — спросила Грейси. — Например, Витамин или тот чужак, что играл на флейте.

— Чужак, что играл на флейте, только что подписал миллионный контракт с «Капитолием». Мы тут все попадали. Витамин съехал. У Пера теперь бутик на Стрипе. Бобби похоронили два месяца назад, — он покачал головой. — Клуба у нас не получилось.

— Так что, никого не осталось?

— Только я и Наблюдатель.

— Наблюдатель? — Зеленый Сокол подался вперед, сразу насторожив бультерьера. — А кто это?

— Чокнутый старик, живущий в подвале, — объяснил Лестер. — Живет здесь с незапамятных времен. Но от него нам ничего не добиться.

— Почему?

— Он не разговаривает. Не может или не хочет, уж не знаю. Только ходит туда-сюда. Помнишь его, Сабра?

— Конечно. Долли как-то видела его на пляже в Санта-Монике, а Бобби — еще где-то в городе. Он все время ходит.

— Так он может говорить? — спросил Зеленый Сокол.

— Не знаю. Когда с ним говоришь, он всегда молчит.

— Тогда почему его зовут Наблюдателем?

— Сабра, ты знаешь дорогу. Покажи ему.

— Незачем тебе на него смотреть, — сказала она. — Он ненормальный. Как и я, раз во все это ввязалась, — она пошла к выходу. — Пока, Лестер. Подожду в машине.

Зеленый Сокол вышел следом за ней.

— Послушайте, я хотел бы его увидеть. Хуже от этого никому не будет.

— Лучше тоже. Да его и нет. Я же сказала, он все время где-то ходит.

Они подошли к машине, где сидел испуганный Вопрос.

— Пора отсюда сваливать, — сказал он. — Тут все время разъезжают машины. Похоже, скоро будет заварушка.

— Подожди, — Зеленый Сокол заслонил Грейси дорогу. — Если он так давно здесь живет, он может знать того, кого мы ищем. Разве не так?

— Не так. Он ни с кем не разговаривает, понимаешь? Никто не знает, кто он и чем занимается, и его это вполне устраивает, — она оглянулась. В окнах второго этажа по-прежнему мелькали чьи-то лица. Внизу собралось несколько человек, вышедших из черного «мерседеса». — Не нравится мне все это. Поехали скорее.

Зеленый Сокол отошел и впустил ее в машину.

— Я все же поговорю с ним. Где подвал?

Она закатила глаза:

— Ты просто упрямый болван, — она ткнула пальцем в дверь рядом с офисом. — Вон туда. Только на этот раз без меня.

— Мы не можем его тут бросить, — сказал Вопрос. — Надо подо...

— Замолчи, умник. Тут много нехороших ребят, а я не тороплюсь стать мишенью. Даже ради Зеленого Сокола. Так что желаю удачи.

— Благодарю за помощь. Надеюсь, что...

— Надейся, перебила она. — Поехали, Вопрос.

— Извините, — сказал тот Зеленому Соколу и включил двигатель. Машина развернулась и выехала на бульвар.

Зеленый Сокол остался один.

Он подождал, надеясь, что они вернутся. Потом направился к двери, ведущей в подвал.

Прежде чем он успел ее открыть, сзади появилась чья-то фигура.

— Эй, амиго, — сказал человек, и тут же из ствола пистолета полыхнуло пламя.

Серия восьмая

СОКОЛЕНОК

Человек прикурил и спрятал пистолет-зажигалку в карман.

— На какой маскарад ты собрался?

Зеленый Сокол не отвечал. Он еще не отошел от шока.

— Кого ты ищешь?

— Я ... Наблюдателя.

— О! Не знал, что у старого хрена есть друзья.

— Чико, давай быстрее! — позвал кто-то.

— Стой здесь, — скомандовал человек и пошел к черному «мерседесу». Рассудив, что будет разумнее послушаться, Зеленый Сокол перешагнул порог и окунулся в темноту.

Он попытался найти выключатель, но не смог. Потом его рука нащупала над головой лампочку. Он ввернул ее поглубже в патрон, и она засветилась тусклым оранжевым светом. Зеленый Сокол начал спускаться по бетонным ступенькам в пахнущую сыростью бездну.

На полпути он остановился. Справа что-то двигалось.

— Кто здесь? — спросил он и, не получив ответа, решил, что это крысы. У подножия лестницы его опять окружила темнота, и опять поиски выключателя оказались тщетными. Пахло мокрой бумагой. Сделав несколько осторожных шагов, Зеленый Сокол нащупал рукой что-то похожее на стопку газет или журналов. Потом другая его рука нашла стену и выключатель.

Две тусклых лампочки осветили владения Наблюдателя. Казалось, в громадном подвале разместился отдел периодики Лос-Анджелесской публичной библиотеки. Вдоль стен громоздились горы книг, газет и журналов, занимавшие почти все помещение. Ничего подобного Зеленый Сокол еще не видел. На свободных участках стен висели карты Лос-Анджелеса, Голливуда, Санта-Моники и других пригородов, испещренные какими-то значками. Взгляд его наткнулся на шестифутовую стопку телефонных книг. Это место было гигантским хранилищем информации. У одной из стен стояла картотека с ящиками, на которой тоже лежали стопки газет. Только в этой части подвала хранилась периодика лет за тридцать, а ведь помещение

наверняка простиралось дальше. Не в силах сдержать любопытство, Зеленый Сокол выдвинул один из ящиков и увидел внутри сотни карточек, на которых изыскным, почти каллиграфическим почерком были выписаны номера, марки и цвет автомобилей. В другом ящике он нашел перечень предметов, найденных в мусорных баках, с указанием места и времени находки. В третьем — маршруты разных людей и время, проведенное ими в том или ином магазине или ресторане.

Тут Зеленый Сокол понял, чем занимался Наблюдатель: он годами следил за всем окружающим, повинаясь какой-то странной внутренней логике.

Что-то совсем рядом сдвинулось с места. Быстрый шуршащий звук, потом тишина. Зеленый Сокол пробрался между бумажных скал, нависавших над ним, нашел еще один выключатель и включил свет. В глубине подвала обнаружились новые пирамиды газет, картотеки, но кроме них — лежанка и письменный стол.

И еще мужчина в грязном оливковом халате, прислонившийся к стене и глядящий на него выкатившимися из орбит глазами.

— Здравствуйте, — тихо сказал Зеленый Сокол.

Наблюдатель так дрожал, что Зеленый Сокол не стал подходить ближе, опасаясь, что его хватит удар.

— Я хотел бы поговорить с вами.

Рот Наблюдателя, окаймленный седыми усами и бородой, раскрылся, издал тихий вздох и закрылся вновь.

— Я ишу того, кто мог бы помочь мне найти, — и Зеленый Сокол еще раз описал приметы Резателя. — Мне сказали, что этот человек мог жить здесь. Он общался с девушкой по имени Долли Уинслоу. Вы не знаете его?

Наблюдатель по-прежнему молчал, только глядел на него так, будто собирался вывернуться наизнанку.

— Не бойтесь. Я — Зеленый Сокол, я не сделаю вам ничего плохого.

В глазах у Наблюдателя появились слезы страха. Зеленый Сокол заговорил снова, уже понимая тщетность этого. Наблюдатель был просто хомяком в человеческом облике. Дивная Грейси права; ему тут ничего не светит.

Он готов был снять маску и с отвращением отшвырнуть ее. Почему он решил, что может найти Резателя? Потому что нашел коробок в руке мертвой девушки, заглянул убийце в лицо и вспомнил о прошлом? Это же смешно! Он очутился в подвале подозрительного мотеля, над головой у него идет торговля наркотиками, и лучше смыться, пока ему не перерезали горло.

— Простите, что потревожил, — сказал он Наблюдателю и пошел к выходу. За спиной он услышал шум и, оглянувшись, увидел, что Наблюдатель с лихорадочной спешкой роется в большой картонной коробке.

Ему здесь нет места, понял Зеленый Сокол. Ему нигде нет места, зато Крея Флинта ждет метла у Гамбургера.

Он поднимался по ступенькам, сгорбившись от тяжести поражения.

— «Дорогой Дэви, — раздался сзади голос. Извини, что я не смог этим летом приехать в Сентр-сити, но я расследую новую тайну.. »

Зеленый Сокол остановился.

— «...и очень занят. Я просто хочу сообщить, что прочел твое письмо и рад слышать, что меня у вас любят. Посылаю тебе кое-что и надеюсь, что ты будешь носить это с гордостью. Помни, что должен слушаться старших, беречь свои игрушки и вести себя хорошо...»

Он повернулся с бьющимся сердцем.

— «Твой друг Зеленый Сокол». — Наблюдатель вскинулся, протянул ему старое пожелтевшее письмо. — Это ваша подпись? — он опять зарылся в коробку и извлек из нее индейский бисерный кошелек. Там что-то лежало. — Видите, я хранил его. Все эти годы.

— Вижу, — голос Крея дрогнул. В кошельке лежал пластиковый значок с надписью «Зеленые Соколята».

— Я вел себя хорошо, — сказал Дэви-Наблюдатель.

— Я знаю. Я не сомневался в этом.

— Мы переехали из Сентр-Сити, — Дэви встал и оказался дюймов на шесть выше Зеленого Сокола. — Мне было двенадцать, когда умер отец, — он нахмурился. — Что с вами случилось?

— Я постарел.

— Да. Я тоже, — брови его разошлись, потом опять нахмурились. — Но я все еще Соколенок?

— Конечно. Это навсегда.

— Я так и думал, — удовлетворенно сказал Дэви, и на лицо его вернулась улыбка,

— У вас здесь громадная коллекция, — Зеленый Сокол обвел рукой подвал. — Должно быть, на это ушла уйма времени.

— Что поделать? Это моя работа.

— Работа?

— Конечно. У всех своя работа. Моя — наблюдать и записывать.

— И вы действительно все это прочли?

— Да... большую часть. И я почти все помню. У меня ... как будто «кодак» в мозгу.

«Фотографическая память? — подумал Зеленый Сокол. — Тогда он может помнить Резателя».

— Дэви, — сказал он героическим голосом. — Мне нужна ваша помощь. Я ищу Резателя. Вы слышали о нем?

Дэви без промедления кивнул.

— Подумайте, не видели ли вы человека, которого я описал? Он общался с...

— Долли Уинслоу. Да, сэр. Я его помню. Он никогда мне не нравился. Смеялся над людьми, когда думал, что они этого не видят.

Уже хорошо. Зеленый Сокол почувствовал, что от возбуждения его прошиб пот.

— Прошу вас, сосредоточьтесь, как настоящий Соколенок. Слышали ли вы когда-нибудь его имя?

Дэви, наморщив лоб, подошел к картотеке, выдвинул нижний ящик, где лежали десятки конвертов, и достал один из них. На нем был номер 23.

— Комната Долли, — сказал он. — Однажды он вытряхнул в мусорное ведро свой бумажник.

Зеленый Сокол сел за стол и вытряхнул на его поверхность содержимое конверта. Обертка от шоколада, две высохших пластинки жвачки, несколько магазинных чеков...

— Его зовут Род Боуэрс. Там его библиотечная карточка, на которой указан и адрес.

Карточка была разорвана пополам, но Дэви аккуратно склеил ее. «Родни Э. Боуэрс. 1416 Д, Джерико-стрит, Санта-Моника».

— Это было год назад, — сказал Дэви. — Он мог переехать.

Руки Зеленого Сокола дрожали. Он нашел еще один склеенный клочок бумаги. Этикетка из охотничьего магазина. 20 декабря 1986 года Род Боуэрс купил себе рождественский подарок: уэйнсовский охотничий нож.

— Правильно я сделал? — спросил Дэви, заглядывая ему через плечо.

— Конечно, — он сжал руку своего поклонника. — Вы... вы самый лучший Соколенок. А теперь мне пора. Предстоит трудная работа, — он быстро направился к выходу.

— Сэр! — позвал его Дэви. Если я вам еще понадобится, вы найдете меня здесь.

— Обязательно, — и Зеленый Сокол поспешил вверх, зажав в руке адрес и этикетку от ножа.

Он вышел на стоянку, и тут кто-то рядом закричал по-испански. Сверху раздались еще крики. Мужчина по имени Чико повернулся к черному «мерседесу» и выхватил из кармана пистолет. Уже не зажигалку, а настоящий 45-й калибр. С проклятиями он открыл огонь по машине. В ответ двое, выскочившие из другого автомобиля, осыпали его градом пуль. Чико завертелся и упал, выронив оружие.

— Прикончите их! — заорал кто-то со второго этажа. Ударил автомат, и на Зеленого Сокола брызнули осколки бетона.

Крей понял, что оказался в центре перестрелки не поладивших наркodelьцов.

Через стоянку бежали еще какие-то люди, стреляя на бегу по второму этажу. Автоматная очередь срезала одного из них, и он упал, изогнувшись в последнем прыжке. Человек с автоматом в темном костюме вышел из дома и, оглядевшись, увидел прижавшегося к стенке Зеленого Сокола. Лицо его исказилось, и он поднял ствол и прицелился.

Серия девятая:

ОГОНЬ И ВОДА

Черно-белая молния мелькнула по земле, и в человека с автоматом локомотивом врезался бультерьер. Тот завопил и выпустил очередь в небо. Мимо Зеленого Сокола пробежал Лестер, выпалил из двухстволки и тут же залег под защиту автомобиля.

Зеленый Сокол побежал к выходу — и едва не попал под заезжающее на стоянку такси.

— Иди сюда, болван! — крикнула Грейси, пока Вопрос давил на тормоз. Зеленый Сокол услышал, как над головой у него свистнула пуля, и в следующую минуту он уже сидел в машине, уносящейся в сторону Голливуда.

Вопрос гнал, как сумасшедший.

— Сбавь скорость! — сказала Грейси. — Не хватало, чтобы копы опять сели нам на хвост.

Он не реагировал, тогда она шлепнула его прямо по вопросительному знаку на макушке.

— Сбавь скорость!

Он послушался.

— У них пушки, — сказал он с дрожью в голосе.

— А что, по-твоему, должно быть у торговцев наркотиками? Рогатки? — она оглянулась на Зеленого Сокола. — Ты цел? — он только кивнул. — Мы ездили вокруг, ждали, когда ты выйдешь. Потом началась стрельба, и мы уже решили, что ты там остался. Мы почти угадали, правда?

— Правда, — прохрипел он.

— Ну как, нашел Наблюдателя?

— Да, — он глубоко вдохнул, еще чувствуя запах порохового дыма. — И еще кое-что, — он протянул Вопросу библиотечную карточку. — Поехали туда. Это имя и адрес Резателя.

— Нет, хватит! — запротестовала Грейси. — Мы отвезем тебя домой.

— Нет. Мы поедем в Санта-Монику. Можешь выйти, если хочешь. Я хочу, чтобы ты осталась, но я найду Резателя, с тобой или без тебя.

— Без меня, — проворчала она, уже зная, что никуда не уйдет. Этот тип дойдет до цели даже сквозь огонь и воду, и она ему не помешает. Все еще сердито бормоча, она уселась обратно на сиденье, и Вопрос повернул к Санта-Монике.

Адрес привел их почти к самому пляжу, где чувствовался запах моря. Это было здание из темного кирпича в стиле «арт-деко» — похоже, раньше там был отель. Вопрос остановил машину напротив дома и заглушил мотор.

— Оставайтесь здесь, — сказал Зеленый. — Я пойду один, — он уже вылезал, но Грейси схватила его за руку.

— Послушай. Если Резатель и правда там, самое время вызвать копов. Хватит шуток.

— Я не знаю, там ли он. Карточка старая, он вполне мог переехать. Но если он там, я хочу посмотреть ему в лицо. Потом можно вызвать полицию.

— Она права, — сказал Вопрос. — Это глупо. У тебя хоть оружие есть?

— Зеленый Сокол никогда не носит оружия, — сказал он надменно.

— Ага, но даже у Зеленого Сокола всего одна жизнь, — Грейси не желала его отпускать. — Я говорю: время игр кончилось. Это не старый сериал, это жизнь. Знаешь, что такое жизнь?

— Знаю, — он повернулся к ней. — Знаю, что лучше умру Зеленым Соколом, чем останусь жить бесполезным стариком с недержанием мочи. Я хочу хотя бы раз пройти с высоко поднятой головой. Разве это плохо?

— Это глупо, — последовал ответ. — Ты просто спятил.

— Может быть. Я пошел, — он вырвал у нее руку и вышел из машины. Он боялся, но меньше, чем ожидал.

Войдя в подъезд, он изучил надписи на почтовых ящиках. На ящике квартиры Д было написано «Боуэрс».

Квартира Д находилась на втором этаже. Он поднялся по лестнице и постучал. Тут его настигла волна страха; он уже не ощущал в себе сил сделать это. Он не Зеленый Сокол, Зеленого Сокола не было. Но была смерть Джулии, и было все, что случилось с ним этой ночью. Конечно, самое разумное — сойти сейчас вниз и позвонить в полицию. Конечно...

Внизу загудело такси. Вопрос звал его назад.

Он снова постучал. Ответа не было.

Сзади заскрипели ступеньки.

Снова загудело такси, и внезапно Зеленый Сокол понял, что это значит. Он повернулся — ужасно медленно, — и увидел перед собой убийцу Джулии. Это был он: молодой блондин с темными глазами. Он не смотрел вверх и еще не видел Зеленого Сокола. Но через секунду он его увидит.

Зеленый Сокол не двигался. Убийца шел, слегка улыбаясь — может быть, при воспоминании о том, как перерезал Джулии горло.

И тут убийца поглядел вверх, увидел Зеленого Сокола и замер. Они смотрели друг на друга, стоя на расстоянии вытянутой руки. Темные глаза убийцы расширились, и Зеленый Сокол мог поклясться, что видит в них страх.

— Я нашел тебя, — сказал он медленно.

Рука у Резателя метнулась к талии и вернулась со стальной полоской охотничьего ножа — должно быть, он был спрятан в поясе. Он двигался быстро, как зверь, и Зеленый Сокол увидел, как нож поднимается, чтобы ударить его в сердце. — Вот он! — раздался крик Грейс. Она ворвалась в подъезд и побежала вверх.

Резатель посмотрел на нее, и тут настала очередь Зеленого Сокола действовать быстро. Он схватил убийцу за руку с ножом, а другой рукой изо всех сил ударил его в челюсть. Костяшки хрустнули, но Резатель потерял равновесие и покатился вниз.

По пути он успел ухватиться за перила, и нож все еще был у него в руке. Из разбитой губы бежала струйка крови.

— Осторожнее! — крикнул Зеленый Сокол, когда Грейси подскочила к убийце и попыталась отнять у него нож. Он замахнулся, но она отпрыгнула, и лезвие просвистело у ее шеи. У нее хватило смелости напасть на него снова, и Зеленый Сокол хотел уже поспешить ей на помощь, но тут Резатель неожиданно ударил ее кулаком в лицо и выбежал вон.

Зеленый Сокол быстро сбежал по ступенькам. Грейси держалась за стену; у нее был разбит нос.

— Держи ублюдка, — проговорила она, и он послушался.

Убийца уже подбежал к такси. Вопрос попытался сопротивляться, но Резатель полоснул его ножом. Ветровое стекло забрызгало кровью. Убийца оглянулся, увидел бегущего к нему человека в зеленом костюме и, выбросив Вопроса из машины, уселся за руль. Машина развернулась, и в этот момент Зеленый Сокол сумел в прыжке уцепиться за открытое окно пассажирского сиденья. Он едва успел прижаться к крылу, как машина выехала на Джерико-стрит и понеслась по серпантину со скоростью пятьдесят миль в час.

Убийца вилял то влево, то вправо, пытаясь его сбросить, но Зеленый Сокол держался. Тогда он, сжимая одной рукой руль, повернулся и полоснул ножом по его пальцам. Зеленый Сокол почувствовал резкую боль, но успел правой рукой ухватить своего врага за запястье.

Машина вырвалась на встречную полосу перед носом панелевоза, едва не раздавившего ноги Зеленого Сокола. Убийца пытался освободить руку, но Зеленый Сокол прижал ее к раме. Пальцы разжались, и нож упал в щель между сиденьем и дверцей.

Мимо мелькали дома и пляжные сооружения. Такси пробило себе путь в баррикаде с надписью: «Внимание! За эту границу не заезжать!»

Зеленый Сокол попытался протиснуться в окно, но кулак, ударивший его в челюсть, высек искры из его глаз. Убийца отпустил его

и вцепился в руль обеими руками — они неотвратно приближались к морю. До Зеленого Сокола, начинавшего терять сознание, донеслись испуганные голоса детей, словно из прошлого. Из последних сил он дотянулся до Резателя и ухватился за него, когда машина выкатилась на пирс, распугав ранних рыболовов.

Пальцы Резателя надавили на глаза Зеленого Сокола, но не смогли войти в прорези маски. Зеленый Сокол ударил убийцу в лицо быстрым боксерским хуком, но тот, отпустив руль, вцепился жилистыми руками в горло противника.

Машина доехала до конца пирса, сломала деревянные перила и тяжело рухнула с высоты двадцати футов в плещущийся внизу Тихий океан.

Серия десятая:

КОШМАРНАЯ БЕЗДНА

Море окружило машину, которая быстро погружалась.

Резатель закричал. Зеленый Сокол успел еще точным ударом разбить ему нос, когда в кабину хлынула вода. Последний воздух пузырями вырвался из машины. Одна фара еще горела, освещая морские глубины, и панель управления какое-то время фосфоресцировала бледным светом. Потом все погрузилось во тьму.

Зеленый Сокол стал задыхаться. Одна из бьющихся ног Резателя ударила его по голове. Верх и низ смешались; машина в погружении переворачивалась, как потерявший управление самолет, падающий в кошмарную бездну. Зеленый Сокол хотел открыть окно, но нащупал только ветровое стекло, которое у него уже не оставалось сил разбить.

«Стоп!» — подумал он. Охватившая его паника едва не вырвала из его легких остаток кислорода. «Стоп!» Но здесь не было директора, и ему предстояло сыграть сцену до конца. Он извивался, пытаясь найти выход. Капюшон зацепился за что-то — должно быть, рычаг переключения скоростей, — и он сбросил его вместе с маской. Выдыхая последние пузырьки воздуха, он нащупал окно и стал протискиваться в него. За руку ухватились пальцы Резателя.

Зеленый Сокол схватил убийцу за шиворот и выволок его наружу.

По пути он выпустил его. Он отчаянно греб к поверхности ногами, которые когда-то выиграли золотую медаль по плаванию среди юниоров. Наконец, когда его легкие уже готовы были разорваться, показалась граница воды. Весь дрожа, он жадно вдыхал свежий ночной воздух.

С пирса что-то кричали люди. Волна подхватила его и понесла, срывая с ног последние лоскуты зеленой ткани. Вторая волна обдала его брызгами пены и подтащила к берегу, а потом чья-то молодая рука помогла ему выбраться на песок.

Он лежал лицом вверх, и волны облизывали его тело, унося в океан клочья костюма. Кто-то пытался сделать ему искусственное дыхание.

— Я в порядке, — просипел он и услышал чей-то крик:
— Там еще один!
— Он жив? — Крей резко сел. — Живой?
— Вроде живой, — сказал парень.
— Отлично. Не дайте ему уйти. — Крей высморкал из носа морскую воду. — Это Резатель.

Парень уставился на него. Потом крикнул приятелю:

— Эй, удержи-ка его до приезда копов!

Копы приехали очень быстро. Двое полицейских подошли к сидящему у полосы прибоя старику и спросили, как его имя.

— Крей Фли... — он осекся, глядя на уплывающий прочь зеленый лоскут. — Крей Бумершайн.

Потом он рассказал им остальное.

— Этот тип поймал Резателя! — возбужденно крикнул кто-то из детей, и новость пошла гулять по пляжу.

Постепенно вокруг старика в пижамных штанах собралась толпа.

Приехала вторая полицейская машина и еще одна, с черной стриптизеркой и парнем с забинтованным плечом и знаком вопроса на выбритой голове. Они протолкались через толпу, и он услышал крик Грейси:

— Где он? Где Зеленый Со...

Она остановилась, увидев его улыбающегося, в окружении двух полицейских.

— Привет, Грейси, — сказал он. — Все кончилось.

Она подошла к нему и молча вытащила из его волос кусок волососли.

— Нет, есть Бог на небесах! Вид у тебя, как у мокрой собаки.

— Вы его сцапали? — Вопрос, раскрыв рот, посмотрел на Резателя, которого в наручниках усаживали в полицейскую машину.

— Мы его сцапали, — сказал Крей.

На пляж выехал грузовичок службы новостей. Из него выскочили рыжая репортерша с микрофоном и оператор.

— Никаких вопросов! — рывкнул полицейский, но репортерша успела пробраться через толпу.

— Ваше имя? — она сунула микрофон в нос Крею.

— Эй, леди! — микрофон переместился к Вопросу. — Вы что, не видите, что это Зеленый Сокол?

Репортерша открыла рот, но прежде чем она успела задать следующий вопрос, полицейский вытолкнул ее и оператора из толпы.

— Поехали в отделение и разберемся, — сказал сержант, держа Крея под локоть. — Все трое.

Они пошли по пляжу в сопровождении толпы и забегавшей с разных сторон, как собачонка, репортерши. Грейси и Вопрос сели в полицейскую машину, но Крей остановился. Ночной воздух пах сладко, как победа. Ночь звала, и Зеленый Сокол слышал ее зов.

Он не знал, что будет дальше с ними тремя, но в одном был уверен: они все сделали правильно.

Садясь в машину, он увидел, что на нем все еще зеленые ботинки. Хороший знак, подумал он. Значит, им еще есть, куда шагать.

Машина ехала, сопровождаемая службой новостей.

Толпа на пляже продолжала комментировать новость. Зеленый Сокол? Да, я помню, был такой старый сериал. А разве он еще жив? Я слышала, он живет в Беверли-Хиллсе и имеет десять миллионов, но еще иногда играет Зеленого Сокола.

Да-да, подтвердил кто-то. Я тоже это слышал.

А на краю берега море выбросило на песок зеленую маску и капюшон.

Их поднял маленький мальчик. Он вышел с отцом на рыбалку с утра, пока солнце и купальщики не отогнали большую рыбу от берега. Он видел, как такси свалилось в воду, и вид этой маски заставил его сердце забиться сильнее.

Он надел ее. Она была мокрой и тяжелой, но мир в ней казался другим.

Он побежал назад к отцу, топоча по песку босыми коричневыми ногами, и на миг ему показалось, что он умеет летать.

С о д е р ж а н и е

| | |
|-----------------------------------|------------|
| Ваал | 5 |
| Клетка Иллачили | 205 |
| Красный дом | 219 |
| Умороженщик | 235 |
| Город гибели | 243 |
| Что-то происходит | 257 |
| Синий мир | 269 |
| Ночь зовет Зеленого Сокола | 377 |

Литературно-художественное издание

Роберт Маккамон

БААЛ

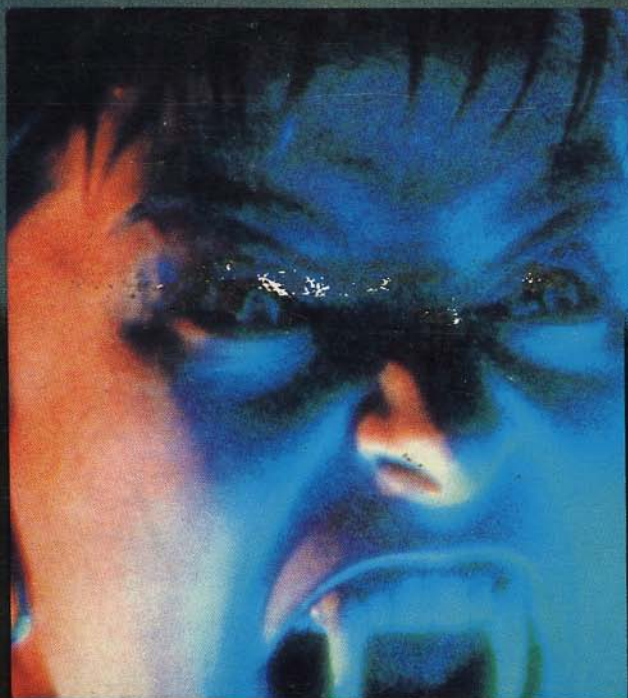
Выпуск 47

Сдано в набор 24.07.96. Подписано в печать 30.08.96 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 26 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20**

РОБЕРТ МАККАММОН



Древний языческий бог,
вселяется в современного человека,
чтобы утолить свою древнюю
жажду мести.